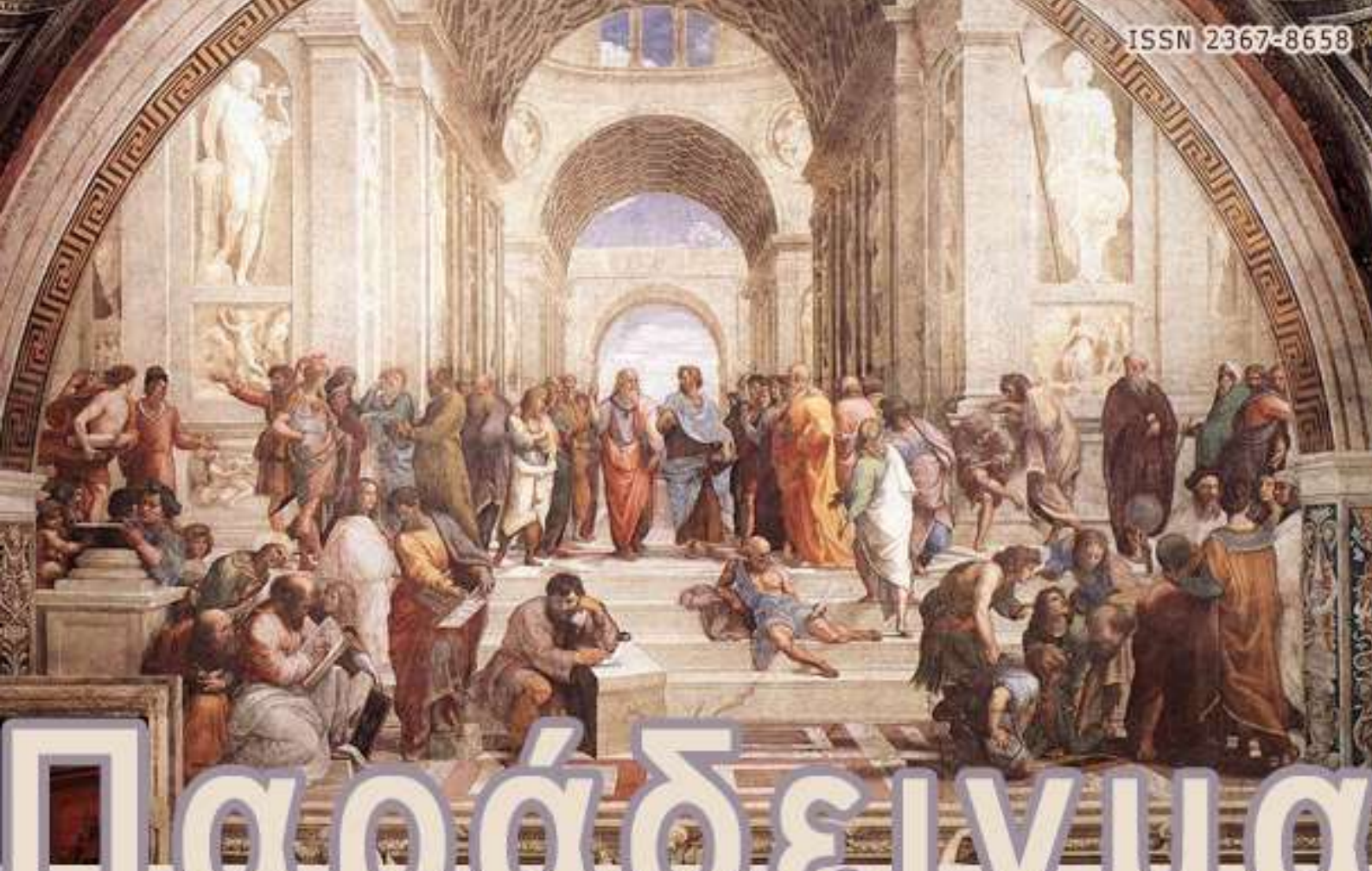
ISSN 2367-8658



Παράδειγμα

Парадигма

Paradigma

№6, 2026
Част 1

Електронно
научно
списание

Парадигма
Електронно
научно списание

БРОЙ 6/2026
Част 1

Издател:
"ЦЕНТЪР ЗА НАУЧНИ ИЗСЛЕДВАНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ "ПАРАДИГМА"" ЕООД
БЪЛГАРИЯ, гр. Варна 9002,
р-н Одесос, ул. Опълченска No 27
E-mail:
niiparadigma@gmail.com

www.paradigma.science

ISSN 2367-8658

Договоры на размещение:

Публикационная политика:

Редакционен съвет

Абакаров Д. К., к.с.н. (г. Брянск, Россия); **Анжиганова Л. В.,** д.ф.н., професор (г. Абакан, Россия); **Антамошкин А. Н.**, д.т.н., професор (г. Красноярск, Россия); **Арпентьева М. Р.,** д. психол. наук, доцент, член-кореспондент РАЕ академик МАЕ (г. Калуга, Россия); **Багоцкий С. В.**, к.б.н., доцент МИОО, ученый секретарь Московского общества испытателей природы (г. Москва, Россия); **Белобрыкина О. А.**, к.психол.н., доцент, академик Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (г. Новосибирск, Россия); **Бобкова Е. Ю.,** к.пед.н., доцент (г. Самара, Россия); **Валитова И. Е.**, к.пс.н., (г. Брест, Республика Беларусь); **Галкина А. И.,** с.н.с., начальник отдела ФГБНУ "ИУО РАО", руководитель Объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование», почетный работник науки и техники РФ (г. Москва, Россия); **Галчева К. Б.**, доцент, доктор по педагогика Пловдивски университет „П.Хилендарски" (г. Пловдив, Република България); **Заславский А. А.,** к. пед. наук, доцент, (г. Москва, Россия); **Заславская О. Ю.,** д.пед.н., професор; **Землянухина Н. С.,** д.э.н., професор (г. Саратов, Россия); **Землянухина С. Г.**, д.э.н., професор (г. Саратов, Россия); **Ищанова Г. Т**., к.э.н., (г. Алматы, Казахстан); **Капрусова М. Н.**, к.ф.н., доцент (г. Борисоглебск, Россия); **Костригин А. А** (г. Нижний Новгород, Россия); **Кошенова М. И.**, к.пс.н., доцент, зав.каф. социальной психологии и виктимологии (г. Новосибирск, Россия); **Кравец О. Я.,** д.т.н., професор (г. Воронеж, Россия); **Магсумов Т. А.**, к.и.н., доцент (г. Набережные Челны, Россия); **Няголова М. Д.**, канд. психол. наук, доцент истории психологии Великотърновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия (г. Велико Търново, Република България); **Останков А. В.,** д.т.н., професор (г. Воронеж, Россия); **Перова М. Б.**, д.э.н., професор (г. Вологда, Россия); **Поляков Ю. А.**, к.т.н., доцент, (г. Москва, Россия); **Садчиков А. П.,** д.б.н., професор Международного биотехнологического центра МГУ имени М.В.Ломоносова, вице-президент Московского общества испытателей природы (г. Москва, Россия); **Саенко Л. В.**, к.ю.н., доцент (г. Саратов, Россия); **Седов В. А.**, к.ф.-м.н., доцент, заведующий кафедрой теоретических основ электротехники (г. Владивосток, Россия); **Седова Н. А.**, к.т.н., доцент (г. Владивосток, Россия); **Семенютина А. В.,** д.с.-х.н., зав. отделом биологии древесных растений ВНИАЛМИ (г. Волгоград, Россия); **Сидоровнин Г. П.,** директор Европейского Столыпинского инфоцентра (г. Майнц, Германия); **Соловьева А. Г.,** к.б.н., професор РАЕ, с.н.с. (г. Нижний Новгород, Россия); **Суркова И. Ю.,** д. социол. н., доцент (г. Саратов, Россия); **Трендафилова А. Т.**, ассистент Факултета общественного здоровья Медицинский университет-София (г. София, република България); **Фурсов А. Л.,** к.э.н., директор научно-исследовательского института «Парадигма» (г. Саратов, Россия); **Хусяинов Т. М** (г. Нижний Новгород, Россия)

Главен редактор
Андрей Фурсов

ИСТОРИЯ

УДК 94:159.9

Толпыгин М. Р.
Братский государственный университет, Братск, Россия

СТРОИТЕЛЬСТВО ТРАНССИБА: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: Статья посвящена анализу строительства Транссибирской магистрали через призму исторической психологии. Автор исследует «человеческое измерение» Великого Сибирского пути, опираясь на методологию междисциплинарных исследований, исторические материалы об участниках строительства и работы современных историков. Исследовательское поле исторической психологии позволяет учесть морально-этические и психологические особенности людей, причастных к разработке и реализации «проекта века». Целью работы является реконструкция психологического облика участников строительства Транссибирской магистрали в контексте исторической психологии, выявление степени воздействия нравственных и профессиональных качеств на успешное завершение строительства.
Ключевые слова: Транссиб, эпоха, мобилизационный проект, историческая психология, «очеловечивание» истории, персоналии, личностные особенности, профессиональная этика, профессиональные качества, коллективный портрет.

Введение.

Транссибирскую магистраль, возведённую на рубеже XIX–XX веков, обычно вспоминают как инженерный триумф. Однако за этим очевидным фактом стоит не менее масштабное социально-психологическое явление. Экстремальный климат, нехватка ресурсов, жёсткие сроки - всё это требовало от участников строительства исключительных волевых и нравственных качеств. Понять, как ценности и профессиональная честь становились реальным двигателем стройки, - значит иначе взглянуть на роль личности в историческом процессе.

Само понятие «историческая психология» вошло в научный обиход в 1948 году благодаря французскому психологу И. Мейерсону [1]. Эта дисциплина изучает психический склад человека конкретной эпохи и стремится избежать модернизации прошлого. Ещё раньше школа «Анналов» (М. Блок, Л. Февр) заявила о том, что у людей разных столетий разные «инструменты мысли» [2; 3].

В.А. Шкуратов предложил считать предметом исторической психологии «исторического человека» — личность, погружённую в культурную ткань своего времени, и показал, как тексты могут служить «следами» психической деятельности [4]. Большую методологическую работу проделала В.А.

Кольцова, обосновавшая онтологический подход к объекту и методам историко-психологического исследования [5].

Именно в такой парадигме инженерная честь предстаёт не как красивая абстракция, а как реально действующий психологический механизм. Экономический рывок Сибири на рубеже веков оказался напрямую связан с цепочкой профессионализма - от высшего эшелона власти до рабочих на трассе.

Объект исследования - строительство Транссиба в 1891–1916 годах.

Предмет исследования - нравственные и профессиональные качества его участников.

Цель исследования - реконструировать психологический облик строителей Транссиба и показать, насколько человеческий фактор повлиял на успех предприятия.

Психологический портрет государственных деятелей Российской империи.

Великую Сибирскую дорогу можно назвать «царской дорогой» за то внимание, которое императорский дом Романовых уделял её сооружению. Цесаревич Николай, будущий император, возглавлял Комитет Сибирской железной дороги и своим участием освятил проект. Когда он в 1891 году заложил первый камень во Владивостоке, этот жест стал визуальным символом сопричастности для тысяч людей [6]. Этот, казалось бы, небольшой по стоимости дар имел колоссальный психологический эффект, закрепляя в сознании людей образ «царя-батюшки», который помнит о них и ценит их вклад в общее дело.

Здесь нельзя не отметить и глубокий религиозно-символический подтекст, который для людей той эпохи был гораздо важнее, чем для нас сегодня. Николай Александрович родился 6 мая по юлианскому календарю - в день памяти праведного Иова Многострадального. Иов – это библейский символ человека, который безропотно и с огромным достоинством прошёл через все испытания, ниспосланные ему свыше [7]. Тот, кто с юных лет носил в душе этот образ, 19 мая 1891 года заложил первый камень в основание пути, который потребует от тысяч и тысяч людей безмерного терпения и страданий. Это совпадение, которое невозможно было не осознавать при дворе, накладывало на всё предприятие оттенок сакрального испытания - великого, многострадального и угодного Богу дела. Для глубоко верующего православного человека того времени, будь то министр, инженер или простой землекоп, такая параллель была бы совершенно очевидной и добавляла бы к мотивации выживания ещё и мотивацию служения.

Сергей Юльевич Витте видел в магистрали инструмент консолидации империи. Едва заняв пост министра путей сообщения в феврале 1892 года, он

начал форсировать проект, а перейдя в кресло министра финансов, обеспечил его ресурсами.

Однако по-настоящему уникальной фигурой среди управленцев стал министр путей сообщения князь Михаил Иванович Хилков. Потомок Рюрика, начинавший карьеру простым машинистом в Америке, он сочетал дворянское достоинство с сугубо прагматичным подходом. Его «психотип министра-практика» исключал формализм: «Я сам был рабочим, машинистом… и знаю, что такое труд и ответственность за каждое звено», - вспоминали его слова очевидцы. Стиль управления «из вагона», личное мужество (чего стоит руководство ледовой переправой через Байкал в 1904 году) разрушали привычный барьер между начальством и рабочими. Князь так подводил итоги: «Работы велись днём и ночью безостановочно… Я сознавал, какая огромная ответственность лежит на мне: не забудьте, по Высочайшей воле я имел возможность работать, будучи совершенно свободен от канцелярщины… Только при таких условиях возможно было закончить постройку значительно раньше срока» [8].

Нравственные и профессионально-важные качества инженерного состава.

В России конца XIX века инженерная школа была одной из сильнейших в мире. Инженер-путеец воспринимался не как наёмный работник, а как просвещённый первопроходец, для которого служба в тайге или на байкальских скалах была делом чести. По материалам А.В. Хобты и Т.Н. Гордиенко, инженерный корпус представлял собой почти закрытую касту с жёстким кодексом. Перерасход или халтура при закупке материалов означали не просто штраф, а изгнание из профессии и потерю репутации. Выпускники Петербургского института путей сообщения воспитывались в духе «служения государственному делу», и сама мысль нажиться за казённый счёт считалась позором для мундира. Рядовой инженер дистанции был «полевым командиром». Он годами жил в палатках и теплушках, ежедневно по 15–18 часов проводил на линии, совмещая обязанности топографа, геолога, судьи и лекаря. Именно этот авторитарный профессионализм и задавал невиданные в мировой практике темпы [9].

Одним из самых ярких воплощений такой этики стал Николай Георгиевич Гарин-Михайловский

Писатель и инженер, он умел месяцами работать в тайге при минус сорока градусов, сохраняя и ясность ума, и точность расчётов [10]. Именно Гарин-Михайловский, в одиночку исходив сотни вёрст, нашёл более узкое и твёрдое место для мостового перехода через Обь около села Кривощёково (будущий Новосибирск) и предложил спрямить трассу. В итоге дорога сократилась на 140 вёрст, казна сберегла 800 тыс. руб. на одном мосте и до 4 млн руб. в целом [11].

Борьба Н.Г. Гарина-Михайловского за удешевление проекта имела и публицистическую грань. С.К. Канн детально восстановил, как он выступал против «техников старой школы», обвиняя их в сращивании с подрядчиками и в стремлении законсервировать отжившую систему работ. В журнале «Железнодорожное дело» он открыто писал, что потери казны от частных подрядов достигают 35 % [12]. Это был не просто технический спор, а последовательное отстаивание новой этики, в которой государственный интерес ставился выше корпоративной солидарности. Именно такой реформаторский тип инженера и стал нравственным стержнем всего проекта.

На Кругобайкальском участке высший пилотаж профессионализма показал Александр Васильевич Ливеровский Он сочетал техническую интуицию с лидерским даром и успешно руководил интернациональными бригадами - от ссыльных каторжан до итальянских каменотёсов. А.В. Ливеровский умел объединять людей, его уважение к рабочим-тоннельщикам, забота об их быте были настолько очевидны, что во время забастовок 1905 года на его участках люди продолжали трудиться, доверяя лично инженеру.

А.В. Хобта обращает внимание ещё на такие личности. Болеслав Устинович Савримович, начальник западной части КБЖД, жил в тех же условиях, что и его подчинённые, лично обходил опасные скальные выемки и брал весь огонь на себя при критике из Петербурга. Николай Николаевич Абрамовский - высокопоставленный государственный контролер и чиновник Министерства путей сообщения Российской империи**.** Он играл важнейшую надзорную роль на строительстве Великого Сибирского пути, выступая главным финансовым щитом казны от злоупотреблений подрядчиков [9].

Соединив эти примеры, можно вывести негласную формулу инженера путей сообщения это служение, а не служба; корпоративное братство и готовность к риску.

Транссиб рос со скоростью 600–700 км в год - мировой рекорд (канадские линии в похожих условиях тянули почти вдвое медленнее). Честность инженеров напрямую превращалась в бюджетную экономию. Отказ от коррупционных схем и дорогостоящих кабинетных проектов сберегал до 5–10 % сметы каждого участка. Культ качества, внедрённый М.И. Хилковым и воплощённый А.В. Ливеровским, резко снижал будущие расходы: в отличие от американских частных дорог, Транссиб требовал куда меньше средств на текущий ремонт.

Психология человека на стройке: социальный состав и условия труда.

Основную тяжесть ручного труда на скалистом грунте вынесли десятки тысяч рабочих, и психологически эти люди сильно отличались в зависимости от своего статуса.

Каторжане и ссыльнопоселенцы составляли значительную, порой до трети, долю строителей. По данным А.А. Иванова, только на Амурской дороге в 1913 году использовали более трёх тысяч каторжан, а в целом через стройку прошли десятки тысяч арестантов. Их мотивация сводилась к «сокращению срока» и сопровождалась депрессивностью, агрессией, отсутствием личной привязанности к результату. Как писал бывший политкаторжанин А. Соболь, «колесуха» стала «огромной подвижной каторгой по голой пустыне», унесшей сотни жизней [13].

Значительно более пёструю картину дают вольнонаёмные работники. Крестьяне-переселенцы шли на стройку за лучшей долей. Они отличались выносливостью, но страдали от ностальгии и тревоги из-за разрыва с привычной средой. Солдаты представляли собой дисциплинированную группу, где личность растворялась в уставе, что помогало выживать, но гасило инициативу. Подробный разбор социального и возрастного состава строителей даёт коллектив исследователей из Сибирского федерального университета. Они обращают внимание на то, что плечом к плечу на трассе трудились и так называемые семейские - потомки забайкальских старообрядцев, вывезенных в Сибирь ещё в XVIII веке. Эти работники, численность которых в отдельные годы достигала трёх тысяч человек, выделялись отменным здоровьем, исключительным трудолюбием и полным неприятием спиртного. Условия жизни на трассе сегодня назвали бы экстремальными. Бескрайняя тайга создавала чувство полной оторванности от мира, провоцируя приступы апатии или немотивированной ярости. К этому добавлялись дикие звери, гнус, доводивший до исступления, и постоянные эпидемии. «Краткий обзор врачебно-санитарного дела» фиксирует высокую смертность от тифа, цинги, дизентерии и сотни несчастных случаев каждый год [14].

Исследователи из СФУ, изучив корпус отчётов и периодики того времени, особо подчёркивают, что рабочий день на большинстве участков составлял около 14 часов без учёта времени на полдник и обед, а нередко людям приходилось трудиться по ночам, в воскресные и праздничные дни. При этом бытовая неустроенность усугублялась тем, что все строительные материалы - камень, гравий, песок - приходилось завозить издалека из-за слабого развития местной промышленности.

Изнурительный труд с киркой и тачкой приводил к хронической усталости, притуплению чувств и обесцениванию собственной жизни. В то же время артельный труд рождал высокую сплочённость: артель заменяла семью, а справедливость становилась главной ценностью. Гигантский психологический разрыв между инженерной элитой и чернорабочими порождал и фатализм, и глухую неприязнь. На Кругобайкалке бок о бок работали русские, китайцы, корейцы, итальянцы - возникали и межэтнические

трения, и уникальный опыт культурного обмена. Более того, по подсчётам учёных СФУ, в 1898–1900 годах на Амуре ежегодно заключались контракты примерно с восемью тысячами рабочих из Китая, которые участвовали практически во всех видах работ [15; 16].

Положение рабочего можно описать как отчаянная безисходность. Люди понимали величие стройки, но ощущали себя расходным материалом. Однако вопреки всему они выдавали работу такого качества, которому потомки изумляются до сих пор. В романе «Угрюм-река» Вячеслав Яковлевич Шишков рисует такую картину: «День и ночь, в две смены по двенадцати часов, трудились здесь пятьсот лошадей и полторы тысячи рабочих... В трескучий мороз люди жили в брезентовых палатках… Люди мёрзнут, болеют, мрут…». А циничная отповедь купца Прохора Громова - «Раз тунгусы живут в чумах... то почему же рабочий требует себе дворцов?» - точно передаёт взгляд на наёмного человека как на бездушный инструмент [17].

Совсем иной, возвышенный взгляд предлагает Валентин Григорьевич Распутин в очерке «Кругобайкалка». Потрясённый тем, как инженерные сооружения вписались в байкальский ландшафт, он пишет: «…попытаешься в полудрёме представить, что это были за люди, оставившие нам это благолепие, и не можешь представить, кажется, что так было всегда, со времён сотворения мира, что благолепие - это есть не что иное, как боголепие» [18]. Такое признание раскрывает в мотивации строителей не только страх и нужду, но и профессиональную гордость, желание оставить памятник на века. Вероятно, именно эта внутренняя потребность делать на совесть стала для многих формой самоопределения и самоутверждения, способом восстановления попранного человеческого достоинства.

Этот парадокс - сочетание рабского труда и высочайшего качества - становится ключом к пониманию психики строителя. Работа на совесть могла быть не только формой самоутверждения, но и способом добиться поощрения, которое было вполне реальным. Тот факт, что наследник престола лично распорядился наградить рабочих деньгами и угощением, а впоследствии император лично отмечал наиболее отличившихся, подкреплял в рабочем человеке чувство собственной значимости и сопричастности к великому «государеву делу» - чувство, которое было способно вдохновлять на новые трудовые подвиги вопреки всем тяготам.

Анализ условий труда на Транссибе заставляет вписать его в более широкую картину государственной трудовой политики. Р.Е. Романов показал, что именно в период сооружения магистрали складывались и отлаживались практики комплектования, подготовки и интенсификации труда рабочих, которые затем, уже при возведении Урало-Кузнецкого комбината и БАМа, приобрели устойчивый, системный характер. Исследователь приходит к выводу: «эволюция стратегии мобилизационной занятости в России была

связана с политикой имперского и советского государства по модернизации восточных окраин страны», а сама стратегия «воспроизводилась в различных формах российской властью и обществом на протяжении нескольких десятилетий» [19].

Таким образом, принудительный труд - от ссыльнокаторжных до военнопленных не был случайным эпизодом. Сложилась устойчивая модель, которая позже, уже в советское время, воспроизвелась в виде лагерной экономики ГУЛАГа. Этот вывод служит фундаментом для психологического тезиса о преемственности отношения к человеку труда.

Проведённый историко-психологический анализ высвечивает важную тенденцию, что смена политического строя не изменила сущностного взгляда на человека как на «расходный материал». Параллели поражают. Кадровый голод, мучивший Амурский участок Транссиба, большевики «решили» тотальным внеэкономическим принуждением. Условия содержания в БАМлаге даже руководство НКВД характеризовало как «совершенно нечеловеческие»: рабочий день до 16 часов, паёк в 500 г хлеба за работу и 300 г за отказ. Если на Транссибе недовольство ещё могло вылиться в стихийные стачки (май 1910 года, более 6 тыс. участников), то на БАМе протест свёлся к сугубо индивидуальной реакции - побегу, который карался расстрелом. Экономическое принуждение капиталистической эпохи сменилось прямым насилием, но психологическая суть - человек как инструмент для государственных целей, оплаченный минимальной ценой жизни, осталась прежней. Таким образом, тезис «в России по отношению к простым людям ничего не меняется» получает конкретное историко-психологическое подтверждение, показывая преемственность имперских и советских практик.

Заключение.

Экономический подъём Сибири на рубеже XIX–XX веков был обеспечен сочетанием разумной государственной линии и высокого профессионального уровня исполнителей. Анализ кадровых решений и повседневной инженерной практики тех лет показывает: такие качества путейцев, как честность перед казной и верность точным расчётам, являлись не просто моральной нормой, а реальным хозяйственным рычагом. Личная организованность и привычка работать в поле, а не в кабинетах, задавали темп стройки и ускоряли оборот вложенных средств. Ориентация на качество, которую инженеры закладывали в ежедневные решения на местах, обеспечила долговечность линий и серьёзно сократила будущие расходы на их содержание.

Успех Транссиба стал следствием соединения государственной воли, распорядительности министерства и технической этики проектировщиков и строителей. Сложилась ситуация, при которой нравственные и деловые качества людей перевесили материальные ресурсы. Из этого опыта следует,

что масштабные инфраструктурные проекты держатся в первую очередь на добросовестности и чувстве личной ответственности за результат. Такой подход не утратил значения и сейчас - при развитии Восточного полигона. Главные черты той стройки, такие как тщательность изысканий, предпочтение долговечности немедленной выгоде и персональная ответственность руководителя, по-прежнему служат надёжной основой для освоения восточных территорий страны.

Вместе с тем попытка восстановить внутренний мир рядовых строителей обнаруживает глубокое противоречие. С одной стороны, эти люди проявляли упорство и профессиональную гордость. С другой стороны, они находились в условиях, где человеческая жизнь ценилась крайне низко. Об этом красноречиво свидетельствуют и данные о смертности, и масштабы использования каторжного труда, и литературные источники того времени.

Список литературы:

1. Ефремов В.Я., Ипполитова А.Г. Исторический детерминизм: некоторые аспекты многоаспектной научной проблемы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2016. – Т. 18, № 3. – С. 123-129.

2. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок; пер. Е. М. Лысенко ; примеч. и ст. А. Я. Гуревича ; АН СССР. – 2-е изд., доп. – Москва: Наука, 1986. – 254, [2] с.

3. Февр Л. Проблема неверия в XVI веке. Религия Рабле / Пер. с фр. А. Е. Рабинович. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2020. – 480 с.

4. Шкуратов, В.А. Историческая психология: учебное пособие / В. А. Шкуратов. – 2-е изд., доп. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.

5. Кольцова В.А. История психологии. Проблемы методологии / В.А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 512 с. ISBN: 978-5-9270-0130-9 EDN: QCTDMH

6. Смирнов В.А. Историческое значение личности святого Царя-Страстотерпца Николая в реализации проекта строительства Транссибирской магистрали // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. – 2022. – № 2 (13). – С. 71-77. EDN: GXXDPF

7. История Транссиба [Электронный ресурс] // Транссибирская магистраль. Веб-энциклопедия. – URL: https://transsib.ru/history.htm (дата обращения: 29.05.2026).

8. Судовиков М.С. Министр М.И. Хилков в истории Российской провинции рубежа XIX-XX веков: по материалам Вятской губернии // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2023. – № 1 (59). – С. 80-85. DOI: 10.19110/1994-5655-2023-1-80-85 EDN: QUPRCO

9. Гордиенко Т.Н., Хобта А.В. Инженеры Транссиба: (кон. XIX – нач. XX в.в.). Историко-биографические очерки. – Часть 2, 2023. – 300 с.

10. Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. – М.: Гослитиздат, 1957. – 724 с.

11. Черепанов В.Д. Великий Сибирский путь: истоки и ход последней стройки Российской империи // Пространство науки. – 2024. – Т. 1, № 3. – С. 482-497. DOI: 10.33873/3034-4379.2024.1-3.482-497 EDN: SDTRRL

12. Канн С.К. Публицистика Н.Г. Гарина-Михайловского и ее роль в удешевлении проекта Сибирской железной дороги // VIII Макушинские чтения. – Новосибирск, 2009. – С. 135-140.

13. Соболь А. «Колесуха»: Амурская колёсная дорога. – М.: Издательство Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссыльнопоселенцев, 1925. – 32 с.

14. Сооружение Средне-сибирской железной дороги, 1893-1898 г. [Текст] Сборник технических условий, инструкций и пояснительных записок / М.П.С. – Санкт-Петербург: Русская Печатня, 1901. – 786, 164, [1] с.: ил.

15. В СФУ рассказали, как строилась Транссибирская магистраль [Электронный ресурс] // Naked Science. – 2023. – URL: https://naked-science.ru/article/column/v-sfu-rasskazali-kak-stroilas (дата обращения: 29.05.2026).

16. Ахтамов Е.А. Социально-бытовые аспекты строительства железной дороги в Сибири в конце XIX – начале XX вв. / Е.А. Ахтамов, Д.Н. Гергилев, А.А. Груздев, Т.С. Излученко // Былые годы. – 2023. – № 18 (1). – С. 199–207. DOI: 10.13187/bg.2023.1.199 EDN: KLHKPZ

17. Шишков В.Я. Угрюм-река. – М.: Художественная литература, 1987. – 459 с.

18. Распутин, В. Г. Повести и рассказы / В. Г. Распутин; сост. М. Лидина; вступ. ст. Н. Григорьевой; АН СССР. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2005. – 397, [2] с. – (Школа прозы / редкол.: Б. В. Аверин [и др.]). ISBN 5-210-01603-X

19. Романов Р.Е. От Транссиба до БАМа: эволюция стратегии мобилизационной занятости в контексте освоения Сибири (конец XIX - XX в.) // Молодой ученый. – 2019. – № 2 (240). – С. 172–183. EDN: YTVDJR

УДК 94(47)"1914/1918":271.2-725

Федотов В. А.
Саратовская православная духовная семинария, Саратов, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ ПО ОКОРМЛЕНИЮ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Аннотация: в данной работе рассматривается служба военных священнослужителей на протяжении Первой мировой войны. Их роль была весьма многоплановой и масштабной. Они выступали в качестве духовных наставников, поддерживая моральный дух солдат, совершая богослужения и обряды, включая исповедь и причастие. В тяжелых условиях окопной жизни, под обстрелами, проповедь священника давала надежду и утешение, напоминая о высших ценностях и важности самоотверженности ради Отечества, согласно словам: «нет больше той любви, кто положит душу свою за други своя (Ин.15:13)». Подробнее уделено внимание деятельности православного духовенства по окормлению российских военнопленных солдат, находившихся в лагерях Австро-Венгрии и Германии.

В период Первой мировой войны капелланы разделяли судьбу солдат, оказавшихся в плену. Духовенство по собственной воле отправлялись в лагеря военнопленных, где их миссия заключалась в поддержании морального духа. Они проводили религиозные службы, организовывали образовательные занятия и музыкальные коллективы, а также занимались оказанием помощи, стремясь уберечь пленных от голода и уныния.

Международные правовые нормы гарантировали право военнопленных на духовное окормление. В связи с этим, лагерные власти, как правило, позволяли священникам проводить необходимые обряды, хотя их перемещения по территории лагеря и связи с внешним миром находились под строгим контролем. В периоды опасных эпидемий, таких как тиф, капелланы проявляли исключительное мужество, ухаживая за больными, зачастую заражаясь сами и погибая от инфекции.

Следует подчеркнуть, что их служение осуществлялось в чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах. Администрация лагерей государств Четверного союза часто воспринимала духовенство как источник опасности. Власти Германии и Австро-Венгрии чинили препятствия свободным перемещениям священнослужителей, урезали возможности для проведения богослужений и даже подозревали их в распространении «антигосударственной агитации». Однако, несмотря на притеснения и запреты, значительная часть пастырей сохранила преданность своим обязанностям до завершения военных действий.

Ключевые слова: военное духовенство, Российская империя, социальное служение, война, Русская православная церковь, царский режим, Первая мировая война, религиозно-нравственное воспитание, плен, национализм, Великая война, духовное окормление.

Прошло более века с момента завершения Первой мировой войны, которую в Российской империи именовали Великой. Это название отражало мощный патриотический подъем и восприятие конфликта как войны за национальное самоопределение.

Боевые действия развернулись с 1 августа (19 июля по старому стилю) 1914 года и продолжались до ноября 1918 года, охватив значительное мировое пространство. Масштабы противостояния были колоссальными: миллионные армии, беспрецедентные потери – около 10 миллионов погибших, 19 миллионов раненых и 3,5 миллиона человек, ставших инвалидами.

Россия вышла из этой войны 3 марта 1918 года, заключив Брестский мирный договор с Центральными державами. Этот шаг, подписанный советским правительством, вошел в историю как «позорный мир».

В советский период Первая мировая война всячески замалчивалась и представлялась как чуждое и бессмысленное событие. Имена героев были преданы забвению, их подвиги не находили отражения в учебниках истории, не возводились памятники. Особо игнорировалась роль армейского духовенства, которое в рамках советской идеологии считалось «классовым врагом». Лишь после распада СССР началось изучение архивных материалов, стали открываться памятники, посвященные этому событию, и постепенно восстанавливалась память о вкладе православного духовенства.

Священнослужители, служившие в российской армии и на флоте, играли важную духовную роль, укрепляя солдат и офицеров в вере, благословляя их на защиту Отечества. Помимо прямого пастырского служения, они активно занимались и социальной работой. К началу войны каждый полк и корабль имел своего священника, который проводил богослужения, исполнял требы, воспитывал личный состав и благословлял воинов перед боем. Во время сражений священники находились на передовой и в полевых госпиталях, помогая раненым. «Сестры милосердия из числа монахинь и послушниц, студенты духовных школ также рисковали жизнью, служа в госпиталях» [19, с.708]. Помимо всех основных своих обязанностей, священнослужители занимались организацией погребения погибших: совершения чина отпевания, оповещение родных о гибели их родственника и контроль порядка в местах воинских захоронений. «Историк С.Ю. Чимаров отмечет, что во время войны священнослужители создавали общества трезвости, проводили профилактические беседы среди военнослужащих в отношении суицидальных настроений, организовывали благотворительную деятельность в воинских частях» [18, с.32].

Возвращение российских подданных из германско-австрийского плена, а также сам факт пребывания в нем, порождали ряд сложностей для военного руководства Русской армии. С одной стороны, требовалось организовать транспортировку бывших военнопленных обратно в Россию, а с другой –

позаботиться о том, чтобы те, кто остался в неволе, были защищены от деструктивного политического влияния.

Примечательно, что в ходе Первой мировой войны среди рядового и офицерского состава активно циркулировали слухи о благоприятных условиях содержания в германском и австрийском плену. Эти сообщения подпитывали желание некоторых солдат добровольно сдаваться в руки противника. Значимая роль в противодействии подобным настроениям отводилась военным капелланам. Им предписывалось проводить разъяснительные беседы с личным составом, чтобы удержать солдат от перехода на сторону врага.

Указ Святейшего Синода от 8 марта 1916 года зафиксировал получение писем от российских военнопленных, в которых они описывали положительные аспекты жизни в плену. Эта информация вступала в противоречие с другими поступавшими сведениями. Осознавая, что подобные сведения могут спровоцировать солдат на сдачу врагу, на военных священников была возложена задача доносить до своих прихожан правдивую картину событий. Духовенству следовало «в своих проповедях и беседах… объяснять о позоре плена и о долге каждого русского человека в настоящую тяжелую годину защищать свою Родину до последней капли крови, и рассказывать о тех исключительно тяжелых условиях, в каких находятся наши военнопленные в Германии и Австрии, вдали от Родины, среди чужого враждующего народа, изнуряемые непосильными работами и подвергаемые всякого рода унижениям и истязаниям от жестокого врага, не знающего пощады и милости» [3, с.226].

Нередко случалось, что сами священнослужители становились пленниками, хотя и возникала дискуссия относительно того, следует ли относить военных капелланов к категории военнопленных или же причислять их к гражданским лицам, оказавшимся в плену. Так, в рапорте, датированном 15 ноября 1916 года, протоиерей Александр Субботин, служивший в 29-м полевом подвижном госпитале, обращаясь к протопресвитеру военного и морского духовенства, предпринял попытку доказать, что духовное лицо, будучи таковым, не может приравниваться к военнопленному. Он писал: «Духовенство, разделяющее тяготы плена вместе со своими частями, согласно общим правилам, касающимся военнопленных, приравнивается к военным, со всеми вытекающими из этого ограничениями, применяемыми к жертвам войны. Возникает вопрос, имеет ли право Военное ведомство рассматривать пленных священников как военнопленных и, соответственно, применять к ним те же ограничения в содержании, которые по понятным причинам распространяются на военнопленных. Ответ на этот вопрос должен быть однозначно отрицательным. «Ведь священник, по своей сути, по миссии и характеру своей деятельности, принципиально не может считаться военнопленным» [12, л.74]. «Для обоснования своей позиции автор ссылается

на положения Женевской конвенции, в которой говорится, что в случае попадания указанных лиц во власть противника, они не могут быть рассматриваться как военнопленные» [12, л.74об.]. «Основываясь на своих доводах, которые он находил неоспоримыми, отец Александр исходил из предположения, что исключение духовенства из категории военнопленных автоматически снимет вопрос о законности применения к священнослужителям каких-либо ограничений в питании, содержании и обеспечении всеми необходимыми благами» [12, л.75]. Исследование доступных материалов продемонстрировало, что в официальных документах представители военного духовенства зачастую описывались как военнопленные гражданские лица. «В качестве иллюстрации можно привести указ Святейшего Синода от 11 марта 1916 года, в котором говорилось о ведущихся между противоборствующими государствами диалогах относительно обратного обмена гражданских лиц, оказавшихся в плену, куда включались и духовные лица» [13, л.45]. Епархиальные архиереи и главный протопресвитер военных и морских священнослужителей должны были предоставлять информацию о своих подчиненных, оказавшихся в неволе: их личности, известные места пребывания, а также выяснять процедуру выплаты положенного содержания пленным служителям церкви.

Списки священнослужителей, попавших в плен, печатались в разделе официальных объявлений журнала «Вестник военного и морского духовенства». В этих публикациях иногда содержались сведения о месте пребывания и статусе пленных, например, отметки «возвратился из плена» или «переведен в». Определение местонахождения пленного священнослужителя могло занять некоторое время. Так, в 19-м номере «Вестника военного и морского духовенства» от 1 октября 1914 года был опубликован список выбывшего духовенства, где в числе пропавших без вести значился протоиерей Иоанн Федорович Лофицкий. Позднее на имя протопресвитера военного и морского духовенства поступило письмо от супруги протоиерея, в котором сообщалось, что ее муж находится в плену [14, л.8]. Уже в выпуске «Вестника военного и морского духовенства» за январь 1915 года были произведены корректировки в служебных списках. Согласно этим изменениям, протоиерей был учтен как военнопленный, содержащийся в германской крепости Кюстрин [4, с.11].

Сведения о числе духовенства, оказавшегося в плену во время боевых действий, разнятся. Согласно шести реестрам потерянного духовенства, опубликованным в «Вестнике военного и морского духовенства» в период с 1914 года по конец 1916 года, точно установленное число пленных священников достигало 29 человек, не считая тех, кто числился пропавшим без вести. В то же время, в Российском государственном историческом архиве представлен список от 2 марта 1916 года, содержащий 42 имени [14, л.44].

Протопресвитер Г. Шавельский в своих мемуарах приводит значительное количество плененных. По его данным, более ста военных священнослужителей оказались в плену. Шавельский трактует такой факт, как свидетельство того, что священник находился при исполнении своих обязанностей, а не укрывался в безопасном тылу [20, с.106]. Российский ученый А.А. Кострюков, в свою очередь, оценивает численность военного духовенства, попавшего в плен в период Первой мировой войны, примерно в 80 человек [9, с.110]. В дальнейшем, в более позднем исследовании, Кострюков уточняет, что общее число служителей церкви, оказавшихся в германско-австрийском плену, составило 76 человек [10, с.71].

Перед управлением протопресвитера военного и морского духовенства стоял ряд существенных вызовов, касающихся как общей категории военнопленных, так и отдельно священнослужителей, оказавшихся в плену. Одной из ключевых задач было обеспечение освобождения духовных лиц. 11 марта 1916 года Святейший Синод выпустил постановление, озаглавленное «По вопросу об освобождении из вражеского плена священно-церковнослужителей Русской Православной Церкви». В этом документе синодальному обер-прокурору предписывалось вступить в контакт с главой внешнеполитического ведомства с целью ускорить возвращение на родину православных священников. Особое внимание уделялось тому, чтобы «возбудить в установленном порядке настойчивое ходатайство об освобождении из плена православных духовных лиц, как тех, о коих происходила переписка с Министерством Иностранных дел, так и других, которые могут оказаться находящимися в плену, но об освобождении которых еще не было ходатайств» [13, л.45].

В течение всей войны предпринимались попытки возвращения из плена священников. Была предусмотрена возможность освобождения священнослужителей аналогично медицинскому персоналу, попавшему в плен. Из письма начальника Генерального штаба по эвакуационному отделу и по заведованию военнопленными, датированного 7 января 1917 года, следует, что в скором времени планировался обмен военнопленным медицинским персоналом с Германией. В связи с этим Министерство иностранных дел обратилось с предложением включить в список подлежащих обмену и всех священнослужителей, находящихся в плену. Однако, было отмечено, что полное освобождение всех священнослужителей маловероятно, и поэтому протопресвитера просили указать, чье освобождение представляло бы особую важность. К письму прилагался список 25 священнослужителей, о возрасте или состоянии здоровья которых имелась информация. Протопресвитеру также было предложено составить собственный список, ранжированный по степени желательности освобождения [16, л.101].

Анализ списков священнослужителей, вернувшихся из неволи, показывает, что порой процесс освобождения занимал совсем немного времени. К примеру, согласно документам от 1 ноября 1914 года, клирики Стефан Онуфриевич Кучинский и Феодор Феодорович Петропавловский числились пленниками, однако уже в первом номере «Вестника военного и морского духовенства», вышедшем 1 января 1915 года, появилось сообщение об их благополучном возвращении в строй [4, с.11]. Тем не менее, для многих духовных лиц заточение в лагерях Германии и Австро-Венгрии затягивалось на долгие месяцы и годы.

В тех местах заключения, где среди пленных оказывались представители православного духовенства, администрация нередко разрешала им совершать богослужения и проводить духовные беседы с верующими. Возможность вести религиозную работу зависела, прежде всего, от позиции лагерного командования, а также от социального состава самих заключенных. Особую ценность представляют эпистолярные свидетельства священника Антония Жуковича, где детально зафиксированы его труды в различных лагерях. Из этих мемуаров следует, что условия для деятельности православных пастырей и отношение к ним со стороны властей существенно разнились в зависимости от того, находились ли они в учреждениях для рядовых солдат или в офицерских лагерях. В военных лагерях для рядового состава духовенству пришлось столкнуться с серьезными трудностями при налаживании пастырской работы. В частности, в Стендале, куда священника направили в ноябре 1914 года, администрация долгое время не давала согласия на проведение церковных обрядов. Только благодаря неоднократным и настойчивым просьбам удалось получить допуск к рождественским торжествам того же года. При этом каждое посещение храма проходило под строгим надзором: священника сопровождали охранник и официальный переводчик. Ему было категорически запрещено возносить молитвы за царя и великого князя Николая Николаевича, а также вступать с солдатами в любые разговоры, не касающиеся литургии. Даже после формального разрешения на деятельность, руководство лагеря продолжало создавать препятствия. Как отмечал сам священник: «Место для службы не было закреплено, и каждый раз богослужение проводилось в разных бараках по указанию дежурного немецкого унтер-офицера. Часто верующих уводили с молитвы раньше времени по пустяковым причинам — например, на поверку — или запрещали хористам приходить на службу. Случалось, что богослужение назначали для той команды, которая была занята на кухне или работах, в то время как остальным, даже свободным от дел солдатам, категорически не разрешали посещать храм. Бывало и так, что караульные у ворот не пропускали меня с конвоем внутрь, заставляя часами ждать на морозе, после чего приходилось возвращаться в городские казармы ни с чем» [5, с.483]. Самому Жуковичу

администрация также не оказывала должного уважения: «Немцы приходили на службу из любопытства, не снимая головных уборов и с сигарами во рту. Мои протесты игнорировались, а в ответ следовали лишь унижения: меня заставляли стоять без головного убора перед офицером во дворе или идти в строю солдат в ногу, проявляя всяческое неуважение к сану» [5, с.483].

Обстановка в лагерях для офицеров отличалась. Там предоставлялось больше воли, особенно когда дело касалось проведения общих богослужений. В гейдельбергском офицерском лагере службы проводились в одной из казарменных помещений, где также молились французское духовенство и английские проповедники. На службе переводчика не было, что позволяло священнику свободно возносить молитвы за императора и великого князя Николая Николаевича. В честь взятия штурмом Эрзерума российскими войсками было даже разрешено провести благодарственный молебен, во время которого провозгласили многолетие армии и российскому императору, а также вечную славу павшим воинам.

Однако в том же гейдельбергском лагере, помимо офицерского состава, находились два отряда рядовых, по сто человек в каждом. Религиозные нужды этих отрядов были ограничены. Для организации богослужения среди этих солдат и для того, чтобы они могли исполнить свои духовные обязанности – исповедь и причастие, пришлось приложить немалые усилия для получения разрешения от коменданта. Отец Антоний вспоминает: «Мне лишь один раз, в одно из воскресений, разрешили провести там службу, но с условием, что она не должна затягиваться, дабы не отвлекать рядовых от их обязанностей, выполняемых ежедневно, включая выходные и праздничные дни» [7].

Порой русское духовенство лишалось возможности совершать богослужения среди военнопленных, которых немецкое и австрийское военное руководство стремилось склонить на свою сторону. В качестве иллюстрации Жукович ссылается на лагерь для украинцев, где, по его словам, «немцы активно занимаются политической агитацией. Там были возведены красивые православные храмы с колокольнями и колоколами. Солдат не направляют на работу, но туда не допускают наших священников, поскольку они не соответствуют их преступным намерениям. Вместо этого там находится духовенство, прибывшее из Галиции или Буковины, которое обслуживает эти нужды в соответствии с коварными планами противника» [5, с.486].

Для священнослужителей, оказавшихся в плену, остро стояла проблема нехватки церковной утвари для проведения богослужений. Решение этой задачи осуществлялось либо через канцелярию протопресвитера военного и морского духовенства, либо самими пленными. В частности, постановлением Святейшего Синода от 13–20 января 1916 года была создана комиссия, призванная удовлетворять духовные и нравственные потребности российских

военнопленных. На эту комиссию были возложены обязанности по направлению священнослужителей в Германию и Австрию для духовной опеки над пленными, а также по обеспечению духовенства, находящегося в плену, всем необходимым для проведения религиозных обрядов. Главной целью Комиссии было обеспечить лагеря для военнопленных предметами, нужными для совершения церковных таинств. Цитируя документ: «Первейшая и важнейшая духовная потребность пленных — это обрести утешение в тоске и лишениях плена, обращаясь к родному. Богослужения, молитва во время церковных служб знакомыми и привычными молитвами, а также участие — по мере сил — в этих службах путем чтения и пения» [6, с.262].

Военнопленные нередко проявляли инициативу, обеспечивая священнослужителей всем необходимым для богослужений. В мемуарах о пребывании в лагере Стендале священник Жукович отмечал: «Наши солдаты, получив разрешение коменданта, за собственные средства оборудовали алтарь, подсвечники и прочее. Я совместно с лагерным врачом Петропавловским купили недостающие сосуды и облачения на сумму 200 марок. К общей радости, уже в Рождество 1915 года удалось совершить полную Литургию, чего все пленные так горячо желали, а я как служитель обрел душевный покой» [5, с.484]. Тот же священник сообщал, что в офицерском лагере в Гейдельберге офицеры самостоятельно приобрели все нужные предметы, изготовили резной престол, жертвенник, аналои, семисвечники и подсвечники, а часть сосудов и облачений была доставлена из германского военного ведомства.

Иногда духовенству удавалось сохранить часть церковного инвентаря. В статье «Вестника военного и морского духовенства» описывался визит уполномоченной Красного Креста П.А. Казем-Бек в лагерь на острове Денгольм, где находился протоиерей Морозов с группой священников. Большинство плененных духовных лиц не успели вывезти церковные принадлежности. Однако благодаря усилиям священника Медведева, которому удалось вывести из Новогеоргиевской крепости походную церковь и иное имущество, пленное духовенство обеспечили иконами и всем необходимым, что позволило служить литургию в праздники [11]. В публикации предлагалось организовать доставку облачений, книг и икон для удовлетворения нужд пленных. Редакция журнала добавила в сноске, что подобные просьбы всегда удовлетворялись протопресвитером.

Управление при протопресвитере военного и морского духовенства отличалось оперативностью в работе с обращениями из мест заключения, стараясь оперативно удовлетворять запросы военнопленных. Ярким примером служит письмо от 2 октября 1915 года, направленное священником Эмпаминондом Хрисолором из галльского лагеря. В нем он информировал о

духовной жизни среди офицеров-пленников: иеромонах Корнилий уже более года усердно заботился об их религиозных нуждах. С 1 октября возобновилось совершение литургии, ранее приостановленное из-за отсутствия антиминса. Также состоялось освящение иконы Божией Матери, написанной полковником Поповым, который совмещал художественную деятельность с обязанностями церковного старосты. Богослужения проводились ежедневно [7, с.724]. В заключение Хрисолор просил выделить нотные издания и иерейские молитвословы для созданного при лагере певческого хора. Как отмечалось в «Вестнике военного и морского духовенства», протопресвитер с пониманием отнесся к этой просьбе. Через Центральное справочное бюро по делам военнопленных было организовано направление необходимых материалов, закупленных за счет средств управления протопресвитера. В адрес священника Хрисолора были отправлены два иерейских молитвослова, полный набор нотного обихода Н. Бахметева (восьмитомник), сборник духовных музыкальных песнопений Е. Азеева (десять томов), собрание сочинений протоиерея Турчанинова (четыре книги) и текст песнопений всенощных бдений (три книги) [17, л.13]. Подобная поддержка оказывалась пленным регулярно и неоднократно.

В период Первой мировой войны пленниками германо-австрийских сил становились не только военнослужащие разных рангов, но и гражданские лица, включая церковнослужителей. На территориях содержания пленных велась активная антироссийская и антиправославная агитация, с которой командование планировало бороться благодаря авторитету духовенства, способного влиять на настроения солдат и офицеров. В связи с этим статус священников в плену приобрел особую значимость для высшего военного командования и Ведомства по делам военного и морского духовенства. Поскольку официальные попытки направить в лагеря новых священников для совершения богослужений часто терпели неудачу, эти функции были возложены на тех клириков, которые сами оказались в плену. Однако даже при наличии официального разрешения от администрации лагерей священнослужители сталкивались с серьезными трудностями: нехваткой богослужебных принадлежностей, неуважительным отношением начальства, запретами на общение с пленными нижними чинами и офицерами и другими препятствиями. Поддержку в обеспечении необходимым для служения инвентарем оказывало Ведомство при протопресвитере, однако зачастую необходимое оборудование приобреталось самими священниками и военнопленными за собственные средства.

Список литературы:

1. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2011. – 1369 с.
2. Вестник военного и морского духовенства. – 1914. – № 21. – С. 729.

3. Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 8. – С. 226
4. Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 1. – С. 10–11
5. Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 15–16. – С. 482–486.
6. Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 9. – С. 262–264.
7. Вестник военного и морского духовенства. – 1915. – № 23. – С. 724–725.
8. Карпук, Д.А. К вопросу о пастырском служении православных священнослужителей в годы Первой мировой войны среди русских военнопленных на территории Германии и Австро-Венгрии [Электронный ресурс]: URL: http://spbda.ru/tags/svyaschenniki-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/. (дата обращения 10.03.2026)
9. Кострюков, А. А. Русские военные священники в немецко-австрийском плену в годы Первой мировой войны / А. А. Кострюков // Церковь и время. – 2006. – № 2. – С. 109–118.
10. Кострюков, А. Подвиг русского военного духовенства в годы Первой мировой войны / А. Кострюков // Журнал Московской Патриархии. – 2014. – № 7. – С. 66–71.
11. Пахалюк, К. А. Православное духовенство на защите империи Электронный ресурс:URL: http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/pravoslavnoie-dukhovienstvo-na-zashchitie-impierii. – (Дата обращения: 11.03.2026).
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 74–75об.
13. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 45.
14. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9219. Л. 8.
15. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 44.
16. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9446. Л. 101–101об.
17. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9606. Л. 13–13об.
18. Чимаров С.Ю. Русская православная церковь и религиозно-нравственное воспитание личного состава армии и флота: 1800–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: Военный инженерно-космический университет им. А. Ф. Можайского, 1999. 540с.
19. Цыпин В.А., прот. История Русской православной церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). 4-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010 950с.
20. Шавельский Г.И., протопр. В школе и на службе: воспоминания. М.; Брюссель: Архив русской эмиграции, 2016 725с.

УДК 94(470.6)"1905/1917":329.78

Мамбетова В. В.
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1905–1917 ГГ.)

Аннотация. Статья исследует роль молодежных общественных организаций Северного Кавказа как ключевого фактора политической социализации и мобилизации в период революционных потрясений начала XX века (1905–1917 гг.). На основе анализа архивных материалов, периодики и научной литературы выявляются основные типы организаций – просветительские, национально-культурные, религиозно-реформаторские, спортивные, политизированные, – а также их идеологическая палитра и специфика деятельности в полиэтничном регионе. Особое внимание уделяется эволюции их политической роли: от культурного просветительства к активному участию в революциях 1905–1907 и 1917 годов. Доказывается, что эти организации стали «политической лабораторией», где формировались новые идентичности, апробировались идеологии и методы борьбы, закладывались основы будущих политических элит и конфликтов региона. Делается вывод о высоком, но противоречиво реализованном потенциале молодежных объединений, обусловленном сочетанием общероссийских тенденций и региональных факторов.

Ключевые слова: молодежные общественные организации, Северный Кавказ, политическая социализация, революция 1905–1907 гг., революция 1917 г., национальные движения, джадидизм, гражданское общество.

К началу XX века Северный Кавказ переживал болезненную модернизацию. Аграрное перенаселение, острый земельный вопрос, рост городов (Владикавказ, Грозный, Нальчик, Пятигорск) и сети светского образования (гимназии, реальные училища, учительские семинарии) создавали принципиально новую социальную среду [5, с. 124]. Политизация после Манифеста 17 октября 1905 года привела к взрыву общественной активности: формировались отделы общероссийских партий (кадеты, эсеры, социал-демократы), активизировались национальные движения горских народов, усиливались религиозно-реформаторские течения, прежде всего джадидизм. В этих условиях молодежь, особенно учащаяся и городская, активно искала формы самореализации и ответы на вызовы времени, что напрямую способствовало росту молодежных объединений [1, с. 45].

Среди ключевых факторов этого явления следует выделить несколько. Образовательный фактор: расширение сети учебных заведений создало критическую массу грамотной молодежи, открытой новым идеям. Политический фактор: революция 1905 года легализовала, пусть и

ограниченно, общественную деятельность, пробудив политические амбиции. Социокультурный фактор выражался в кризисе патриархальных устоев и поиске новых форм солидарности вне рамок семьи и рода. Национальный фактор определялся стремлением интеллигенции и молодежи к сохранению и развитию языков и культур в условиях русификаторской политики. Наконец, религиозный фактор проявлялся в борьбе между исламскими традиционалистами и реформаторами (джадидистами) за умы молодого поколения [6, с. 87]. Под воздействием всех этих обстоятельств в регионе сложился целый спектр молодежных объединений, типология которых выстраивается в зависимости от того, на какой именно общественный вызов они давали первоочередной ответ.

Просветительские организации ставили целью распространение знаний и «служение народу». Ключевыми примерами здесь выступают «Общество распространения образования и технических знаний среди горцев Терской области» во Владикавказе (основатели М. Кипиани, К. Хетагуров) и «Общество распространения образования среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа» (лидеры Т. Блаев, П. Кешоков). Их деятельность включала открытие школ, библиотек, издание учебников на родных языках и материальную поддержку учащихся [3, с. 98]. Национально-культурные организации, в свою очередь, фокусировались на этнической идентичности. «Черкесское благотворительное общество» в Адыгее поддерживало школы с преподаванием адыгейского языка, а осетинские, кабардинские, дагестанские студенческие кружки и землячества в городах региона и столицах (например, «Осетинское студенческое общество» в Петербурге) становились центрами национального самосознания и дискуссий о будущем своих народов [2, с. 112].

Отдельного внимания заслуживают религиозно-реформаторские организации, наиболее активные в Дагестане и Чечне. Джадидистские кружки, например, вокруг реформированных медресе в Темир-Хан-Шуре и Грозном, сочетали изучение ислама с преподаванием светских наук (математики, истории, русского языка), выступая за модернизацию мусульманского общества [6, с. 92]. Параллельно действовали православные братства в Ставрополе и Владикавказе, организовывавшие воскресные школы и библиотеки. Спортивные и военно-патриотические объединения представляло, в частности, «Кавказское горное общество» в Пятигорске (Р. Лейцингер), вовлекавшее молодежь в туризм и альпинизм, воспитывая дух товарищества и любовь к родному краю. Военно-спортивные клубы, часто при «Обществах трезвости» во Владикавказе и Грозном, а также скаутские отряды популяризировали физическую культуру и патриотизм, особенно с началом Первой мировой войны. Наконец, политизированные организации – это молодежные группы и кружки при политических партиях (эсеры, РСДРП, кадеты) в промышленных центрах, прежде всего в Грозном и Владикавказе. С

1917 года мощный импульс получили молодежные секции в рамках националистических проектов, в первую очередь «Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана», боровшегося за автономию [4, с. 56].

Деятельность этих организаций питалась из разнородных идейных источников. Просветительский идеализм – вера в преобразующую силу знания и долг интеллигенции перед народом – доминировал в обществах распространения образования. Национализм варьировался от культурного (защита языка, фольклора) до политического (требования автономии, самоопределения) и был особенно силен в среде горской интеллигенции и студенчества. Социалистические идеи (эсеровские, социал-демократические) привлекали русских рабочих и часть горской молодежи в городах, обещая решение социальных проблем. Либерализм (кадетский) оказывал влияние на умеренно настроенную интеллигенцию, выступавшую за конституционные реформы и культурную автономию в рамках империи [1, с. 78]. Исламский реформизм (джадидизм) предлагал синтез исламских ценностей с современным знанием как путь возрождения мусульманского мира.

Формы и методы работы были столь же разнообразны. Легальные включали организацию школ, библиотек (к 1914 году в Дагестане действовало 16 библиотек, созданных при участии обществ), лекций, литературных вечеров, благотворительных акций, экскурсий, издание газет и брошюр на русском и родных языках. Полулегальные и нелегальные формы – это дискуссионные кружки по политическим и социальным вопросам, распространение запрещенной литературы (партийные издания, национальные манифесты), установление связей с подпольными партийными ячейками или национальными лидерами. Протестные и революционные методы включали участие в митингах, забастовках (особенно в 1905–1907 годах), формирование боевых дружин (1905, 1917), деятельность Советов и национальных комитетов (1917) [7, с. 34]. Главной «мишенью» являлась сама молодежь, проходившая в стенах организаций школу гражданственности и политики, однако через просветительскую и агитационную работу эти объединения стремились влиять и на широкие слои населения – крестьянство, рабочих – формируя общественное мнение. Их требования (реформы образования, решение земельного вопроса, культурная или политическая автономия) были адресованы как местной, так и центральной власти.

События 1905 года стали катализатором политизации. Молодежь активно включалась в митинги и стачки во Владикавказе, Грозном, Нальчике. Студенты и учащиеся гимназий формировали боевые дружины, участвовали в столкновениях с полицией и казаками. Представители национальной молодежи играли заметную роль на съездах горцев (например, Владикавказский съезд 1905 года), где обсуждались вопросы автономии [8, с. 67]. Однако последовавшие репрессии периода столыпинской реакции

привели к разгрому многих открытых организаций, арестам активистов и сворачиванию легальной политической деятельности. В межреволюционный период (1907–1916) на поверхности преобладала легальная культурно-просветительская работа: общества распространения образования, национальные кружки, спортивные клубы действовали в рамках дозволенного. В подполье, однако, сохранялись и продолжали действовать политизированные кружки, особенно социал-демократические и эсеровские в рабочих центрах. Параллельно шла консолидация национально ориентированной молодежи, чьи взгляды радикализировались в условиях усиления русификации и разочарования в имперской власти. Начало Первой мировой войны вызвало всплеск патриотизма (участие в сборах помощи, военно-спортивная подготовка), но к 1916 году нарастали и антивоенные настроения, особенно в среде, близкой к социалистам [5, с. 130].

Февральская революция 1917 года сняла все ограничения, и произошел взрывной рост числа молодежных организаций при резком усилении их политической роли. Они стали, во-первых, активными участниками новой власти: молодежь вливалась в Советы рабочих и солдатских депутатов, но особенно активно – в формирующиеся национальные советы и комитеты (Горское правительство во Владикавказе, Дагестанский областной исполнительный комитет и другие). Представители молодежи участвовали в работе Всероссийского мусульманского съезда и съездов горцев. Во-вторых, они превратились в силовую опору: члены организаций (особенно политизированных и национальных) формировали отряды народной милиции (самообороны), которые часто становились зародышами будущих национальных, «красных» или «белых» воинских частей. В-третьих, молодежь выступила главным агитатором и радикалом, проводя идеи различных партий и национальных программ в массы [7, с. 112]. Происходила резкая поляризация: часть молодежи (часто связанная с общероссийскими социалистическими партиями) поддерживала Советы и радикальные социальные преобразования; другая часть (национально ориентированная) видела будущее в Горской республике или иных формах автономии и независимости; третьи (офицерская молодежь, часть казачества) тяготели к контрреволюции. Конфликты между этими группами становились все острее.

Политизация молодежи на Северном Кавказе имела уникальные региональные черты. В отличие от Центральной России, где на первый план выходили классовые противоречия, для кавказской молодежи этническая идентичность и проблемы самоопределения были центральными. Сильное влияние исламского фактора: джадидизм предоставлял идейную основу и организационные формы для значительной части мусульманской молодежи, а конфликт «реформаторы/традиционалисты» накладывался на политические размежевания. Наблюдался также синтез «современного» и «традиционного»:

политические организации часто использовали традиционные формы солидарности и авторитет (например, вовлекая вождей тейпов или известных религиозных деятелей). Наконец, сравнительная слабость марксизма: хотя социалистические идеи имели влияние в рабочих центрах (Грозный), они не достигли такого распространения, как в промышленных регионах России, уступая место национализму и религиозному реформаторству в сельской и значительной части городской молодежной среды [2, с. 156].

Таким образом, молодежные общественные организации Северного Кавказа в период 1905–1917 годов действительно стали уникальной «политической лабораторией». В их стенах происходили сложные эксперименты по формированию новых идентичностей (национальной, гражданской, религиозно-реформаторской, классовой), апробировались различные идеологии (просветительство, национализм, социализм, либерализм, джадидизм) и методы политической борьбы – от культурной работы до вооруженного восстания [1, с. 102]. Эти организации выполнили ключевую функцию политической социализации целого поколения, ставшего позднее ядром региональных элит как советского, так и антисоветского лагеря. Их мобилизационный потенциал оказался высок и реализовался в полной мере в моменты революционных кризисов, особенно в 1905 и 1917 годах, когда молодежь активно участвовала в создании новых политических институтов (Советы, национальные советы) и силовых структур (милиция, дружины).

Региональная специфика проявилась в доминировании национально-культурной повестки, мощном влиянии исламского реформаторства, синтезе современных организационных форм с традиционными структурами и меньшем, чем в центре России, влиянии ортодоксального марксизма. Политическая активность молодежи здесь оказалась теснее связана с вопросами этнического самоопределения и религиозной идентичности [6, с. 105]. Однако реализация политического потенциала этих организаций носила противоречивый характер. Они способствовали как интеграции молодежи в общероссийское политическое пространство (через социалистические партии, общегражданские лозунги), так и углублению этнополитической фрагментации региона, закладывая основы будущих конфликтов. Деятельность этой «лаборатории» в начале XX века оказала долговременное влияние на политическую культуру и развитие Северного Кавказа, демонстрируя как конструктивный потенциал молодежной самоорганизации, так и связанные с ней риски в условиях глубоких общественных трансформаций и этнического разнообразия. Изучение этого опыта сохраняет актуальность для понимания современных процессов молодежной политики и гражданского общества в регионе.

Список литературы:

1. Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владикавказ, 2004.
2. Любушкина Е.Ю. Общественные организации Дона и Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX веков: становление и региональная специфика. Ставрополь, 2012.
3. Блейх Н.О., Дзанагова Л.В. Специфика просветительских тенденций у народов Северного Кавказа во второй половине XVIII – начале XX века // Диалог со временем. 2018. Вып. 62. С. 96–108.
4. Каймаразов Г.Ш. Просветители и педагоги Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1972.
5. Гаджиев А.С., Гриценко Н.П. (ред.) История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Т. 2. М., 1988.
6. Албогачиева М.С.-Г. Традиции и модернизация на Северном Кавказе (конец XIX – начало XX вв.). СПб., 2012.
7. Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927.
8. Революция 1905–1907 годов на Тереке: Сборник документов. Орджоникидзе, 1980.

УДК 902(470-25):903'16

Зубарев И. Ю.[1], Юмакаев А. И.[2]
[1] ORCID: 0000-0001-6733-138X
[2] ORCID: 0009-0009-5043-5604
Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ МОСКВЫ

Аннотация. Статья посвящена историографии археологического изучения дьяковской культуры раннего железного века (VIII/VII вв. до н.э. – VII в. н.э.) в границах современной Москвы. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в научной литературе обобщающего труда, систематизирующего более чем 200-летнюю историю открытия и исследования дьяковских древностей на территории столичного мегаполиса. Новизна работы заключается в комплексном анализе всех этапов исследовательского процесса – от первых разведок З.Я. Доленги-Ходаковского на Дьяковом городище (1821) до новейших исследований.

Особое внимание уделено источниковедческим проблемам: утрате и депаспортизации части коллекций (клад Самоквасова, сборы Виноградова), необходимости ревизии музейных атрибуций. В заключении обосновывается тезис о дьяковских памятниках Москвы как уникальном «полигоне» археологической методологии, где отрабатывались полевые методики и подходы к интерпретации, впоследствии экстраполированные на всю Волго-Окскую зону.

Ключевые слова: дьяковская культура, археология Москвы, история археологии, Дьяково городище, Боровицкий холм, Кунцевское городище, Тушинское городище, Щербинское городище, историография, ранний железный век.

Прежде чем перейти к историографическому анализу изучения дьяковских древностей на территории Москвы, необходимо определить содержание ключевых для нашей работы понятий – «археологическая культура» как базовая классификационная единица археологии и «дьяковская культура» как конкретный историко-культурный феномен.

Понятие «археологическая культура» вошло в научный оборот в европейской археологии во второй четверти XIX в., однако его первая четкая дефиниция была сформулирована лишь к 1930 г. австралийским археологом В. Г. Чайлдом. Согласно современному определению, зафиксированному в Большой российской энциклопедии, археологическая культура представляет собой «группу археологических памятников, занимающих сплошную территорию (или территории) и обладающих сходством признаков, которые образуют внутренне связанную систему, единообразно меняющуюся во

времени и ограниченно варьирующую в пространстве, существенно отличающуюся от других археологических культур». Данное определение является консенсусным для современной российской археологической науки, хотя дискуссии о критериях выделения культур, их соотношении с этническими общностями и границах применения понятия продолжаются [17]. Выделение культуры осуществляется на основании устойчивого повторяющегося сочетания признаков материальной культуры (типы керамики, домостроительства, погребального обряда, металлообработки и др.) в ограниченном хронологическом диапазоне и на определенной территории [7].

Дьяковская археологическая культура – одна из ключевых культур раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. Термин был введен в научный оборот А.А. Спицыным в 1903–1905 гг., предложившим наименование «городища дьякова типа» по первому исследованному эталонному памятнику - «Дьякову городищу» в черте современной Москвы (ныне территория музея-заповедника «Коломенское») [15, с. 115]. Таким образом, история изучения данной археологической культуры тесно связана с Москвой.

Современная научная концепция дьяковской культуры разработана, прежде всего, в трудах Н.А. Кренке, обобщившего материалы многолетних раскопок (1981–1987, 1990–2010-е гг.) и серию радиоуглеродных датировок. Согласно этим исследованиям, хронологические рамки дьяковской культуры определяются VIII/VII вв. до н.э. – VII в. н.э. [11]. Ареал культуры очерчивается от правобережья каширского течения Оки на юге до Валдайской возвышенности, рек Чагода и Суда на северо-западе и севере, примерно по линии Ярославль – Коломна на востоке.

В развитии дьяковской культуры выделяются два основных этапа. Ранний этап (V–II вв. до н.э.) характеризуется бытованием керамики с «текстильными» (сетчатыми) отпечатками, глиняных грузиков «дьякова типа», длинных многокамерных домов с открытыми очагами, многочисленных костяных орудий (стрелы, ножи, струги, рукояти в зверином стиле) и единичных привозных изделий скифского круга. Позднедьяковский этап (рубеж эр – V/VII вв. н.э.) маркируется сменой керамического комплекса (распространение лощеных мисок, исчезновение «текстильной» керамики), расцветом оригинального стиля ажурных бронзовых украшений, выполненных в технике литья по восковой модели с имитацией веревочного плетения, а также широким распространением железных орудий (серпы, ножи, наконечники стрел) [11].

Хозяйство дьяковского населения носило комплексный характер. Основу составляли оседлое скотоводство, охота и рыболовство. Земледелие, носившее на раннем этапе подсобный характер, с первых веков н.э. приобрело

существенное значение: промывка грунта на Дьяковом городище в 1980-е гг. выявила тысячи зерен культурных злаков (просо, ячмень, пшеница), что позволило Н.А. Кренке сделать вывод о равной роли земледелия и животноводства в позднедьяковское время [10, с. 180-185].

Поселения дьяковской культуры представлены двумя типами: укрепленными городищами, располагавшимися на труднодоступных береговых мысах и защищенными валами и рвами, а также неукрепленными селищами, возникавшими при городищах в первые века н.э. В культурном слое городищ фиксируются остатки жилых и хозяйственных построек, производственных зон.

Этническая атрибуция дьяковской культуры остается предметом дискуссии. Преобладает точка зрения, согласно которой носители ранней дьяковской культуры относились к финно-угорским группам (предки летописной мери, веси), а позднедьяковское население сформировалось при участии балтского компонента [11].

На территории современной Москвы, по данным археологических разведок и раскопок, выявлено около 40 памятников дьяковской культуры. Они представлены укреплёнными городищами и неукреплёнными селищами. К числу наиболее изученных городищ относятся Дьяково, Кунцевское, Мамоново (Андреевское) и Сетуньское, где проводились стационарные раскопки (см. Приложение 1). Особое место занимают находки дьяковской керамики на Боровицком холме (территория Кремля), свидетельствующие о существовании здесь поселения, предшествовавшего основанию города. Таким образом, территория современной Москвы является одним из ключевых регионов распространения дьяковской культуры.

На основе изучения научных публикаций можно выделить четыре основных этапа в истории изучения дьяковской культуры в современных границах Москвы. Первый этап (1821–1917) – работы Д.Я. Самоквасова, Г.Д. Филимонова и В.И. Сизова, формирование понятия «дьяковская культура» (А.А. Спицын, 1903). Второй этап (1920–1950-е) – исследования Ю.В. Готье, О.Н. Бадера, К.Я. Виноградова, расширение географии раскопок. Третий этап (1960–2000-е) – открытие дьяковского поселения на Боровицком холме (Н.С. Шеляпина, Т.Д. Панова), радиоуглеродное датирование (Н.А. Кренке), междисциплинарные методы. Четвертый этап (2010–2025) – масштабные раскопки в Верхнем Тайницком саду Кремля (О.А. Лопатина, В.Ю. Коваль, 2019–2021), работы на Щербинском городище (О. Радюш, 2021), применение томографии (В. Черненко и др., 2025). Примечательно то, что каждый выделенный нами этап соотносился с новыми методами проведения археологических работ, что только улучшало понимание расселения и

жизнедеятельности носителей дьяковской культуры. Разберем подробнее эти этапы.

Начало первого этапа относится к началу изучения Дьякова городища, начатому археологом-любителем З.Я. Доленгой-Ходаковским. Свои исследования он начал в 1821 г. Характер его работ был типичен для своего времени: визуальный осмотр местности, сбор подъемного материала, попытка соотнесения топографии памятника с летописными сведениями. Каких-либо систематических раскопок им не проводились, коллекция находок не сохранилась. Тем не менее, значение этого эпизода для историографии трудно переоценить: впервые Дьяково городище было зафиксировано в научном поле как объект, заслуживающий внимания исследователей [9, с. 17]. Можно сказать, что 1821 год стал отправной точкой двухвекового пути изучения дьяковской культуры.

Начало полноценных археологических исследований Дьякова городища связано с именем Д. Я. Самоквасова – известного археолога и историка права, профессора Варшавского, а затем Московского университетов. В 1872 г. он провел пробную шурфовку на площадке городища, закладывая «пробную яму» в южной части у вала. Однако главным результатом его работ становится даже не сама шурфовка, а обнаружение так называемого «клада Самоквасова».

Обстоятельства этой находки заслуживают отдельного внимания. Клад был обнаружен не самим исследователем, а крестьянами при добыче камня на северном склоне городища. Крестьяне разделили находки на несколько частей, и Д. Я. Самоквасову удалось выкупить лишь одну долю – предположительно, не более 25–30% от первоначального состава клада. Остальная часть была продана «прохожим евреям», как отмечается в документах, и безвозвратно утрачена для науки [2, с. 195].

Приобретенные Д.Я. Самоквасовым вещи были переданы в Императорский Российский исторический музей, где они поступили на учет в 1881–1882 гг. Анализ учетной документации ГИМ, проведенный в последние годы И.Р. Ахмедовым, Н.А. Биркиной и В.Г. Черненко, позволяет реконструировать состав клада с высокой степенью достоверности. Он включал: подковообразную фибулу с гнездами для эмали, три гривны с напускными бусинами, две тордированные гривны с ромбической площадкой, многовитковый спиральный браслет, а также кольца, пряжки и фрагменты различных украшений [2, с. 195]. Датировка клада, по классификации Е.Л. Гороховского, определяется серединой – второй половиной III в. н.э. [5, с. 60-63].

В 1875 г. работы на Дьяковом городище продолжил Г.Д. Филимонов хранитель отделения древностей Румянцевского музея, известный своими исследованиями в области древнерусского искусства. Его вклад в изучение памятника, хотя и не столь значителен в количественном отношении,

представляет несомненный интерес. Филимонов провел тщательное описание вала городища и зафиксировал важное наблюдение: ранее вал охватывал площадку кругом, но был частично разрушен из-за выемки камня крестьянами [18, с. 107].

Коллекция, собранная Г.Д. Филимоновым, была передана в Румянцевский музей, а после его расформирования в 1924 г. поступила в Государственный исторический музей (опись Б 599). В составе этой коллекции особого внимания заслуживает глиняная погремушка яйцевидной формы размерами 6,9 × 3,2 см. Спустя 150 лет этому скромному предмету суждено было стать одним из объектов исследования с применением самых современных естественнонаучных методов – рентгеновской томографии, выполненной специалистами НИЦ «Курчатовский институт» в 2025 г.

Наиболее значительный вклад в изучение Дьякова городища в XIX веке внес член Императорского Московского археологического общества В.И. Сизов. В 1889–1896 гг. он провел на Дьяковом городище раскопки, которые по своим масштабам и методическому уровню значительно превосходили все предшествующие работы.

В.И. Сизов впервые применил на памятнике методику площадных раскопок с послойным сбором материала. Ему удалось зафиксировать стратиграфию культурного слоя мощностью до 4 метров. Особенно важным становится наблюдение о разделении слоя на два горизонта: верхний (XVII в., связанный с остатками «потешного городка» царя Алексея Михайловича) и основной дьяковский [14, с. 259-261].

Однако в историографии существует серьезная источниковедческая проблема, связанная с раскопками В.И. Сизова. Часть вещей, опубликованных им в 1897 г. как собственные находки, на самом деле происходит из клада Самоквасова. Анализ учетной документации ГИМ показывает, что предметы с инвентарными номерами ГИМ 2132–2177 (опись Б 600/376–417) были записаны в Главную инвентарную книгу в 1881–1882 гг., тогда как раскопки Сизова проходили в 1889–1890 гг. [2, с. 203]. Это обстоятельство требует ревизии музейных атрибуций и внесения, соответствующих корректив в научный оборот.

Логическим завершением первого этапа изучения дьяковских древностей стала работа выдающегося археолога А.А. Спицына. Обобщив материалы раскопок предшественников, а также данные по другим городищам Волго-Окского междуречья, А.А. Спицын в 1903–1905 гг. сформулировал понятие «дьяковская культура» (первоначально – «городища дьякова типа») [15, с. 125]. Он выделил круг памятников, объединенных сходством материальной культуры, определил хронологические рамки и дал первую общую характеристику этой археологической общности. Таким образом, к началу XX века дьяковская культура обрела свое имя.

После революционных событий и гражданской войны археологические исследования памятников дьяковской культуры в Москве возобновились, причем приобретя новый характер – более систематический и методически оснащенный. Это ознаменует второй этап изучения.

В 1921 г. на Дьяковом городище работал профессор Московского университета Ю.В. Готье. Его раскопки, хотя и незначительные по площади, дают интересную коллекцию находок: миниатюрный глиняный сосуд, бусину, пряслице, обломок горшка с волнообразным орнаментом, железный шлак, костяные шилья, орнаментированную глиняную табличку, которую Готье интерпретирует как «подушку для иглы» [9, с. 19]. К сожалению, вещи из раскопок Ю.В. Готье не были своевременно оформлены должным образом и впоследствии оказались «подложены» к коллекции Филимонова, что создало определенные трудности для исследователей.

В 1926 г. на Дьяковом городище О.Н. Бадер заложил четыре контрольных шурфа по 1 кв. м в разных площадки городища и произвел нивелировку продольного профиля. Находки представлены лощеной керамикой [3, с. 102]. Работы О.Н. Бадера носили уточняющий характер и позволили верифицировать стратиграфические наблюдения предшественников.

Ключевыми исследованиями выделенного нами второго этапа являются раскопкиК.А. Виноградова Дьяковского городища в 1935 г. К.А. Виноградов, будучи директором филиала Государственного исторического музея в Коломенском, обладал административным ресурсом, позволившим организовать работыисключительного по тем временам масштаба. В раскопках приняли участиеИ.Ф. Барщевский – один из старейших русских археологов, привлеченный к исследованиям еще А.С. Уваровым, аспирант ГИМ А. Иванов, архитектор-реставратор П.Д. Барановский, а также крестьяне-землекопы из окрестных деревень. Сохранилось интервью с одним из участников работ И.И. Квашниным, записанное в 1982 г., что позволяет реконструировать не только методику, но и социальный контекст исследований.

Методика раскопок К.А. Виноградова представляла собой настоящий прорыв для своего времени и включала в себя: разбивку участка проведения работ на квадраты 2×2 м с оставлением бровок; инструментальную фиксацию глубин с использованием нивелира; полный сбор находок, ориентированный на музейное экспонирование.

Важным теоретическим обобщением этого периода стала работа П.Н. Третьякова – крупнейшего специалиста по раннеславянской и финно-угорской археологии. На основе анализа материалов дьяковской культуры П.Н. Третьяков выделил четыре локальные группы: валдайскую, верхневолжскую, волго-окскую, верхнеокскую [16, с. 110-115]. Значение этой классификации

трудно переоценить: впервые московские памятники были осмыслены как часть более широкой системы, а не как изолированное явление.

Третий этап характеризуется, с одной стороны, острейшей дискуссией о существовании дьяковского поселения на территории Московского Кремля, а с другой – началом широкого применения естественнонаучных методов.

В 1947 г. в первом томе «Материалов и исследований по археологии Москвы» выходят программные статьи А.В. Арциховского и О.Н. Бадера. Оба исследователя уверенно высказываются о возможности существования дьяковского городища на стрелке Москвы-реки и Неглинной, в самом высоком месте Кремля, топографически типичном для городищ этого типа [1, с. 12]. Однако масштабные раскопки 1959–1960 гг., связанные со строительством Дворца съездов, не выявили никаких следов дьяковского поселения. Это породило скепсис в отношении их гипотезы.

Перелом наступил в 1969 г., когда Н.С. Шеляпина произвела шурфовку под Архангельским собором. В шурфах был обнаружен культурный слой мощностью 22–34 см, залегавший прямо на материке и насыщенный угольной пылью, расщепленными костями животных, обожженными камнями. Было найдено 36 фрагментов керамики от 17 сосудов – толстостенных баночных форм с «текстильными» (сетчатыми) отпечатками [20, с. 71-72]. В ходе исследования был сделан важный вывод: «компактное сосредоточение всех находок в пределах Соборной горы и данные геологических бурений позволяют предполагать существование дьяковского городища именно здесь, на наиболее высоком месте Боровицкого холма» [4, с. 9].

Ведущий археолог Музеев Московского Кремля и составитель каталога кремлевской коллекции дьяковской керамики Т.Д. Панова занимает осторожную позицию в этом вопросе: она констатирует наличие следов поселения, но воздерживается от категоричных утверждений о существовании здесь укрепленного городища.

Н.А. Кренке стал центральной фигурой в изучении дьяковской культуры на рубеже XX–XXI вв. В 1999 г. совместно с И.А. Бойцовым он отобрал образцы для радиоуглеродного и палинологического анализов в шурфах под Архангельским собором. Три полученные радиоуглеродные даты укладываются в интервал IV–III вв. до н.э. Палинологический анализ показывает, что освоение Боровицкого холма и его окрестностей в это время проходило более интенсивно, чем Дьякова городища [8, с. 50]. Параллельно, в 1981–1987 гг., Н.А. Кренке провел систематические раскопки на Дьяковом городище. Он впервые применил методику промывки грунта, что позволило выявить тысячи зерен культурных злаков. Это привело к важнейшему выводу: земледелие в I тыс. н.э. играло в хозяйстве дьяковского населения роль, не меньшую, чем скотоводство [10, с. 190].

В 2007 г. на Подоле Кремля (участок у Москворецкой башни) были найдены 19 фрагментов дьяковской керамики и один грузик «дьякова типа». Выраженный культурный слой железного века на этом участке отсутствовал, находки находились в переотложенном состоянии – вероятно, они были смыты со склона. Тем не менее, они позволили предположить существование здесь поселения позднедьяковского времени [6, с. 136].

Последнее десятилетие ознаменовалось настоящим прорывом в изучении дьяковских древностей Москвы, связанным как с новыми полевыми исследованиями, так и с применением высокотехнологичных методов анализа. Это и является отличительным этапом выделенного нами четвертого этапа.

Настоящим прорывом стали спасательные раскопки под руководством О.А. Лопатиной и В.Ю. Коваля (Институт археологии РАН) в Верхнем Тайницком саду (Большой Кремлевский сквер) в 2019–2021 гг. В результате коллекция керамики дьяковской культуры увеличилась в 20 раз – с 68 до 1351 фрагмента [13, с. 154-155].

Стратиграфический анализ позволил выделить три хронологические группы:

1. IX–VI вв. до н.э. (преддьяковское время) – единичные фрагменты с
«жемчужным» орнаментом, имеющие аналогии на памятниках финальной бронзы Плещеева озера и Среднего Поочья;
2. V–II вв. до н.э. (ранняя дьяковская культура) – массовый материал (~70%), керамика с «текстильными» отпечатками, среди которых преобладают рябчатые оттиски (78%) над ниточными (8%), что сближает кремлевское поселение с памятниками Верхнего Поволжья;
3. II–V вв. н.э. (позднедьяковская культура) – впервые на Боровицком
холме представлена столь полно (~29%), включает лощеную керамику и сосуды с уступом при переходе от венчика к плечику («мощинский стиль»).

Применение высокотехнологичных методов реализовывалось в 2025 г. в ходе совместного проекта Государственного исторического музея и НИЦ «Курчатовский институт» по исследованию дьяковских погремушек методом рентгеновской томографии. Объектами исследования стали 6 погремушек дьяковской культуры из фондов ГИМ (включая экземпляр из раскопок Филимонова 1875 г.) и 2 сравнительных образца.

Результаты исследования, опубликованные В.Г. Черненко, Е.С. Коваленко, П.В. Гурьевой и др., позволили сделать ряд важных выводов:

- погремушки яйцевидной формы с выступами на противолежащих концах изготовлены из двух частей, одна из которых вставлена в другую;
- погремушки небольших размеров изготовлены из единого куска керамического теста, сомкнутого с одной стороны;

- наполнителем служили не глиняные шарики (как предполагалось ранее), а фрагменты керамики и дресва;
- в погремушке с Троицкого городища оригинальное наполнение не сохранилось – вместо него обнаружены две пуговицы (стекло или пластик), попавшие при реставрации [19, с. 268-272].

Это исследование продемонстрировало огромный потенциал применения естественнонаучных методов в археологии и открывает новые перспективы для изучения технологии изготовления древних предметов.

Важным теоретическим обобщением этого этапа стала работа Н.А. Кренке «Финал дьяковской культуры в Подмосковье», опубликованная в 2014 г. [12, с. 342-357]. Анализируя материалы позднедьяковского времени, автор приходит к следующим выводам:

1. в IV–V вв. н.э. жизнь на москворецких городищах продолжалась, при
этом в материальной культуре наблюдаются инновации, в частности, распространение нового керамического стиля «мощинского круга»;
2. в V–VI вв. фиксируется спад жизненной активности, а в VII–VIII вв.
– запустение городищ;
3. импортные вещи (украшения, предметы вооружения) указывают на
контакты с рязано-окскими финнами, Прибалтикой, черняховской культурой;
4. этнический облик населения, оставившего позднедьяковские памятники, был смешанным финно-балтским [12, с. 342-357].

Анализ истории изучения дьяковских древностей выявил ряд серьезных источниковедческих проблем. Прежде всего, это утрата значительной части коллекций. Клад Самоквасова, как уже отмечалось, сохранился лишь на 25–30% – большая его часть была продана крестьянами и бесследно исчезла. Коллекция Виноградова, насчитывавшая 3400 единиц хранения, дошла до нас в сильно усеченном виде: в музее «Коломенское» сохранилась лишь небольшая часть находок, судьба остальных остается неизвестной.

Другой важной проблемой является крайне неравномерная изученность дьяковских памятников на территории Москвы. Если Дьяково городище исследовалось многократно (раскопки Самоквасова, Филимонова, Сизова, Готье, Бадера, Виноградова, Кренке) и получило фундаментальную монографию, то такие памятники, как Кунцевское, Тушинское, Котловское городища, известны лишь по разведкам, масштабных раскопок на них не проводилось.

Особого внимания заслуживает ситуация с Боровицким холмом. Несмотря на «точечные» вскрытия (1969, 1999, 2007, 2019–2021), полного исследования предполагаемого городища до сих пор не проводилось. Это

оставляет открытым вопрос о наличии укреплений (вала и рва) и о статусе памятника.

Таким образом, история изучения дьяковской культуры на территории современной Москвы охватывает более 200 лет и включает четыре поколения исследователей – от первопроходцев XIX века до профессионалов XXI века, вооруженных методами рентгеновской томографии, радиоуглеродного датирования и палинологического анализа.

Эволюция методики прошла путь от любительских разведок (Ходаковский) и пробных шурфов (Самоквасов) через площадные раскопки с послойной фиксацией (Сизов) к квадратно-сеточному методу с инструментальной фиксацией (Виноградов) и, наконец, к междисциплинарному синтезу с применением естественнонаучных методов (Кренке, Лопатина, Коваль, Черненко и др.).

География исследований расширялась от единственного памятника – Дьякова городища – в XIX – первой половине XX в. до систематического изучения всей совокупности дьяковских древностей в границах Москвы, включая «прорыв» на Боровицком холме в конце XX – начале XXI в. Особую роль в этом процессе сыграли спасательные археологические работы на территории Московского Кремля, неоднократно проводившиеся в связи с реставрацией и строительством.

Дьяковские памятники Москвы являются не только ключевыми для понимания раннего железного века Волго-Окского междуречья, но и уникальным «полигоном» археологической методологии, на котором отрабатывались приемы полевых исследований и подходы к интерпретации, впоследствии ставшие стандартом для всей лесной зоны Восточной Европы. От первых любительских раскопок XIX века до высокотехнологичных междисциплинарных проектов 2025 г. – таков путь, пройденный археологией Москвы, и дьяковская культура была и остается в центре этого пути.

Список литературы:

1.Арциховский А.В. Основные вопросы археологии Москвы // Материалы и исследования по археологии Москвы. – Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 7–22.

2.Ахмедов И.Р., Биркина Н.А., Черненко В.Г. Клад Дьякова городища. Новый взгляд на классические находки // Краткие сообщения Института археологии. 2024. – № 276. С. 192–208. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.276.192-208 EDN: BSLCPI

3.Бадер О.Н. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 88–167.

4.Владимирская Н.С. Археологическое изучение северной части Соборной площади Московского Кремля // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования. М.: Искусство, 1985. С. 7–16.

5.Гороховский Е.Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Проблемы хронологии археологических памятников. Киев: Наукова думка, 1982. С. 125–140.

6.Коваль В.Ю., Панова Т.Д., Осипов Д.О., Энговатова А.В., Беляев Л.А., Кренке Н.А., Олейников О.М. Раскопки в Тайницком саду Московского Кремля // Археологические открытия 2007 года. М.: ИА РАН, 2010. – С. 133–137. EDN: RVBLBD

7.Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Критерии выделения археологических культур в каменном веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – №7. – С. 9–17. EDN: VDLPKT

8.Кренке Н.А. Артефакты бронзового и раннего железного веков на территории Боровицкого холма и его окрестностей // Памятники материальной культуры IV тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.: каталог. М.: Музеи Московского Кремля, 2010. – С. 47–54.

9.Кренке Н.А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. – 548 с. ISBN: 978-5-94375-104-2 EDN: RBASET

10.Кренке Н.А. Дьяково городище: методы исследований // Восточная Европа в средневековье. М.: ИА РАН, 2004. – С. 172–192. EDN: TTBYLZ

11.Кренке Н.А. Дьяковская культура // Большая российская энциклопедия. – URL: https://old.bigenc.ru/archeology/text/1972130 (дата обращения: 15.02.2026).

12.Кренке Н.А. Финал дьяковской культуры в Подмосковье // Краткие сообщения Института археологии. – 2014. – №. 235. – С. 342–362. EDN: TVYBTF

13.Лопатина О.А., Коваль В.Ю. Новые данные о Боровицком холме Москвы в железном веке (по керамическим материалам) // Российская археология. – 2022. – № 3. – С. 152–167. DOI: 10.31857/S0869606322030102 EDN: LJYYYJ

14.Сизов В.И. Дьяково городище близ Москвы // Труды IX Археологического съезда в Вильне. 1893. Т. II. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1898. – С.12.

15.Новые сведения о городищах дьякова типа / А. А. Спицын. – [Санкт-Петербург]: тип. И. Н. Скороходова, [1905]. – 12 с.

16.Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. – 308 с.

17.Файферт А.В. Археологическая культура и структура археологической науки // Теория и практика археологических исследований. –2022. – Т. 34. – № 1. – С. 9–29. DOI: 10.14258/tpai(2022)34(1).-01 EDN: JWLBUT

18.Филимонов Г.Д. Дьяково городище // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. VI. М.: Синод. тип., 1876. – С. 106–108.

19.Черненко В.Г., Коваленко Е.С., Гурьева П.В., Терещенко Е.Ю., Яцишина Е.Б. Погремушки дьяковской культуры в собрании Государственного исторического музея: рентгеновская итомография // Краткие сообщения Института археологии. – 2025. № 279. – С. 261–275. EDN: ZUQGOI

20.Шеляпина, Н. С. Археологические исследования в Успенском соборе / Н. С. Шеляпина // Государственные музеи Московского Кремля: материалы и исследования. – Москва : Искусство, 1973. – №1. – С. 54–63.

ОБЩЕСТВО

УДК 271.2:364.4

Баннов И. А.
Саратовская православная духовная семинария, Саратов, Россия

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ ПОДРОСТКОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Аннотация. Статья посвящена анализу нормативно-правовой и методологической базы социального служения подростковых организаций Русской Православной Церкви. В работе последовательно рассматриваются основополагающие документы, регламентирующие данную деятельность: определения Архиерейских соборов, «Социальная концепция РПЦ» и документ «О принципах организации социальной работы». Особое внимание уделяется «Концепции организации молодежной работы» 2022 года, где подростки определяются как особая социально-демографическая группа. Автор исследует методологические источники, базирующиеся на святоотеческом наследии и трудах православных педагогов (прот. В. Зеньковский), и выделяет ключевые педагогические шаги на пути к благочестию: послушание, добровольность, соучастие, дистанцирование и ответственность. В заключении систематизируются практические направления служения подростков, включая экологическое волонтерство и помощь детям-сиротам.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, социальное служение, подростковые организации, концепция молодежной работы, методология православной педагогики, волонтерство, нормативно-правовые документы.

Основными официальными документами, регламентирующих социальную деятельность Русской Православной Церкви, являются определения Архиерейских и Поместных соборов. На основе их фундаментальных принципов и направлений социального служения составляются акты Священного Синода, Высшего Церковного Совета и Синодальных отделов.

В истории XX века, особенно его второй половины Русская Православная Церковь на территории СССР испытывала притеснения со стороны советской власти, из-за чего не могла заниматься социальным служением в полной мере. После того, как произошло падение Советского Союза, перед Русской Православной Церковью встала задача заново осмыслить свое место в обществе и как взаимодействовать с государством. Как отмечается в кратком аналитическом обзоре протоиерея Владимира Башкирова, «нужно было сформулировать общие принципы отношения Церкви к насущным проблемам

различных сфер человеческой деятельности и дать им нравственную оценку. Работа оказалась не простой и длилась несколько лет: с 1994 2000 год» [1].

Важным документом, принятым Архиерейским собором 2011 года является определение «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви».

Особого внимания заслуживает пункт 18 данного определения, где Собор указывает на «необходимость активизации работы на приходах Русской Православной Церкви штатных оплачиваемых должностей педагога, социального работника и ответственного за работу с молодежью» [2, с.517]. Это решение стало поворотным моментом, так как признало необходимость профессионализации церковной социальной и молодежной работы. Однако, Собор, проявив пастырскую рассудительность, отметил, что, «учитывая неизбежные трудности в осуществлении этого решения, на первом этапе эти должности следует вводить в крупных городских приходах». Помимо этого, в данном пункте указывается, что «штатные оплачиваемые сотрудники должны быть в каждом благочинии, с тем чтобы они помогали всем настоятелям в каждом благочинии развивать соответствующую работу» [2, с.517].

Другим пунктом этого же соборного определения (п. 26) посвящен организации детских приютов при монастырях и приходах. Собор отмечает, что это «является благим и спасительным делом», и констатирует, что «в подавляющем большинстве церковных приютах дети, будучи окружены любовью, поучают идеальное воспитание» [2, с.517]. В то же время, участники Собора предостерегают от неправильной мотивации, когда «монашествующие воспринимают учрежденные ими приюты исключительно как базу для подготовки пополнения монастырей, фактически навязывая детям выбор монашеского пути» [2, с.518]. Данное предостережение участников Собора необходимо понимать как общей философии церковного социального служения: оно должно быть свободным от корыстных интересов социального работника, и направленно исключительно на благо нуждающегося человека.

Пункт 36 того же соборного определения напоминает о главных задачах Церкви – «богозаповеданная проповедь Евангелия и совершение таинства Евхаристии», подчеркивая, что социальное служение, хотя и не является первоочередной целью, есть неотъемлемая часть церковной жизни. Собор цитирует слова Спасителя из 25-й главы Евангелия от Матфея: «Приидите благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от сложения мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25, 34-36) [2, с.518]. Таким образом, социальное служение получает высшее богословское основание: помогая ближнему, мы тем самым служим самому Христу, Который во Втором Своем пришествии воздаст каждому по мере его добрых дел.

Итоговые документы Общецерковных съездов по социальному служению, последний из которых (XI) состоялся в 2024 году, также является важным источником для конкретизации направлений развития социального служения. В итоговом документе XI съезда, утвержденным Святейшим Патриархом Кириллом, особое внимание уделяется поддержке семьи с детьми. Епархиям рекомендовано «развивать церковные проекты, направленные на поддержку семьи с детьми», создавать «епархиальные центры комплексной помощи семьям, организовывать дома/квартиры, для мам/семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, а также гуманитарные центры, православные центры семейного устройства, православные детские сады и семейные лагеря» [3]. Примером детского сада в Мелекесской и Чердаклинской епархии является МАДОУ «Детский сад №47 "Веселинка"» [4] в городе Димитровград, где детей в течении более 5 лет воспитывают основам православной веры [5].

Таким образом, документы высшего церковного уровня задают стратегическое направление, подчеркивая необходимость системной, профессиональной и милосердной социальной работы, обращенной ко всем нуждающимся, включая самые уязвимые группы – детей и подростков. Именно на данных документах базируются более детальные концепции и методологические рекомендации.

Основным документом, определяющим отношение Русской Православной Церкви к широкому кругу общественных явлений, является «Социальная концепция Русской Православной Церкви», принятая на Юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 году. Главной целью этого документа является – сформулировать отношение Церкви ко многим общественным явлениям: государству, экономике, войне, преступности, биотехнологиям и прочим общественным проблемам

В Основах социальной концепции дается определение Церкви как «собранию верующих во Христа, в которое Им Самим призывается войти каждый» [6]. При этом необходимо учитывать, что жизнь в Церкви – это непрестанное служение Богу и ближним, тем самым показывая, что члены Церкви обязаны активно взаимодействовать с обществом на принципах христианской нравственности. Важно заметить, что Концепция устанавливает принципы, которыми должна руководствоваться социальная деятельность на всех уровнях: от общецерковного до приходского.

Другим основным документом, конкретизирующим положения Социальной концепции применительно к практической деятельности, является «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви», принятым Архиерейским Собором 4 февраля 2011 года.

Данный документ дает четкое определение того, что Церковь понимает как социальное служение. «Социальное служение Церкви (благотворительность, социальная деятельность, дьякония) – это инициируемая,

организованная, контролируемая и финансируемая Церковью или с помощью Церкви деятельность, имеющая своею целью оказание помощью нуждающимся» [7].

В данном определении важно каждое слово. Под «инициируемая Церковью» понимается, что источником такой деятельности является церковная община, а не сторонние силы. Под «организованная и контролируемая» подразумевается, что социальная деятельность не может быть спонтанной; она требует продуманной системы управления, распределения обязанностей и постоянного контроля. Под «финансируемая» понимается не разовое пожертвование, а деятельность, требующая ресурсного обеспечения.

Согласно документу, в основе всей социальной работы Церкви, лежит евангельская заповедь о любви: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга. Потому узнают все, что вы Мои ученики, если будите иметь любовь между собою» (Ин. 13, 34-35). Данной заповедью Иисус Христос установил главный критерий христианской веры – свидетельство о вере через служение ближним.

При этом важным аспектом в данном документе является помощь всем нуждающимся, не ограничиваясь «религиозными, национальными, государственно-политическими или социальными рамками» [7]. Это показывает, что помощь необходимо предоставлять всем нуждающимся, не смотря на его происхождение.

Также в документе вводится понятие «координатора социальной деятельности» - клирика или мирянина, являющегося штатным сотрудником церковного института. Это положение, как и соборное решение 2011 года о введение штатных должностей, направленно на профессионализацию социальной работы.

Таким образом, «Основы социальной работы Русской Православной Церкви» и документ «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви» составляют нормативно-методологическую базу для всей социальной деятельности Церкви, в том числе и для работы с подростками. Данные документы определяют цель, задачи, принципы и основные направления социальной работы.

Основным документом, конкретизирующим работу с подростками в целом, является «Концепция организации молодежной работы и молодежного служения в Русской Православной Церкви», принятая Священным Синодом 24 марта 2022 года (журнал №19) [8]. Как указано в преамбуле данного документа, он «является развитием Концепции молодежного служения 2000 года и содержит в себе некоторые дополнения к документу «Об организации молодежной работы» 2011 года» [9].

Также в преамбуле Концепции указаны следующие направления молодежной работы: миссионерская, духовно-просветительская,

катехизическая, пастырская и социальная деятельность. Тем самым, социальная работа является одной из частей молодежной работы.

В основных понятиях Концепции дается определение Молодежи (молодого поколения) как «особо социально-демографической группе людей, отличающейся возрастными рамками и переживающей активный период становления социальной зрелости, формирования духовных ценностей и нравственных ориентиров» [9]. В документе возрастные рамки молодого поколения определены от 14 до 35. Это показывает, что данная Концепция напрямую связана с подростками.

Основной целью Концепции является воцерковление молодежи и привидения ее к Христу. Одной из основных задач Концепции является приобщение молодежи к церковному и общественно полезному служению, тем самым показывая, что социальное служение подростков является важной задачей в их воспитании.

Особое внимание заслуживает пункт 3.3 в Концепции, посвященный подросткам, возрастные рамки которых устанавливаются от 12 до 17 лет. В данный период у подростка начинает формироваться индивидуальность, он начинает исследовать свои возможности и изучать перспективы своего потенциала в жизни общества. Поэтому в данный период Церкви важно наставить его на путь служения Богу и людям. Но при этом важно помнить, что в данный период у подростка происходит изменения характера, в виде критического отношения к авторитетам, проявление потребности в общении со сверстниками. По этой причине Церкви важно уберечь подростка от того, чтобы он не пошел по «пространному пути, ведущему в погибель» (Мф. 7, 13) и наставить ходить «в законе» Христовом (Пс. 118, 1).

Таким образом, исследовав «Концепцию организации молодежной работы и молодежного служения в Русской Православной Церкви» приходишь к выводу, что предыдущие и данный документ создают прочную нормативную базу для методологии, которая будет рассмотрена дальше.

Помимо святоотеческого наследия, которое было рассмотрено ранее, на которое базируется методология социальной работы подростковых организаций Русской Православной Церкви, важное место занимают педагогические труды православных педагогов.

Ключевой идеей православной педагогики, применительно к социальному служению сформулировал протоиерей Василий Зеньковский. В своем труде «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» протоиерей Василий Зеньковский четко сформулировал цель воспитания в православии как «помощь детям в освобождении их от власти греха через благодатное восполнение, находимое в Церкви, помощь в раскрытии образа Божия» [10]. Тем самым протоиерей Василий Зеньковский показывает цель для каждого – через социальное служение прийти к образу и подобию Божию. Также важно учесть,

что через социальное служение подросток находит свое место в жизни общества через активное участие посредством добрых дел.

Продолжая идею протоиерея Василия Зеньковского, протоиерей В. Хулап и И.В. Астэр составили коллективную монографию «Организация работы с подростками и молодежью в Русской Православной Церкви», посвященную прикладным аспектам социальному служению подростков. В данной монографии рассматриваются технологии работы с добровольцами, пастырское и психолого-педагогическое сопровождение подростка в Церкви, а также опыт с деликвентными подростками и детьми-сиротами.

В монографии важным пунктом становления молодого человека является его развитие в доброделании. В 4 главе монографии «Организационные аспекты добровольческой деятельности» Т.Н. Коваленко и В.А. Павлова выделяют следующие «сопутствовавшие задачи» - шаги на пути к должному образу жизни – благочестию [11, с. 99].

Первый шаг на данном пути – это послушание, смирение эгоистических пороков и гордыни [11, с. 99]. Послушание помогает подростку исполнять волю Божию, которая указывает на путь спасения – через деятельную любовь к ближним стяжать в себе образ Божий.

Вторым шагом на пути является добровольность [11, с. 99]. Добровольность предполагает, что участникам социального служения не будут агрессивно навязываться проповедь о любви, духовности и Боге. Данная позиция крайне важна по отношению к подростку, так как учитывает его личный опыт в духовном росте, при условии ненавязчивого ведения подростка в духовной жизни опытным духовником.

Третьим шагом является открытость и соучастие [11, с. 99]. Данные шаги указывают на то, что подросток должен не просто совершать социальное служение «для галочки», а принимать в нем активное участие, в такой мере, чтобы сострадать нуждающемуся.

Четвертым шагом на пути служения является дистанцирование [11, с. 99-100], которое предполагает невмешательство в личные взгляды получателя помощи, тем самым показывая, что помощь должна предоставляться любому, не смотря на его личные качества и происхождение.

Пятый шаг христианина – это социальная ответственность [11, с. 99-100]. Социальная ответственность учит подростка брать ответственность за поступок и его последствия, уча его продумывать последствия его поступков и их результатов в будущем.

Теоретико-методологическая база, заложенная в официальных документах, а также в святоотеческом наследии и трудах педагогов и методистов, находит своё выражение в реальной практике социального служения православных подростковых организаций. На основе анализа материалов Синодального отдела по делам молодежи и публикаций в

епархиальных СМИ можно выделить несколько основных направлений этой деятельности.

Волонтёрская помощь в экологических и социальных проектах. Это направление является наиболее массовым. Оно включает в себя уборку прихрамовых территорий, участие в городских субботниках, помощь в устранении последствий чрезвычайных ситуаций. Ярким примером может служить помощь православных добровольцев, включая подростков, в ликвидации последствий экологической катастрофы на Черноморском побережье. Для подростков такой опыт становится не только практикой милосердия по отношению к Божьему творению, но и формой патриотического воспитания — заботы о своей земле.

Забота о пожилых людях. Во многих епархиях практикуются акции, в которых подростки посещают одиноких пожилых людей, поздравляют их с праздниками, передают продуктовые наборы, помогают по хозяйству. Эта форма особенно ценна для формирования у подростков уважения к старшим, развития эмпатии и чувства ответственности.

Помощь детям-сиротам и детям с ограниченными возможностями. Подростковые организации активно участвуют в акциях по сбору игрушек, книг, одежды для детских домов и интернатов. Некоторые отряды БПС практикуют регулярное шефство над учреждениями: подростки приходят общаться с детьми, играют с ними, помогают педагогам. Для самих подростков-волонтёров это общение становится школой милосердия, учит их видеть за «другим» человека, достойного любви и уважения.

Заключение

Исходя из представленных в Социальной концепции Русской Православной Церкви и Концепции организации молодежной работы и молодежного служения в Русской Православной Церкви направлений, церковному работнику с подростками предоставлено множество направлений работы. Особо выделен в Концепции организации молодежной работы и молодежного служения в Русской Православной Церкви подростковый возраст (12–17 лет) как период формирования индивидуальности, когда Церковь должна уберечь от «пространного пути» (Мф. 7,13). При этом можно учитывать, что можно развивать и свои проекты, не противоречащие Священному Писанию и Священному Преданию, а также благословению настоятеля прихода.

Ключевая идея православной педагогики (прот. Василий Зеньковский) – помощь в раскрытии образа Божия через доброделание. Шаги на этом пути: послушание, добровольность, соучастие, дистанцирование (уважение к личности получателя помощи), социальная ответственность. Современные подростковые организации, такие как Братство православных следопытов и Организация Русских Юных Разведчиков, реализуют Большую Георгиевскую игру, доставку Благодатного огня, православные лагеря, паломничества,

волонтерские акции. Примеры из Кемеровской, Курской, Саратовской епархий показывают эффективность шефства над пожилыми и детскими домами.

Список литературы:

1. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (краткий аналитический обзор) // Официальный портал Белорусской Православной Церкви : сайт. – URL: http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0031/Page1503.html (дата обращения: 26.05.2026).
2. Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1 : Деятельность Русской Православной Церкви. – М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. – 656 с.
3. Опубликован итоговый документ XI Общецерковного съезда по социальному служению // Тюремное служение: сайт. – 2024. – URL: https://anastasia-uz.ru/news/opublikovan_itogovyj_dokument_xi_obshhecerkovnogo_sezda_po_socialnomu_sluzheniju/2024-03-21-39764 (дата обращения: 26.05.2026).
4. МБДОУ «Детский сад № 47 «Веселинка»»: официальный сайт. – URL: https://47veselinka.gosuslugi.ru/ (дата обращения: 26.05.2026)
5. 14 декабря 2023 года в МБДОУ «Детский сад № 47» // Мелекесская и Чердаклинская епархия: ВКонтакте. – URL: https://vk.com/wall-74767160_9071 (дата обращения: 26.05.2026).
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Патриархия.ru : официальный сайт Русской Православной Церкви. – URL: https://www.patriarchia.ru/article/105101 (дата обращения: 22.10.2025).
7. О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви // Московская (городская) епархия Русской Православной Церкви : сайт. – URL: https://moseparh.ru/o-principax-organizacii-socialnoj-raboty-v-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi.html (дата обращения: 22.10.2025).
8. Журналы Священного Синода от 24 марта 2022 года // Патриархия.ru : официальный сайт Русской Православной Церкви. – 2022. – URL: https://www.patriarchia.ru/article/103064 (дата обращения: 26.05.2026).
9. Концепция организации молодежной работы и молодежного служения в Русской Православной Церкви. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/kontseptsija-organizatsii-molodezhnoj-raboty-i-molodezhnogo-sluzhenija-v-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/ (дата обращения: 21.12.2023).
10. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Ч. 1. Общие принципы / Проф. В.В. Зеньковский. - Париж: YMCA Press, 1934. – 258 с.
11. Организация работы с подростками и молодежью в Русской Православной Церкви: коллективная монография / Под ред. прот. В. Хулапа, И. В. Астэр. – СПб.: РХГА, 2017. – 302, [1] с.

УДК 391:7.079(470.6)

Долинская А. Ю.
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕХАНИЗМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ФЕСТИВАЛЯ ЭТНИЧЕСКОЙ МОДЫ КАВКАЗА

Аннотация. В статье анализируются современные модели организации и механизмы устойчивого развития фестиваля этнической моды Кавказа. Рассматриваются культурно-образовательная, инновационно-цифровая и экономико-креативная модели, а также их интеграция в образовательное пространство, развитие партнёрских сетей, цифровизация и вовлечение местного сообщества. Особое внимание уделяется роли фестиваля как инструмента сохранения культурного наследия, формирования межкультурных компетенций и поддержки креативной экономики региона.

Ключевые слова: Фестиваль этнической моды, культурное образование, устойчивое развитие, креативная экономика, цифровизация, культурное наследие, Кавказ.

Введение

В современном научном дискурсе мода рассматривается как сложный семиотический феномен, который не только отражает, но и активно формирует культурные установки, социальные маркеры и эстетические предпочтения общества. В этом контексте этническая мода приобретает особую педагогическую ценность, выступая как многофункциональный инструмент для организации культурного образования. Она позволяет органично интегрировать в образовательный процесс глубокое погружение в многообразие мировых культур, что способствует формированию не только эрудиции, но и ключевых межкультурных компетенций, развитию критического мышления и формированию позитивного отношения к культурному наследию.

Исследование дидактического потенциала этнической моды открывает новые перспективы для воспитания молодого поколения в духе уважения к культурным традициям и их сохранению. В условиях глобализации и унификации культурных форм фестиваль этнической моды Кавказа приобретает особую значимость как фактор сохранения культурной идентичности и устойчивого развития территорий. [2]

Подобные мероприятия становятся не только площадкой для демонстрации уникальных традиций, но и важным инструментом культурного образования, формирования межкультурных компетенций и поддержки креативной экономики. В связи с этим актуализируется задача разработки и

внедрения эффективных моделей организации и механизмов устойчивого развития таких фестивалей.

Модели организации фестиваля этнической моды

Культурно-просветительская

Каждый элемент этнического костюма, рассматриваемый как культурный феномен, представляет собой концентрированное хранилище информации о прошлом, религиозных воззрениях, социальной организации, хозяйственной деятельности и эстетических принципах определённого народа. Орнаментальные композиции зачастую выходят за рамки простого декора, выступая в роли сложных знаковых систем. Анализ этих символов в контексте развития моды позволяет перейти от поверхностного знакомства к глубокому осмыслению культурного нарратива.

Традиционные технологии текстильного производства, способы окрашивания, аппликации и вышивки раскрывают не только уровень технологического развития, но и экологическую мудрость, ритуальную значимость и степень трудоёмкости, присущие историческим практикам. Рассматривая костюм как динамичную совокупность элементов, подверженных трансформациям во времени, можно проследить влияние социальных, экономических, миграционных и климатических процессов на жизнь сообществ, что демонстрирует моду как живой, развивающийся феномен, а не статичный артефакт. [6]

Цветовая палитра, выбор материалов, особенности кроя и силуэта формируют уникальный визуальный код, который подлежит интерпретации и осмыслению в образовательном процессе. В рамках **фестиваля этномоды** эти аспекты становятся предметом не только экспонирования, но и активного обсуждения: участники и гости получают возможность погрузиться в символику костюма, освоить традиционные ремесленные техники и осознать роль моды как инструмента сохранения и трансляции культурного наследия. Такой подход способствует формированию у молодого поколения уважения к традициям и развитию межкультурных коммуникаций. [7]

Фестиваль строится как комплексное событие, интегрирующее показы коллекций, мастер-классы, лекции, интерактивные экспозиции и исследовательские проекты. Основная цель — не только демонстрация, но и глубокое погружение в культурный контекст, формирование у участников и зрителей уважения к многообразию традиций Кавказа. Изучение костюма как исторического источника позволяет формировать уважение к иным культурам, преодолевать стереотипы и развивать критическое мышление.

Инновационно-цифровая

Представляет собой комплексный подход, основанный на интеграции современных информационных технологий во все этапы подготовки и проведения мероприятия. Ключевым элементом данной модели выступает

създание специализированной онлайн-платформы, которая функционирует для хранения и распространения контента, связанного с этнической модой Кавказа. На этой платформе размещаются виртуальные экспозиции, видеолекции и мастер-классы от ведущих экспертов и мастеров региона. Такой подход позволяет преодолеть географические и временные ограничения, обеспечивая доступ к культурному наследию широкой аудитории по всему миру. В рамках модели активно используются инструменты **виртуальной (*VR*) и дополненной (*AR*) реальности** для создания иммерсивных выставок и интерактивных показов. Посетители могут в режиме онлайн «примерить» элементы костюма, изучить детали орнаментов и узнать их символическое значение. [10]

Важной частью инновационной модели является организация **серии вебинаров и онлайн-курсов**, посвящённых истории, технологиям и дизайну этнической моды. Это способствует не только популяризации традиций, но и формированию профессиональных компетенций у молодых дизайнеров. Цифровизация позволяет создать **единый реестр мастеров и ремесленников,** что упрощает поиск контактов и организацию коллабораций. Фестиваль становится площадкой для запуска **цифровых стартапов** в сфере креативных индустрий, поддерживая инновационные проекты на стыке моды и технологий.

Благодаря онлайн-трансляциям и медийному сопровождению **информационный охват** мероприятия многократно возрастает, привлекая внимание СМИ и потенциальных партнёров. Таким образом, инновационно-цифровая модель обеспечивает не только устойчивое развитие самого фестиваля, но и способствует сохранению и актуализации культурного наследия Кавказа в глобальном информационном пространстве.

Экономико-креативная

Фестиваль рассматривается как драйвер развития креативной экономики региона и инструмент поддержки традиционных ремёсел. В основе данной модели лежит интеграция культурных, образовательных и коммерческих инициатив, направленных на создание устойчивых экономических эффектов и повышение инвестиционной привлекательности территории. Фестиваль становится площадкой для продвижения продукции народных промыслов, что способствует росту доходов мастеров и ремесленников, а также формирует новые рынки сбыта для аутентичных изделий. Важным элементом модели является организация ярмарок, где дизайнеры могут напрямую взаимодействовать с покупателями и партнёрами. Фестиваль привлекает туристов, что положительно сказывается на развитии гостиничного и ресторанного бизнеса, транспортной и сервисной инфраструктуры региона. [9]

Сотрудничество с инвесторами и бизнес-структурами обеспечивает приток капитала в сферу креативных индустрий и народных ремёсел. В рамках модели реализуются образовательные и наставнические программы, направленные на повышение предпринимательской компетенции участников. Таким образом, экономико-креативная модель способствует не только сохранению культурного наследия, но и его адаптации к современным экономическим реалиям. В долгосрочной перспективе фестиваль становится катализатором устойчивого социально-экономического развития, формируя уникальный имидж Кавказа как центра этнокультурных инноваций.

Механизмы устойчивого развития фестиваля

Ключевым механизмом выступает **системная интеграция фестиваля в региональное образовательное пространство**, что позволяет формировать устойчивый интерес к традициям у молодёжи и обеспечивать преемственность знаний. Важную роль играет **развитие многоуровневых партнёрских сетей**, включающих органы власти, бизнес, образовательные учреждения и некоммерческие организации. **Цифровизация и создание электронных архивов** коллекций, мастер-классов и исследовательских материалов обеспечивают сохранность культурного наследия и его доступность для широкой аудитории.

Вовлечение местного сообщества через волонтёрские программы, мастерские и конкурсы способствует формированию чувства сопричастности и ответственности за сохранение традиций. **Регулярное проведение мониторинга и оценки** результатов позволяет своевременно корректировать программу фестиваля и адаптировать его к изменяющимся условиям.

Развитие межрегионального сотрудничества и обмен опытом способствует внедрению лучших практик и повышению престижа мероприятия. **Создание системы наставничества** обеспечивает передачу уникальных ремесленных навыков от мастеров к молодёжи. **Формирование устойчивой медийной стратегии** с использованием цифровых платформ и социальных сетей способствует расширению информационного охвата. **Поддержка локальных производителей** и развитие сувенирной продукции стимулируют экономическую активность в регионе. **Внедрение экологических стандартов** в организацию фестиваля демонстрирует приверженность принципам устойчивого развития. **Разработка долгосрочной стратегии** с чёткими целями и показателями эффективности обеспечит преемственность управления. **Привлечение грантовых средств** и участие в федеральных и международных программах поддержки культуры расширит финансовые возможности. В совокупности эти механизмы сформируют прочную основу для сохранения, развития и популяризации этнической моды Кавказа на долгосрочную перспективу.

Заключение

Фестиваль этнической моды Кавказа — это не только праздник красоты и творчества, но и эффективный механизм культурного образования, сохранения наследия и устойчивого развития региона. Комплексный подход, сочетающий образовательные, инновационные и экономические модели, позволяющие создавать долгосрочные позитивные изменения, поддерживать креативную экономику и формировать новое поколение носителей культурных традиций. Внедрение **инновационно-цифровых решений** обеспечивает широкий доступ к уникальным коллекциям и знаниям, способствует популяризации культурного наследия в глобальном информационном пространстве и формирует единое цифровое пространство для обмена опытом между мастерами, дизайнерами и исследователями.

Экономико-креативная модель фестиваля становится катализатором развития малого и среднего предпринимательства, стимулирует интерес инвесторов к креативным индустриям Кавказа и способствует формированию новых этнобрендов, востребованных на внутреннем и внешнем рынках. Системная работа по **вовлечению местного сообщества**, развитию партнёрских сетей и интеграции фестиваля в образовательные программы вузов и колледжей формирует устойчивую социальную базу для сохранения и развития традиций.

Таким образом, фестиваль этномоды выступает стратегическим ресурсом для достижения целей устойчивого развития региона, способствуя укреплению культурной идентичности, экономическому росту и формированию позитивного имиджа Кавказа как центра этнокультурных инноваций.

Список литературы:

1. Абсаликова, А.А. Народный костюм как способ сохранения культурного наследия / А.А. Абсаликова // Культурное наследие народов Алтая и сопредельных территорий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Горно-Алтайск, 12 мая 2021 года / Ответственный редактор С.Б. Сарбашева. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2021.

2. Авдеева, Е.А. Русская народная одежда как историко-культурный феномен. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 286 с.

3. Балашова, Е. С. Этнографические основы народного костюма. — М.: Искусство, 1989. — 208 с.

4. Бларамберг, И. Кавказская рукопись. Историческое, топографическое, статистическое, географическое описание Кавказа прошлого века. Ставропольское книжное издательство: Ставрополь, 1992.

5. Галимова, Н. В. Проблемы интеграции и сохранения культурной идентичности народов Кабардино-Балкарии / Н. В. Галимова // Таврические студии. Серия: Культурология. – 2015. – № 7. – С. 87-93. – EDN WIDGJV.

6. Зайцев, В. М. Этот многоликий мир моды. М.: 1982.

7. Кравцова, Е.В. Мифологические основы этнического костюма // Культурологический журнал. — 2013. — № 2 (12). URL: https://www.hrono.ru/statii/2013/kravtova_2013.pdf (дата обращения: 15.05.2024).

8. Мода и люди : новая теория моды и мод. поведения / А. Б. Гофман. - 3-е изд., доп. - М. [и др.] : Питер, 2004. - 208 с. : ил., табл.; 20 см.; ISBN 5-469-00129-6

9. Нравственные аспекты и системный характер традиций этнической культуры (на материалах народов Северного Кавказа) / А. М. Малкандуев. - Нальчик : Полиграфсервис и Т, 2004 (ООО Полиграфсервис и Т). - 162 с. : схема; 20 см.; ISBN 5-93680-106-3

10. Преображенская, М.М. Использование технологий виртуальной реальности и 3D технологий для создания оптических иллюзий при формировании восприятия народного творчества у студентов-дизайнеров / М. М. Преображенская, И. Н. Банк, М. С. Волохов // Мир науки. Педагогика и психология. — 2025. — Т. 13. — № 1.

УДК 1:61

Хамхоева С. М.
Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия

БОЛЕЗНЬ КАК ФИЛОСОФСКИЙ И ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: Статья посвящена философскому осмыслению болезни как особого жизненного и экзистенциального опыта человека. Рассматривается влияние заболевания на восприятие тела, времени, свободы, зависимости от окружающих и жизненных ценностей. Подчеркивается, что болезнь не сводится только к медицинской проблеме, поскольку затрагивает внутренний мир личности, проблему страдания, одиночества и социальной изоляции. Делается вывод о необходимости гуманитарного подхода к пониманию болезни, при котором в центре внимания находится не только диагноз, но и переживания самого человека.

Ключевые слова: болезнь, философия болезни, экзистенциальный опыт, страдание, тело, жизненные ценности, гуманитарный подход.

Введение. Болезнь обычно рассматривается как медицинская проблема, связанная с нарушением работы организма. Однако она влияет не только на физическое состояние человека. Заболевание меняет образ жизни, отношение к себе, к окружающим людям и к собственному будущему. Поэтому болезнь можно рассматривать не только как физиологическое состояние, но и как особый жизненный опыт человека.

В повседневной жизни человек редко задумывается о собственном теле. Пока организм функционирует нормально, тело воспринимается как естественная основа человеческой активности. Но болезнь разрушает это привычное состояние. Человек начинает ощущать ограничения, зависимость от физического состояния и собственную уязвимость. Особенно ярко это проявляется при тяжелых или хронических заболеваниях, когда болезнь становится частью повседневной жизни.

Философское осмысление болезни связано с вопросами человеческого существования, свободы, страдания и конечности жизни. Болезнь заставляет человека иначе воспринимать время, отношения с окружающими и собственные жизненные ценности. В этом смысле она становится опытом, через который человек глубже понимает самого себя.

Болезнь как изменение привычной жизни. Заболевание существенно меняет привычный уклад жизни человека. Простые действия, которые раньше выполнялись автоматически, начинают требовать усилий. Повседневная жизнь начинает зависеть от физического состояния человека, лечения и различных ограничений.

В. Е. Семенков отмечает, что «опыт болезни – важнейшая составляющая повседневного опыта жизни любого человека» [1]. Болезнь изменяет привычную структуру человеческой жизни и влияет на восприятие человеком самого себя.

Одним из главных последствий заболевания становится изменение отношения к собственному телу. В обычной жизни человек почти не замечает свое тело, но во время болезни оно постоянно напоминает о себе через боль, слабость или физический дискомфорт. Тело перестает быть «незаметным» и становится центром внимания человека.

Кроме того, болезнь влияет на восприятие времени. Для здорового человека время связано с планами и возможностями. Человек строит будущее, ставит цели и воспринимает жизнь как движение вперед. Во время болезни отношение ко времени меняется. Будущее становится менее определенным, а внимание сосредотачивается на настоящем состоянии организма, лечении и ожидании улучшения.

Болезнь также разрушает представление человека о собственной независимости. Даже самостоятельный человек в ситуации тяжелого заболевания нуждается в помощи врачей, родственников и близких людей. Это заставляет человека осознать собственную ограниченность и зависимость от окружающих.

Мишель Фуко в работе «Рождение клиники» писал, что медицина постепенно начала рассматривать человека прежде всего через его болезнь и симптомы [2]. В результате личность больного человека нередко отходит на второй план, а главным становится диагноз.

В результате меняется не только физическое состояние человека, но и его привычное восприятие собственной жизни.

Экзистенциальный смысл болезни. Особое место проблема болезни занимает в экзистенциальной философии. Экзистенциалисты рассматривали человеческую жизнь как существование в условиях неопределенности, тревоги и конечности.

Карл Ясперс относил болезнь к «пограничным ситуациям», в которых человек наиболее остро осознает собственное существование [3]. Пограничные ситуации невозможно полностью преодолеть, поскольку они являются частью человеческой жизни. Именно в таких ситуациях человек сталкивается с вопросами смысла жизни, свободы и смерти.

В ситуации болезни человек особенно остро ощущает собственную уязвимость. В обычной жизни человеку кажется, что его существование является устойчивым и предсказуемым. Однако болезнь разрушает это ощущение стабильности и показывает, насколько хрупкой может быть человеческая жизнь.

В. В. Знаков пишет, что экзистенциальный опыт связан с «глубинными основаниями человеческого бытия» [4]. Болезнь становится одним из наиболее сильных экзистенциальных переживаний, поскольку затрагивает не только физическое, но и внутреннее состояние человека.

Кроме того, болезнь нередко приводит к переоценке жизненных ценностей. Многие вещи, которые раньше казались важными, начинают восприниматься иначе. Материальные достижения и повседневные проблемы могут утратить прежнее значение, тогда как отношения с близкими людьми, внутреннее спокойствие и сама жизнь начинают цениться гораздо сильнее.

Переживание болезни нередко сопровождается чувством одиночества. Даже при поддержке окружающих человек часто ощущает, что его переживания невозможно полностью разделить с другими людьми. Боль и страх остаются глубоко личным опытом.

Из-за этого болезнь становится не только источником страдания, но и поводом для переосмысления собственной жизни. Через подобный опыт человек начинает по-новому воспринимать себя и свое место в мире.

Болезнь и проблема страдания. Невозможно рассматривать болезнь отдельно от проблемы страдания. Заболевание связано не только с физической болью, но и с внутренними переживаниями человека: страхом, тревогой, чувством беспомощности и одиночества.

В современном обществе страдание чаще всего воспринимается как исключительно негативное явление, которого человек старается избежать. Однако философия показывает, что страдание является важной частью человеческого опыта.

В. Л. Лехциер отмечает, что болезнь представляет собой «особый человеческий опыт» [5]. Через переживание болезни человек начинает глубже понимать ценность жизни и собственную ограниченность.

Переживание страдания меняет отношение человека к самому себе. В обычной жизни человек редко задумывается о собственной хрупкости. Болезнь разрушает ощущение устойчивости и заставляет человека столкнуться с ограниченностью собственного существования.

При этом важно понимать, что болезнь не делает человека лучше автоматически. Страдание может привести как к внутреннему росту, так и к отчаянию или потере жизненного смысла. Многое зависит от характера человека, его жизненного опыта и поддержки со стороны окружающих.

Особенно тяжело переживаются хронические заболевания. В таких случаях болезнь становится частью повседневной жизни человека. Он вынужден постоянно существовать в условиях ограничений, что оказывает серьезное влияние на психологическое состояние.

Исследователи философии медицины подчеркивают, что современный медицинский подход нередко рассматривает человека только как носителя

заболевания, не уделяя достаточного внимания его внутреннему состоянию [6]. Поэтому сегодня все большее значение приобретает гуманитарный подход к пониманию болезни, при котором внимание уделяется не только лечению организма, но и переживаниям самого человека.

Болезнь и внутренний мир человека. Болезнь оказывает сильное влияние на внутренний мир человека. Она меняет не только физическое состояние, но и эмоциональное восприятие жизни. Человек, столкнувшийся с заболеванием, часто начинает по-другому относиться к своим мыслям, чувствам и поступкам. В такой ситуации особенно заметными становятся страх, тревога, надежда, терпение и стремление сохранить душевное равновесие.

Во время болезни человек может почувствовать неуверенность в будущем. То, что раньше казалось привычным и стабильным, становится менее определенным. Из-за этого возникает необходимость внутренней адаптации к новым условиям жизни. Человек учится принимать ограничения, приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам и искать новые источники сил.

Важную роль в переживании болезни играет отношение самого человека к своему состоянию. Одни воспринимают болезнь только как разрушение привычной жизни, другие видят в ней возможность задуматься о себе, о смысле своих поступков и о ценности каждого дня. Поэтому болезнь можно рассматривать как испытание, которое раскрывает глубинные стороны человеческой личности.

Такой опыт показывает, что человек не сводится только к своему телу или диагнозу. Даже в условиях физической слабости он сохраняет способность мыслить, чувствовать, надеяться и искать смысл в происходящем. Именно поэтому философское понимание болезни помогает увидеть в ней не только страдание, но и важный внутренний опыт.

Болезнь как переоценка жизненных ценностей. Одним из главных последствий болезни становится изменение отношения человека к жизни. Болезнь нередко заставляет человека пересмотреть собственные жизненные ценности и иначе взглянуть на повседневную жизнь.

То, что раньше казалось обычным и естественным, начинает восприниматься как особая ценность: возможность свободно двигаться, работать, общаться с близкими людьми. Человек начинает внимательнее относиться к собственной жизни и к тому, что раньше казалось привычным.

Кроме того, болезнь заставляет человека осознать ограниченность времени. В обычной жизни человек часто откладывает важные решения, считая, что впереди еще много времени. Болезнь разрушает это ощущение и делает время особенно значимым.

Через переживание болезни человек начинает иначе воспринимать собственное тело. Современная культура часто формирует представление о том, что человек полностью контролирует собственную жизнь и физическое состояние. Однако болезнь показывает ограниченность такого представления.

Валерий Подорога в работах о феноменологии тела подчеркивал, что тело является важнейшей основой человеческого восприятия мира [7]. Именно поэтому болезнь меняет не только физическое состояние человека, но и его отношение к окружающей действительности.

Социальное измерение болезни. Болезнь затрагивает не только личную жизнь человека, но и его отношения с обществом. Общество формирует определенные представления о здоровье, нормальности и болезни. Человек, столкнувшийся с серьезным заболеванием, нередко оказывается в ситуации социальной изоляции.

Прежде всего заболевание ограничивает участие человека в привычной социальной жизни. Он может утратить возможность работать, общаться с прежним кругом людей и вести привычный образ жизни. Кроме того, окружающие начинают воспринимать человека прежде всего через его заболевание.

Современное общество ориентировано на активность, продуктивность и физическое благополучие. В таких условиях болезнь часто воспринимается как слабость или отклонение от нормы. Это может приводить к тому, что человек чувствует себя исключенным из привычной общественной среды.

Кроме того, болезнь меняет отношения человека с окружающими людьми. Одни связи ослабевают, другие, наоборот, становятся более значимыми. В ситуации болезни человек особенно остро начинает понимать ценность поддержки, внимания и сочувствия.

Современная философия медицины все чаще говорит о необходимости гуманизации медицинского подхода. В центре внимания должен находиться не только диагноз, но и внутренний мир человека, его переживания и отношение к собственной болезни.

Заключение. Таким образом, болезнь представляет собой не только медицинскую проблему, но и важный жизненный опыт человека. Она меняет отношение человека к собственному телу, времени, окружающим людям и самому себе.

В ситуации болезни человек особенно остро осознает хрупкость собственного существования и ограниченность человеческих возможностей. Именно поэтому переживание болезни нередко приводит к переоценке жизненных ценностей и более глубокому пониманию собственной жизни.

Болезнь показывает, что человек не является полностью независимым и защищенным от жизненных обстоятельств. Через переживание боли, страха и ограничений человек начинает иначе воспринимать себя и окружающий мир.

Поэтому болезнь можно рассматривать не только как физиологическое состояние, но и как важную часть человеческого опыта.

Список литературы:

1. Семенков В. Е. Болезнь как соматический и экзистенциальный феномен // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2019. – № 2(32). – С. 188–193. EDN: BJGANU

2. Фуко Мишель. Рождение клиники: археология врачебного взгляда / пер. с фр. А. Ш. Тхостова. – М.: Смысл, 1998. – 307 с.

3. Ясперс Карл. Смысл и назначение истории. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

4. Знаков В.В. Экзистенциальный опыт: таинство и проблема // Психологические исследования. – 2018. – Т. 11, № 58. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnyy-opyt-tainstvo-i-problema (дата обращения: 12.04.2026).

5. Лехциер В.Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. – 312 с. ISBN: 978-609-8213-38-6 EDN: ZPIYFC

6. Тищенко П., Попова О., Белялетдинов Р. Биоэтика и биотехнологическое освоение будущего // Логос, 2025. – Т. 35. – № 5 (168). – С. 11–49.

7. Подорога Валерий Александрович. Феноменология тела. – М.: Ad Marginem, 1995. – 339 с.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 004.8:378.147

Михайловская К. В.
Государственный университет просвещения, Москва, Россия

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОЦЕНКЕ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ В ВУЗЕ

Аннотация. В данной статье дается определение искусственного интеллекта и отражены его основные технологии; приводится характеристика использования искусственного интеллекта при обучении студентов по иностранному языку; отражены ряд ограничений и проблем при использовании искусственного интеллекта в образовательной процессе; охарактеризованы особенности контроля знаний с помощью искусственного интеллекта: отмечено, что подразумевает использование искусственного интеллекта в оценке знаний студентов по иностранному языку на неязыковых факультетах в вузе; подчеркнуто, что внедрение искусственного интеллекта в оценочный процесс знаний дает широкие возможности для педагогов и студентов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, оценка знаний, преподаватель, студент, технологии, упражнения, нейронные сети, вопросы, ответы.

Введение.

В современных условиях в массовом сознании искусственный интеллект понимается, как компьютерная информация, представленная в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Они могут содержаться как в памяти ЭВМ или других компьютерных устройств, так и на любых внешних электронных носителях.

Вместе с тем, сущность искусственного интеллекта заключается в создании систем, имитирующих человеческое мышление для решения практических задач. Сегодня доминирует узкий искусственный интеллект, но исследования в области общего искусственного интеллекта продолжаются, обещая радикальные изменения в будущем, о чем свидетельствует накопленный опыт применения программ искусственного интеллекта при обучении иностранному языку.

Как указывают Э.М. Пройдаков и Л.А. Теплицкий, искусственный интеллект – это «междисциплинарное, активно развивающееся научное направление и понятие, обозначающее систему, которая способна воспринимать среду и принимать меры, чтобы максимизировать шансы на успешное достижение своих целей, а также интерпретировать и анализировать данные таким образом, чтобы они обучались и адаптировались по мере развития» [5, с. 15].

Исследователи [2; 3 и др.] характеризуют использование искусственного интеллекта в оценке знаний студентов по иностранному языку как инструмент, который обладает значительными преимуществами, но также имеет ограничения и требует продуманного подхода. К основным аспектам, которые выделяются в литературе, можно отнести следующие.

Анализируя уровень подготовки студента – его сильные стороны и слабые места, – системы искусственного интеллекта подбирают задания и материалы, соответствующие текущей ступени владения языком. Адаптивные платформы, к примеру, способны наращивать сложность упражнений при достаточном лексическом запасе либо, напротив, концентрироваться на грамматических конструкциях, если именно в этой области наблюдаются устойчивые ошибки. Тем самым формируется индивидуальная образовательная траектория.

Обработка данных алгоритмами машинного обучения ведётся без предвзятости – отсюда и более справедливая оценка языковых компетенций. В расчёт принимается не только грамматическая корректность; учитываются также лексическое разнообразие, произношение, письменные навыки, что в совокупности и обеспечивает всесторонность оценивания.

Автоматизация проверки письменных работ, тестовых заданий и устных ответов снимает с преподавателя бремя рутинных операций, высвобождая ресурсы для творческих и аналитических сторон педагогической деятельности. Так, системы типа Write & Improve выдают мгновенную обратную связь по грамматике, лексике и стилистике.

Благодаря интеллектуальным платформам обучающийся незамедлительно видит собственные ошибки и способы их устранения – обстоятельство, стимулирующее самостоятельную работу и регулярность практики. Чат–боты и виртуальные ассистенты, в свою очередь, поддерживают диалог, корректируют допущенные неточности, предлагают новые темы для обсуждения [4].

Способность алгоритмов машинного обучения оперировать значительными массивами информации оказывается продуктивной при выявлении общих тенденций в успеваемости студентов – равно как и при последующей корректировке учебного процесса.

Цель настоящей статьи – определить условия и возможности применения искусственного интеллекта при оценке знаний студентов по иностранному языку на неязыковых факультетах вуза.

Результаты исследования.

Обращение к литературе позволяет констатировать, что фундамент современных систем искусственного интеллекта составляют следующие технологии.

1. Нейронные сети – математические модели, прообразом которых послужили биологические нейронные сети мозга. Их структура образована слоями взаимосвязанных «нейронов», осуществляющих обработку информации.

2. Глубокое обучение – разновидность машинного обучения, опирающаяся на глубокие нейронные сети (с большим числом слоёв). Данный подход результативен в сложных задачах: распознавании речи, обработке изображений, генерации контента.

3. Компьютерное зрение – технологии распознавания и анализа изображений и видеоматериалов. Сфера их применения охватывает системы распознавания лиц, автономные транспортные средства и т. п.

Возможности современных систем не ограничиваются обработкой стандартизированных тестов; в их компетенции находятся и творческие работы – эссе, аннотации, реферирование текста. Оцениванию подлежат структура текста, его связность, смысловая ясность, логичность построения, а также грамматическая и лексическая корректность.

Вместе с тем авторами фиксируется и ряд ограничений, сопряжённых с использованием подобных систем:

Полноценное замещение преподавателя представляется недостижимым – искусственный интеллект не в состоянии в должной мере передать культурную специфику языка, живые интонации, тонкости межличностного взаимодействия. Оценивание письменной речи в аспектах глубины мысли, художественной выразительности, аргументативной состоятельности и культурной уместности по–прежнему предполагает участие человека.

Обращает на себя внимание и риск ослабления критического мышления: избыточное доверие к интеллектуальным системам способно обернуться формированием поверхностных знаний, а равно угасанием навыков самостоятельного анализа.

Ограниченность в оценке творческих заданий – ещё одно уязвимое место. С базовой проверкой грамматики и структурной организации текста искусственный интеллект справляется уверенно, однако тонкий юмор, сарказм, культурные подтексты нередко ускользают от его распознавания.

Не исключены и технические сбои, программные ошибки. Так, системы распознавания речи порой некорректно оценивают произношение – обстоятельство, вынуждающее прибегать к повторной проверке.

Помимо того, обязательным остаётся соблюдение правил обработки персональных данных; особую остроту этот вопрос приобретает в случаях, когда речь идёт о несовершеннолетних.

Здесь уместно оговориться: далеко не все учебные заведения и обучающиеся располагают доступом к качественным технологиям

искусственного интеллекта и к высокоскоростному интернету – а это, по всей видимости, способно усугублять образовательное неравенство.

Не исключены и ситуации, при которых обучающиеся прибегают к искусственному интеллекту для автоматического выполнения заданий – без сколько–нибудь глубокого освоения материала, что неизбежно искажает действительные результаты обучения.

Таким образом, авторы усматривают в искусственном интеллекте действенный инструмент повышения эффективности оценивания знаний по иностранному языку; вместе с тем оговаривается, что применяться он должен в качестве вспомогательного ресурса, а отнюдь не полноценной замены преподавателю. Успешная интеграция подобных технологий в образовательный процесс предполагает соразмерность автоматизации и человеческого участия – равно как и разрешение целого ряда задач методического, этического и технического характера.

В научной литературе [3 и др.] выделяется ряд приёмов контроля знаний посредством искусственного интеллекта.

Автоматизированная проверка заданий: искусственный интеллект распознает рукописный текст, сопоставляет ответы с эталоном, группирует ошибки для анализа. Например: сервис Gradescope проверяет тесты по учебным предметам. Преподаватель загружает задания и эталоны ответов, сканирует работы учеников – нейросеть делает остальное.

Генерация тестов и контрольных, когда искусственный интеллект создает вопросы на основе учебного материала (конспектов, книг, лекций) или по заданной теме с поиском информации в интернете. Например, PrepAI – генерирует тесты с вариантами ответов; Smartest Learning – анализирует тексты и создает викторины, тесты, презентации.

Персонализированный контроль, когда система определяет уровень знаний ученика и подбирает задания соответствующей сложности. При ошибках предлагает дополнительные упражнения на проблемные темы. Например, Duolingo (изучение языков): адаптирует упражнения под прогресс пользователя, включает распознавание речи для проверки произношения; Thinkster (математика): строит индивидуальную программу на основе стартового теста и динамики результатов.

Диалоговый контроль («вопрос-ответ») – нейросеть задает вопросы на естественном языке, анализирует развернутые ответы, при необходимости задает уточняющие вопросы.

К особенностям контроля знаний с помощью искусственного интеллекта можно отнести то, что осуществляется:

– оценка полноты и корректности ответа;

– генерация наводящих вопросов при неполном ответе;

– возможность удаленного контроля.

Анализ результатов и обратная связь с помощью искусственного интеллекта проявляется в том, что искусственный интеллект обрабатывает данные тестирования, выявляет темы с наибольшим числом ошибок; закономерности в типах ошибок; динамику прогресса отдельных учеников и групп.

На основе анализа искусственный интеллект дает рекомендации: студентам – какие разделы повторить, а преподавателям – как скорректировать программу.

Также искусственный интеллект моделирует реальные ситуации для проверки применения знаний: виртуальные лабораторные работы; бизнес-кейсы; симуляции рабочих процессов (например, для IT-специалистов).

Нельзя не сказать и о следующих приемах оценки знаний:

– микротестирование, когда короткие проверки после мини-модулей или видеоуроков для закрепления материала – искусственный интеллект автоматически подбирает вопросы к изученному фрагменту;

– адаптивное тестирование – сложность вопросов меняется в зависимости от ответов ученика:

– правильные ответы – более сложные задания;

– ошибки – упрощение или дополнительные вопросы на ту же тему.

Искусственный интеллект осуществляет соблюдение тайминга (ограничение времени на ответ); попытки поиска ответов в интернете; использование сторонних материалов.

Использование искусственного интеллекта в оценке знаний студентов по иностранному языку на неязыковых факультетах в вузе подразумевает применение специализированных компьютерных упражнений, направленных на изучение и закрепление иностранной лексики. Эти упражнения, как правило, имеют четкую структуру, включающую инструкцию, действия обучающегося и систему контроля. В случае верного ответа происходит его анализ и оценка, после чего учащийся переходит к следующему заданию или завершает выполнение упражнения. При неверном ответе система анализирует ошибку, оценивает ее и демонстрирует правильный вариант, иногда предоставляя дополнительную попытку.

В процессе работы с программой искусственного интеллекта студент последовательно выполняет следующие действия: восприятие инструкции (рецепция), выполнение учебных задач (операционная часть), а также контроль и самооценка результатов.

Оценка знаний студентов по иностранному языку на неязыковых факультетах в вузе осуществляется путем анализа ответа учащегося и сравнения его с эталонными ответами. Ключи искусственного интеллекта представляют собой различные варианты правильных ответов.

Однозначность и точность ответов достигаются разными способами, например, с помощью подсказок, наглядных материалов или использования множественного выбора, имеющие место в соответствующей программе.

Если обобщить разновидности упражнений, реализуемых средствами искусственного интеллекта, обнаруживается несколько групп, ориентированных на формирование знаний по английскому языку. Основанием подобной классификации служит способ работы с языковым материалом: речевая задача выступает здесь в роли установки, тогда как центр внимания смещается к усвоению форм и функций языковых единиц. За этими упражнениями стоят внутренние действия, обеспечивающие сами механизмы построения речевого акта, – сличение, выбор, набор, комбинирование, перестановка, построение по аналогии.

В основе всякого упражнения – операции, разворачивающиеся на уровне отдельных слов, предложений либо целого текста. Так, тренировочным упражнениям, выполняемым посредством программ искусственного интеллекта, присущ ряд общих характеристик: стереотипность, детерминированность, возможность многократного повторения материала, опора на зрительные и звуковые средства, обеспечение рецептивных или репродуктивных операций, организация учебного диалога, управление речевой деятельностью – через инструкции и анализ ответов – наряду с выходом в устную речь.

Что касается упражнений аналитического и рецептивного типа, они нацелены на восприятие значений английских выражений по слуховым и зрительным каналам, раскрытие семантики, выявление закономерностей словообразования, а равно на дифференциацию на уровнях слова, словосочетания и предложения.

Модули, закладываемые в программу искусственного интеллекта, ориентированы на идентификацию, разбор и осознанную корректировку. Подобный подход не только активизирует учебный процесс обучающихся – он способствует становлению индивидуального стиля познания. На что справедливо указывает М. А. Холодная [6]: предполагается формирование такой образовательной среды, в которой одни компоненты сообразуются с наличным стилем обучения, тогда как другие, напротив, ему не соответствуют – именно в силу своей развивающей направленности.

Сочетание разнородных методов и приёмов в преподавании английского языка студентам обеспечивает многообразие тренировочных упражнений на каждом этапе работы с учебным материалом, который заложен в программу искусственного интеллекта.

Заключение.

Таким образом, привлечение искусственного интеллекта к оцениванию знаний студентов по иностранному языку на неязыковых факультетах вуза сопряжено с рядом преимуществ:

— возрастание интереса обучающихся и поддержание их мотивации к освоению иностранного языка;

— упрощение проверки правильности выполнения заданий;

— расширение возможностей для более активного и результативного применения наглядности, равно как и ресурсов самого искусственного интеллекта.

Включение искусственного интеллекта в оценочный процесс открывает широкие перспективы – как для педагогов, так и для студентов. На смену традиционному запоминанию приходит динамичная среда, в которой освоение проверочных операций превращается в увлекательное и продуктивное занятие. Образовательный процесс, обогащаемый подобными технологиями, располагает разнообразным инструментарием заданий – от контрольных работ и головоломок до интерактивных игр и моделей.

Обращает на себя внимание ещё одно обстоятельство: искусственный интеллект содействует персонализации образования. У каждого обучающегося появляется возможность работать в удобном для него ритме, возвращаться к сложным разделам, повторять материал столько раз, сколько того потребует усвоение. Индивидуальные образовательные траектории, выстраиваемые на основе оценки успеваемости и выявления проблемных зон, позволяют оптимизировать обучение и достигать более высоких результатов.

Список литературы:

1.Агальцова, Д.В., Валькова, Ю.Е. Технологии искусственного интеллекта для преподавателя вуза // МНКО, 2023. – № 2 (99). – С. 5–7. DOI: 10.24412/1991–5497–2023–299–5–7 EDN: MTTLRW

2.Баринова Д.О., Шакарикова, А.А. Роль искусственного интеллекта в повышении академической успеваемости студентов. Концепт, 2024. – № 10. – С. 170–185. DOI: 10.24412/2304–120X–2024–11162 EDN: GKIUVN

3.Гасанова Р.Р., Романова, Е. А. Искусственный интеллект в высшей школе: проблемы, возможности, риски. Вестник РУДН. Серия «Информатизация образования», 2024. – Т. 21. – № 4. – С. 501–515. DOI: 10.22363/2312–8631–2024–21–4–501–515 EDN: SLOHPH

4.Даггэн С. Искусственный интеллект в образовании: Изменение темпов обучения. Аналитическая записка ИИТО ЮНЕСКО / Пер. с англ.: А.В. Паршакова. – М.: Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, 2020. – 44 с.

5.Пройдаков, Э.М., Теплицкий, Л.А. Англо–русский толковый словарь по искусственному интеллекту и робототехнике. – М.: Издательство «Эксмо», 2021. – 681 с.

6.Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с. ISBN: 5–469–00128–8 EDN: PVNQXB

УДК 796.015:351.74

Исламгалеева Г. А.
Научный руководитель: Михайлов А. С., канд. пед. наук, доцент
Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПФП В ГОДОВОМ ЦИКЛЕ СОТРУДНИКА: КАК СОВМЕСТИТЬ ПОДДЕРЖАНИЕ ФОРМЫ, ПОДГОТОВКУ К НОРМАТИВАМ И ПИКОВЫЕ НАГРУЗКИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы организации профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников в рамках годового цикла служебной деятельности. Анализируется противоречие между требованиями к устойчивой профессиональной готовности и практикой подготовки, ориентированной преимущественно на сдачу контрольных нормативов. Обосновывается необходимость периодизации ПФП с учетом неравномерного характера служебных нагрузок и фаз функционального напряжения. Предлагается рассматривать поддержание физической формы, подготовку к нормативам и готовность к пиковым нагрузкам как взаимосвязанные элементы единой системы, направленной на повышение надежности профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессионально-прикладная физическая подготовка, периодизация тренировок, годовой цикл подготовки, физическая готовность, контрольные нормативы, пиковые нагрузки, профессиональная надежность.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра подходов к профессионально-прикладной физической подготовке сотрудников в условиях неравномерного характера служебных нагрузок и возросших требований к функциональной надёжности специалиста. Для курсантов ведомственных вузов, готовящихся к службе учреждениях органов ФСИН России, физическое развитие приобретает особое значение: оно влияет на способность выполнять оперативно-служебные задачи в экстремальных условиях [1, с. 52]. Годовой цикл ПФП часто выстраивается без учёта чередования периодов поддержания формы, подготовки к контрольным нормативам и фаз повышенного напряжения, что снижает практическую отдачу тренировочного процесса. Практика показывает, что ориентация на формальные показатели физической подготовленности не обеспечивает устойчивой готовности к работе в условиях перегрузок и стресса. Целью настоящей статьи является обоснование периодизации ПФП в годовом цикле сотрудника и поиск рациональных решений, позволяющих согласовать тренировочные задачи с реальными требованиями профессиональной деятельности.

Дополнительную сложность создаёт формализованный подход к оценке физической подготовленности, при котором успешная сдача нормативов

становится доминирующей целью тренировочного процесса. В результате значительная часть годового цикла выстраивается вокруг краткосрочного «подвода» к контрольным испытаниям, а периоды восстановления и целенаправленного развития профессионально значимых качеств оказываются вторичными. Подобная схема приводит к снижению адаптационного потенциала организма и накоплению скрытого утомления, особенно у сотрудников с высокой служебной нагрузкой Рациональная периодизация ПФП в годовом цикле предполагает отказ от равномерного распределения нагрузок и переход к поэтапному управлению физическим состоянием сотрудника. Ключевым является разграничение задач различных периодов подготовки: этапов поддержания общей физической формы, этапов целенаправленного развития специальных качеств и фаз функциональной мобилизации.

Исследования, выполненные на базе военных учебных подразделений, показывают, что варьирование объёма и интенсивности нагрузок в пределах макро- и мезоциклов повышает устойчивость к стрессу и улучшает показатели профессиональной готовности без резкого роста травматизма [2, с. 179 - 188]. Существенным элементом периодизации становится учёт не только физических, но и психофизиологических факторов: уровня утомления, эмоционального напряжения, режима несения службы. Тхагалегов А.А. отмечает, что при планировании ПФП слушателей образовательных организаций МВД именно согласование тренировочных нагрузок с учебно-служебным графиком позволяет избежать перегрузок и сохранить стабильную работоспособность в течение года [3, с.330-332].

Периодизация в данном контексте выполняет функцию регулятора: она позволяет своевременно смещать акценты с поддержания формы на подготовку к нормативам, не разрушая при этом базовый уровень физической готовности.

Практика подготовки сотрудников к сдаче контрольных нормативов показывает, что именно этот этап чаще всего нарушает логику годового цикла ПФП. Нормативы, изначально задуманные как средство контроля уровня подготовленности, фактически подменяют собой содержание тренировочного процесса. В ряде подразделений за 1–2 месяца до проверок происходит резкое увеличение объёма однотипных упражнений, что временно улучшает показатели, но одновременно снижает общую функциональную устойчивость. Кудинова Ю.В. и Лекарева Д.А. указывают, что подобный «подвод» сопровождается ростом утомления и снижением качества выполнения служебных задач, особенно у сотрудников, совмещающих тренировки с напряжённой оперативной работой [4, с. 40-42].

Семянникова В.В. и Шахов А.А., анализируя профессионально-прикладную силовую подготовку, показывают, что устойчивый прирост

силовых показателей достигается при планомерном чередовании нагрузочных и восстановительных периодов, а не при краткосрочных форсированных программах [5, с. 314-317]. Такой подход позволяет сохранить форму после сдачи нормативов и избежать функционального «провала», который часто наблюдается в последующие недели.

Реальная служебная деятельность сотрудников силовых структур редко укладывается в рамки планового тренировочного процесса. Командировки, усиленные режимы несения службы, участие в специальных операциях формируют пиковые нагрузки, требующие не максимальных, а устойчивых функциональных возможностей. Именно в этих условиях проявляются недостатки формального подхода к ПФП. Коротаев А.С. и Елькин Ю.Г. отмечают, что физическая подготовка, ориентированная исключительно на показатели, не обеспечивает готовности к длительным стрессовым воздействиям и работе в состоянии накопленного утомления [6, с 179-188].

Периодизация годового цикла позволяет заранее предусмотреть фазы функциональной мобилизации, в которых акцент смещается на комплексные упражнения, моделирующие профессиональные действия. Проскурин С.Ю., Драндров Г.Л. и Врублевский Е.П. подчёркивают, что сочетание физических нагрузок с элементами психологического напряжения повышает устойчивость к экстремальным условиям и снижает вероятность срывов в критических ситуациях [7, с 196-203]. В собственной практике многие сотрудники отмечают, что именно такие занятия, а не «чистые» тренировочные комплексы, формируют уверенность в своих возможностях.

Эффективная периодизация ПФП в годовом цикле проявляется не в пиковых результатах тестирования, а в способности сотрудника сохранять работоспособность при резком изменении условий службы. Поддержание формы, подготовка к нормативам и готовность к пиковым нагрузкам перестают конкурировать между собой, если рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой системы подготовки, подчинённой логике профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Михайлов А.С. Формирование профессионально значимых личностных качеств курсантов вузов ФСИН России посредством прикладной физической подготовки / А.С. Михайлов, К.В. Чедов // Теория и практика физической культуры. – 2025. – № 5. – С. 62–64. EDN: TXLJTT

2. Коротаев А.С. Формирование профессиональной подготовленности военнослужащих посредством занятий по физической подготовке / А.С. Коротаев, Ю.Г. Елькин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2025. – № 4 (127). – С. 179–188. DOI: 10.23859/1994-0637-2025-4-127-15 EDN: POBEUF

3. Тхагалегов А.А. Организационные аспекты профессионально-прикладной физической подготовки слушателей образовательных организаций МВД России / А.А.

Тхагалегов // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 79-1. – С. 330–332. EDN: HOTYFH

4. Кудинова Ю.В. Физическая подготовка сотрудников правоохранительных органов как один из важнейших элементов эффективности работы / Ю.В. Кудинова, Д.А. Лекарева // OlymPlus. Гуманитарная версия. – 2021. – № 2 (13). – С. 40–42. DOI: 10.46554/OlymPlus.2021.2(13).pp.40 EDN: WQDHTJ

5. Семянникова В.В. Профессионально-прикладная силовая подготовка будущих специалистов в области эксплуатации и ремонта сельскохозяйственной техники и оборудования / В.В. Семянникова, А.А. Шахов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 8 (210). – С. 314–317. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2022.8.p314-318 EDN: CIVTJC

6. Коротаев А.С. Формирование профессиональной подготовленности военнослужащих посредством занятий по физической подготовке / А.С. Коротаев, Ю.Г. Елькин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2025. – № 4 (127). – С. 179–188. DOI: 10.23859/1994-0637-2025-4-127-15 EDN: POBEUF

7. Проскурин С.Ю. К вопросу о характеристике современной профессионально-прикладной физической подготовки военнослужащих / С.Ю. Проскурин, Г.Л. Драндров, Е.П. Врублевский // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2022. – № 1 (114). – С. 196–203. DOI: 10.26293/chgpu.2022.114.1.025 EDN: UFZMYU

УДК 37.018.262:004

Гоу Юйюань
Азербайджанский государственный педагогический университет, Баку, Азербайджан

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ «ШКОЛА – СЕМЬЯ» В КНР И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЛАТФОРМЕННЫХ РЕШЕНИЙ

Аннотация. Статья сопоставляет цифровые платформы, через которые выстраивается коммуникация школы и семьи в КНР и Азербайджанской Республике. В фокусе анализа – национальная платформа «Умное образование Китая», DingTalk for Education и WeChat-группы класса; на азербайджанской стороне – электронный дневник e-Məktəb, портал ASAN Məktəb, информационные системы Министерства науки и образования. За технологическими решениями проступают две институциональные модели: централизованно-государственная и интегративно-сервисная. Отдельно рассмотрены риск формализации диалога, цифровое неравенство сельских семей и воспитательный потенциал среды.

Ключевые слова: цифровизация образования, коммуникация школы и семьи, родительская вовлечённость, образовательные платформы КНР, цифровые инструменты Азербайджана, DingTalk for Education, электронный дневник e-Məktəb, сравнительная педагогика, цифровое неравенство, воспитательный потенциал цифровой среды.

Методологическую основу исследования

Методологическим каркасом работы выступает сравнительно-педагогический подход, дополненный типологическим и системно-структурным анализом. Применены качественный анализ платформенной документации, контент-анализ интерфейсов цифровых сервисов КНР и Азербайджанской Республики, а также метод институционального сопоставления. Опорой послужили концепции цифровой родительской вовлечённости, теория педагогической коммуникации и положения паспорта специальности 5804.01 о современных тенденциях развития воспитательных систем.

Результаты и обсуждения

Сопоставительный анализ цифровых платформ, опосредующих школьно-семейную коммуникацию в КНР и Азербайджанской Республике, обнаруживает ряд закономерностей, за которыми проступают национальные модели цифровизации образования. Технологическое опосредование педагогических процессов в обеих странах вписано в общемировой тренд – однако институциональные формы, в которых этот тренд реализуется, расходятся принципиально. Китайская модель тяготеет к жёсткой централизации и государственному регулированию; азербайджанская – к

интегративно-сервисной логике, встраивающей школьно-семейные контакты в более широкую экосистему государственных электронных услуг. Различие не косметическое, а структурное.

Перейдём к китайскому контуру. Национальная платформа «Умное образование Китая» (国家中小学智慧教育平台), развёрнутая Министерством образования КНР, играет роль единого инфраструктурного ядра: через неё унифицирован доступ к учебным материалам, инструментам оценивания и каналам родительского информирования. Параллельно – и это существенно – функционируют коммерческие решения: DingTalk for Education и WeChat-группы класса. Они стали, по сути, повседневной средой общения педагогов и родителей. Двухконтурная архитектура – государственная платформа плюс мессенджер-ориентированные сервисы – формирует особую модель родительской вовлечённости. В ней формальное информирование сплетается с неформальной групповой коммуникацией, нередко доходящей до постоянного «цифрового присутствия» родителя в школьной жизни ребёнка [2].

Азербайджанская конфигурация выстроена иначе. Электронный дневник e-Məktəb, портал ASAN Məktəb и информационные системы Министерства науки и образования работают как взаимодополняющие модули единой государственной цифровой среды. Её центр тяжести смещён не к коммуникации в узком смысле, а к предоставлению верифицированных образовательных услуг семье. e-Məktəb автоматизированно транслирует академическую информацию – оценки, посещаемость, расписание; ASAN Məktəb встроен в общенациональную систему ASAN xidmət, что позволяет родителю получать школьные сервисы по логике «одного окна». Коммуникативная плотность взаимодействия в такой архитектуре снижается. Процедурная прозрачность и юридическая определённость – напротив, возрастают.

Для наглядного сопоставления выявленных типологических различий ниже приведена сводная таблица.

Таблица 1 – Сопоставительная характеристика цифровых платформ коммуникации «школа – семья» в КНР и Азербайджанской Республике

Параметр сравнения	**Китайская Народная Республика**	**Азербайджанская Республика**
Доминирующая модель	Централизованно-государственная	Интегративно-сервисная
Основная платформа	国家中小学智慧教育 платформ	e-Məktəb

Параметр сравнения	**Китайская Народная Республика**	**Азербайджанская Республика**
Дополнительные каналы	DingTalk for Education, WeChat-группы	ASAN Məktəb, ИС МНО
Тип коммуникации	Смешанный (формальный + неформальный)	Преимущественно формализованный
Степень охвата	Национальная (свыше 200 млн пользователей)	Национальная (общеобразовательные школы)
Доминирующий контент	Учебные материалы, оценки, групповые чаты	Академические данные, госуслуги
Языковая среда	Китайский (путунхуа)	Азербайджанский, частично русский/английский
Регулятор	Министерство образования КНР	Министерство науки и образования АР
Степень формализации	Средняя	Высокая
Включённость родителя	Высокая, повседневная	Умеренная, событийная

Количественные и качественные показатели, собранные в таблице, фиксируют существенную асимметрию между двумя моделями. В КНР цифровая родительская вовлечённость интенсивна и практически непрерывна – её поддерживает мессенджер-ориентированный слой сервисов. В Азербайджане она структурирована вокруг отдельных коммуникативных событий: выставления оценок, формирования отчётов, оформления документов. При всех расхождениях обе модели сталкиваются со сходным комплексом рисков. Первым из них прочитывается риск формализации педагогического общения: когда взаимодействие учителя и родителя сводится к обмену стандартизированными цифровыми сообщениями, содержательная сторона диалога обедняется, а воспитательный потенциал канала редуцируется [1].

К этой проблеме примыкает другая, не менее острая – цифровое неравенство, проявляющееся прежде всего применительно к сельским семьям. В сельских районах западного Китая (провинции Ганьсу, Цинхай, Гуйчжоу), как и в горных районах Азербайджана (Лерикский, Кельбаджарский, Лачинский районы), фиксируются ограничения доступа к стабильному

интернет-соединению, недостаточная цифровая грамотность родителей старшего поколения, языковой барьер при работе с интерфейсами платформ. Между тем именно сельская семья объективно нуждается в эффективных каналах коммуникации со школой – традиционные формы очного взаимодействия для неё территориально затруднены. Цифровой инструмент, призванный сократить дистанцию, парадоксальным образом эту дистанцию воспроизводит [3].

В оптике сравнительной педагогики особый интерес представляет вопрос о воспитательном потенциале цифровой среды. В китайской модели воспитательная функция реализуется через идеологически выверенный контент национальной платформы, систему родительских собраний в DingTalk и групповые ритуалы взаимодействия в WeChat-чатах класса. В азербайджанской модели она выражена менее эксплицитно: воспитательное действие проступает преимущественно через прозрачность академической информации, формирующей у родителя устойчивую установку на сопричастность образовательному процессу. Культурно-исторический контекст здесь игнорировать нельзя. Конфуцианская традиция родительской ответственности за образовательные достижения детей органично сочетается с интенсивной цифровой коммуникацией. Азербайджанская семейная культура, опирающаяся на принцип автономии семейной сферы, склоняется к более сдержанному цифровому присутствию школы в частной жизни семьи.

Одна деталь проступает при наблюдении за обеими системами в динамике: их функционал постепенно сближается. Китайские платформы наращивают сервисную составляющую – электронные документы, справки, статистика; азербайджанские решения расширяют коммуникативные возможности – внутренние сообщения, уведомления, обратная связь. Тенденция эта прочитывается напрямую как ответ на универсальные потребности участников образовательного процесса в комплексной цифровой среде, объединяющей информационные, коммуникативные и сервисные функции.

Выводы

Расширенные результаты проведённого исследования позволяют заключить, что цифровизация коммуникации «школа – семья» в КНР и Азербайджанской Республике развивается в рамках двух принципиально различных институциональных моделей, каждая из которых имеет собственные преимущества и ограничения. Полученные данные значимы для дальнейшего совершенствования воспитательных систем в контексте паспорта специальности 5804.01 и могут служить эмпирической основой для разработки рекомендаций по оптимизации цифровых каналов школьно-семейного взаимодействия в условиях продолжающейся технологической трансформации образования.

Списък литературы:

1. Писаренко, И. А. Глава 7. Цифровизация в пространстве родителей / И. А. Писаренко // Цифровизация начальной школы: сеанс одновременной игры: Монография / Под общей редакцией О.Е. Лебедева, Н.А. Заиченко. – Санкт-Петербург: Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. – С. 156-182. EDN: ATLTCK
2. Zhang, H. A study of digital literacy of the 5th and 6th grade primary students in Beijing / H. Zhang, Ch. Zhu // The Asia-Pacific Education Researcher. – 2016. – Vol. 25. – P. 579-592. DOI: 10.1007/s40299-016-0285-2
3. Водяха, С. А. Роль гаджетов в общении современных детей и родителей / С. А. Водяха, Ю. Е. Водяха // Социальная педагогика. – 2021. – № 3. – С. 16-19. EDN: WYXXNG
4. Al Azzam, S. M. Communication technologies and its relationship with the career change for the Arab families / S. M. Al Azzam // Voprosy Istorii. – 2023. – No. 10-2. – P. 208-219. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202310Statyi43 EDN: BFGZID
5. Алоева, В. Р. Семейная коммуникация в цифровую эпоху / В. Р. Алоева, И. А. Черкесова, Е. А. Нальчикова // Семья в социокультурном пространстве: история, традиции и современность: Материалы региональной научно-практической конференции, Нальчик, 06 декабря 2024 года. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 2025. – С. 33-37. EDN: TSILTD
6. Беткер, А. С. Семейные правоотношения в условиях цифровизации / А. С. Беткер // Молодёжная наука Севера: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Ханты-Мансийск, 12–13 декабря 2024 года. Часть 2. – Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2025. – С. 545-550. EDN: CBTUYT
7. Гуменюк, М. С. Цифровая трансформация коммуникационного процесса органов власти и населения / М. С. Гуменюк // Молодежь и мир политики: границы возможного: Материалы VI Всероссийского форума молодых политологов, Москва, 18 декабря 2021 года / Под общей редакцией Д.В. Алексеева, П.С. Копыловой, И.А. Помигуева. – Москва: ООО «Русайнс», 2021. – С. 103-105. EDN: DNPRCK
8. Ленковская, Р. Р. Цифровые форматы семейных отношений: правовые и социальные аспекты / Р. Р. Ленковская, А. С. Ленковская // Управление документацией в цифровой среде: Сборник трудов VII национальной научно-практической конференции, Москва, 03–05 декабря 2024 года. – Москва: ООО "Сфера", 2025. – С. 241-246. EDN: TXAGTF
9. Романова, К. С. Цифровизация и коммуникации: как изменится общение населения с властью / К. С. Романова // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ : Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, Барнаул, 22–23 апреля 2021 года. – Барнаул: Алтайский филиал РАНХиГС, 2021. – С. 545-547. EDN: FWBPSK
10. Собенина, М. А. Цифровизация в семейном праве / М. А. Собенина // Частно-правовые отношения в эпоху цифровизации: адаптация правовых институтов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. – С. 23-39. EDN: EXSHXU

УДК 371.13:371.8

Марковский Р. Р.
Северо-Восточный государственный университет, Магадан, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы профессиональной культуры личности педагога дополнительного образования. Автором представлено и операционализировано понятие «профессиональная культура личности педагога дополнительного образования», рассмотрены компоненты, входящие в структуру данного феномена, описана специфика деятельности педагога дополнительного образования.

Ключевые слова. Дополнительное образование детей и подростков, профессиональная культура личности педагога дополнительного образования, педагог дополнительного образования.

В настоящее время система дополнительного образования играет важнейшую роль в развитии личности детей и подростков, раскрытии их талантов и способностей, формировании устойчивых интересов и подготовке к будущей профессиональной деятельности. В данном контексте профессиональная культура личности педагога дополнительного образования приобретает особое значение, в связи с тем, что именно он является архитектором образовательного процесса.

Изучение заявленной темы необходимо начать с определения и операционализации понятия «профессиональная культура личности педагога дополнительного образования». Очевидно, что содержание данного понятия должно включать не только специфические знания, умения и навыки, а представлять собой комплексный феномен, определяющий качество образовательного процесса, эффективность взаимодействия с обучающимися и их родителями, а также позитивно влиять на социализацию и личностную реализацию детей и подростков.

На основании изученной литературы можно отметить, что авторы описывают профессиональную культуру педагога дополнительного образования как многоаспектное понятие, формирующееся на протяжении всего профессионального пути и включающее в себя совокупность различных компонентов, к которым относят: ценностно-мотивационный, когнитивный, деятельностный, коммуникативный, рефлексивый, эстетический и нравственный [1, 3, 6].

Ценностно-мотивационный компонент, включающий осознание значимости своей профессии, стремление к самосовершенствованию, уважение к личности каждого обучающегося, понимание целей и задач

дополнительного образования. Когнитивный компонент, представленный научными знаниями в области преподаваемой дисциплины, владением педагогическими и психологическими теориями и методиками, ориентацией в нормативно-правовой базе дополнительного образования, пониманием возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся. Деятельностный компонент, понимаемый как владение разнообразными методами и формами организации образовательного процесса, умение планировать, проводить и анализировать занятия, применять современные образовательные технологии, создавать благоприятную развивающую среду, организовывать проектную и исследовательскую деятельность. Коммуникативный компонент рассматривается, как умение устанавливать доверительные отношения с обучающимися, родителями и коллегами, эффективно общаться, разрешать конфликты, вести диалог, быть открытым к обратной связи. Рефлексивный компонент понимается как способность к самоанализу собственной деятельности, критическому осмыслению результатов, выявлению сильных и слабых сторон, постановке целей для дальнейшего профессионального роста. Эстетический компонент описывается через развитие чувства прекрасного, умения создавать эстетически привлекательную образовательную среду, развивать у обучающихся чувство гармонии и красоты. Нравственный компонент, к нему относят высокие моральные качества, ответственность, честность, добросовестность, уважение к общечеловеческим ценностям.

Следовательно, профессиональную культуру педагога дополнительного образования можно определить как, интегративное личностное образование, которое объединяет совокупность материальных и духовных ценностей, способов деятельности, способов самореализации в профессии, которая включает в себя комплекс знаний, умений, личностных качеств и ценностных ориентаций, необходимых для эффективной педагогической деятельности.

Компоненты профессиональной культуры педагога дополнительного образования напрямую связаны со спецификой его профессиональной деятельности. В настоящее время выделяют ряд ее особенностей: добровольность участия детей и подростков, разнообразие направлений и творческий характер деятельности, индивидуализация образования, взаимодействие с родителями как с активными участниками образовательного процесса [2, 5].

Обучающиеся приходят в кружки, секции, студии по собственному желанию, что требует от педагога умения поддерживать их интерес, формировать мотивацию, создавать атмосферу увлеченности. Дополнительное образование охватывает широкий спектр областей – от технических и естественнонаучных до художественно-эстетических и спортивных, в связи с чем, необходимо обладать не только педагогическими, но и глубокими предметными знаниями, а также быть готовым к постоянному

освоению нового. В результате освоения программ дополнительного образования развиваются творческие способности обучающихся, и соответственно, педагог сам должен быть творческой личностью, способной направлять творческий поиск. В группах дополнительного образования обучающихся меньше, чем в обычных классах, что позволяет педагогу уделять больше внимания индивидуальным особенностям, потребностям и темпу развития. Родители являются активными участниками образовательного процесса в дополнительном образовании, поэтому педагогу необходимо выстраивать взаимодействие с ними как сотрудничество.

Формирование профессиональной культуры педагога дополнительного образования рассматривается как непрерывный процесс, включающий в себя профессиональное образование, самообразование, практическую деятельность, наставничество и обмен опытом, рефлексию и самоанализ, развитие личностных качеств, необходимых для осуществления профессиональной деятельности [4].

Таким образом, профессиональная культура личности педагога дополнительного образования – это динамичная, развивающаяся система, представляющая собой базис, фундамент его успешной профессиональной деятельности. Данная система не только определяет качество образовательного процесса, но и оказывает глубокое влияние на формирование личности каждого обучающегося, его мировоззрение и жизненные перспективы. Инвестиции в развитие профессиональной культуры педагогов дополнительного образования – это вклад в будущее наших детей, подростков и общества в целом, в связи с чем, представляется перспективным создавать условия для непрерывного профессионального роста, поддержки и стимулирования педагогов.

Список литературы:

1. Голубева О. В., Чайкина Ж. В. Психолого-педагогическое сопровождение профессионального становления педагогов дополнительного образования / О. В. Голубева, Ж. В. Чайкина // Мир науки. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 48. EDN: ZEJGGT

2. Золотарёва А. В. Научно-методическое обеспечение профессионального и карьерного роста педагога сферы дополнительного образования детей / А. В. Золотарёва // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 4. – С. 89–98.DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10108 EDN: XYPUWT

3. Коповая О. В., Ерофеева М. А., Шанин С. В. Профессиональная культура педагога как условие организации эффективного педагогического взаимодействия / О. В. Коповая, М. А. Ерофеева, С. В. Шанин // Прикладная психология и педагогика. – 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 12–24. DOI: 10.12737/2500-0543-2021-6-4-12-24 EDN: ETJVFV

4. Маркина Н. В., Менщикова И. А., Щербаков А. В. Аксиологические аспекты дополнительного профессионального образования: профессиональные ценности педагогов / Н. В. Маркина, И. А. Менщикикова, А. В. Щербаков // Ценности и смыслы. – 2019. – № 6 (64). – С. 54–66. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10096 EDN: GXRONR

5. Тянутова Е. А. Дополнительное образование в России: история и современность / Е. А. Тянутова // Ученые записки Тамбовского отделения РОСМУ. – 2017. – № 8. – С. 161–166. EDN: YZMEHR

6. Халитова, С. А. Развитие профессиональной культуры педагога в системе дополнительного образования / С. А. Халитова // Проблемы и перспективы развития образования в России. – 2011. – № 7. – С. 352–357. EDN: RILIKZ

УДК 159.9.072:616.89-008.47

Коневцев И. В.
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

АДАПТАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКОВ WENDER–UTAH RATING SCALE И ADULT ADHD SELF-REPORT SCALE ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ У ВЗРОСЛЫХ

Аннотация: цель данного исследования заключалась в адаптации и психометрической верификации русскоязычных версий шкал Wender–Utah Rating Scale (WURS) и Adult ADHD Self-Report Scale (ASRS) для диагностики синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) у взрослых. Полученные результаты выявили высокую дискриминативную способность шкал (0,96–0,98), удовлетворительную надёжность, отраженную коэффициентами ретестовой надёжности в диапазоне от 0,73 до 0,87, и подтверждение валидности методик. Факторный анализ указал на сохранение внутренней структуры, сходной с исходными версиями шкал.

Ключевые слова: нейроразнообразие, синдром дефицита внимания и гиперактивности.

В современных исследованиях, основанных на биопсихосоциальном подходе к профессиональному здоровью, особое внимание уделяется феномену нейроразнообразия на рабочем месте. Понятие нейроразнообразия, или neurodiversity, приобретает все более значимое место в организационной психологии, поскольку, по различным оценкам, охватывает до четверти взрослого рабочего населения. Ранее нейроразнообразие рассматривалось преимущественно в рамках психиатрии и клинической психологии, однако современные научные данные подчеркивают его актуальность и для организационной психологии. Трудности с концентрацией внимания и мотивацией, наблюдаемые у взрослых с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), оказывают существенное влияние на эффективность их профессиональной деятельности [5].

Синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), или attention deficit hyperactivity disorder (ADHD), представляет собой расстройство развития нервной системы, возникающее в детском возрасте. Он характеризуется основными симптомами, включая невнимательность, импульсивность и гиперактивность, которые, в зависимости от степени выраженности, вызывают трудности в адаптации и формировании различных навыков. Проявления СДВГ затрагивают произвольную концентрацию внимания, управление временем и планирование, а также социальные взаимодействия, включая сложности в поддержании длительных контактов и

соблюдении личных границ, что может порождать поведенческие проблемы. Симптоматика нередко сохраняется у взрослых, при этом современные оценки указывают, что около 7% взрослого населения во всем мире испытывают трудности адаптации на рабочем месте, связанные с СДВГ [2], при этом показатели варьируются в зависимости от региона.

С самого детства и в подростковом возрасте синдром дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) осложняет процесс социальной адаптации в связи с нарушениями в сфере социального взаимодействия и недостаточным развитием соответствующих навыков, что в дальнейшем способствует усилению дезадаптации в коллективе. Несмотря на то, что со временем проблемы в социализации становятся менее критичными для адаптации взрослых с СДВГ, их влияние сохраняется. Для коррекции социальных навыков у детей и взрослых с СДВГ применяются тренинги, эффективность которых ограничена, а также медикаментозная терапия [4]. С целью диагностики соответствующих состояний были разработаны следующие шкалы.

Вендер–Ютская шкала самооценки СДВГ у взрослых (Wender–Utah Adult ADHD Rating Scale, WURS)

Вендер–Ютская шкала самооценки синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) у взрослых предназначена для ретроспективного анализа наличия и степени выраженности симптомов СДВГ в детском возрасте у лиц старше 18 лет. Основной задачей применения шкалы является выявление корреляций между детскими симптомами и моделями поведения во взрослом возрасте. В то же время, важным ограничением методики является необходимость точного воспроизведения пациентом воспоминаний о детских событиях и переживаниях. Шкала (WURS) служит для оценки симптомов, характерных для СДВГ, а также сопутствующих трудностей, возникавших в детстве. Участникам предлагается ретроспективно оценить частоту и тяжесть этих симптомов [1].

Для ответов используется 5-балльная шкала Лайкерта со следующими категориями: «совсем нет/очень слабо» (0), «слабо» (1), «умеренно» (2), «довольно сильно» (3), «очень сильно» (4). Максимально возможный суммарный балл по шкале составляет 100.

Шкала ASRS 1.1 для самооценки взрослыми синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ)

Шкала диагностики синдрома дефицита внимания и гиперактивности у взрослых (Adult ADHD Self-Report Scale, ASRS 1.1) была разработана по инициативе Всемирной организации здравоохранения с целью оценки проявлений данного синдрома у взрослой популяции на основе критериев DSM-IV. ASRS представляет собой краткий диагностический инструмент, разработанный в 2005 году рабочей группой под руководством Кесслера и его

коллег, основанный на критериях DSM-IV-TR и DSM-5. Он включает 18 симптомов, отражающих невнимательность, гиперактивность и импульсивность, каждый из которых оценивается по пятибалльной шкале Лайкерта (от 0 — «никогда» до 4 — «очень часто»), что позволяет получить суммарный балл от 0 до 72.

Результаты исследования валидности и надежности методик ASRS и WURS

Доказана высокая надежность и валидность методики как в клинических, так и в массовых выборках, что подчеркивает ее преимущество. Внутренняя согласованность теста, измеренная коэффициентами α-Кронбаха по субшкалам, варьирует от 0.88 до 0.89 в различных исследованиях. Тест-ретестовая надежность также высока — коэффициенты корреляции, полученные при повторном тестировании через 18 дней, достигают 0.8 и 0.86 для отдельных компонентов шкалы.

Исследования надежности и валидности, проведённые авторами, показали, что площадь под кривой (AUC) для WURS составляет 0,956 (95% доверительный интервал [CI]: 0,946–0,965), для полной версии ASRS — 0,904 (95% CI: 0,888–0,921), а для короткого скрининга ASRS — 0,903 (95% CI: 0,886–0,920). Объединение полных версий двух шкал увеличило AUC до 0,964 (95% CI: 0,955–0,973). Помимо этого, была подтверждена двухфакторная структура ASRS и выявлена трехфакторная модель для WURS. Обе шкалы демонстрируют высокую диагностическую точность, причем короткая версия ASRS не уступает полной, а WURS показывает лучшие характеристики распознавания. Повышенная точность диагностики WURS может быть связана с более широкой симптоматикой и ретроспективным характером оценки детских проявлений. Ретроспективные данные по агрессивности и социальным трудностям в детстве оказываются значимыми для подтверждения диагноза у взрослых. Дополнительно результаты исследования указывают на важную роль проблем с эмоциональной регуляцией в симптоматике СДВГ в детском возрасте.

Таким образом, оригинальная версия ASRS характеризуется высокой надежностью, удовлетворительными показателями внутренней согласованности, а также подтверждённой конструктной, содержательной и дискриминантной валидностью, что позволяет оценивать различные аспекты синдрома дефицита внимания и гиперактивности у взрослых.

Адаптация методик Adult Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD) Self-Report Scale (ASRS) и Wender Utah Rating Scale (WURS) на русскоязычной выборке

Участники исследования. Для адаптации русскоязычного варианта методики была сформирована выборка из 150 человек в возрасте от 20 до 49 лет (средний возраст 26,57 лет, стандартное отклонение 5,9), среди которых 86

женщин и 64 мужчины. Из них 61 человек имеют установленный диагноз СДВГ. По уровню образования большинство респондентов, порядка 77%, имеют высшее образование. Кроме того, около 4% обладают степенью кандидата наук, 11,3% имеют общее образование, а 6,7% – среднее специальное образование. В отношении стажа работы на текущем месте распределение следующее: наиболее значительная часть опрошенных (38,7%) трудится от одного до трёх лет, тогда как 35,3% работают в этом коллективе от трёх до пяти лет. Численность респондентов со стажем менее одного года составляет 15 человек, в то время как тех, кто работает более пяти лет, насчитывается 24 человека. Анализ занятости респондентов выявил преобладание профессий, связанных с социальной и экономической сферами. В частности, это специалисты, работающие в сферах сервиса и услуг, преподаватели вузов, сотрудники образовательных и психологических учреждений, а также представители предприятий общественного питания, IT-компаний и медицинских организаций. Для оценки тест-ретестовой надежности была выделена подвыборка из 100 человек (46 мужчин и 54 женщины, средний возраст 24,52 года, SD=4,1).

В качестве инструмента для проверки конструктной валидности шкалы WURS использовалась методика «Шкала оценки СДВГ по МКБ-10» авторства Н. К. Сухотиной и Т. И. Егорова [8]. Эта шкала была разработана специалистами Московского НИИ психиатрии для оценки симптомов синдрома дефицита внимания с гиперактивностью у детей в возрасте от 6 до 13 лет и представлена в двух вариантах: для родителей и для педагогов. Для проверки конструктной валидности шкалы ASRS применялась «Шкала импульсивности Барратта» (BIS-11), разработанная E. Barratt (1959, 1995) и адаптированная С. Н. Ениколоповым и Т. И. Медведевой в 2015 году [7].

Статистическая обработка полученных данных включала набор методов, предназначенных для описания характеристик выборки, выявления взаимосвязей и проверки гипотез. В частности, применялась описательная статистика с целью суммирования основных показателей. Для оценки силы и направления взаимосвязей использовался корреляционный анализ по Спирмену. Статистически значимые различия между группами определялись с помощью t-критерия Стьюдента. Внутренняя согласованность шкал оценивалась посредством коэффициентов α-Кронбаха и δ-Фергюсона. Кроме того, с целью выявления скрытых структур проводился факторный анализ методом главных компонент с применением Варимакс-вращения и нормализации по Кайзеру. Все перечисленные процедуры были реализованы с использованием программного обеспечения IBM SPSS Statistics версии 27.0.

Схема и процедура исследования. Перевод оригинального текста методики на русский язык выполнялся с учётом феноменологических описаний структуры синдрома дефицита внимания и гиперактивности. В

рамках методики WURS участникам предлагалось ретроспективно оценить частоту и степень выраженности симптомов, проявлявшихся в детском возрасте. Ответы регистрировались по пятибалльной шкале Лайкерта, где категории обозначались следующим образом: «совсем нет/очень слабо» (0), «слабо» (1), «умеренно» (2), «довольно сильно» (3), «очень сильно» (4). Максимальное возможное суммарное значение по шкале составляло 100 баллов. В Таблице 1 приведены пункты русскоязычной версии «Wender Utah Rating Scale (WURS)» М. Уорда и соавторов [6].

Таблица 1. Пункты русскоязычного варианта методики «Wender Utah Rating Scale (WURS)» M. Ward и соавторов

№	Утверждение
1	В школьные годы у меня были проблемы с концентрацией внимания, я легко отвлекался
2	В школьные годы я был тревожным, беспокойным
3	В школьные годы я был нервным, суетливым
4	В школьные годы я был невнимательным, «витал в облаках»
5	В школьные годы я был вспыльчивым, несдержанным, легко «закипал»
6	В школьные годы у меня были вспышки гнева, истерики
7	В школьные годы у меня были проблемы с настойчивостью, неспособностью довести начатое до конца
8	В школьные годы я был упрямым, упёртым, неподатливым
9	В школьные годы я был грустным, депрессивным, несчастным
10	В школьные годы я был непокорным, нахальным, не слушался родителей
11	В школьные годы я был низкого мнения о себе
12	В школьные годы я был раздражительным
13	В школьные годы я был капризным, с перепадами настроения
14	В школьные годы я был гневливым, злобным
15	В школьные годы я действовал бездумно, импульсивно
16	В школьные годы я был склонен к незрелому, безответственному поведению, шалостям
17	В школьные годы у меня было чувство вины, сожаления, раскаяния
18	В школьные годы я терял над собой контроль
19	В школьные годы я был склонен к иррациональности, иррациональному поведению
20	В школьные годы я был непопулярным среди других детей, не сохранял дружбу надолго, не ладил с другими детьми
21	В школьные годы у меня были проблемы с тем, чтобы поставить себя на место другого
22	В школьные годы у меня были проблемы с дисциплиной, с учёбой, вызовы родителей в школу
23	В школьные годы я учился в целом плохо, медленно усваивал материал
24	В школьные годы у меня были проблемы с математикой или с числами, датами
25	В школьные годы я не достигал своего потенциала

В методике ASRS выраженность каждого симптома оценивается с использованием 5-балльной шкалы Лайкерта (0–4: никогда, редко, иногда, часто, очень часто), что обеспечивает возможность расчёта суммарного показателя в диапазоне от 0 до 72. В таблице 2 приведены пункты русскоязычной версии методики «Adult Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD) Self-Report Scale (ASRS)», разработанной R. Kessler, L. Adler, M. Ames и соавторами [3].

Таблица 2. Пункты русскоязычного варианта методики «Adult Attention-Deficit/Hyperactivity Disorder (ADHD) Self-Report Scale (ASRS)» R. Kessler, L. Adler, M. Ames и соавторов

№	Утверждение
1	Как часто у вас возникают трудности с завершением окончательных деталей проекта, когда самое сложное уже позади?
2	Как часто вам бывает сложно привести вещи в порядок при выполнении задачи, которая требует организованности?
3	Как часто у вас бывают проблемы с запоминанием назначенных встреч или обязательств?
4	Когда у вас есть задача, требующая много размышлений, как часто вы избегаете или откладываете начало работы?
5	Как часто вы ёрзаете или совершаете лишние движения руками и ногами, когда вам нужно сидеть долгое время?
6	Как часто вы чувствуете чрезмерную активность и вынужденность что-то делать, будто в вас работает заведённый мотор?
7	Как часто вы совершаете ошибки по невнимательности, когда выполняете скучную или сложную работу?
8	Как часто вам трудно удерживать внимание при выполнении скучной однообразной работы?
9	Как часто вам сложно сконцентрироваться на том, что говорят вам люди, даже если они разговаривают непосредственно с вами?
10	Как часто вы теряете или с трудом находите вещи дома или на работе?
11	Как часто вы отвлекаетесь на события или шум вокруг вас?
12	Как часто вы покидаете своё место на собраниях или в других ситуациях, когда ожидается, что вы будете сидеть на своём месте?
13	Как часто вы чувствуете беспокойство или суетливость?
14	Как часто вам трудно расслабиться и отдохнуть, когда у вас есть свободное время?
15	Как часто вы ловите себя на излишней болтовне, когда находитесь в обществе?
16	Как часто во время разговоров вы ловите себя на том, что заканчиваете за людей предложения, прежде чем они успеют договорить сами?
17	Как часто вам трудно дождаться своей очереди?
18	Как часто вы прерываете других, когда они заняты?

Результаты анализа

Оценка качества психодиагностических инструментов включала анализ дискриминативности, надежности и валидности.

Дискриминативность опросников рассматривалась через их способность различать испытуемых, что оценивалось с помощью коэффициента δ-Фергюсона на уровне субшкал.

Для опросника WURS общий показатель дискриминативности составил 0.97. Субшкалы «Импульсивность и поведенческие проблемы» и «Невнимательность и школьные проблемы» продемонстрировали аналогичные значения. При этом субшкала «Самооценка и негативное настроение» достигла более высокого показателя – 0.98. В опроснике ASRS параметры «Импульсивность-Гиперактивность» и «Невнимательность» характеризовались значением дискриминативности 0.96. Данные результаты свидетельствуют, что применяемые методики способны эффективно выделять различные группы испытуемых по соответствующим субшкалам.

Надежность опросников оценивалась в двух аспектах: ретестовой надежности и внутренней согласованности. Ретестовая надежность измерялась путем определения корреляции по шкале Спирмена между результатами тестирования, проведенного с интервалом в один месяц. В случае WURS наиболее устойчивой оказалась субшкала «Самооценка и негативное настроение» (r_c = 0.821, p = .001), значимые показатели продемонстрировали также «Импульсивность и поведенческие проблемы» (r_c = 0.782, p = .001) и «Невнимательность и школьные проблемы» (r_c = 0.731, p = .001). Для ASRS высокие значения ретестовой надежности наблюдались у параметров «Невнимательность» (r_c = 0.877, p = .001) и «Гиперактивность-импульсивность» (r_c = 0.853, p = .001). Одномоментная надежность оценивалась на базе коэффициента α-Кронбаха, который для субшкалы «Самооценка и негативное настроение» в WURS составил 0.82, а для параметров «Невнимательность» и «Гиперактивность-импульсивность» в ASRS — 0.83 и 0.82 соответственно. Эти данные отражают стабильность измеряемых конструктов во времени.

Конструктная валидность методик проверялась путём корреляции результатов опросников с показателями, характеризующими соответствующие аспекты синдрома дефицита внимания с гиперактивностью (СДВГ) как в исходных, так и в адаптированных версиях. В ASRS субшкала «Импульсивность-гиперактивность» демонстрировала сильную связь с параметром «Отсутствие самоконтроля» (r_c = 0.821, p = .001), а «Невнимательность» коррелировала с «Отвлечением внимания» (r_c = 0.691, p = .001) и «Непоследовательностью» (r_c = 0.662, p = .001). В WURS «Импульсивность и поведенческие проблемы» связалась с соответствующей шкалой «Импульсивность» (r_c = 0.573, p = .001), «Невнимательность и

школьные проблемы» — с субшкалой «Невнимательность» (rc = 0.581, p = .001), а «Самооценка и негативное настроение» — с «Гиперактивностью» (rc = 0.622, p = .001) и «Импульсивностью» (rc = 0.639, p = .001). Отмеченные корреляции согласуются с данными по конструктной валидности оригинальных версий опросников.

Внутренняя структура опросников анализировалась посредством факторного анализа, выполненного с применением метода главных компонент, варимакс-вращения и нормализации по Кайзеру. В WURS первый фактор объединил пункты, связанные с проблемами концентрации внимания, отвлекаемостью и трудностями усвоения материала (позиции 1, 4, 23, 24), что соотносится с субшкалой «Невнимательность и школьные проблемы». Второй фактор включал элементы, относящиеся к «Импульсивности и поведенческим проблемам» (позиции 2, 3, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 22). Третий фактор охватывал пункты «Самооценки и негативного настроения» (позиции 7, 9, 11, 13, 16, 17, 19, 20, 21, 25). В ASRS первый фактор соответствовал шкале «Гиперактивность-импульсивность» (позиции 1, 4, 5, 6, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18), а второй стал отражением параметра «Невнимательность» (позиции 2, 3, 7, 8, 9, 10, 11). Факторная структура русскоязычных версий в целом повторяет структуру оригинальных вариантов.

Для стандартизации методик были рассчитаны основные статистические характеристики, включающие средние суммарные баллы, стандартные отклонения, минимальные и максимальные значения. Кроме того, исследовалась нормальность распределения данных при помощи критерия Колмогорова–Смирнова.

Выводы

Суммируя, адаптированные версии WURS и ASRS демонстрируют адекватные показатели надежности и валидности, что позволяет рассматривать их в качестве инструментов для психодиагностики симптомов СДВГ и его структурных компонентов, таких как импульсивность, гиперактивность и невнимательность. Полученные результаты подтверждают удовлетворительную дискриминативность, ретестовую надежность, внутреннюю согласованность и конструктную валидность шкал. Факторный анализ указывает на сохранение внутренней структуры, близкой к оригинальным версиям. Следует отметить, что русскоязычные варианты данных инструментов могут быть использованы как в клинической, так и в социальной и дифференциальной психологии как для диагностических, так и для исследовательских целей.

Список литературы:

1. Brevik E. J. et al. Validity and accuracy of the adult attention-deficit/hyperactivity disorder (ADHD) self-report scale (ASRS) and the Wender Utah rating scale (WURS) symptom

checklists in discriminating between adults with and without ADHD //Brain and behavior. – 2020. – Т. 10. – №. 6. – С. e01605.

2. Fuermaier A. B. M. et al. ADHD at the workplace: ADHD symptoms, diagnostic status, and work-related functioning //Journal of Neural Transmission. – 2021. – Т. 128. – С. 1021-1031.

3. Kessler R. C. et al. The World Health Organization Adult ADHD Self-Report Scale (ASRS): a short screening scale for use in the general population //Psychological medicine. – 2005. – Т. 35. – №. 2. – С. 245-256.

4. Mikami, A.Y., Smit, S. & Khalis, A. Social Skills Training and ADHD—What Works?. Curr Psychiatry Rep 19, 93 (2017). https://doi.org/10.1007/s11920-017-0850-2

5. Oscarsson, M., Nelson, M., Rozental, A. et al. Stress and work-related mental illness among working adults with ADHD: a qualitative study. BMC Psychiatry 22, 751 (2022). https://doi.org/10.1186/s12888-022-04409-w

6. Ward M. F. et al. The Wender Utah Rating Scale: an aid in the retrospective diagnosis of childhood attention deficit hyperactivity disorder //American journal of Psychiatry. – 1993. – Т. 150. – С. 885-885.

7. Ениколопов С. Н., Медведева Т. И. Апробация русскоязычной версии методики «шкала импульсивности Барратта»(BIS-11) //Психология и право. – 2015. – Т. 5. – №. 3. – С. 75-89.Doyle N. Neurodiversity at work: a biopsychosocial model and the impact on working adults. Br Med Bull. 2020 Oct 14;135(1):108-125. doi: 10.1093/bmb/ldaa021. PMID: 32996572; PMCID: PMC7732033.

8. Сухотина Н.К., Егорова Т.И. Оценочные шкалы синдрома дефицита внимания с гиперактивностью //Социальная и клиническая психиатрия. – 2008. – Т. 18. – №. 4. – С. 15-21.

УДК 159.9:613:004

Ковальчук А. А., Подорожная В. Р.
Тихоокеанский государственный медицинский университет, Владивосток, Россия

ИСКУССТВЕННАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: ПРИЧИНЫ ПРИВЯЗАННОСТИ К ТРЕКЕРУ И КРИЗИС ПРИ ЕГО ОТКАЗЕ

Аннотация: в статье рассматривается феномен психологической зависимости от цифровых трекеров здоровья и фитнес-приложений в контексте современной культуры самоконтроля. Анализируются психологические механизмы формирования привязанности к постоянному мониторингу физиологических показателей и поведенческих паттернов. Особое внимание уделяется изучению кризисных состояний, возникающих при отказе от использования трекеров или невозможности доступа к ним. Автор выявляет ключевые факторы, способствующие развитию зависимости от самоотслеживания: перенос локуса контроля на внешнее устройство, формирование ритуализированного поведения, потребность в постоянной обратной связи и количественном подтверждении собственного опыта. Рассматриваются последствия делегирования функций саморегуляции цифровым устройствам, включая снижение способности к интероцепции и доверия к собственным телесным ощущениям. Представлены результаты анализа психологических последствий вынужденного или намеренного отказа от трекера, включающие тревожность, дезориентацию, ощущение потери контроля и снижение мотивации к здоровому образу жизни. Обосновывается концепция «искусственной устойчивости» как иллюзии психологического благополучия, поддерживаемой исключительно за счёт внешних инструментов количественного самоконтроля.

Ключевые слова: цифровые трекеры здоровья, психологическая зависимость, самоотслеживание, локус контроля, интероцепция, искусственная устойчивость, кризис отказа.

Введение

Современное общество характеризуется стремительным распространением технологий количеительного самоотслеживания [9]. По данным исследовательской компании IDC, к 2023 году число пользователей носимых устройств для мониторинга здоровья превысило 440 млн человек. Фитнес-браслеты, умные часы и мобильные приложения, позволяющие отслеживать физическую активность, сон и питание, становятся устойчивым элементом повседневной практики заботы о здоровье [9].

Представляется важным отметить, что распространение подобных технологий сопровождается не только очевидными преимуществами, но и рядом психологических эффектов, которые пока остаются недостаточно изученными [5; 6].

Психологические механизмы формирования привязанности к трекерам

Феномен привязанности к цифровым трекерам, на наш взгляд, целесообразно рассматривать в рамках нескольких взаимосвязанных психологических механизмов.

Прежде всего, речь идёт о постепенном смещении локуса контроля с внутреннего на внешний. В соответствии с теорией Дж. Роттера, индивиды различаются по степени приписывания контроля над событиями собственной жизни [1]. В случае использования трекеров возникает ситуация, при которой устройство, изначально выступающее инструментом самонаблюдения, начинает выполнять функцию внешнего регулятора. Пользователь всё чаще опирается на данные устройства, а не на собственные ощущения [1; 5].

Кроме того, можно говорить о редукции сложного феномена здоровья к набору количественных показателей. Как отмечает Т. Портер, в условиях «культа количественности» измеримые параметры начинают восприниматься как более значимые, чем качественные характеристики [2]. В результате многомерное понятие здоровья упрощается до отдельных индикаторов — количества шагов, калорий или продолжительности сна [2].

Отдельного внимания заслуживает снижение интероцептивной осознанности — способности распознавать сигналы собственного тела. По имеющимся данным, длительное использование трекеров может приводить к ослаблению этой способности. Человек в меньшей степени ориентируется на субъективные ощущения, делегируя оценку своего состояния устройству [5].

Феномен искусственной устойчивости

В этой связи представляется продуктивным использование понятия «искусственной устойчивости», под которым понимается состояние, при котором субъективное ощущение благополучия поддерживается преимущественно за счёт внешних инструментов контроля [2;4].

Можно предположить, что в данном случае трекер выполняет функцию своеобразного «опорного механизма», обеспечивающего чувство предсказуемости и управляемости [4]. Однако при его отсутствии эта устойчивость оказывается нестабильной.

Парадокс заключается в том, что инструмент, направленный на повышение осознанности, в ряде случаев приводит к её снижению. Пользователь начинает в большей степени доверять количественным показателям, чем непосредственным телесным ощущениям [5]. Данный эффект, на наш взгляд, требует более детального эмпирического изучения.

Кризис при отказе от трекера

Отказ от использования трекера — как вынужденный, так и добровольный — может сопровождаться рядом психологических реакций [6;7]. По наблюдениям, вначале нередко возникает ощущение утраты контроля, сопровождаемое повышенной тревожностью [6].

На последующих этапах возможно снижение мотивации к физической активности. Если ранее поведение подкреплялось системой цифровых показателей и целей, то при их отсутствии активность может восприниматься как менее значимая [7;8]. В ряде случаев формируется установка, согласно которой действия, не фиксируемые устройством, теряют субъективную ценность [7].

Следует учитывать, что выраженность подобных реакций зависит от длительности использования трекера и индивидуально-психологических особенностей. Более уязвимыми, вероятно, являются лица с высоким уровнем тревожности, перфекционистскими установками, а также склонностью к обсессивно-компульсивным паттернам [6].

Клинические наблюдения и исследовательские данные

Анализ клинических наблюдений показывает, что в отдельных случаях использование трекеров может выступать источником психологического дистресса [5;6]. В частности, описываются ситуации, при которых постоянный мониторинг усиливает тревожность, способствует формированию навязчивого контроля или влияет на пищевое поведение [5].

Особое внимание следует уделить пользователям с предрасположенностью к обсессивно-компульсивным расстройствам и расстройствам пищевого поведения. Для данной группы количественный мониторинг может выступать в качестве социально приемлемой формы компульсивного поведения.

Результаты исследований свидетельствуют о неоднозначности влияния трекеров на поведенческую мотивацию. Краткосрочно их использование действительно может способствовать увеличению физической активности [7]. Однако в долгосрочной перспективе этот эффект, как правило, снижается [8;9]. В ряде работ отмечается возвращение к исходному уровню активности спустя 6–12 месяцев [8].

Интерес представляет также феномен, который в литературе обозначается как «парадокс количественного Я»: увеличение объёма самонаблюдения сопровождается снижением субъективного чувства связи с собственным телом и ростом тревожности [5]. Данный эффект требует дальнейшей проверки на репрезентативных выборках.

Теоретическое осмысление проблемы

С теоретической точки зрения рассматриваемый феномен может быть интерпретирован в рамках концепции расширенного познания, согласно которой когнитивные процессы частично выносятся за пределы организма и опираются на внешние инструменты [4]. В этом контексте трекер выступает как средство расширения функций самонаблюдения.

Вместе с тем возникает вопрос о границах такого расширения. Если внешние средства начинают замещать внутренние механизмы, это может приводить к их ослаблению.

Дополнительно представляется полезным обращение к концепции технологического опосредствования, согласно которой технологии активно формируют способы восприятия реальности. В случае с трекерами телесный опыт интерпретируется через количественные данные, что изменяет отношение человека к собственному состоянию.

Наконец, в рамках подхода М. Фуко можно рассматривать трекеры как инструмент самодисциплинирования, через который нормы контроля и оптимизации интегрируются в повседневную практику.

Практические рекомендации и перспективы

Осознание проблемы искусственной устойчивости и зависимости от трекеров требует разработки практических рекомендаций как для пользователей, так и для специалистов помогающих профессий [7].

Рекомендуется практиковать периодические «цифровые детоксы» — дни без использования трекера, во время которых человек учится заново прислушиваться к собственному телу. Важно осознанно развивать интероцептивную осознанность через практики удерживания внимания, телесно-ориентированную терапию, йогу — методы, направленные на восстановление контакта с телесными ощущениями [3].

Для психологов и психотерапевтов необходимо включать в анамнез вопросы об использовании трекеров, особенно при работе с клиентами, предъявляющими тревожную симптоматику, обсессивно-компульсивные паттерны или расстройства пищевого поведения [2]. При выявлении дисфункционального использования трекеров терапевтическая работа может быть направлена на восстановление интероцепции, формирование внутреннего локуса контроля, проработку перфекционистских установок и страха потери контроля [1;5].

Заключение

Феномен привязанности к цифровым трекерам здоровья и кризиса при отказе от них представляет собой новую психологическую проблему эпохи цифровизации [5, 6]. Концепция «искусственной устойчивости» описывает иллюзию психологического благополучия, поддерживаемую исключительно внешними инструментами количественного контроля при атрофии внутренних механизмов саморегуляции.

Данная проблематика требует дальнейших междисциплинарных исследований на стыке психологии, философии технологий, социологии и медицины [1, 2, 6]. Необходима разработка диагностических критериев дисфункционального использования трекеров, протоколов

психотерапевтической помощи, а также этических рекомендаций для разработчиков подобных устройств.

Список литературы:

1. Rotter J.B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. 1966. Vol. 80. No. 1. P. 1–28.
2. Porter T.M. Trust in Numbers: The Pursuit of Objectivity in Science and Public Life. Princeton: Princeton University Press, 1995. 310 p.
3. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Vintage Books, 1995. 480 p.
4. Verbeek P.-P. What Things Do: Philosophical Reflections on Technology, Agency, and Design. University Park: Penn State University Press, 2005. 249 p.
5. Foerster D.S. Sensing a Heartbeat: A New Perspective on Self-Tracking Technologies through the Integration of Interoception // Body & Society. 2024. Vol. 30. No. 2.
6. Ryan J., Edney S., Maher C. Anxious or empowered? A cross-sectional study exploring how wearable activity trackers make their owners feel // BMC Psychology. 2019. Vol. 7. Article 42.
7. Attig C., Franke T. I track, therefore I walk – Exploring the motivational costs of wearing activity trackers in actual users // International Journal of Human-Computer Studies. 2019. Vol. 127. P. 211–224.
8. Ellis D.A., Piwek L. Failing to encourage physical activity with wearable technology: what next? // Journal of the Royal Society of Medicine. 2018. Vol. 111. No. 9. P. 310–313.

УДК 796.82:796.015

Ковальчук А. А., Подорожная В. Р.
Тихоокеанский государственный медицинский университет, Владивосток, Россия

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ ПО МЕТОДИЧЕСКОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ И ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ-СУМОИСТОВ

Аннотация: в статье представлен аналитический обзор современных российских и зарубежных научных исследований, посвящённых методическому обеспечению и организации системы физической подготовки спортсменов-сумоистов. Рассматриваются тенденции в построении тренировочного процесса в сумо с учётом специфики соревновательной деятельности: кратковременных взрывных усилий, высокой значимости стартовой фазы поединка, необходимости сочетания высокой относительной силы, мощности и устойчивости при выраженной массе тела. Отдельно анализируются подходы к планированию силовой, скоростно-силовой, специальной выносливости, координационной и гибкостной подготовки, а также вопросы контроля подготовленности и профилактики травм. Выявлены ключевые направления развития методического обеспечения: индивидуализация программ в зависимости от антропометрических особенностей и спортивной квалификации, интеграция средств общей и специальной подготовки, расширение применения тестирования мощности и силы, а также повышение роли медицинского и восстановительного сопровождения. Обобщены практико-ориентированные рекомендации по организации годичного цикла подготовки сумоистов и структурированию микро- и мезоциклов. Сделан вывод о необходимости дальнейших исследований, направленных на стандартизацию тестов специальной подготовленности, оптимизацию силовой подготовки при сохранении здоровья опорно-двигательного аппарата и разработку комплексных моделей подготовки для различных весовых категорий.

Ключевые слова: сумо, физическая подготовка, силовая подготовка, скоростно-силовые качества, периодизация, специальная подготовленность, методическое обеспечение, контроль тренировочного процесса.

Введение

Сумо как вид единоборств характеризуется специфическим сочетанием антропометрических особенностей спортсменов, традиционных форм подготовки и современных научных подходов к организации тренировочного процесса. В соревновательной деятельности сумоиста ключевое значение имеют стартовый контакт (tachiai), способность к быстрому занятию устойчивого положения, реализации взрывного усилия в условиях ограниченного пространства, а также сохранение равновесия при активном противодействии соперника.

Следует отметить, что поединки в сумо, как правило, носят кратковременный характер, что обуславливает приоритетное развитие мощности, максимальной силы и скоростно-силовых качеств. Одновременно требования к устойчивости и контролю центра масс предполагают высокий уровень координационной подготовленности.

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к вопросам методического обеспечения подготовки сумоистов. При этом, как представляется, отечественные и зарубежные исследования различаются по направленности: в российских работах сумо чаще рассматривается в контексте общей системы подготовки спортсменов единоборств, тогда как зарубежные авторы уделяют больше внимания вопросам периодизации, силовой подготовки и контролю тренировочных нагрузок [1; 2; 6].

Цель статьи — проанализировать современные исследования российских и зарубежных учёных, посвящённые методическому обеспечению и организации системы физической подготовки сумоистов, а также выявить основные тенденции и проблемные аспекты данной области.

Методологические подходы

В российской научной традиции базой для построения системы подготовки спортсменов выступает теория периодизации, разработанная в рамках общей теории спорта [3; 4]. Представляется обоснованным применение данных подходов и в подготовке сумоистов с учётом специфики соревновательной деятельности и календаря стартов.

В ряде работ по единоборствам подчёркивается необходимость согласования структуры нагрузок с этапами годичного цикла, уровнем спортивной квалификации и задачами многолетней подготовки. Особое значение придаётся сопряжению средств общей и специальной физической подготовки как условию формирования соревновательной работоспособности [3; 4].

Зарубежные исследования, как правило, более детализированно рассматривают структуру тренировочного процесса, включая распределение нагрузок и развитие силовых качеств. При этом прослеживается тенденция к интеграции традиционных средств подготовки сумо с современными методами силовой тренировки и развития мощности [1].

На наш взгляд, перспективным направлением является именно сочетание традиционных упражнений сумо с научно обоснованными методами силовой и скоростно-силовой подготовки. Данный подход позволяет учитывать как специфику вида спорта, так и современные представления о механизмах мышечной адаптации [2; 6].

Силовая подготовка

Силовая подготовка в сумо занимает ведущую позицию, поскольку результат поединка во многом определяется способностью реализовать

значительное усилие в минимальное время. В соответствии с положениями теории спортивной тренировки, эффективная система силовой подготовки должна включать развитие максимальной силы, силовой выносливости и скоростно-силовых качеств с обязательным учётом принципов периодизации и восстановления [3; 4].

Зарубежные исследования акцентируют внимание на необходимости прогрессии и вариативности тренировочных нагрузок. Отмечается, что данные принципы обеспечивают не только прирост силовых показателей, но и развитие мощности, критически важной для выполнения взрывных действий [6].

Кроме того, в ряде работ подчёркивается значимость контроля интенсивности нагрузки, поскольку именно она определяет направленность адаптационных процессов в мышечной системе [2]. В этой связи представляется целесообразным более широкое использование методов объективного контроля, включая тестирование мощности и скорости выполнения движений.

Специальная выносливость

Несмотря на кратковременный характер отдельных поединков, соревновательная деятельность сумоистов предполагает многократное повторение схваток, что требует поддержания высокого уровня функциональной готовности на протяжении всего соревновательного дня.

В отечественной теории спорта формирование специальной работоспособности связывается с моделированием соревновательной деятельности и рациональным чередованием нагрузок и восстановления [3; 4].

В зарубежных исследованиях аналогичные подходы реализуются через использование интервальных режимов высокой интенсивности и структурирование нагрузок в рамках периодизации [1; 6].

Контроль и травматизм

Одной из актуальных проблем подготовки сумоистов остаётся высокий уровень травматизма, обусловленный значительными механическими нагрузками и контактным характером деятельности. В этой связи возрастает роль контроля тренировочного процесса и обоснованного планирования силовой подготовки.

Зарубежные авторы подчёркивают необходимость системного подхода, включающего прогрессию нагрузок, их вариативность, а также учёт индивидуальных особенностей спортсменов [6]. При этом интенсивность тренировочных воздействий рассматривается как ключевой фактор, определяющий характер адаптаций [2].

В российской практике широко применяется педагогическое тестирование, однако, как представляется, для сумо сохраняется проблема отсутствия стандартизированных тестов специальной подготовленности.

Разработка таких инструментов позволила бы повысить объективность контроля и эффективность управления тренировочным процессом [3; 4].

Выводы

Сопоставление отечественных и зарубежных исследований позволяет выделить ряд устойчивых тенденций в развитии методического обеспечения подготовки сумоистов.

Прежде всего, отмечается приоритет скоростно-силовой направленности тренировочного процесса при сохранении базы максимальной силы. Существенное значение приобретает задача преобразования силового потенциала в мощность, реализуемую в специфических условиях поединка [5].

Кроме того, прослеживается тенденция к интеграции традиционных средств подготовки сумо с современными методами силовой тренировки, основанными на принципах прогрессии и рационального подбора упражнений [6].

Важным направлением является индивидуализация тренировочного процесса, включая учет антропометрических особенностей спортсменов и их функционального состояния, а также развитие системы объективного контроля подготовленности [2].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что методическое обеспечение подготовки сумоистов находится в стадии активного развития и постепенно интегрирует достижения современной спортивной науки.

При этом можно отметить определённые различия в подходах: российская школа опирается на фундаментальные положения общей теории спорта и системной организации подготовки [3; 4], тогда как зарубежные исследования в большей степени ориентированы на прикладные аспекты силовой подготовки и управления нагрузками [1; 2; 6].

Вместе с тем ряд вопросов остаётся недостаточно разработанным. В частности, представляется актуальной разработка стандартизированных тестов специальной подготовленности, уточнение параметров силовой подготовки с учётом требований травмобезопасности, а также создание дифференцированных моделей подготовки для спортсменов различных весовых категорий.

Список литературы:

1. Bompa T.O., Buzzichelli C. Periodization: Theory and Methodology of Training. 6th ed. Champaign: Human Kinetics, 2019. 384 p. DOI: 10.5040/9781718225435
2. Fry A.C. The role of resistance exercise intensity on muscle fibre adaptations // Sports Medicine. 2004. Vol. 34. No. 10. P. 663-679. DOI: 10.2165/00007256-200434100-00004 EDN: BCLALC

3. Платонов В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения : учебник тренера высшей квалификации / В. Н. Платонов. - М. : Советский спорт , 2005. - 820 с. : ил. – ISBN 5-9718-0047-7.

4. Матвеев Л.П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. Москва: Советский спорт, 2010. 340 с. ISBN: 978-5-9718-0433-8 EDN: QYBJOP

5. Supertraining / Y. V. Verljpsjamslu, Y. Verkhoshansky, M. C. Siff, M. Yessis. - Verkhoshansky, 2009. - URL: https://books.google.ru/books?id=vBfnQwAACAAJ. ISBN: 978-88-904038-1-1

6. Kraemer W.J., Ratamess N.A. Fundamentals of resistance training: progression and exercise prescription // Medicine & Science in Sports & Exercise. 2004. Vol. 36. No. 4. P. 674-688. DOI: 10.1249/01.MSS.0000121945.36635.61

УДК 378.1:364.6-056.24

Майорова Е. А.
Московский международный университет, Москва, Россия

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СТУДЕНТОВ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ПЕРИОД СЕССИИ

Аннотация. В статье раскрыты механизмы и условия успешной адаптации студентов при получении высшего образования. Представлены результаты исследования тревожности у студентов с инвалидностью и ОВЗ и «условно здоровых». Даны рекомендации по организации психологической поддержки студентов с ОВЗ и инвалидностью в период сессии в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: адаптация, тревожность, образовательный процесс, студент с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья, рекомендации по психологической поддержке в период сессии.

Важной задачей современного общества является интеграция людей с инвалидностью и ОВЗ в общество в процессе получения образования. Высшее образование является необходимой ступенью развития лиц с инвалидностью и ОВЗ. На данной ступени они получают возможность развиваться интеллектуально, социально и профессионально.

Изучая статистику прошлых лет, мы понимаем, что обучение лиц с инвалидностью и ОВЗ носит массовый характер. Согласно данным Министерства образования и науки соотношение между «условно» здоровыми студентами и студентами с инвалидностью и ОВЗ составляет одну треть и с каждым годом число обучающихся с инвалидностью и ОВЗ растет. Студенты с инвалидностью и ОВЗ стремятся получить высшее образование для адаптации в современном обществе. Успешная адаптация согласно мнению ученых и педагогов (И.А. Зимняя, Л.З. Гостева, С.Г. Терскова, А.А. Деркач, Л.А. Петровская и др.) позволяет студентам с инвалидностью и ОВЗ приобрести навык социального взаимодействия. Этот навык является ключевым как в получении высшего образования, так и в общественной жизни.

Феномен «адаптация» изучается в рамках различных дисциплин. К основным можно отнести педагогику, психологию, в частности специальную и социальную психологию. По мнению известных авторов (А.В. Петровский, А. Маслоу, А.А. Реан, Л.Н. Винокурова, Б.Д. Парыгин и др.), адаптация к образовательному процессу студентов с инвалидностью и ОВЗ включает четыре основных этапа [6].

1.Знакомство и познание новой для студентов среды. Соответственно студенты заводят новые знакомства (контакты), изучает новую обстановку.

2.Далее у студента возникают внутренние противоречия, связанные с тем к чему он привык, к требованиям и нормам.

3.Факт принятия новых правил и установок.

Адаптация в образовательном процессе для лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) является ключевым аспектом, который влияет на их успешность, развитие и интеграцию в общество. Для этого необходимо осуществлять индивидуальный подход к каждому обучающемуся, это и специальные методики преподавания, и адаптированные учебные материалы, и поддержка со стороны педагогов. Для того чтобы обеспечить физическую и информационную доступность образовательной среды, чтобы студенты могли свободно передвигаться по территории учебного заведения и иметь доступ к необходимым ресурсам необходимо создание доступной среды. В течении учебных лет студенты с ОВЗ и инвалидностью могут сталкиваться с дополнительными стрессами и эмоциональными трудностями, в таком случае необходима психологическая поддержка, консультации со специалистами, которые помогут справиться с этими вызовами. Так как адаптация включает в себя не только учебный процесс, но и социальное взаимодействие, важно создавать условия для общения и взаимодействия между студентами с ОВЗ и их сверстниками, это будет способствовать формированию дружеских связей и улучшению социальной адаптации. Не менее важно учитывать используемые технологии при обучении. Специальные программы и устройства могут помочь в получении знаний и умений и значительно облегчить процесс обучения для студентов с ОВЗ и инвалидностью. Необходимо проводить работу по повышению осведомленности среди студентов и преподавателей о возможностях и потребностях студентов с ОВЗ и инвалидностью, что напрямую способствует созданию более инклюзивной и поддерживающей образовательной среды, а также по развитию самосознания и уверенности, ведь адаптация помогает студентам с ОВЗ и инвалидностью развивать уверенность в своих силах, что является важным для их личностного роста и успешной интеграции в общество. Главным итогом успешной адаптации студентов с инвалидностью и ОВЗ является психическое и эмоциональное равновесие, социализация и выбор профессии.

Таким образом, адаптация в образовательном процессе для лиц с ограниченными возможностями здоровья является неотъемлемой частью создания инклюзивного общества, где каждый имеет возможность развиваться и реализовывать свой потенциал.

Для адаптации студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья применяются разные программы инклюзивного

образования («Доступная среда», «Безбарьерная среда»). Благодаря этим программам студенты начинают понимать себя и свое «Я», осознают и научаются понимать жизненные реалии, научаются уметь планировать, получают информацию о профессиональных перспективах. В результате действия таких программ студенты с инвалидностью и ОВЗ способны личностно и профессионально самоопределиться [7].

Ранее нами было проведено исследование на выявление тревожности в группах «условно здоровых» студентов и студентов с инвалидностью и ОВЗ с помощью методики на выявление тревожности Ч.Д. Спилбергера, адаптированной Ю.Л. Ханиным (Табл.1) [3].

Таблица 1. Средние значения методики Спилберга, адаптированного Ханиным

Тревожность	**Ситуативная**	**Личностная**
Студенты с инв. и ОВЗ	39±5,34	51±5,10
«Условно здоровые» студенты	33,75±2,91	42,25±3,88
Достоверность различий	$p \geq 0,05$*	$p \leq 0,05$

* Различия не достоверны

По шкале тревожности Спилберга были выявлены достоверные различия по личностной тревожности в группах «условно здоровых» студентов и студентов с инвалидностью и ОВЗ. У студентов с инвалидностью и ОВЗ личностная тревожность выше, чем у «условно здоровых» студентов. Это нам может говорить о том, что чрезмерное беспокойство негативно сказывается на самооценке, подрывая веру в собственные силы и провоцируя враждебность. Подобные внутренние барьеры затрудняют социальную адаптацию, самовыражение и осознание своих достоинств. В группах «условно здоровых» студентов и студентов с инвалидностью и ОВЗ по ситуативной тревожности достоверных различий не выявлено [2].

В связи с вышеизложенным, нами были предложены рекомендации по психологической поддержке студентов с ОВЗ и инвалидностью в период сессии, так как данный период является наиболее волнительным для обучающихся с ОВЗ и инвалидностью.

Психологическая поддержка лиц с инвалидностью в период сессии — это важная и многогранная задача. Одной из первых задач - создание комфортной атмосферы, создание безопасного пространства, чтобы студенты чувствовали себя в безопасности и могли открыто обсуждать свои переживания, а также доступности во все помещения и ко всем ресурсам для студентов с различными формами инвалидности. Необходимо осуществлять индивидуальный подход к потребностям студентов с ОВЗ и инвалидностью, быть гибкими в условиях предоставления дополнительных ресурсов, таких как

време на подготовку или специальные условия на экзаменах. Предложите возможность индивидуальных консультаций с психологом или организуйте группы поддержки, где студенты с ОВЗ и инвалидностью могут делиться своими переживаниями и находить поддержку у сверстников. Важно проводить семинары или тренинги по управлению стрессом, тайм-менеджменту и методам релаксации, а также предоставьте доступ к информационным ресурсам, которые могут помочь в подготовке к экзаменам и управлении стрессом. Также необходима поддержка со стороны преподавателей, для этого важно проводить различные тренинги по вопросам инклюзии и поддержки студентов с ОВЗ и инвалидностью. Не менее важным является поддержка родителей, которая может существенно повлиять на успехи студентов с ОВЗ и инвалидностью.

Важно помнить, что каждый студент уникален, и подходы к поддержке должны быть адаптированы к их индивидуальным потребностям.

Таким образом, инклюзивная образовательная среда для студентов с инвалидностью и ОВЗ является важной частью адаптации, социализации, выбора профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 3-18.

2. Голубева Н.М., Голованова А.А. Факторы адаптации студентов к образовательной среде вуза // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2014. – Т. 3. – № 2 (10). – С. 125-130.

3. Звоников В.М., Майорова Е.А. Особенности адаптивности у студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью// Коррекционное сопровождение обучающихся с ОВЗ в условиях реализации ФГОС: сборник статей участников Международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.Т. Щелина, отв. редактор И.С. Беганцова. Арзамас, 2023

4. Исаева, И.С. Адаптивность как свойства личности в современных психологических исследованиях / И. С. Исаева, А. В. Грачева // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Рязань, 05–07 октября 2017 года / Отв. редактор Л.А. Байкова. – Рязань: Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 2017. – С. 251-255.

5. Петрова, С.С. Особенности социальной адаптации обучающихся с ограниченными возможностями здоровья / С. С. Петрова // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 67-2. – С. 133-137.

6. Пряжникова Е.Ю. Проблема профессионального ориентирования лиц с ограниченными возможностями здоровья//Мой ориентир. Информационно-справочный ресурс Министерства образования Московской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://мой-ориентир.рф/публикации/problema-professionalnoy-orientatsii/ (дата обращения 25.04.2026)

7. Психолого-педагогические основы обучения студентов с ОВЗ в вузе: хрестоматия для преподавателей сферы высшего профессионального образования, работающих со студентами с ОВЗ / под ред. Б. Б. Айсмонтаса. – М.: МГППУ, 2013.

8. Тащева А.И., Гриднева С.В., Арпентьева М.Р., Киценко Н.В. Особенности вузовской адаптивности у студентов с ограниченными возможностями здоровья // Коррекционно-педагогическое образование. - 2021. - №2. - С.17-40.

УДК 796.325:355.23

Винтовкин Н. В., Зеленский Н. В.
Военная академия РВСН имени Петра Великого (филиал), Серпухов, Россия

МЕТОДИКА ОТБОРА И ПОДГОТОВКИ СБОРНОЙ КОМАНДЫ ВОЕННОГО ВУЗА ПО ВОЛЕЙБОЛУ НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ И СИТУАЦИОННО-ВАРИАТИВНОГО ПОДХОДА

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию методики отбора и подготовки сборной команды военного вуза по волейболу. Показано, что комплектование и подготовка команды в военном вузе имеют ряд особенностей, связанных с регламентированным режимом обучения и службы курсантов, ограниченным объёмом тренировочного времени, регулярным обновлением состава и различиями в уровне исходной спортивной подготовленности обучающихся. Обоснована целесообразность использования комплексного тестирования как инструмента отбора, охватывающего физическую, техническую, тактическую и психофизиологическую стороны подготовленности курсантов. Рассмотрен ситуационно-вариативный подход к построению тренировочного процесса, направленный на развитие у игроков способности принимать решения в условиях дефицита времени и быстро меняющейся игровой обстановки. Показана связь данного подхода с задачами спортивного совершенствования и развитием профессионально значимых качеств будущих офицеров. Сделан вывод о необходимости разработки и последующей экспериментальной проверки специализированной методики, интегрирующей комплексное тестирование и ситуационно-вариативную организацию подготовки.

Ключевые слова: волейбол, военный вуз, курсанты, отбор спортсменов, комплексное тестирование, ситуационно-вариативный подход, тренировочный процесс, сборная команда, тактическая подготовка, принятие решений.

Волейбол занимает значимое место в системе физической подготовки и спортивно-массовой работы военных вузов. Его популярность среди курсантов определяется высокой динамичностью игры, необходимостью коллективного взаимодействия, выраженной соревновательной направленностью и возможностью комплексного развития физических, технических и тактических качеств [1, 2]. Вместе с тем отбор и подготовка сборной команды военного вуза по волейболу не могут осуществляться по тем же организационно-методическим основаниям, которые применяются в гражданских вузах или в специализированных спортивных школах.

Специфика военного вуза проявляется в регламентированном режиме обучения и службы курсантов, ограниченном времени для дополнительных тренировок, а также в регулярном обновлении состава команды вследствие выпуска, перевода, отчисления или медицинских ограничений. Кроме того, уровень предварительной волейбольной подготовленности курсантов,

поступающих в вуз, отличается значительной неоднородностью: часть из них имеет опыт систематических занятий, тогда как другие обладают лишь базовыми навыками, сформированными в рамках школьной программы [1, 3]. Указанные обстоятельства требуют более объективного подхода к отбору кандидатов и более рационального построения тренировочного процесса.

В практике комплектования вузовских команд решение о включении кандидата в состав нередко принимается преимущественно на основе визуальной оценки его игровых действий. Такой подход, несмотря на важность тренерского опыта, не всегда обеспечивает достаточную объективность, особенно в ситуации ограниченного времени и неоднородности состава поступающих [3]. В то же время тренировочный процесс нередко строится на воспроизведении стандартных технических действий и заранее разученных тактических комбинаций, что не в полной мере соответствует реальным условиям соревновательной деятельности в волейболе, характеризующейся высокой вариативностью игровых ситуаций [4, 5].

В связи с этим возрастает необходимость разработки методики, которая сочетала бы объективные процедуры отбора и более прикладной подход к организации подготовки команды. Целью настоящей статьи является теоретическое обоснование методики отбора и подготовки сборной команды военного вуза по волейболу, основанной на использовании комплексного тестирования при комплектовании состава и ситуационно-вариативного подхода при построении тренировочного процесса. Теоретический характер работы определил обращение к методам анализа, сопоставления и обобщения научной литературы по теории и методике волейбола, спортивному отбору, физической подготовке курсантов и организации тренировочного процесса в игровых видах спорта.

Комплексное тестирование как основа отбора кандидатов в сборную команду

Эффективность комплектования сборной команды военного вуза по волейболу в значительной мере определяется тем, насколько объективно и всесторонне оцениваются кандидаты. Волейбол относится к видам спорта, в которых соревновательная результативность зависит не от одного ведущего качества, а от сочетания физических способностей, уровня технической подготовленности, тактического мышления и психологической устойчивости игрока [2, 6, 7]. Именно поэтому процедура отбора должна строиться на основе комплексного тестирования.

Первое направление такого тестирования связано с оценкой физической подготовленности. Для волейболиста особое значение имеют скоростно-силовые качества, прыгучесть, быстрота перемещений, координация и способность выполнять игровые действия в условиях утомления [2; 6]. В

качестве диагностических средств могут использоваться прыжок вверх с места, челночный бег, бег на короткие дистанции, метание набивного мяча и другие контрольные упражнения, позволяющие судить о выраженности специфически значимых двигательных качеств.

Второе направление предполагает оценку технической подготовленности. Речь идёт о владении основными игровыми приёмами: подачей, приёмом мяча, передачей, нападающим ударом и блокированием. Контроль технической подготовленности должен строиться не только на констатации факта владения тем или иным приёмом, но и на оценке точности, устойчивости и эффективности выполнения технических действий в стандартных условиях [2, 8].

Третье направление связано с оценкой тактической подготовленности и игрового мышления. Для волейбола характерна высокая скорость смены игровых ситуаций, поэтому умение ориентироваться в обстановке, прогнозировать действия соперника, выбирать целесообразное решение и своевременно его реализовывать представляет собой принципиально важное качество игрока [4, 5]. Оценка тактической подготовленности может осуществляться посредством специальных игровых заданий, учебных игр и наблюдения за действиями кандидатов в ситуациях, требующих принятия самостоятельного решения.

Четвёртое направление охватывает психофизиологические характеристики, имеющие значение для успешного участия в командной игре. К ним относятся эмоциональная устойчивость, способность сохранять концентрацию внимания, стрессоустойчивость, готовность к взаимодействию с партнёрами и способность поддерживать эффективность действий в условиях соревновательного напряжения [9]. Для курсантов военного вуза эти характеристики приобретают дополнительную значимость, поскольку спортивная деятельность осуществляется на фоне учебной и служебной нагрузки.

Таким образом, комплексное тестирование позволяет получить не фрагментарную, а целостную характеристику кандидата. Его результаты дают возможность не только принять более обоснованное решение о включении курсанта в состав сборной команды, но и выявить сильные и слабые стороны подготовленности каждого игрока. Это создаёт предпосылки для последующей индивидуализации тренировочного процесса.

Ситуационно-вариативный подход к построению тренировочного процесса

После комплектования состава команды ключевое значение приобретает организация подготовки, обеспечивающей рост спортивного мастерства игроков и их готовность к соревновательной деятельности. Волейбол как игровой вид спорта характеризуется высокой степенью неопределённости:

каждая игровая ситуация требует от спортсмена быстрой оценки расположения партнёров и соперников, прогнозирования дальнейшего развития эпизода и выбора адекватного действия [4, 5]. В этих условиях одной лишь отработки технических элементов в стабильных, заранее заданных условиях недостаточно.

Ситуационно-вариативный подход предполагает такую организацию тренировочного процесса, при которой спортсмен систематически включается в выполнение заданий с изменяющимися условиями и необходимостью самостоятельного выбора решения. Этот подход ориентирован не только на совершенствование техники, но и на развитие тактического мышления, оперативности принятия решений, устойчивости внимания и способности быстро адаптироваться к меняющейся игровой обстановке [4, 5, 10].

В практическом отношении реализация данного подхода может выражаться в использовании заданий, предусматривающих:

— изменение направления и характера игровых действий по неожиданному сигналу;

— ограничение времени на принятие решения;

— выполнение упражнений в условиях искусственно изменённой расстановки игроков;

— моделирование типичных и нетипичных игровых эпизодов;

— проведение учебных игр с варьированием состава, численного соотношения и тактических установок.

Подобная организация тренировки способствует формированию у игроков способности действовать в условиях дефицита времени, неполноты информации и высокой плотности игровых событий. Для сборной команды военного вуза это особенно важно, поскольку эффективность соревновательной деятельности здесь во многом зависит не только от уровня технической подготовленности спортсменов, но и от их способности быстро перестраивать свои действия, координировать их с действиями партнёров и сохранять работоспособность в условиях психоэмоционального напряжения.

Следует подчеркнуть, что ситуационно-вариативный подход не подменяет собой традиционную техническую подготовку. Его применение оправдано лишь в сочетании с систематической работой над базовыми элементами игры. При недостаточном уровне владения техникой игры чрезмерное усложнение игровых задач может приводить к закреплению ошибочных действий. Поэтому включение ситуационно-вариативных заданий в структуру тренировочного процесса должно осуществляться с учётом этапа подготовки, уровня мастерства игроков и конкретных задач, решаемых на данном отрезке тренировочного цикла [2, 6, 8].

Принципиально важным является и то, что ситуационно-вариативная организация тренировок имеет значение не только в спортивном, но и в

професионално-прикладном отношении. Умение быстро анализировать ситуацию, принимать решение в условиях неопределённости, действовать слаженно в составе группы и сохранять самообладание при высокой ответственности относится к числу качеств, значимых для будущего офицера [1, 3]. В этом смысле волейбол в условиях военного вуза выступает не только как соревновательный вид спорта, но и как средство развития профессионально важных личностных и поведенческих характеристик.

Взаимосвязь комплексного тестирования и ситуационно-вариативной подготовки

Комплексное тестирование и ситуационно-вариативный подход решают разные, но взаимосвязанные задачи. Первое обеспечивает более объективный отбор кандидатов и получение информации об уровне их подготовленности, второе — создаёт условия для более эффективного развития качеств, необходимых для успешной игровой деятельности.

Результаты тестирования целесообразно использовать не только при принятии решения о комплектовании команды, но и при определении индивидуальных акцентов подготовки. Если у игрока выявляется достаточный уровень физической подготовленности при недостаточной тактической гибкости, тренировочный процесс должен включать больший объём заданий, направленных на развитие игрового мышления и оперативности решений. Если, напротив, сильной стороной является тактическая ориентировка при недостаточной физической или технической базе, то содержание подготовки должно корректироваться в сторону компенсации выявленных дефицитов.

Таким образом, комплексное тестирование становится не разовой процедурой отбора, а методическим инструментом управления подготовкой команды. Повторное проведение контрольных испытаний позволяет отслеживать динамику подготовленности игроков, оценивать эффективность используемых средств и своевременно вносить изменения в тренировочный процесс. В результате диагностика и подготовка образуют единую систему, в которой данные контроля непосредственно используются для совершенствования содержания тренировочной работы [6, 7].

Выводы

Отбор и подготовка сборной команды военного вуза по волейболу представляют собой специфическую организационно-методическую задачу, обусловленную неоднородностью исходного уровня подготовленности курсантов, ограниченным объёмом тренировочного времени и регулярным обновлением состава команды. Традиционные подходы к комплектованию и подготовке вузовских команд не в полной мере учитывают данные особенности, что снижает эффективность спортивной работы.

Комплексное тестирование, охватывающее физическую, техническую, тактическую и психофизиологическую стороны подготовленности, создаёт

основу для более объективного отбора игроков и позволяет получить информацию, необходимую для индивидуализации подготовки. Ситуационно-вариативный подход к построению тренировочного процесса способствует формированию способности действовать в быстро меняющейся игровой обстановке, что имеет значение как для соревновательной деятельности волейболистов, так и для развития профессионально значимых качеств курсантов.

Объединение комплексного тестирования и ситуационно-вариативной организации тренировочного процесса в единую методику следует рассматривать как перспективное направление совершенствования подготовки сборных команд военных вузов по волейболу. Дальнейшая разработка данной методики, уточнение состава тестовых показателей, структуры тренировочных заданий и критериев оценки эффективности её применения требуют специальной экспериментальной проверки.

Список литературы:

1. Барчуков, И.С. Физическая культура и физическая подготовка: учебник / И. С. Барчуков, Ю. Н. Назаров, В. Я. Кикоть. — М.: Юнити-Дана, 2012. — 431 с.

2. Волейбол : [Учебник для студентов вузов физ. культуры] / [Беляев А.А., Беляев А.В., Железняк Ю.Д. и др.]; Под общ. ред. А.В. Беляева, М.В. Савина. - Москва : СпортАкадемПресс, 2002. - 368 с. : ил., табл.; 20 см. - (Учебник для студентов вузов физической культуры).; ISBN 5-8134-0093-1

3. Профессионально-прикладная физическая подготовка курсантов высших военно-морских учебных заведений [Текст] : монография / В. В. Миронов, В. Н. Красота ; Министерство обороны Российской Федерации, Военный институт физической культуры. - Санкт-Петербург : Свое изд-во, 2018. - 214 с. : табл.; 21 см.; ISBN 978-5-4386-1473-9 : 1100 экз.

4. Клещёв, Ю.Н. Волейбол. Подготовка команды к соревнованиям: учеб. пособие / Ю. Н. Клещёв. — М.: Спортакадемпресс, 2002. — 192 с.

5. Шестаков, М. М. Индивидуализация учебно-тренировочного процесса в командных спортивных играх: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / М. М. Шестаков. — М., 1992. — 44 с.

6. Платонов В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практические приложения : учебник тренера высшей квалификации / В. Н. Платонов. - М. : Советский спорт , 2005. - 820 с. : ил. – ISBN 5-9718-0047-7.

7. Матвеев, Л. П. Теория и методика физической культуры (введение в теорию физической культуры; общая теория и методика физического воспитания) : учебник для высших учебных заведений физкультурного профиля / Л. П. Матвеев. - 4-е изд. - Москва : Спорт, 2021. - 520 с. - ISBN 978-

5-907225-59-6. - Текст : электронный. - URL: https://znanium.ru/catalog/product/1259199 (дата обращения: 16.05.2026). – Режим доступа: по подписке.

8. Фурманов, А.Г. Волейбол [Текст] : [учебное пособие] / А. Г. Фурманов. - Минск : Современная школа, 2009. - 226, [1] с. : рис., табл. - (Учебное пособие). - Библиогр.: с. 225. - ISBN 978-985-513-426-9 : Б. ц.

9. Ильин, Е.П. Психология спорта / Е. П. Ильин. — СПб.: Питер, 2012. — 352 с.

10. Холодов, Ж. К. Теория и методика физической культуры и спорта [Текст] : учебник : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки "Педагогическое образование" / Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов. - 15-е изд., стер. - Москва : Академия, 2018. - 494, [1] с. : ил., табл.; 22 см. - (Педагогическое образование. Бакалавриат) (Высшее образование. Бакалавриат).; ISBN 978-5-4468-7256-5

УДК 796.011:373.3/.5

Аммосова М. Н., Григорьева Ч. И.
Научный руководитель: Гоголева Е. Н.
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСА У ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается проблема низкой активности школьников к занятиям физической культуры. Рассмотрены ключевые факторы, влияющие на формирование устойчивого интереса, методы и средства для повышения эффективности школьного урока физической культуры. Формирование интереса является основой для приобщения к систематическим занятиям физической активностью и здоровому образу жизни.

Несмотря на осознание важности данного предмета, у многих школьников наблюдается отсутствие устойчивого интереса к занятиям. Это приводит к пассивному отношению к уроку, низкой посещаемости и, как следствие, к ухудшению физического здоровья. **Целью** данной статьи является выявление и анализ эффективных педагогических условий и методов формирования устойчивого познавательного и деятельностного интереса к урокам физической культуры. Для достижения поставленной цели поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать теоретические подходы к формированию интереса у детей школьного возраста к занятиям физической культурой.
2. Выявить педагогические условия и эффективные методы формирования устойчивого познавательного и деятельностного интереса к урокам физической культуры.
3. Определить роль учителя физической культуры в повышении мотивации и двигательной активности школьников.

Ключевые слова: интерес, школьники, мотивация, физическая культура, подход.

Введение

Интерес в педагогике рассматривается как один из важнейших компонентов мотивационной сферы личности, определяющий активность, устойчивость и результативность учебной деятельности учащихся. Именно наличие устойчивого интереса способствует более осознанному отношению школьников к процессу обучения и формированию положительной мотивации к занятиям. В условиях современной школы проблема развития интереса к физической культуре приобретает особую значимость, так как уровень двигательной активности детей и подростков постепенно снижается. Это связано с увеличением времени, проводимого за электронными устройствами, малоподвижным образом жизни и снижением интереса к активным формам досуга [13]. В контексте физического воспитания интерес выступает внутренним побудительным фактором, обеспечивающим положительное

отношение учащихся к занятиям физическими упражнениями и формирование потребности в регулярной двигательной активности [2,7].

С точки зрения психолого-педагогических концепций, интерес формируется в процессе деятельности и развивается при наличии положительных эмоций, осознания значимости выполняемых действий и возможности самореализации [3,9]. Для детей школьного возраста особенно важно, чтобы урок физической культуры вызывал положительные эмоции и создавал ситуацию успеха. Если учащийся испытывает удовлетворение от выполнения упражнений, получает поддержку учителя и ощущает собственный прогресс, его интерес к занятиям значительно возрастает. Для детей школьного возраста характерна зависимость интереса от эмоциональной насыщенности урока, разнообразия упражнений и степени доступности предлагаемых заданий [7].

В младшем школьном возрасте интерес к физической культуре преимущественно носит ситуативный характер и формируется на основе игровой деятельности [2]. Подвижные игры, эстафеты и элементы соревнований способствуют поддержанию положительного эмоционального фона, развивают ловкость, быстроту реакции и коммуникативные навыки. В этом возрасте детям важно получать удовольствие от самого процесса двигательной деятельности, поэтому уроки должны быть эмоциональными, динамичными и разнообразными. В среднем школьном возрасте возрастает значение общения со сверстниками, соревновательности и самовыражения, что требует включения командных форм работы и спортивных игр [10]. Подростки стремятся проявить себя, показать собственные способности и добиться признания в коллективе. Для старших школьников характерен переход к осознанному интересу, основанному на понимании роли физической культуры в сохранении здоровья и физического развития [8]. В этом возрасте учащиеся начинают осознавать влияние физической активности на состояние организма, работоспособность и внешний вид.

Эффективность формирования устойчивого интереса школьников к урокам физической культуры во многом определяется соблюдением определённых педагогических условий [2]. К числу наиболее значимых относятся создание доброжелательной атмосферы на уроке, обеспечение эмоциональной привлекательности занятий, вариативность содержания и форм организации учебного процесса [7,10]. Большое значение имеет использование разнообразных методов обучения, позволяющих поддерживать активность и вовлечённость учащихся. Одним из ведущих методов формирования интереса является игровой метод, позволяющий превратить учебную деятельность в увлекательный процесс [2,12]. Использование подвижных и спортивных игр способствует развитию физических качеств, формированию коммуникативных навыков и повышению активности учащихся. Не менее важным является

соревновательный метод, который стимулирует стремление к достижению результата и повышает мотивацию к выполнению упражнений [7,6].

Дифференцированный подход обеспечивает учет уровня физической подготовленности школьников, что позволяет избежать чувства неуспеха и способствует формированию положительного отношения к занятиям [7]. Учитель должен учитывать индивидуальные особенности каждого ребёнка, уровень его физического развития, состояние здоровья и личные интересы. Создание ситуации успеха для каждого учащегося является важным условием формирования устойчивого интереса, так как положительные эмоции закрепляют желание участвовать в физкультурной деятельности [2,9]. Если ученик чувствует уверенность в своих силах и видит результаты собственной деятельности, у него формируется желание продолжать занятия и совершенствовать свои навыки.

Дополнительные возможности для повышения интереса предоставляет использование современных педагогических технологий, включая информационно-коммуникационные средства, а также проведение внеурочных мероприятий: спортивных праздников, дней здоровья, школьных соревнований [10,12]. Использование мультимедийных материалов, видеороликов, интерактивных заданий и цифровых технологий делает уроки более современными и привлекательными для школьников. Комплексное применение данных методов способствует переходу от ситуативного интереса к устойчивому и осознанному [8]. Кроме того, участие учащихся во внеурочных мероприятиях помогает укрепить коллектив, развивает чувство ответственности и формирует положительное отношение к физической активности.

Особое значение в процессе формирования интереса к занятиям физической культурой принадлежит личности учителя [12]. Профессиональная компетентность, педагогическое мастерство и умение выстраивать доверительные отношения с учащимися оказывают непосредственное влияние на мотивацию школьников [2,8]. Учитель физической культуры выступает не только организатором учебного процесса, но и носителем ценностей здорового образа жизни. Его личный пример, эмоциональная вовлеченность и позитивное отношение к предмету способствуют формированию у школьников устойчивого интереса к физической культуре [10,12]. Важным аспектом деятельности учителя является поддержка инициативы учащихся, поощрение их активности и создание условий для самореализации. Индивидуальный подход, объективная оценка достижений и внимание к успехам каждого школьника способствуют повышению самооценки и укреплению мотивации к занятиям физическими упражнениями [7,9].

Современные исследования показывают, что уровень интереса школьников к занятиям физической культурой напрямую связан с возможностью выбора видов двигательной активности и применением

личностно-ориентированного подхода. Предоставление учащимся возможности самостоятельно выбирать упражнения, участвовать в планировании урока и оценивать собственные результаты способствует формированию внутренней мотивации и повышению ответственности за своё физическое развитие [1].

Важным фактором повышения интереса к урокам физической культуры является использование здоровьесберегающих технологий. Такие технологии направлены на сохранение физического и психического здоровья школьников, снижение утомляемости и создание благоприятного эмоционального климата на уроке. Применение дыхательных упражнений, элементов релаксации и оптимального чередования нагрузок положительно влияет на активность учащихся и их отношение к предмету [4].

Особую роль в формировании устойчивого интереса играет взаимодействие семьи и школы. Поддержка родителей, совместное участие в спортивных мероприятиях и формирование семейных традиций, связанных с физической активностью, повышают значимость занятий физической культурой для ребёнка. При положительном отношении семьи к спорту школьники чаще проявляют инициативу и стремление к регулярным занятиям [6].

Кроме того, включение элементов современных видов двигательной активности — фитнеса, танцевальных упражнений, командных квестов и подвижных игр с использованием цифровых технологий — делает уроки физической культуры более привлекательными для подростков. Инновационные формы занятий позволяют учитывать интересы учащихся и повышают уровень их вовлечённости в образовательный процесс [11].

Таким образом, роль учителя физической культуры является ключевой в формировании устойчивого интереса и повышении двигательной активности школьников, что в дальнейшем оказывает положительное влияние на их физическое развитие и отношение к здоровому образу жизни.

Заключение

В заключение следует отметить, что формирование интереса у детей школьного возраста к занятиям физической культурой является важным условием повышения эффективности школьного физического воспитания. Установлено, что устойчивый интерес формируется при учёте возрастных и индивидуальных особенностей учащихся, создании положительного эмоционального фона и использовании разнообразных методов обучения. Особая роль в данном процессе принадлежит учителю физической культуры, его профессионализму и умению мотивировать школьников.

Педагогическое мастерство учителя обеспечивает формирование положительного опыта, укрепляет мотивацию и способствует формированию устойчивой потребности в регулярной физической активности. Комплексное применение эффективных педагогических условий и методов способствует повышению двигательной активности учащихся и формированию у них

ценностного отношения к здоровому образу жизни, а также развитию личностных качеств: самодисциплины, ответственности, коллективизма и умения работать в команде.

Особая роль в данном процессе принадлежит учителю физической культуры, его профессионализму и умению мотивировать школьников. Педагогическое мастерство учителя обеспечивает формирование положительного опыта, укрепляет мотивацию и способствует формированию устойчивой потребности в регулярной физической активности.

Комплексное применение эффективных педагогических условий и методов способствует повышению двигательной активности учащихся и формированию у них ценностного отношения к здоровому образу жизни, а также развитию их личностных качеств как самодисциплины, ответственности, коллективизма и умения работать в команде.

Таким образом, формирование устойчивого интереса к занятиям физической культурой следует рассматривать как одну из важнейших задач современной школы, поскольку именно физическая активность является основой гармоничного развития личности ребёнка и сохранения его здоровья.

Список литературы:

1. Ашмарин Б. А. Теория и методика педагогических исследований в физическом воспитании. – М.: Физкультура и спорт, 1978.
2. Бальсевич В. К. Физическая культура личности школьника. – М.: Физкультура и спорт, 2000.
3. Выготский Л. С. Психология развития ребенка. – М.: Смысл, 2005.
4. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. – М.: Интор, 1996.
5. Мотивация и мотивы [Текст] / Е. П. Ильин. - СПб : Питер, 2011. - 508 с. : табл.; 24 см. - (Мастера психологии).; ISBN 978-5-459-00574-5.
6. Коменский Я. А. Великая дидактика. – М.: Педагогика, 1982.
7. Лях В. И. Физическая культура. Методика преподавания в школе. – М.: Просвещение, 2019.
8. Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры. – М.: Советский спорт, 2010.
9. Немов Р. С. Психология: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2018.
10. Петров П.К. Инновационные технологии в физическом воспитании школьников. – М.: Академия, 2017.
11. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии. – М.: Народное образование, 1998.
12. Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта. – М.: Академия, 2015.
13. Щукина Г. И. Проблема познавательного интереса в педагогике. – М.: Педагогика, 2008.

УДК 371.311:373.3/.5

Литвинов В. В.
Научный руководитель: Чуркина Н. И., д-р пед. наук, профессор
Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗНОВОЗРАСТНОГО ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье систематизированы педагогические условия, обеспечивающие результативность разновозрастного обучения школьников. Уточнено содержание понятий «разновозрастное обучение», «взаимообучение» и «педагогические условия». Предложена классификация условий, объединяющая организационно-управленческую, дидактико-методическую, психолого-педагогическую и материально-средовую группы. Рассмотрены риски, снижающие эффективность разновозрастного взаимодействия, и способы их учета.

Ключевые слова: разновозрастное обучение, разновозрастная группа, взаимообучение, педагогические условия, учебное сотрудничество, зона ближайшего развития, малокомплектная школа.

Разновозрастное обучение принадлежит к числу дидактических моделей, выработанных в ответ на ограничения классно-урочной системы с ее установкой на возрастную однородность учебных групп. Продолжительное время такая форма организации рассматривалась преимущественно как вынужденная мера, характерная для сельских малокомплектных школ, где малая наполняемость не позволяет комплектовать одновозрастные классы. В педагогических исследованиях последних десятилетий, однако, оформился иной подход, при котором разновозрастная организация учебного процесса трактуется как самостоятельный дидактический ресурс, обладающий собственным развивающим потенциалом. Вместе с тем сам по себе факт совместного обучения детей разного возраста еще не гарантирует образовательного эффекта: он достигается лишь при определенном построении процесса. Именно поэтому вопрос о педагогических условиях, при которых разновозрастное обучение становится результативным, сохраняет научную актуальность. Цель настоящей статьи – систематизировать эти условия и представить их в виде упорядоченной совокупности.

Прояснение поставленного вопроса требует предварительного определения исходных понятий. Под разновозрастным обучением в дальнейшем понимается такая организация учебного процесса, при которой в одном учебном объединении совместно занимаются школьники разного возраста или разного года обучения, а сама возрастная неоднородность используется как средство достижения образовательных целей. Соответственно разновозрастная группа определяется как учебное

объединение, намеренно сформированное из обучающихся нескольких возрастных категорий для совместного выполнения учебных задач; при этом возрастной разброс может быть как небольшим, охватывающим смежные годы обучения, так и значительным. Терминологически в отечественной педагогике наряду с «разновозрастным обучением» используется выражение «обучение в ходе межвозрастного взаимодействия», тогда как в зарубежной литературе круг близких понятий шире и включает многоуровневое, мультивозрастное и смешанно-возрастное обучение [5]. Существенно различать два внешне сходных явления. В малокомплектной школе объединение классов нередко выступает следствием организационной необходимости, и возрастные различия здесь скорее затрудняют работу педагога. В разновозрастном обучении в собственном смысле слова те же различия становятся проектируемым условием: учебные задания, состав групп и формы взаимодействия выстраиваются с расчетом на продуктивное использование разницы в возрасте и подготовленности. Это разграничение значимо, поскольку именно оно отделяет педагогически организованное разновозрастное обучение от простого совмещения классов.

Понимание разновозрастного обучения как развивающего ресурса опирается на несколько положений психологии и дидактики. Первое из них связано с концепцией зоны ближайшего развития Л. С. Выготского. Согласно известной формулировке, «то, что ребенок умеет делать сегодня в сотрудничестве, он сумеет сделать завтра самостоятельно» [4]. В разновозрастной группе складывается естественная среда такого сотрудничества: старший школьник для младшего нередко оказывается более доступным образцом и помощником, чем взрослый, поскольку дистанция между ними меньше. Второе положение восходит к работам по учебному сотрудничеству; Г. А. Цукерман показала, что совместная учебная деятельность детей формирует не только предметные умения, но и способность к рефлексии и самооценке [11]. Третье связано с дидактикой коллективного способа обучения В. К. Дьяченко, в которой работа в парах сменного состава рассматривается как полноценная организационная форма [6]. С названными основаниями тесно связано понятие взаимообучения, под которым понимается овладение знаниями, умениями и навыками в процессе взаимного влияния учащихся друг на друга [2]. Опираясь на эти положения, исследователи выделяют ряд механизмов, обеспечивающих развивающий эффект разновозрастного взаимодействия:

– обучение через объяснение: старший, разъясняя материал младшему, глубже осваивает его сам;

– расширение позиционного репертуара: один и тот же ученик последовательно занимает позиции обучаемого и обучающего;

– освоение социальных норм: совместная деятельность требует согласования действий, распределения ролей и взаимной ответственности;

– индивидуализация темпа: разнородный состав группы делает естественным продвижение учеников с различной скоростью.

Социализирующая составляющая этого эффекта подтверждается и эмпирически: Н. Ю. Хоменко и В. В. Гаврина, изучавшие творческую деятельность в разновозрастном объединении, отмечают, что совместная работа детей разного возраста развивает умение действовать в команде и расширяет опыт социального взаимодействия [10].

Перечисленные механизмы реализуются не автоматически. Их действие зависит от того, насколько целенаправленно организован учебный процесс, что и подводит к понятию педагогических условий. В педагогической литературе это понятие трактуется неоднозначно. Н. В. Ипполитова и Н. С. Стерхова, проанализировав его употребление, предлагают понимать педагогические условия как компонент педагогической системы, отражающий совокупность возможностей образовательной среды, целенаправленное использование которых обеспечивает ее эффективное функционирование и развитие [7]. В рамках настоящей статьи педагогические условия эффективности разновозрастного обучения определяются как совокупность намеренно создаваемых обстоятельств учебного процесса, наличие которых необходимо для достижения его развивающих результатов. Эффективность при этом понимается как мера соответствия достигнутых образовательных результатов поставленным целям при разумных затратах усилий и времени. Применительно к разновозрастному обучению вопрос о таких условиях рассматривался, в частности, Н. А. Грибановой, которая по итогам опытной работы относит к числу наиболее результативных приемов коллективные способы обучения и взаимообучение [5]. Принятое определение позволяет перейти от перечня разрозненных рекомендаций к упорядоченной классификации условий.

Условия результативного разновозрастного обучения целесообразно сгруппировать по тому аспекту учебного процесса, к которому они относятся. В таблице 1 представлены четыре группы таких условий с указанием их содержания и ожидаемого результата реализации.

Таблица 1 – Группы педагогических условий эффективности разновозрастного обучения

Группа условий	**Содержание**	**Результат реализации**
Организационно-управленческие	Обоснованное комплектование разновозрастных групп, согласование расписания и учебных планов, нормативное и ресурсное обеспечение	Устойчивость функционирования разновозрастных объединений

Дидактико-методические	Отбор содержания, допускающего совместное освоение; разработка разноуровневых заданий; выбор форм взаимодействия	Включенность каждого ученика в посильную и значимую деятельность
Психолого-педагогические	Готовность педагога к работе с неоднородной группой; благоприятный климат; учет возрастных и индивидуальных особенностей	Принятие учениками позиций обучающего и обучаемого
Материально-средовые	Организация учебного пространства для групповой и парной работы; наличие дидактических материалов	Техническая осуществимость избранных форм обучения

Рассмотрим выделенные группы подробнее. Организационно-управленческие условия образуют основу, без которой остальные группы не могут быть реализованы. К ним относится прежде всего обоснованное комплектование разновозрастных групп. Целесообразность объединения учеников разного возраста подтверждается длительным педагогическим опытом; обобщая его, М. М. Батербиев пишет: «Многолетний опыт доказал утверждение многих авторов о том, что при объединении детей малочисленных классов в общий коллектив работа идет успешнее, поскольку повышается заинтересованность каждого ученика решением общих задач, рождается свойственное младшим школьникам стремление соревноваться и оказывать помощь товарищу в случае затруднения» [2]. Вместе с тем результат достигается не любым объединением: состав группы определяется не произвольно, а исходя из учебной задачи – для одних видов работы предпочтительна значительная возрастная разница, для других подходят смежные годы обучения. Сюда же входит согласование расписания, учебных планов и программ, без которого совместные занятия школьников разных классов оказываются организационно невозможными. К этой группе принадлежит и нормативное, ресурсное обеспечение – закрепление разновозрастных форм в локальных документах образовательной организации и выделение необходимого учебного времени. Л. В. Байбородова, чьи работы во многом определили отечественную теорию разновозрастного обучения, отмечает, что устойчивость таких форм достигается лишь при их встроенности в общую организацию школьной жизни, а не при эпизодическом применении [1].

Если организационные условия обеспечивают саму возможность разновозрастных занятий, то их содержательное наполнение определяется условиями дидактико-методическими. Прежде всего это касается отбора учебного материала. Не всякое содержание одинаково пригодно для совместного освоения школьниками разного возраста: продуктивны темы, допускающие разные уровни проработки и распределение учебных действий

между участниками. С отбором содержания связана разработка системы заданий, рассчитанных на различную подготовленность учеников. К дидактико-методическим условиям относятся:

– наличие разноуровневых заданий, позволяющих включить в работу как младших, так и старших школьников;

– четкое распределение учебных функций внутри группы и их периодическая смена;

– сочетание фронтальных, групповых, парных и индивидуальных форм работы, методические основания которого подробно описаны в литературе о групповом обучении [8];

– использование заданий, выполнение которых требует именно совместных усилий, а не допускает простого разделения на изолированные части.

Близкий подход – проведение занятий по единой программе с заданиями, дифференцированными по возрастным подгруппам, – описан и в работах о разновозрастных группах дошкольного образования [9]. Соблюдение этих требований предупреждает типичную трудность разновозрастного занятия, при которой старшие выполняют основную работу, а младшие остаются пассивными наблюдателями.

Дидактическая проработка занятия необходима, но недостаточна: ее результат зависит от того, как складывается взаимодействие участников, что относит нас к психолого-педагогическим условиям. Среди них первостепенным является профессиональная готовность педагога. Учитель в разновозрастной группе действует иначе, чем в одновозрастном классе: он не столько передает материал, сколько организует взаимодействие учеников, регулирует распределение ролей и удерживает в поле внимания участников разной подготовленности. М. М. Батербиев, обобщивший многолетний опыт разновозрастного обучения, отмечает, что такая работа требует специальной подготовки педагога, а прямой перенос привычных приемов классно-урочного преподавания оказывается недостаточным [3]. Вторым условием этой группы выступает благоприятный психологический климат: разновозрастное взаимодействие результативно тогда, когда положение старшего не используется для подавления младшего, а младший не освобождается от собственной учебной ответственности. Третье условие – учет возрастных и индивидуальных особенностей учеников при распределении заданий и ролей, поскольку без него совместная деятельность утрачивает развивающий смысл.

Названные группы условий предполагают определенную предметно-пространственную опору, что выводит к условиям материально-средовым. Их содержание скромнее по объему, однако пренебрежение ими способно обесценить дидактически выверенный замысел. Сюда относится прежде всего организация учебного пространства. Применительно к разновозрастным

группам дошкольного образования О. А. Фатерина и Л. В. Мамедова описывают ее следующим образом: «Одним из важнейших аспектов является организация физического пространства с целью улучшения групповой работы и взаимодействия. Этого можно достичь путем использования передвижных столов и стульев, которые облегчают формирование небольших групп и изменение расположения в соответствии с различными активностями. Кроме того, выделение специальных участков для различных видов занятий, например, уголок для чтения, научно-исследовательская лаборатория или художественный центр, помогут создать стимулирующую и увлекательную обучающую среду» [9, с. 178]. Высказанное наблюдение применимо и к школьной разновозрастной группе: фронтальное расположение мест, рассчитанное на одновозрастный класс, затрудняет групповую и парную работу, тогда как подвижная расстановка позволяет быстро перестраивать состав рабочих объединений. К этой же группе условий принадлежит обеспеченность дидактическими материалами – наборами разноуровневых заданий, инструкций и средств самоконтроля, без которых смена учебных функций внутри группы трудноосуществима. Материально-средовые условия не порождают развивающего эффекта сами по себе, но создают техническую возможность реализовать формы работы, предусмотренные дидактическим замыслом.

Полнота картины требует указания и на обстоятельства, снижающие эффективность разновозрастного обучения; их учет правомерно рассматривать как еще одно условие результативности. К числу основных рисков относятся:

– неравномерное распределение нагрузки, при котором учебная активность сосредоточивается на старших учениках;

– подмена учебного сотрудничества опекой, когда старший выполняет задание за младшего вместо его сопровождения;

– рассогласование требований программ разных классов, затрудняющее отбор общего содержания.

На первый из этих рисков указывают и О. А. Фатерина с Л. В. Мамедовой: применительно к разновозрастным группам дошкольного образования они отмечают, что при неотлаженной организации часть детей превращается в пассивных слушателей, ожидающих своей очереди [9]. Перечисленные затруднения, однако, не являются неустранимыми. Они преодолеваются теми же средствами, что описаны выше: продуманным комплектованием групп, системой разноуровневых заданий и подготовкой педагога. Тем самым выделенные группы условий действуют не изолированно, а во взаимной связи, и ослабление одной из них снижает результативность остальных.

Итак, проведенный анализ позволяет рассматривать эффективность разновозрастного обучения школьников не как следствие самого факта объединения детей разного возраста, а как результат целенаправленно создаваемой системы педагогических условий. В ее состав входят организационно-управленческие, дидактико-методические, психолого-педагогические и материально-средовые условия, дополняемые учетом характерных рисков. Эти группы взаимосвязаны: организационные условия делают разновозрастные занятия возможными, дидактические определяют их содержание, психолого-педагогические – характер взаимодействия участников, а материально-средовые – техническую осуществимость избранных форм. Предложенная классификация может служить ориентиром при проектировании разновозрастного обучения и основанием для дальнейшего изучения отдельных групп условий, прежде всего применительно к различным предметным областям и ступеням школьного образования.

Список литературы:

1. Байбородова Л.В. Взаимодействие в разновозрастных группах учащихся. – Ярославль: Академия развития, 2007. – 335 с. ISBN: 5-7797-0603-4 EDN: QVJIJV

2. Батербиев М.М. Образовательный процесс в разновозрастных учебных группах: теория и методология // Народное образование. – 2017. – № 6-7 (1463). – С. 106–115. EDN: ZHERQP

3. Батербиев М.М. Разновозрастное обучение: от идеи до реализации. – Братск: Издательский дом «Братск», 2001. – 142 с.

4. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 576 с.

5. Грибанова Н.А. Педагогические условия организации разновозрастного обучения // Педагогическое образование в России. – 2014. – № 9. – С. 141–145. EDN: SXXKUP

6. Дьяченко В.К. Коллективный способ обучения: дидактика в диалогах. – М.: Народное образование, 2004. ISBN: 5-87953-184-8 EDN: QTFXAV

7. Ипполитова Н.В., Стерхова Н.С. Анализ понятия «педагогические условия»: сущность, классификация // General and Professional Education. – 2012. – № 1. – С. 8–14. EDN: YPEAGD

8. Лийметс Х. Й. Групповая работа на уроке. – М.: Знание, 1975. – 64 с.

9. Фатерина О. А., Мамедова Л. В. Особенности организации НОД в разновозрастной группе // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – Т. 14, № 3-1 (78). – С. 175–182. DOI: 10.25726/h3970-8576-0117-m EDN: REAXVK

10. Хоменко Н.Ю., Гаврина В.В. Социализация обучающихся в процессе творческой деятельности в разновозрастном объединении // Интерактивная наука. – 2017. – № 1 (11). – С. 62–72. DOI: 10.21661/r-116746 EDN: YKNFWF

11. Цукерман Г.А. Виды общения в обучении. – Томск: Пеленг, 1993. – 270 с.

УДК 377.5:316.614

Макухина А. О.
Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблематика адаптации иностранных обучающихся в системе среднего профессионального образования. Анализируются основные виды адаптации: социально-психологическая, академическая, социокультурная и лингвистическая. Выявляются факторы, затрудняющие процесс вхождения иностранных студентов в образовательную среду российского колледжа. На основе анализа нормативно-правовой базы, предлагаются практические рекомендации по организации психолого-педагогического сопровождения. Особое внимание уделяется роли куратора, педагога-психолога и социального педагога в создании адаптационно-поддерживающей среды.

Ключевые слова: адаптация, иностранные студенты, колледж, среднее профессиональное образование, психолого-педагогическое сопровождение, социально-психологическая поддержка, социокультурная интеграция.

В условиях реализации государственной политики, направленной на экспорт образования и повышение международной привлекательности российской системы профессионального обучения, наблюдается устойчивый рост численности иностранных граждан, осваивающих образовательные программы среднего профессионального образования. Однако практика образовательной деятельности колледжей свидетельствует о наличии значительных трудностей, переживаемых иностранными студентами на начальных этапах обучения. Указанные трудности носят комплексный характер и затрагивают когнитивную, эмоционально-волевую и коммуникативную сферы личности. В связи с этим возникает объективная потребность в научном осмыслении особенностей адаптации иностранных студентов колледжей и разработке практико-ориентированных рекомендаций по организации их психолого-педагогического сопровождения.

Адаптация иностранных студентов в колледже представляет собой многоуровневый и динамический процесс вхождения личности в новую образовательную среду, сопровождающийся преодолением объективных и субъективных барьеров. В структуре данного процесса традиционно выделяют несколько взаимосвязанных компонентов. Первым выступает академическая адаптация, понимаемая как приспособление к требованиям учебного процесса, системе контроля знаний, формам отчетности и

расписанию занятий. Для иностранного студента колледжа, в отличие от обучающегося университета, характерно более тесное взаимодействие с преподавателями-предметниками и мастерами производственного обучения, что требует быстрого освоения профессиональной лексики на русском языке [1].

Вторым компонентом является социально-психологическая адаптация, включающая в себя принятие новых социальных ролей, установление межличностных отношений в учебной группе, формирование позитивного эмоционального фона и снижение уровня ситуативной тревожности. Иностранные студенты нередко испытывают фрустрацию, обусловленную разрывом прежних социальных связей, отсутствием привычного круга общения и необходимостью выстраивать коммуникацию в поликультурной среде. Третьим компонентом выступает социокультурная адаптация, связанная с освоением норм, ценностей, традиций и правил поведения, принятых в принимающем сообществе. Четвертый, лингвистический компонент, пронизывает все остальные, поскольку недостаточное владение русским языком как языком обучения существенно замедляет процесс интеграции.

Специфика адаптации иностранных студентов именно в системе среднего профессионального образования обусловлена рядом факторов. Возраст обучающихся колледжей преимущественно приходится на период поздней юности и ранней взрослости, когда личность отличается повышенной сензитивностью к оценке окружающих, склонностью к формированию референтных групп, но одновременно и недостаточной сформированностью стрессоустойчивости. Для многих иностранных студентов, впервые покинувших родину, колледж становится не только местом учебы, но и институтом первичной социализации в новой культурной среде. Кроме того, материально-бытовые условия в общежитиях колледжей, часто не предполагающие индивидуального пространства, могут усиливать адаптационный стресс.

Как верно отмечает Поздняков И.А., значимым нормативно-правовым основанием для организации сопровождения выступают требования профессиональных стандартов, например, профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)», утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, где закреплена обязанность специалиста по созданию психологически безопасной и комфортной образовательной среды для всех обучающихся, включая иностранных граждан. Также следует учитывать положения Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования, утвержденного приказом Министерства просвещения Российской Федерации,

който обязывает образовательную организацию создавать условия для адаптации обучающихся из числа иностранных граждан [2].

Наиболее распространенными дезадаптационными проявлениями у иностранных студентов колледжей являются: снижение академической успеваемости из-за непонимания устной речи преподавателя, пропуски занятий по причине соматических расстройств психогенной природы, замкнутость либо, напротив, демонстративное поведение как защитная реакция, конфликтность с соотечественниками из-за конкуренции, а также отказ от участия во внеучебных мероприятиях. Опыт педагогической деятельности показывает, что кумуляция указанных проявлений в течение первого семестра может привести к формированию стойкой дезадаптации и последующему отчислению по неуспеваемости либо по собственному желанию.

Практические рекомендации по организации психолого-педагогического сопровождения иностранных студентов колледжей должны строиться на принципах системности, превентивности, межведомственного взаимодействия и учета этнокультурной специфики. Первым направлением является диагностическое. На этапе зачисления в колледж целесообразно проводить комплексное психолого-педагогическое обследование, включающее оценку уровня владения русским языком как иностранным, уровня коммуникативной компетентности, личностной тревожности, стрессоустойчивости и мотивации к обучению. Полученные данные позволяют формировать индивидуальные образовательные маршруты с включением дополнительных занятий по русскому языку и основам межкультурной коммуникации [3].

Вторым направлением выступает разработка и внедрение адаптационного модуля, интегрированного в воспитательную систему колледжа. Данный модуль может включать в себя цикл тренинговых занятий, направленных на знакомство с нормами поведения в образовательной организации, правилами внутреннего распорядка, традициями студенческого сообщества. Важной составляющей является работа с кураторами учебных групп. Куратор должен пройти специальную подготовку по вопросам психологии мигрантов, основам культурной сензитивности и техникам снятия эмоционального напряжения. В обязанности куратора входит первичное выявление признаков дезадаптации, координация взаимодействия с педагогом-психологом и социальным педагогом, а также организация тьюторского сопровождения, при котором наиболее успешные российские студенты закрепляются за иностранными обучающимися для помощи в бытовых и учебных вопросах.

Третье направление касается деятельности педагога-психолога. Специалисту рекомендуется внедрить систему регулярных групповых занятий

по развитию коммуникативных навыков и снятию психоэмоционального напряжения. Отдельного внимания заслуживает работа с кризисными состояниями, вызванными культурным шоком. Методы арт-терапии, телесно-ориентированной терапии и психогимнастики, адаптированные для поликультурной группы, позволяют безопасно выражать эмоции и снижать уровень внутреннего напряжения. Кроме того, психолог должен осуществлять мониторинг социально-психологического климата в учебных группах, где обучаются иностранные студенты, с целью профилактики буллинга и дискриминации по национальному признаку.

Четвертое направление предполагает организацию дополнительной лингвистической поддержки. Предпочтительным является создание языкового клуба или разговорного кружка, где иностранные студенты могли бы в неформальной обстановке совершенствовать навыки диалогической и монологической речи. Преподавателям русского языка и профильных дисциплин рекомендовано использовать методику двуязычных опор и визуализации учебного материала (схемы, инфографика, алгоритмы), что снижает когнитивную нагрузку и облегчает понимание содержания лекций и практических занятий. Целесообразно разработать буклеты или памятки на русском и родном для студентов языках, содержащие информацию о правовом статусе иностранного обучающегося, порядке продления визы и регистрации, правилах поведения в общественных местах, телефонах экстренных служб. Регулярное проведение экскурсий по городу, посещение краеведческих музеев, организация праздников национальных культур способствуют формированию положительного образа принимающего сообщества и снижению уровня межкультурной тревожности. Педагогическому коллективу необходимо наладить каналы обратной связи с использованием доступных средств телекоммуникации, информируя семью об успехах и трудностях адаптации. В случае совершеннолетних студентов следует поддерживать связь с дипломатическими представительствами и национальными землячествами при условии соблюдения законодательства о персональных данных [4].

Эффективность психолого-педагогического сопровождения оценивается по следующим критериям: положительная динамика академической успеваемости иностранных студентов, отсутствие пропусков занятий без уважительной причины, включенность во внеучебную деятельность, низкий уровень межличностных конфликтов с участием иностранных студентов, субъективное чувство удовлетворенности обучением, выявляемое в ходе анонимного анкетирования. Важно подчеркнуть, что адаптация не является линейным процессом: периоды относительной стабилизации могут сменяться рецидивами дезадаптации, особенно в период сессий, праздников на родине либо в связи с актуализацией в медиапространстве негативной информации о странах исхода [5].

Таким образом, адаптация иностранных студентов колледжей – сложный многомерный процесс, включающий академические, языковые, психологические и культурные аспекты. Специфика среднего профессионального образования, а именно раннее погружение в профессию и возрастные особенности обучающихся, повышает ответственность педагогического коллектива. Психолого-педагогическое сопровождение должно носить системный и междисциплинарный характер с участием психолога, социального педагога, куратора и администрации. Реализация рекомендаций – адаптационного модуля, входной диагностики, тьюторства, лингвистической и социокультурной поддержки – снижает риски дезадаптации и способствует успешной интеграции студентов в образовательную среду российских колледжей.

Список литературы:

1. Бухалко А. Д. Основы психолого-педагогического сопровождения адаптации иностранных студентов к обучению в российском вузе // Вестник ЮУрГГПУ. – 2019. – №2. – С.56-69. DOI: 10.25588/CSPU.2019.45.67.004 EDN: OLMTBC

2. Поздняков И.А. Проблемы адаптации иностранных студентов в россии в контексте педагогического сопровождения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2010. – №121. – С.161-167. EDN: MSTXXJ

3. Методические рекомендации по проведению программы психолого-педагогического сопровождения процессов обучения, социальной, языковой и культурной адаптации детей иностранных граждан. / Под ред. О.Е. Хухлаева, М.Ю. Чибисовой и Н.В. Ткаченко. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022 – 221 с.

4. Редько, Л.Л. Психолого-педагогическая поддержка адаптации студента-первокурсника в вузе: учебное пособие / Л. Л. Редько, Ю. А. Лобейко. – М.: илекса, 2008 – 296 с. ISBN: 978-5-89237-232-9 EDN: TNKIFJ

5. Ильченко, А. М. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов: процесс, способность, результат / А. М. Ильченко. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 5 (139). – С. 394-396. EDN: VLDNZG

УДК 796.922:528.28

Егоров Р. А.
Дальневосточная государственная академия физической культуры, Хабаровск, Россия

АНАЛИЗ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЛЫЖНЫХ ГОНКАХ НА ОСНОВЕ GPS-СПУТНИКОВОГО МОНИТОРИНГА: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ЦИКЛИЧЕСКИХ ВИДАХ СПОРТА

Аннотация: в статье представлены научно-методические основы применения глобальных навигационных спутниковых систем (GNSS/GPS) для анализа соревновательной деятельности в лыжных гонках. Рассматриваются технические и методологические аспекты использования высокочастотных датчиков позиционирования в сочетании с инерциальными измерительными модулями (IMU). Особое внимание уделено алгоритмам сегментации соревновательной трассы на подъемы, равнины и спуски, а также расчету кинематических параметров во взаимосвязи с рельефом местности и физиологическим ответом организма. Автором предложена комплексная схема интеграции телеметрических данных для оптимизации тактики прохождения дистанции (пейсинга) и контроля технического мастерства лыжников-гонщиков на основе отечественного опыта спортивной науки.

Ключевые слова: лыжные гонки, GPS-мониторинг, GNSS, соревновательная деятельность, кинематика, пейсинг, тактика, инерциальные датчики, ЧСС.

Введение

Современный спорт высших достижений характеризуется непрерывным поиском технологических решений, способных повысить эффективность тренировочного процесса и оптимизировать соревновательную деятельность. В лыжных гонках, относящихся к циклическим видам спорта с переменным рельефом, результат гонки зависит от сложного взаимодействия физического потенциала спортсмена, его технико-тактического мастерства, качества подготовки инвентаря и внешних условий среды [2; 6].

До недавнего времени оценка соревновательной деятельности лыжников носила преимущественно дискретный характер и ограничивалась анализом хронометража на промежуточных отсечках, видеоанализом ключевых участков и фиксацией средней частоты сердечных сокращений (ЧСС). Однако эти методы не позволяют получить целостную картину локомоторной активности спортсмена на протяжении всей дистанции.

Внедрение микротехнологий, в частности спутниковых систем позиционирования (GPS/GNSS), интегрированных с инерциальными датчиками (IMU: акселерометры, гироскопы, магнитометры), произвело качественную революцию в спортивной науке [2; 4]. Данные технологии позволяют в режиме реального времени регистрировать пространственно-

временные и кинематические параметры передвижения лыжника непосредственно в естественных соревновательных условиях. Это открывает принципиально новые возможности для объективного анализа тактики преодоления дистанции (пейсинга), биомеханической структуры циклов и функционального состояния гонщика.

Цель данной работы – теоретико-методическое обоснование применения спутникового GPS/GNSS-мониторинга для анализа соревновательной деятельности лыжников-гонщиков, систематизация регистрируемых параметров и определение путей их практического внедрения в систему спортивной подготовки на основе отечественных научных разработок.

Глава 1. Научно-технические основы и методология GNSS-мониторинга в лыжном спорте

Использование спутниковых систем навигации в лыжном спорте сопряжено с рядом технических вызовов. Трассы для лыжных гонок, как правило, проходят в лесистой местности со сложным рельефом, что может приводить к экранированию спутникового сигнала («эффект многолучевости») и потере точности позиционирования [4].

Для прецизионного анализа спортивной локомоции стандартные коммерческие GPS-приемники с частотой опроса 1 Hz (одна запись в секунду) малоэффективны, так как они существенно сглаживают пиковые скорости и не способны фиксировать быстрые изменения направления движения. В современной исследовательской практике применяются высокочастотные спортивные трекеры с частотой 10 Hz и более, поддерживающие одновременную работу с несколькими спутниковыми группировками (GPS, GLONASS), что снижает горизонтальную ошибку позиционирования (HDOP) до уровня менее 0.5 метра [2; 1]

Для компенсации неизбежных шумов спутникового сигнала и детализации биомеханических характеристик GNSS-приемники объединяют в одну систему с инерциальными датчиками (IMU). Данный гибридный подход позволяет использовать математические алгоритмы фильтрации (например, фильтр Калмана) для объединения данных о координатах с показателями ускорения и угловой скорости [1]. На основе показаний трехосевого акселерометра и гироскопа отечественное программное обеспечение способно автоматически распознавать используемый лыжный ход (одновременный одношажный, попеременный двухшажный, коньковый или классический варианты) и рассчитывать временные характеристики каждого цикла [8].

Глава 2. Сегментация дистанции и кинематический профиль лыжной трассы

Одним из ключевых этапов методологии анализа является цифровая реконструкция профиля трассы и ее сегментация. Трасса лыжных гонок

согласно регламенту FIS и ФЛГР разделяется на три сопоставимые по суммарному набору высоты категории участков: подъемы, равнины и спуски [2; 7].

Для корректного анализа соревновательной деятельности применяется алгоритм разбиения трека на микросегменты. С помощью геоинформационных систем (ГИС) и данных барометрического высотомера, встроенного в спортивный трекер, рассчитывается мгновенный угол наклона рельефа \ (\theta \) в каждой точке трассы по формуле:

$$\theta = \arcsin (dh / ds) \times 180 / \pi$$

где \(dh \) – изменение высоты на элементарном участке, а \(ds \) – трехмерное расстояние, пройденное спортсменом.

На основе угла \ (\theta \) выделяют три базовых типа сегментов.

- Подъемы: \ (\theta > 2^\circ \).
- Равнины: \ (-2^\circ \le \theta \le 2^\circ \).
- Спуски: \ (\theta < -2^\circ \).

Каждый из этих сегментов предъявляет уникальные требования к физиологическим системам энергообеспечения и биомеханике движений спортсмена [6]. В таблице ниже представлены ключевые показатели, регистрируемые в процессе соревновательного мониторинга на различных участках рельефа.

Тип сегмента: подъемы. Ключевые кинематические показатели: Скорость (`Vup`), частота циклов (`SF`), длина шага (`SL`), мощность (`Pmech`). Преобладающие зоны интенсивности: IV–V (субмаксимальная, максимальная). Физиологическая доминанта: Аэробная мощность (МПК), анаэробная емкость

Тип сегмента: равнины. Ключевые кинематические показатели: Максимальная скорость (`V_max`), вариативность длины шага

Преобладающие зоны интенсивности: III–IV (Умеренная, высокая)

Физиологическая доминанта: Экономичность техники, гликолитическая емкость

Тип сегмента: спуски: ключевые кинематические показатели: Скорость выката, аэродинамическая посадка, угловая скорость прохождения поворотов. Преобладающие зоны интенсивности: I–II (Восстановительная). Физиологическая доминанта: Скорость восстановления, технико-тактическое мастерство.

Применение GPS-мониторинга позволяет рассчитать «кинематический паспорт» трассы, определяющий процентное соотношение времени прохождения каждого типа рельефа и вклад каждого участка в итоговый соревновательный результат. Отечественные исследования показывают, что

более 50–60% от общей вариативности времени прохождения дистанции высококвалифицированными лыжниками объясняется именно эффективностью работы на подъемах [1;2]

Глава 3. Стратегии распределения сил (пейсинг) и тактический анализ

Анализ динамики изменения скорости на дистанции позволяет выявить индивидуальную тактическую схему спортсмена – его стратегию пейсинга (pacing strategy) [2]. В спортивной науке выделяют несколько основных моделей распределения сил.

1. Положительный пейсинг: постепенное снижение скорости от начала дистанции к финишу.

2. Отрицательный пейсинг: контролируемый старт с нарастанием скорости к концу гонки.

3. Равномерный пейсинг: поддержание относительно стабильной скорости на всей дистанции (характерно для плоского рельефа).

4. Вариативный пейсинг: волнообразное изменение скорости и мощности в строгом соответствии с изменениями рельефа трассы.

Для лыжных гонок наиболее энергоэффективным признан вариативный пейсинг [2; 3]. Лыжники высокого класса существенно увеличивают мощность работы на подъемах и переходят в режим частичного восстановления на спусках. Однако чрезмерное увеличение интенсивности на первой трети дистанции может привести к преждевременному исчерпанию анаэробных ресурсов и резкому падению скорости на финишном круге.

С помощью высокочастотного GPS-мониторинга тренерский штаб может наглядно визуализировать динамику утомления. Сравнение графиков скорости на первом и последнем кругах гонки на одних и тех же подъемах позволяет количественно оценить степень падения работоспособности:

$$\Delta V(drop) = (V_{lap1} - V(lapN)) / V_{lap1} \times 100\%$$

Значение \(\Delta V_{drop} \) более \(5-7\% \) свидетельствует о нерациональном выборе стартового темпа или о недостаточной специальной выносливости спортсмена [2].

Кроме того, в контактных дисциплинах (масс-старты, скиатлон, эстафеты, спринтерские забеги) GPS-данные дают возможность детально анализировать тактические маневры: эффективность лидирования, использование аэродинамической тени (драфтинг), прохождение поворотов по оптимальной траектории и удержание позиции в группе [8].

Глава 4. Интеграция кинематических и физиологических параметров

Для получения комплексной картины соревновательной деятельности данные внешнего мониторинга (координаты, скорость, темп) необходимо синхронизировать во времени с параметрами внутренней нагрузки организма (ЧСС, концентрация лактата в крови, субъективное напряжение) [1; 8].

Синхронизация кривой ЧСС с кинематическим профилем трассы позволяет рассчитать показатель «физиологической стоимости» выполненной работы на различных сегментах. На подъемах ЧСС спортсмена стремительно приближается к максимальным значениям, а на спусках наблюдается процесс кардиореспираторного восстановления. Скорость снижения ЧСС на спусках выступает важнейшим критерием функциональной готовности лыжника: у высокотренированных спортсменов пульс падает значительно быстрее, что позволяет им начинать следующий подъем в более выгодном физиологическом состоянии [6].

Благодаря совмещению пространственных данных и ЧСС рассчитывается индекс эффективности передвижения (EFF):

$$EFF = V(avg) / HR (avg)$$

Динамика данного индекса на различных кругах дистанции наглядно демонстрирует прогрессирующее утомление сердечно-сосудистой системы и снижение экономичности лыжного хода [1].

Заключение

Применение GPS-спутникового мониторинга в сочетании с инерциальными датчиками представляет собой передовой аналитический инструмент в системе подготовки лыжников-гонщиков. Данная методология переводит контроль соревновательной деятельности с эмпирического уровня на строго математический и биомеханический базис.

Анализ пространственно-временных характеристик движения на различных сегментах рельефа позволяет тренерам:

1. Выявлять индивидуальные лимитирующие факторы технико-тактической подготовленности спортсмена.
2. Разрабатывать персонализированные стратегии распределения сил (пейсинга) для конкретных соревновательных профилей трасс.
3. Оценивать эффективность тактических взаимодействий и маневров в контактных гонках.
4. Проводить объективный контроль динамики утомления и экономичности техники непосредственно в соревновательных условиях.

Список литературы:

1. Актуальные вопросы физической культуры и спорта: материалы XXV Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой памяти профессора Ю. Т.

Ревякина / отв. ред. А. Н. Вакурин. – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2023. – 294 с. EDN: YATOML

2. Головачев, А.И. Значение максимальной алактатной мощности в формировании спортивного результата высококвалифицированных лыжниц-гонщиц на различных дистанциях / А.И. Головачев, В.И. Колыхматов, С.В. Широкова // Современные вопросы биомедицины. – 2020. – Т. 4. – № 2(11). – С. 48-57. EDN: DOXSWY

3. Каминский Ю. М., Маджуга В. И. Индивидуальная подготовка лыжников-спринтеров в соревновательный период // Обучение и воспитание: методики и практика. – 2013. – №7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/individualnaya-podgotovka-lyzhnikov-sprinterov-v-sorevnovatelnyy-period (дата обращения: 08.06.2026).

4. Колыхматов, В.И. Динамика интенсивности соревновательной деятельности спортсменов высокой квалификации в лыжном спринте / В.И. Колыхматов, Ю.М. Каминский, А. И. Головачев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – № 8 (114). – С. 83–88. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2014.08.114.p83-88 EDN: SLSUHZ

5. Колыхматов, В.И. Динамика сложности соревновательных дистанций и скорости передвижения в лыжном спринте / В.И. Колыхматов, А.И. Головачев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2014. – № 7 (113). – С. 86–90. DOI: 10.5930/issn.1994-4683.2014.07.113.p86-90 EDN: SJMGXV

6. Правила вида спорта «лыжные гонки» // Федерация лыжных гонок России: официальный сайт. – URL: https://flgr.ru/rules/rules1/ (дата обращения: 24.02.2026).

7. Реуцкая, Е.А. Совершенствование физической подготовки лыжников-гонщиков на этапах многолетней подготовки: методические рекомендации / Е. А. Реуцкая, Н. С. Загурский, Я. С. Романова; Сибирский государственный университет физической культуры и спорта. – Омск: Изд-во СибГУФК, 2019. – 93 с.

8. fēnix 8 Series. Руководство пользователя // Garmin: официальный сайт. – URL: https://www.garmin.by/upload/manual/fenix_8_Series_OM_RU-RU.pdf (дата обращения: 24.02.2026).

УДК 37.036

Бобок В. Е.
Научный руководитель: Дорогонько З. В., канд. пед. наук, доцент
Смоленский государственный институт искусств, Смоленск, Россия

ШКОЛЬНЫЙ ТЕАТР КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье рассматривается школьный театр как эффективное средство развития креативности подростков. Анализируются особенности подросткового возраста, значение театральной деятельности для формирования творческого мышления, коммуникативных навыков, эмоциональной выразительности и способности к самореализации. Особое внимание уделяется потенциалу школьного театра как средства развития креативности в современной образовательной среде.
Ключевые слова: школьный театр, креативность, подростки, театральная деятельность, творческое развитие, творческое мышление.

В современных условиях развития общества проблема формирования креативности подростков приобретает особую актуальность по нескольким причинам. Стремительные изменения в различных сферах жизни – технологиях, экономике, культуре — требуют от человека способности быстро адаптироваться к новым условиям. Креативность позволяет находить нестандартные решения проблем, которые могут возникнуть в результате этих изменений. А также, современная образовательная среда ориентирована не только на передачу знаний, но и на развитие личности. Это означает, что образовательная система должна не просто обучать подростков фактам и концепциям, но и стимулировать их к самостоятельному мышлению, поиску нестандартных подходов и творческому самовыражению.

Школьный театр — это форма творческой деятельности учащихся, которая позволяет им развивать свои актёрские способности, воображение и креативность. Он может включать в себя постановку спектаклей, сценок, миниатюр, проведение театральных игр и этюдов. Это не только возможность для учеников проявить свои таланты, но и способ изучения литературы, истории, культуры через призму театрального искусства. Школьный театр способствует развитию коммуникативных навыков, уверенности в себе и способности работать в коллективе. Непосредственно театральная деятельность как средство развития креативности подростков включает в себя не только актёрскую игру, но и множество других аспектов, способствующих творческому развитию личности.

Исследование показало, что работа в школьном театре предполагает коллективное взаимодействие, способствует развитию коммуникативных

навыков, а главное умения работать в команде. Подростки учатся слушать и слышать других, учитывать мнения и идеи товарищей, что важно для формирования креативного мышления [3, с. 112].

В процессе подготовки к спектаклю участники могут проявить свою индивидуальность через выбор образа, характера, манеры речи и поведения персонажа. Это позволяет каждому подростку найти свой уникальный путь самовыражения и развития креативности.

Творчески активная личность подростка (ТАЛП), воплощающая свой потенциал во всех сферах жизнедеятельности человека, обладает способностью видеть вещи вне знакомых рамок, придумывать оригинальные идеи и решать нетривиальные задачи. Она формулирует цели, имеет внутреннюю мотивацию к развитию и реализации своих творческих идей, а также может адаптироваться к изменяющейся среде и сохранять интерес к новым знаниям и опыту [4, с. 104].

Театральная деятельность включает в себя элементы импровизации и поиска нестандартных решений. Например, в процессе репетиций актёры могут экспериментировать с текстом, интонацией, жестами и мимикой, что стимулирует творческое мышление и помогает преодолевать стереотипы.

Кроме того, участие в школьном театре требует глубокого понимания композиционного построения представления, сюжета, характеров персонажей и их мотивации, участия в подборе музыкально-шумового материала, оформления сценической площадки. Это способствует развитию аналитических способностей и критического мышления, которые также являются важными компонентами креативности. Это позволяет подросткам проявить свою творческую фантазию и реализовать свои возможности в различных аспектах театрального искусства. Участие в театрализованных представлениях и выступлениях перед зрителями помогает подросткам преодолеть страх перед публичными выступлениями, развивает уверенность в себе и способствует формированию позитивной самооценки. Всё это в совокупности создаёт благоприятные условия для развития креативности и творческого потенциала подростков.

Театральная деятельность способствует развитию творческого мышления и развитию способности к самовыражению [6, с.114]. Работа над ролью требует от подростка не только понимания текста, но и умения интерпретировать образ, искать выразительные средства и создавать собственное сценическое решение. Это стимулирует развитие творческого мышления и формирует способность к самостоятельной художественной деятельности. Таким образом школьный театр создает условия для эмоционального развития подростков. Через сценическую деятельность учащиеся получают возможность выражать свои чувства, преодолевать внутренние барьеры и развивать уверенность в себе. Публичные выступления

способствуют формированию навыков самопрезентации и помогают подросткам преодолевать страх перед аудиторией.

Современный школьный театр представляет собой не только форму досуга, но и важный педагогический инструмент, направленный на развитие креативности подростков. Он объединяет образовательные, воспитательные и культурные функции, создавая благоприятную среду для самореализации подростков. Как отмечает Е. П. Ильин, креативность — это способность человека генерировать новые идеи, подходы и решения, а также умение видеть проблемы с разных точек зрения, анализировать информацию и находить взаимосвязи между различными явлениями. Креативность включает в себя не только создание чего-то нового, но и способность адаптироваться к изменениям, находить нестандартные выходы из ситуаций. Развитие креативности у подростков способствует их успешной адаптации к быстро меняющимся социальным и культурным условиям. Исследование показало, что, «креативные» подростки более уверены в себе, они умеют находить новые пути для достижения целей и более открыты к изменениям. Это помогает им легче преодолевать трудности и успешно интегрироваться в общество [3, с. 28] [3, с. 112].

Хотя вся творческая деятельность должна обязательно быть представлена зрителям, т.е. результат должен быть, но важнее процесс развития школьника, становления его физически, интеллектуально, эмоционально и духовно. Мы можем говорить и об интеллектуальном осмыслении того, что приобретает в результате театральной деятельности школьник и создании духовной, психической модели как надо действовать в жизненной ситуации, осуществляя внутренний контроль. В результате многократных повторений, в том числе, можно говорить и о воспитании нравственных качеств личности как о возникновении своего рода нравственных навыков. «Современные ученые в своих исследованиях акцентируют внимание на воспитательно-развивающем значении театральной деятельности, театральное искусство занимает важное место среди средств воздействия на формирование личности школьников [6, с. 43].

По мнению Л. С. Выготского, подростковый возраст — это период, в который происходит активная интеграция социальных, эмоциональных и когнитивных процессов, что имеет большое значение для становления подростка как личности. Особенности подросткового возраста: формирование логического мышления и осмысленного восприятия. Ребёнок думает, припоминая, а подросток вспоминает, думая. Изменения в развитии воображения. Под влиянием абстрактного мышления воображение уходит в сферу фантазии. Фантазия подростка движется от наглядного образа через понятие к воображаемому образу. Важно отметить, что в этот период подросткового возраста развитие происходит не изолированно, а в социальных

взаимодействиях. Дружеские отношения и общение с ровесниками имеют ключевое значение для эмоционального и социального развития подростков. Именно на данном этапе, а в частности в деятельности школьного театра, особую роль выполняет игра и игровая деятельность. Выготский считал, что игра становится генератором знаний и навыков, позволяя подростку осваивать различные роли и экспериментировать с социальными взаимодействиями.

И так, школьный театр является мощным инструментом для развития креативности у подростков. Он объединяет художественное творчество, коллективное взаимодействие и личностное самовыражение, создает уникальную среду для развития креативности. В условиях современной образовательной практики школьный театр приобретает особую актуальность. Он не только обогащает учебный процесс, но и помогает подросткам раскрыть свой потенциал, научиться выражать свои мысли и чувства, а также развивает важные жизненные навыки, необходимые для успешной социализации и самореализации. Таким образом, школьный театр обладает значительным потенциалом в развитии креативности подростков. Его специфика заключается в сочетании художественного творчества, коллективного взаимодействия и личностного самовыражения. Театральная деятельность способствует формированию творческой, эмоционально развитой и социально активной личности, что определяет актуальность школьного театра в современной образовательной практике.

Список литературы:

1. Выготский, Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте: психологический очерк: книга для учителя / с послесл. В. В. Давыдова. – 3-е изд. – Москва: Просвещение, 1991. – 90, [2] с.

2. Ершова, А. П. Уроки театра на уроках в школе: театральное обучение школьников 1–11 классов: программа, методические рекомендации, сборник упражнений / НИИ художественного воспитания АПН СССР, Науч.-консультац. центр «Педагогические мастерские по художественному воспитанию». – Москва: Науч.-консультац. центр «Педагогические мастерские по художественному воспитанию», 1990. – 71, [1] с.

3. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. – СПб.: Питер, 2009. – 444 с.

4. Комаров, А.В. Театрально-игровая педагогика: методика воспитания творчески активной личности подростков / А. В. Комаров, Е. Р. Кондратова, А. В. Енин // Педагогический журнал. – 2024. – Т. 14, № 4-1. – С. 102-110. EDN: TLTKMC

5. Новикова Н.И. Социализация школьников средствами театральной педагогики // Эксперимент и инновации в школе – 2011.– № 3. – С. 63–70. EDN: NUJEQH

6. Рогачева, Л. С. Театральная педагогика в школьной образовательной среде / Л. С. Рогачева // Путь науки. – 2024. – № 1(119). – С. 41-45. EDN: NPIEIR

УДК 372.8:2:17

Ушакова П. А.
Многопрофильная гимназия федеральной территории «Сириус», Сочи, Россия

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КУРСА ОРКСЭ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния преподавания курса «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) в российских школах. Рассматриваются нормативно-правовые основы введения предмета, его цели и структура. Основное внимание уделено ключевым проблемам реализации курса: сложности выбора модуля родителями, нехватка квалифицированных педагогических кадров, отсутствие системы оценивания достижений учащихся и вовлеченности семьи. Также освещаются методические перспективы развития курса, включая использование деятельностного подхода, проектных технологий и ИКТ для формирования духовно-нравственных ценностей у младших школьников.

Ключевые слова: ОРКСЭ, Основы религиозных культур и светской этики, духовно-нравственное воспитание, начальная школа, проблемы преподавания, выбор модуля, педагогические технологии.

Введение

Современная российская система образования ставит перед собой задачу не только передачи знаний, но и всестороннего воспитания личности. В условиях многонационального и многоконфессионального государства вопрос сохранения культурного наследия и формирования общенациональной идентичности приобретает особую актуальность. Одним из ключевых инструментов решения этой задачи стал введенный с 1 сентября 2012 года во всех общеобразовательных учреждениях страны курс «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Обязательный для изучения в 4-х классах, этот предмет является логическим продолжением курса «Окружающий мир» и предшествует изучению истории в 5-м классе [1, 5].

Согласно статье 87 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», курс носит культурологический и воспитательный характер. Его главная цель – формирование у обучающихся мотивации к осознанному нравственному поведению, знанию и уважению культурных и религиозных традиций народов России, а также развитие способности к диалогу с представителями других культур [1, 6]. Курс состоит из шести модулей:

1. основы православной культуры;
2. основы исламской культуры;
3. основы буддийской культуры;
4. основы иудейской культуры;

5. основы мировых религиозных культур;

6. основы светской этики.

Родители (законные представители) школьника самостоятельно выбирают один из модулей для изучения своим ребенком, что реализует конституционное право на свободу совести и вероисповедания. Несмотря на единство структуры, практическая реализация курса сталкивается с рядом системных проблем, требующих осмысления и поиска путей их преодоления.

Основные проблемы реализации курса ОРКСЭ.

Анализ педагогической практики позволяет выделить несколько взаимосвязанных проблем, затрудняющих эффективное достижение целей курса.

1. Проблема выбора учебного модуля.

Это одна из наиболее острых проблем. Формально выбор модуля является добровольным правом родителей. Однако на практике он часто обусловлен не столько глубокими мировоззренческими убеждениями, сколько социальными факторами: мнением классного руководителя, рекомендациями администрации школы или выбором большинства родителей в классе. Это создает риск косвенного принуждения и может привести к выбору модуля, который противоречит личным убеждениям семьи. Кроме того, разделение класса на группы по религиозному признаку для изучения разных модулей может препятствовать формированию единого коллектива и даже провоцировать межконфессиональную отчужденность среди детей. Существует мнение, что для воспитания истинной толерантности всем учащимся сначала необходимо пройти модуль «Основы светской этики» или «Основы мировых религиозных культур», чтобы получить общее представление о многообразии традиций [5].

2. Кадровое обеспечение и подготовка учителей.

Преподавание ОРКСЭ требует от учителя уникальной квалификации. Педагог должен обладать не только знаниями в области истории, культурологии и религиоведения, но и владеть специфическими методиками ведения этического диалога, организации проектной деятельности и работы с ценностно-смысловыми текстами. Зачастую учителями этого курса становятся преподаватели начальных классов без специальной подготовки, что приводит к формальному подходу и снижению воспитательного потенциала уроков. Особенно остро эта проблема стоит при преподавании конфессиональных модулей (например, «Основ православной культуры»), где учителю необходимы глубокие теологические знания, которыми светский педагог может не обладать [6].

3. Отсутствие системы оценки результатов обучения.

Курс ОРКСЭ предполагает безотметочное обучение. Текущие, четвертные и годовые оценки выставлять не рекомендуется. Контроль

усвоения материала осуществляется через наблюдение, обсуждение, творческие задания. Такой подход, призванный снизить стресс учащихся, на деле вызывает трудности. Ученики, привыкшие к системе отметок как главному мотиватору учебной деятельности, могут терять интерес к предмету. Учителя сталкиваются со сложностями в объективизации оценки уровня сформированности нравственной компетентности ребенка. Возникает необходимость разработки новых, валидных критериев оценивания, основанных на анализе творческих работ, участия в дискуссиях и выполнения проектов [5].

4. Недостаточная вовлеченность семьи.

Эффективность курса напрямую зависит от активного взаимодействия школы и семьи. Многие домашние задания в рамках ОРКСЭ предполагают совместную работу ребенка с родителями: обсуждение нравственных дилемм, изучение семейных традиций. Однако не все родители осознают важность курса или готовы уделять ему время. Некоторые относятся к нему с предубеждением, считая навязыванием религии, другие – просто игнорируют. Без поддержки и понимания со стороны семьи потенциал курса реализуется лишь частично. Задача школы – проводить просветительскую работу с родителями, объясняя цели и задачи ОРКСЭ и вовлекая их в образовательный процесс через открытые уроки, совместные проекты и конкурсы [5].

5. Перегрузка учебных планов и нехватка времени.

На изучение курса ОРКСЭ отводится всего 34 часа (один час в неделю). Этого времени недостаточно для глубокого погружения в материал, организации полноценных исследовательских и творческих проектов. При этом учителя отмечают высокую трудоемкость подготовки к урокам, так как требуется тщательный отбор иллюстративного материала, разработка этических ситуаций и сценариев для обсуждения. Часто курс становится дополнительной нагрузкой для педагогов, что сказывается на качестве преподавания.

Перспективы и пути повышения эффективности курса

Несмотря на существующие трудности, курс ОРКСЭ обладает огромным потенциалом. Для его полной реализации необходимо решить вышеозначенные проблемы и двигаться в следующих направлениях.

Совершенствование кадровой политики. Необходимо обеспечить всеобщую и качественную подготовку педагогов, преподающих ОРКСЭ. Курсы повышения квалификации должны носить не только теоретический, но и глубокий практико-ориентированный характер, включать стажировки и мастер-классы от ведущих экспертов. Важно привлекать к преподаванию специалистов с профильным гуманитарным образованием.

Развитие вариативности и интеграции. Следует активнее внедрять в практику межмодульные проекты, которые объединяют учащихся,

изучающих разные модули. Это позволит им совместно работать над общими темами (например, «Праздники моей семьи», «Добрые поступки в нашей жизни»), способствуя развитию взаимопонимания и уважения. Методически обоснованным выглядит предложение об изучении всеми учениками сначала базового модуля «Светская этика» или «Мировые религии», а затем – углубленного, выбранного родителями.

Разработка современных методик и инструментария оценки. Требуется создание единых методических рекомендаций по оцениванию личностных результатов. Эффективным инструментом может стать портфолио ученика, куда будут собираться его творческие работы, эссе, результаты проектной деятельности и рефлексивные листы. Это позволит отслеживать индивидуальный прогресс каждого ребенка в сфере духовно-нравственного развития.

Активное использование цифровых образовательных ресурсов и ИКТ. Мультимедийные презентации, видеофрагменты художественных и мультипликационных фильмов с последующим этическим анализом, виртуальные экскурсии по храмам и музеям делают уроки более наглядными, эмоциональными и интересными для современных детей. Использование интерактивных платформ может помочь в решении проблемы нехватки времени за счет организации самостоятельной работы учеников дома.

Укрепление связи с семьей. Школе следует выстраивать партнерские отношения с родителями. Регулярное проведение совместных мероприятий, родительских лекториев, посвященных вопросам воспитания, и открытых уроков поможет снять тревожность и повысить доверие к курсу. Успех реализации ОРКСЭ возможен только при условии единства целей и действий педагогов, детей и их семей.

Заключение

Курс «Основы религиозных культур и светской этики» является важным элементом российской образовательной системы, направленным на укрепление гражданской идентичности и сохранение культурно-исторического наследия страны. Проблемы, связанные с кадровым обеспечением, организацией учебного процесса и взаимодействием с семьей, являются решаемыми. Переход от формального преподавания к деятельностному подходу, внедрение современных педагогических технологий и активное вовлечение родителей в образовательный процесс позволят раскрыть весь воспитательный потенциал курса. Реализация этих перспектив будет способствовать формированию гармонично развитой, ответственной и толерантной личности, готовой к жизни в современном мире.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». – Текст: электронный // КонсультантПлюс. –

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 08.06.2026).

2. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2009. – С. 23. ISBN: 978-5-09-022138-2 EDN: QXTZAB

3. Кошечко А.Н. Теория и практика преподавания комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики»: взгляд тренера-преподавателя. Томск, ТОИПКРО, 2012. – 7 с.

4. Метлик И. В., Склярова Т. В. Религиозное образование Русской Православной Церкви и проблема его стандартизации в общеобразовательной школе // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. – 2011. – № 23. – С. 7–19.

5. Опыт, проблемы и перспективы духовно-нравственного воспитания обучающихся в практике преподавания предметов ОРКСЭ и ОДНКНР [Электронный ресурс] // Социальная сеть работников образования. – URL: урок.рф (дата обращения: 06.06.26).

6. Актуальные вопросы преподавания курса ОРКСЭ. Проблемы и пути их решения / [Электронный ресурс] // Социальная сеть работников образования. – URL: nsportal.ru. (дата обращения: 06.06.26).

УДК 159.9.07

Опарина А. С.
Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ЖЕНЩИН ПРИ УДАЛЕННОМ ФОРМАТЕ РАБОТЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Предметом исследования является взаимосвязь психологического благополучия и копинг-стратегий женщин в условиях удаленной работы. Объект исследования – механизмы психологической адаптации личности к дистанционному формату занятости. В исследовании применялись методы теоретического обзора, системного анализа и обобщения актуальной научной литературы. Рассматриваются такие аспекты, как размывание личных границ, обострение ролевого конфликта «семья – работа» и роль совладающего поведения. Основными выводами являются положения о том, что удаленный труд создает уникальную стрессогенную среду, где профессиональные и домашние обязанности конкурируют за одни и те же ресурсы. В результате определено, что конструктивные проблемно-ориентированные стратегии выступают ключевым буфером, позволяющим женщине сохранять эвдемоническое благополучие, тогда как эмоциональное избегание провоцирует истощение. Обосновывается идея о необходимости направленной психологической поддержки дистанционных сотрудниц.

Ключевые слова: психологическое благополучие, копинг-стратегии, удаленная работа, ролевой конфликт, дистанционная занятость, психология здоровья, женская адаптация.

Глубокая трансформация современного рынка труда, ускоренная процессами глобальной цифровизации и последствиями недавних эпидемиологических кризисов, привела к тому, что удаленная работа перестала быть просто экстренной мерой или привилегией узкого круга IT-специалистов. Сегодня дистанционный формат – это новая и вполне обыденная реальность для миллионов людей. Если вдуматься в суть этого явления, то перенос рабочего места в жилое пространство меняет не просто логистику дня или экономию на транспортных расходах. Он перекраивает саму структуру человеческого бытия, стирая фундаментальные границы между публичным и приватным, между профессиональным долгом и личной жизнью. Человек лишается привычных пространственных «якорей», которые исторически помогали ему разграничивать труд и отдых.

Стоит признать, что для женщин эта проблема звучит особенно остро и многогранно. Как показывает анализ реальной социальной практики, дом для женщины редко выполняет функцию исключительно места для релаксации. Традиционно он выступает зоной невидимого, но весьма интенсивного

репродуктивного и эмоционального труда: организации сложного быта, заботы о детях, поддержания семейного климата, ухода за старшими родственниками. Когда в это же физическое пространство врываются профессиональные обязанности, возникает тяжелый психологический эффект «схлопывания» ролей. Женщине больше не нужно физически ехать с работы домой, чтобы сменить социальную маску специалиста на роль матери или жены – теперь эти роли реализуются одновременно, в одном и том же помещении, и требуют стопроцентного эмоционального вовлечения.

На наш взгляд, именно в этой точке рождается глубокий и часто хронический ролевой конфликт. Согласно классическим и современным исследованиям (например, работам О. А. Гаврилиной), конфликт между семьей и работой возникает тогда, когда ожидания, поведенческие паттерны и временные затраты в одной сфере начинают напрямую противоречить жестким требованиям другой [4, с. 52]. Теоретики выделяют три основные формы такого конфликта: конфликт времени (время, отданное работе, отнимается у семьи), конфликт напряжения (усталость от рабочих задач не позволяет качественно общаться с близкими) и конфликт поведения (директивность, требуемая в работе, переносится на общение с детьми).

В условиях «домашнего офиса» все эти три формы расцветают пышным цветом. Женщина может находиться на важном онлайн-совещании с руководством и параллельно, краем уха, мониторить, чем занят ребенок в соседней комнате. Подобная многозадачность создает непрерывный шумовой фон тревоги. Более того, домочадцы (особенно дети дошкольного и младшего школьного возраста) нередко воспринимают физическое присутствие мамы дома как сигнал к ее безусловной доступности. Это приводит к постоянной фрагментации рабочего внимания. Как известно из когнитивной психологии, после каждого такого отвлечения мозгу требуется до 15-20 минут, чтобы вновь погрузиться в решение сложной интеллектуальной задачи. В результате рабочий день растягивается, поглощая вечерние часы, а чувство усталости множится.

Рассматривая данную ситуацию через призму психологии здоровья, мы неизбежно приходим к вопросу о качестве адаптации, главным маркером которого выступает психологическое благополучие. В современной науке все большую ценность приобретает эвдемонический подход, развернуто представленный в фундаментальных работах Кэрол Рифф и глубоко адаптированный отечественными учеными (А. В. Воронина, Т. Д. Шевеленкова, П. П. Фесенко) [3, с. 10; 8, с. 98]. В отличие от гедонистической традиции, сводящей счастье к максимизации удовольствия, эвдемоническое благополучие – это сложный, многомерный конструкт. Это не ситуативное переживание радости, а показатель того, насколько полно человек реализует свой внутренний потенциал, насколько он устойчив к ударам судьбы и способен ли он быть подлинным автором своей жизни.

Модель К. Рифф включает шесть базовых компонентов, и анализ каждого из них в контексте дистанционной работы открывает нам истинный масштаб женского психологического напряжения. Первым важнейшим компонентом является «Управление окружающей средой». Это способность человека конструировать условия жизни, подходящие для удовлетворения его потребностей, умение жонглировать обстоятельствами. На удаленке этот компонент подвергается жесточайшему испытанию. Организовать рабочую тишину в небольшой квартире с детьми порой бывает объективно невозможно. Женщина пытается контролировать хаос, но среда часто оказывается сильнее, что рождает острое чувство беспомощности.

Второй компонент – «Автономия», то есть независимость, способность противостоять социальному давлению и опираться на собственные внутренние стандарты. При переходе в домашний офис женская автономия оказывается зажатой в тиски. С одной стороны, на нее давят дедлайны и требования работодателя, который ожидает, что сотрудник всегда будет на связи. С другой стороны – потребности семьи, которая требует заботы «здесь и сейчас». Способность сказать «нет» обеим сторонам ради сохранения себя требует колоссальной внутренней силы.

Третий компонент – «Самопринятие». Человек с высоким уровнем самопринятия позитивно относится к себе, признавая как свои достоинства, так и недостатки. В реалиях удаленного труда женщина часто попадает в ловушку перфекционизма. Социальные сети транслируют образы идеальных матерей, которые успевают строить карьеру из дома, печь пироги и заниматься ранним развитием детей. Сравнивая свой реальный, порой хаотичный быт с этой картинкой, женщина начинает испытывать гнетущее чувство вины. Если самопринятие сформировано слабо, малейшие неудачи (как профессиональные срывы сроков, так и раздражение на ребенка) запускают разрушительный механизм самообвинения.

Четвертый элемент структуры – «Позитивные отношения с окружающими». Этот компонент отражает потребность в глубоких, доверительных связях. Изоляция в домашнем офисе лишает женщину важнейшего психотерапевтического ресурса – неформального общения с коллегами. Кофе-брейки, обсуждение новостей у кулера, взаимная эмоциональная поддержка в офисе служили отличным способом сбросить рабочее напряжение. Оставшись один на один с монитором, женщина испытывает дефицит эмпатии, который далеко не всегда могут восполнить домочадцы.

Пятый и шестой компоненты – «Цели в жизни» и «Личностный рост». Чувство осмысленности происходящего и понимание вектора своего развития выступают мощнейшими антидепрессантами. Если женщина ясно понимает, зачем она работает дистанционно (например, чтобы сохранить финансовую независимость в декрете или реализовать важный карьерный проект), ей гораздо

легче переносить бытовые неудобства. Если же работа из дома воспринимается как бессмысленная рутина или вынужденная каторга, психологическое благополучие стремительно деградирует.

В этой связи критически важным звеном адаптации становится совладающее поведение. Как отмечает в своих трудах Е. А. Сергиенко, копинг-стратегии (осознанные, целенаправленные усилия по преодолению стресса) выступают главным медиатором между объективной тяжестью ситуации и субъективным психологическим состоянием человека [6, с. 106]. Мы не можем директивно отменить тот факт, что интернет может отключиться во время важной презентации, ребенок может заболеть, а начальник может прислать срочную задачу в пятницу вечером. Но то, как женщина отреагирует на этот вызов, полностью определяет ее дальнейшую устойчивость и здоровье.

Согласно классификации Р. Лазаруса и С. Фолкман, методически глубоко проработанной и адаптированной Л. И. Вассерманом, выделяют 8 базовых стратегий совладания, которые можно условно разделить на проблемно-ориентированные, эмоционально-ориентированные и избегающие [2, с. 15]. Рассмотрим их специфику в реалиях женского дистанционного труда.

Стратегия «Планирование решения проблемы» является наиболее конструктивной. Женщина анализирует ситуацию, создает алгоритм действий и следует ему. В контексте удаленки это проявляется в жестком тайм-менеджменте, использовании визуальных расписаний для детей (например, табличка «мама работает, входить нельзя»), четком разделении бытовых обязанностей с партнером. Эта стратегия требует высоких энергозатрат на старте, но в долгосрочной перспективе она надежно защищает компонент «Управление средой» и повышает автономию.

Стратегия «Поиск социальной поддержки» у женщин традиционно развита сильнее, чем у мужчин. Это усилия, направленные на получение информационной, действенной или эмоциональной помощи. Женщина может делегировать часть обязанностей бабушкам, нанять приходящую няню на пару часов в день или просто выговориться подруге. Однако здесь кроется подводный камень: если среда обесценивает труд женщины («ты же все равно дома сидишь, от чего ты устала?»), поиск поддержки оборачивается новым травмирующим опытом и разочарованием.

Стратегия «Положительная переоценка» связана с поиском точек личностного роста в трудной ситуации. Женщина переформулирует проблему: «Да, совмещать работу и детей дома адски сложно, но зато я вижу, как они растут, и параллельно прокачиваю свои навыки мультитаскинга». Это высокоадаптивный копинг, который напрямую питает компоненты «Личностный рост» и «Цели в жизни» эвдемонической модели благополучия.

Куда более коварными являются неконструктивные паттерны. Например, «Конфронтационный копинг» проявляется в агрессивных усилиях по изменению

ситуации. Отчаявшись найти баланс, женщина может начать срываться на детях за малейший шум или агрессивно конфликтовать с руководством из-за рабочих процессов. Эта стратегия дает кратковременный выход скопившемуся напряжению (эффект сброса пара), но в перспективе разрушает отношения с близкими и коллегами, оставляя после себя выжженное поле.

Стратегия «Бегство-избегание» в условиях удаленной занятости становится, пожалуй, самой опасной ловушкой. Не в силах вынести прессинг ролевого конфликта, женщина пытается когнитивно или физически уклониться от проблемы. Она может уйти в многочасовой бессмысленный скроллинг социальных сетей, просмотр сериалов, переедание или игнорирование рабочих задач. Избегание дает иллюзию краткосрочного облегчения и спасает психику от немедленного коллапса, но в реальности лишь усугубляет конфликт и накапливает снежный ком нерешенных задач, что в итоге приводит к паническим атакам [7, с. 522].

Нельзя не отметить тот факт, что и гиперответственность не всегда идет во благо. Стратегия «Самоконтроля», когда женщина жестко регулирует свои чувства и пытается идеально выполнить абсолютно всё (быть лучшим работником месяца и идеальной матерью одновременно) за счет своего сна и отдыха, неизбежно приводит к эмоциональному и физическому истощению. В современной литературе этот феномен часто описывается как синдром «отличницы на удаленке», который является прямой дорогой к тяжелой психосоматике [1, с. 128].

Анализ современных эмпирических исследований (Н. В. Тонких, Е. А. Черных и др.) убедительно доказывает парадоксальную природу дистанционного труда. Для одних сотрудниц он становится трамплином к обретению жизненного баланса, для других – клеткой бесконечной работы. Исследователи отмечают, что граница между этими двумя исходами пролегает именно в области копинг-стратегий и навыков сепарации границ. Женщины, умеющие физически и психологически отделять пространство труда от пространства отдыха, демонстрируют достоверно более высокие показатели самопринятия и удовлетворенности жизнью.

В логике психологии здоровья наиболее конструктивным вариантом адаптации является развитие психологической гибкости. Это означает, что женщина не должна жестко фиксироваться на одной единственной стратегии (например, на тотальном контроле). Здоровая адаптация предполагает способность вовремя заметить свою усталость, осознанно отложить часть некритичных задач, запросить адекватную помощь и простить себе несоответствие глянцевым идеалам.

Подводя итог нашему теоретическому обзору, можно сформулировать несколько принципиальных положений. Во-первых, удаленный формат занятости для женщины – это не просто смена локации рабочего стола, а переход в

принципиально новую, высоконагруженную и специфическую социально-психологическую среду. Во-вторых, ключевым и неизбежным вызовом в этой среде становится обострение ролевого конфликта, провоцируемое пространственно-временным наложением карьерных, материнских и супружеских задач.

В-третьих, сохранение глубокого эвдемонического благополучия в таких экстремальных повседневных условиях критически зависит от качества и уровня осознанности применяемых копинг-стратегий. Только активное, проблемно-ориентированное совладание в сочетании с навыками положительной переоценки и бережным, не обвиняющим самоотношением способны выступить тем психологическим буфером, который защитит психику женщины от тотального профессионального и материнского выгорания. Выявленные теоретические закономерности открывают широкие и крайне актуальные перспективы для дальнейшего эмпирического исследования проблемы, а также для создания специализированных программ психологического коучинга и поддержки дистанционных сотрудниц.

Список литературы:

1. Бодров В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 528 с. ISBN 5-9292-0146-3.
2. Вассерман, Л. И., Иовлев, Б. В., Исаева, Е. Р. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями / Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Е. Р. Исаева. – Санкт-Петербург : НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009. – С. 38. EDN: ESXBJB
3. Воронина А. В. Оценка психологического благополучия школьников в системе профилактической и коррекционной работы психологической службы : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.04 / Том. гос. ун-т. – Томск, 2002. – 220 с.
4. Гаврилица О. А. Ролевой конфликт работающей женщины : автореферат дис. ... кандидата психологических наук : 19.00.05 / МГУ. – Москва, 1998. – 24 с.
5. Пучкова, Г. В. Теоретические основы психологического исследования : учеб. пособие / Г.В. Пучкова. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2013. – 184 с. : обл.
6. Сергиенко Е. А. Субъективный возраст и психологическое благополучие//Современная зарубежная психология. – 2024. – Т. 13 С. – 29-40. DOI: 10.17759/jmfp.2024130403 EDN: VWUCRX
7. Тонких Н. В., Черных Е. А. Качество трудовой, семейной и личной жизни при удалённой работе: мнения российских женщин [Электронный ресурс] / Н. В. Тонких, Е. А. Черных // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-trudovoy-semeynoy-i-lichnoy-zhizni-pri-udalyonnoy-rabote-mneniya-rossiyskih-zhenschin (дата обращения: 05.06.2026).
8. Ларицкая И. Е. Психологическое благополучие личности [Электронный ресурс] / И. Е. Ларицкая // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – С. 273–276. – URL: https://moluch.ru/archive/444/97261 (дата обращения: 05.06.2026).

УДК 378.147

Тащилина А. В., Тащилин М. В.
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

МЕТАПРЕДМЕТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДУЛЯ «ФИЗИЧЕСКАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Аннотация: Статья посвящена описанию и анализу педагогических основ модуля «Физическая и математическая реальность», разработанного для студентов социально-гуманитарных специальностей. Цель модуля – преодоление разрыва между гуманитарными и точными науками путем демонстрации студентам социально-гуманитарных направлений, что математика и физика являются не набором абстрактных формул, а мощными языками для описания, моделирования и прогнозирования сложных явлений в экономике, социологии, политологии и других гуманитарных сферах. Модуль ориентирован на формирование системного мышления и развитие ключевых универсальных компетенций, определенных образовательным стандартом.
Основная роль уделяется формированию компетенций УК-1 и ОПК-1, а также метапредметных результатов (регулятивные, познавательные, коммуникативные), определяются критерии оценки междисциплинарных навыков. Особое внимание уделяется связи модуля с последующим освоением модуля «Основы машинного обучения и ИИ», а также формам занятий (практикумы-исследования, деловые игры, проектная работа) и гибридному формату итоговой аттестации.
Ключевые слова: физическая и математическая реальность, метапредметные результаты, университетское образование, социально-гуманитарные направления, контекстуализация, междисциплинарность, универсальные компетенции, проектный подход.

Введение

Современное высшее образование не только для социально-гуманитарных, но и инженерно-технических направлений, сталкивается с непреодолимым конфликтом: студенты воспринимают математику и физику как абстрактные, изолированные от других предметных областей дисциплины, не имеющие отношения к их будущей профессиональной деятельности. Вследствие этого формируется низкая учебная мотивация, ведущая к формальному освоению материала и, как результат, неспособность применять естественно-научный инструментарий в экономических, социологических или политологических исследованиях [6, с.190].

Изучаемый модуль «Физическая и математическая реальность» представляет собой альтернативу традиционному подходу преподавания. Вместо изучения математического анализа и физики как самодостаточных самостоятельных курсов, модуль предполагает рассмотрение каждой темы в

проекции на социально-гуманитарную сферу. Цель настоящей статьи – на основании педагогически рефлексивного подхода представить структуру, компетенции, методы оценки и организационные формы данного модуля, доказав его метапредметную эффективность [5, с. 1].

Основой модуля является принцип контекстуализации естественно-научных знаний. Такие математические понятия как функция, производная, интеграл вводятся не только через формальные определения, а дополнительно на примерах как способы описания изменений и накоплений в реальных процессах [1, с. 90]: рост ВВП, распространение информации в социальных сетях, динамика общественного мнения. Физические законы (Ньютона, термодинамики) используются как модели социальных систем в виде метафор и эвристических моделей: «инерция политической стабильности», «трение – сопротивление реформам», «внешние силы – социальные изменения».

Такой подход решает три педагогические задачи:

1. снижение психологического барьера («Если люди не верят, что математика проста, то только потому, что они не понимают, насколько сложна жизнь» – Дж. Нейман);
2. формирование практической ценности физики и математики в профессиональной деятельности;
3. создание основ для изучения как профильных, так и современных базовых дисциплин, в частности – машинного обучения и искусственного интеллекта.

1. Формируемые компетенции и метапредметные результаты

Модуль целенаправленно развивает две ключевые компетенции закреплённые ФГОС ВО 3++:

- **УК-1** (способность к абстрактному мышлению, анализу, синтезу): студенты учатся выделять существенные параметры из социальной или экономической ситуации, представлять эти процессы как функцию определенных существенных переменных, игнорируя второстепенные детали; анализировать сложные системы, разбивая их на простые математически описываемые элементы; синтезировать информацию, интегрируя данные с целью построения целостной модели;
- **ОПК-1** (способность использовать основы философских, социально-гуманитарных и естественно-научных знаний для решения профессиональных задач): проявляется в умении применять такие понятия математического анализа, как производные и интегралы к анализу тенденций в социологии, экономике, психологии и использовать физические принципы как теоретические метафоры в гуманитарных моделях.

Модуль «Физическая и математическая реальность» формирует метапредметные знания и умения, которые проявляют себя в способности улавливать общие черты в различных по своей природе явлениях, в единстве

рассуждений и схожести путей, в умении аргументированно переносить свойства одних объектов на другие [7, с. 86]. Этому способствуют следующие метакомпетенции [1, с. 88]:

- построение и анализ логических цепочек, поиск информации и моделирование, перевод информации между различными знаковыми системами: вербальной, графической и формульной;
- постановка задачи, планирование исследования, коррекция действий при работе с моделью, контроль и оценка результатов;
- планирование учебного сотрудничества при работе в команде, умение вступать в диалог и вести междисциплинарную дискуссию, аргументируя свою позицию, опираясь на математический и физический аппарат.

2. Междисциплинарные связи на примере модуля «Основы машинного обучения и искусственный интеллект»

Связь между текущим модулем и модулем «Основы машинного обучения и искусственный интеллект» (МО) следующего семестра является не просто последовательностью, а логическим развитием и углублением темы «функция как модель».

Математический анализ работает с детерминированными функциями, вид которых часто известен или задан теоретически (например, $S = \frac{gt^2}{2}$). В машинном обучении имеем дело со стохастическими функциями-моделями, вид которых не известен, но который пытаемся получить на основе эмпирических данных.

- Линейная регрессия – это прямая $y = wx + b$. По сути, это та же самая линейная функция, которую студенты изучают в математическом анализе. В МО коэффициенты w (вес) и b (смещение) – это не заданные параметры, а искомые значения, которые определяются через минимум ошибки прогноза с помощью метода наименьших квадратов, в основе которого лежит аппарат дифференциального исчисления.
- Градиентный спуск – фундаментальный алгоритм обучения моделей в машинном обучении, в основе которого лежит многократное применение понятия частной производной для нахождения градиента функции.

Таким образом, без фундаментального понимания понятий функция и производная, полученных в текущем модуле, изучение машинного обучения для студента превратится в определенную "магию". Этот модуль дает основы к пониманию того, как на самом деле работают современные методы анализа данных, что является критически важным для специалиста любого направления XXI века.

Обеспечение связи физико-математических принципов с социально-гуманитарным контекстом осуществляется через три основных канала: метафоры, модели и методы анализа.

Математический анализ дает не только инструменты для исследования функции, а позволяет представлять абстрактные понятия в рамках профильных дисциплин интуитивно понятными через метафоры.

Производная – это не просто $f'(x)$, а быстрота изменения какого-либо социального или экономического процесса: скорость роста инфляции, быстрота изменения контента в соцсетях, интенсивность политического кризиса.

Интеграл – это не только $\int f(x)\,dx$, а накопленный эффект, обобщение, объединение данных в общий показатель: общая выручка компании за период как интеграл от функции мгновенной скорости продаж, совокупный опыт персонала как интеграл от функции обучения.

Второй закон Ньютона ($F=ma$) – метафора для управления: чтобы обеспечить высокую интенсивность ускорения (изменения) в большой социальной системе (масса m), требуется приложение значительной силы (ресурсы, авторитет, мотивация, политическая воля, инвестиции F).

Перенос математических и физических моделей на социально экономическую сферу деятельности:

- модель логистического роста в виде дифференциального уравнения: это не только рост популяции в биологии, но и модель распространения нового продукта на рынке в маркетинге, моделирование процессов инноваций в социологии;
- гармонический осциллятор может служить простейшей моделью для описания циклических колебаний в экономике или в политике (колебания общественных настроений между консерватизмом и либерализмом);
- второй закон термодинамики (рост энтропии) используется как метафора для описания хаоса и неопределенности сложных социальных систем и необходимости затрат энергии для поддержания в них равновесия.

Изучение функции и ее свойств – это не просто раздел математического анализа, это формирование основных понятий, на которые опирается современная наука. Под функцией понимается зависимость одной переменной от другой, любой закон, любая причинно-следственная связь окружающей действительности.

В физике функциональные зависимости описывают законы природы.

Если задан закон движения, то есть известна функциональная зависимость координаты от времени $x(t)$, то ее первая производная $x'(t) = v(t)$ – скорость, вторая производная $x''(t) = a(t)$ – ускорение, интеграл от скорости по времени определяет пройденный путь.

Аппарат производных и интегралов для гуманитария носит прикладной характер, позволяя переходить от описания состояния к описанию процессов при формулировке ответа на вопрос как движется, как ускоряется? Аналог таких процессов в экономике состоит в переходе от статического показателя (текущий объем продаж) к динамическому (темп роста продаж, ускорение или замедление этого роста).

При исследовании функции в экономике и социальных науках они часто носят эмпирический, вероятностный и статистический характер, но базовый аппарат анализа при этом остается тем же.

- Функция спроса – показывает зависимость количества покупаемого товара от его цены. Ее производная (эластичность спроса) показывает, насколько процентов изменится спрос при изменении цены на 1%. Это ключевой инструмент для ценообразования.
- Производственная функция представляет собой функцию двух переменных и показывает объем выпуска в зависимости от затрат капитала и труда. Частные производные этой функции показывают предельную производительность факторов – фундаментальное понятие в экономике.
- Функция полезности $U(x_1, x_2, ..., x_n)$ в экономике и социологии описывает уровень удовлетворенности индивида от набора благ $x_1, x_2, ..., x_n$. Анализ ее свойств лежит в основе теории рационального выбора.

Исследование на экстремум различных функций методами математического анализа позволяет находить оптимальные значения: максимизировать прибыль, минимизировать издержки, находить точку рыночного равновесия.

3. Наиболее успешные темы и формы занятий

Практика показывает наибольший отклик у студентов на следующие форматы.

- Тема: «Функции одной переменной в предметных областях».
- Форма проведения «Практикум-исследование», на котором студенты описывают примеры функциональных зависимостей по своим направлениям подготовки.
- Тема: «Производная как инструмент анализа тенденций».
- Форма проведения «Практикум-расследование», где студентам даются реальные задачи (функции издержек производства, функция потребления некоторой страны, объем производства зимней обуви выпускаемой некоторой фирмой), в ходе решения которых требуется найти средние и предельные издержки, вычислить производительность труда в данный момент времени, вычислить предельную склонность к потреблению и к сбережению.
- Тема: «Интеграл в экономике и социальной сфере».

Форма проведения «Деловая игра», в которой студенты выступают в роли аналитиков, рассчитывающих совокупный доход проекта (интеграл от функции дохода), общие затраты ресурсов.

Эти формы мотивируют студента к проведению анализа причинно-следственных связей и переносят его из пассивной роли слушателя в активную роль «исследователя» [2, с. 10].

4. Оценка результатов метапредметного подхода к обучению

Формируемые метапредметные знания и умения помогут ответить на вопрос «Что ты умеешь делать с тем, что знаешь?». Стандартные формы контроля помогают определить лишь базовые знания дисциплин без понимания метапредметных связей. В модуле используются комплексные критериальные методы:

1. помощь в решении нестандартных задач (постановка вопросов, составление плана);
2. проектная деятельность и оценка всего цикла от идеи, планирования, реализации, презентации до самоанализа;
3. кейс-метод с интеграцией физических и математических знаний [4, с. 194].

Критерии оценки:

- построение физико-математической модели – до 20 баллов;
- оформление кейса в виде проекта – 10 баллов;
- визуализация данных (видеоролик, симулятор, установка) – 10 баллов.

Пример оценки на стыке физики и математики: студент переводит физическую ситуацию в функцию одной переменной, исследует ее методами математического анализа, а затем интерпретирует полученное решение в исходных физических терминах. При этом оценивается не только правильность ответа, подтверждение теоретических расчетов практическими результатами, но и обоснование полученных результатов.

Наиболее эффективным является гибридный формат итогового проекта, включающий:

1. аналитическую презентацию (формулировка проблемы и обоснование аппарата);
2. презентацию модели с расчётами, графиками и визуализацией полученных моделей (Excel, Python, специализированные пакеты, физические симуляторы);
3. устную защиту с элементами междисциплинарной дискуссии.

Такой формат демонстрирует единство физического и математического знания, развивает навыки командной работы и управления проектами, а главное – преодолевает формальное восприятие математического анализа.

Заключение и рекомендации

Модуль «Физическая и математическая реальность» успешно решает задачу развития системного аналитического мышления у студентов-гуманитариев, формирует у будущих специалистов метапредметные компетенции [8, с. 18], что способствует интеграции полученных знаний в профессиональную деятельность [3, с. 32].

Дальнейшее совершенствования модуля:

1. углубление цифровизации (активное внедрение симуляторов и сред визуального моделирования);
2. расширение банка кейсов совместно с руководителями образовательных программ гуманитарных направлений;
3. усиление проектной составляющей как обязательного элемента для всех социально-гуманитарных специальностей, с акцентом на обработку и интерпретацию данных.

Список литературы:

1. Гейн А. Г. Об одной модели метапредметных связей как механизме развития когнитивных компетенций выпускников вузов / А. Г. Гейн, В. П. Некрасов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 1 (110). – С. 87-95. EDN: QACFWJ
2. Дорофеев, А. В., Эрганова, Н. Е. Многомерная математическая подготовка как фактор формирования метакомпетенций будущего педагога [Текст] / А. В. Дорофеев, Н. Е. Эрганова // Казанский педагогический журнал. – 2011. – №1. – С. 5-12. EDN: OHHWCR
3. Егорова Ю.Н., Генварева Ю.А. Формирование метапредметных компетенций у студентов железнодорожного вуза // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 3 (70). – С. 31–32. EDN: UVEZYK
4. Зубова Н.В. Формирование мотивов изучения физики у студентов технических вузов средствами комплексной кейс-технологии // Вестник Вятского государственного университета. – 2014. – № 12. – С. 193–198. EDN: TMQCSR
5. Сизова Е.В. Реализация метапредметного подхода в высшей школе: от теории к практике // Интернет-журнал «Мир науки». – 2017. – Т. 5, № 6. EDN: YRRUEQ
6. Тимощук Н.А. К вопросу формирования метапредметных компетенций у будущих бакалавров и специалистов // Самарский научный вестник. – 2016. – № 2 (15). – С. 189–194. EDN: VZJWJX
7. Хуторской А.В. Методологические основания применения компетентностного подхода к проектированию образования // Высшее образование в России. – 2017. – № 12 (218). – С. 85–91. EDN: ZXJGHJ
8. Mathews J. A. A Meta Competency Analysis // SSRN Electronic Journal. – 2013. – URL : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2363301 (дата обращения: 06.06.2026). DOI: 10.2139/ssrn.2363301.

УДК 373.3

Жук В. В.
Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

РОЛЬ СЕМЬИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАРШРУТА В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ПРОБЛЕМАМИ ВНИМАНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной проблеме современной педагогики – роли семьи при использовании индивидуального образовательного маршрута (ИОМ) в образовательной деятельности детей младшего школьного возраста с проблемами внимания. Подчеркивается, что слабое внимание негативно сказывается на успеваемости, мотивации и самооценке ребенка. Автор предлагает *индивидуальный образовательный маршрут (ИОМ)* как эффективный инструмент коррекции, позволяющий учитывать личные особенности каждого ученика. Раскрыты понятие ИОМ, задачи по развитию произвольного внимания, самоконтроля и учебной мотивации. Особое внимание уделено роли семьи: родители выступают полноправными участниками процесса, обеспечивая поддержку дома и сотрудничая с педагогами и психологами. В статье приводятся рекомендации по организации учебного пространства, соблюдению режима дня и использованию игровых упражнений для тренировки внимания. Материал будет полезен учителям начальных классов, психологам, репетиторам и родителям младших школьников, которые стремятся наладить эффективное взаимодействие и создать благоприятные условия для успешного освоения учебной программы ребенком со слабым вниманием.

Ключевые слова: индивидуальный образовательный маршрут (ИОМ), проблемы внимания, низкая концентрация внимания, младший школьный возраст, инклюзивное образование, индивидуальный подход, индивидуализация, коррекционная работа, психолого-педагогическая диагностика.

В последние годы проблема слабого внимания у младших школьников становится все более заметной и вызывает серьезную озабоченность как у педагогов, так и у родителей. Современные дети с раннего возраста сталкиваются с огромным потоком информации, быстрым ритмом жизни и множеством отвлекающих факторов – от гаджетов до насыщенной школьной программы. Все это приводит к тому, что многим ребятам становится трудно концентрироваться на уроках, удерживать внимание на одной задаче и доводить начатое до конца. Слабое внимание напрямую сказывается на успеваемости: ребенок допускает ошибки по невнимательности, не может следовать инструкциям учителя, быстро устает и теряет интерес к учебе. Кроме того, такие дети часто испытывают трудности в общении со сверстниками,

становятся более тревожными и неуверенными в себе. Если не уделять этой проблеме должного внимания, она может закрепиться и негативно повлиять на дальнейшее развитие личности, формирование учебной мотивации и самооценки.

Индивидуальный образовательный маршрут становится тем инструментом, который позволяет учесть особенности каждого ученика, а участие семьи в этом процессе играет решающую роль. Ведь именно дома закладываются основы организованности, самостоятельности и умения управлять своим вниманием – навыки, без которых успешное обучение и развитие невозможны [4].

Для младших школьников характерно слабое и неустойчивое произвольное внимание. Дети в первом и даже во втором классе пока не способны долго удерживать концентрацию на одной задаче, особенно если она кажется им скучной или монотонной. Любое внешнее воздействие легко отвлекает ребенка, а умение сознательно управлять своим вниманием, заставлять себя сосредоточиться только формируется – волевая регуляция в этом возрасте развита еще слабо [2].

В то же время непроизвольное внимание у младших школьников развито гораздо лучше. Ребенок инстинктивно реагирует на все необычное, яркое, новое – такие объекты сразу же приковывают его взгляд без всяких усилий. Из-за этого дети могут пропустить важные детали в учебном материале, зато надолго запомнить второстепенные, но эффектные подробности [1].

Индивидуальный образовательный маршрут (ИОМ) – это персональная образовательная программа, разработанная с учетом особенностей, возможностей и потребностей конкретного ребенка. Главная цель индивидуального образовательного маршрута – создать условия, в которых ребенок сможет успешно учиться, несмотря на трудности с концентрацией. Для этого ставятся конкретные задачи: развитие произвольного внимания и самоконтроля, формирование навыков планирования и самоорганизации, повышение учебной мотивации и уверенности в себе [6].

Успешная реализация ИОМ возможна только при тесном взаимодействии всех участников образовательного процесса. Учитель выступает организатором и координатором: он адаптирует учебный материал, подбирает задания, отслеживает динамику и создает ситуацию успеха для ребенка. Школьный психолог проводит диагностику, помогает выявить причины слабого внимания, разрабатывает коррекционные упражнения и консультирует педагогов и родителей. Семья также играет ключевую роль: родители обеспечивают выполнение домашних заданий, создают дома благоприятную атмосферу для учебы, поддерживают эмоциональный контакт с ребенком и активно сотрудничают со школой. Только совместными усилиями взрослых можно

добиться устойчивых положительных изменений в развитии младшего школьника [5].

Семья играет важную роль уже на самом первом этапе – диагностике. Именно родители могут дать педагогу и психологу наиболее полное представление о ребенке: как он ведет себя дома, что его увлекает, с какими трудностями он сталкивается в быту. Честный и открытый диалог со специалистами позволяет объективно оценить причины слабого внимания, отличить педагогические проблемы от медицинских. Родители не должны бояться задавать вопросы, делиться своими наблюдениями и высказывать опасения. Такое партнерство превращает ИОМ в эффективный инструмент коррекции внимания младшего школьника [2].

Очень важно, чтобы родители выполняли рекомендации педагога или психолога в домашних условиях. Это включает в себя не только выполнение домашних заданий, но и соблюдение режима дня, организацию рабочего места, а также использование игровых упражнений для тренировки концентрации. Именно дома ребенок учится самодисциплине и привыкает к мысли, что его усилия важны и приносят результат [3].

В качестве примера рассмотрим принцип построения индивидуального образовательного маршрута для коррекции внимания у ребенка младшего школьного возраста. Для наилучшего восприятия обратимся к блок-схеме, описывающей структуру ИОМ.

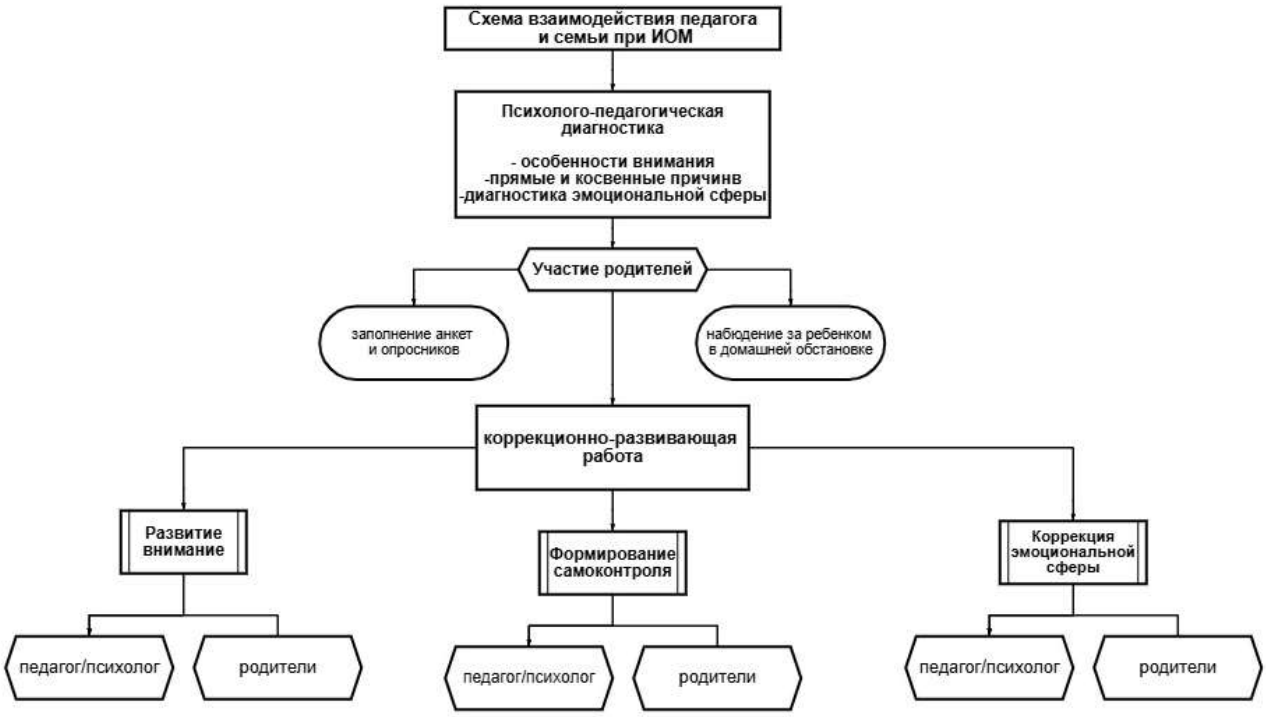


Рисунок 1 – Схема взаимодействия педагога/психолога и семьи при ИОМ

На представленной схеме (рисунок 1) выделены 3 основных направления, определяющих принцип построения ИОМ для коррекции внимания ребенка младшего школьного возраста с участием его семьи. Первым этапом является психолого-педагогическая диагностика, необходимая для выявления особенностей внимания ученика, прямых и косвенных причин появления данных особенностей, а также диагностика эмоциональной сферы. Родители на данном этапе могут помочь выявить моменты, недоступные в рамках школьной среды. Наблюдая за ребенком в домашней обстановке, заполнив необходимые анкеты и опросники, семья поможет заполнить недостающие пробелы в информации, и сделать результаты диагностики более достоверными. Далее рассмотрим направления работы более подробно (рисунок 2).

Развитие внимания	
Педагог/психолог	**Родители**
- Игры и упражнения на развитие произвольного внимания; - Игры и упражнения на повышение устойчивости и концентрации внимания; - Игры и упражнения на повышение на развитие навыка переключения внимания.	- Игровая деятельность (закрепление); - Включение игр и упражнений в домашние дела ; - Квесты и поисковые игры.

Формирование самоконтроля	
Педагог/психолог	**Родители**
- Настольные и дидактические игры с правилами; - Психологические тренинги и упражнения; - Нейрогимнастика.	- Организация режима дня; - Совместное планирование; - Создание «ритуалов» для дом. занятий.

Коррекция эмоциональной сферы	
Педагог/психолог	**Родители**
- Создание «ситуации успеха»; - Использование интересов и увлечений ребенка; - Психологические тренинги и упражнения на повышение самооценки.	- Создание положительного эмоционального фона дома; - Ведение дневника достижений; - Совместное творчество.

Рисунок 2 – Комплексная работа педагога/психолога и семьи по трем коррекционным направлениям работы при ИОМ

1. Развитие внимания.

Работа педагога/психолога.

1.1 Игры и упражнения на развитие произвольного внимания учат ребенка сознательно управлять своим вниманием, подчинять его поставленной задаче, что особенно важно при переходе от игровой к учебной деятельности.

1.2 Игры и упражнения на повышение устойчивости и концентрации внимания способствуют увеличению времени, в течение которого ребенок может быть сосредоточен на одном деле, и снижают отвлекаемость, что напрямую влияет на качество усвоения материала.

1.3 Игры и упражнения на развитие навыка переключения внимания помогают ребенку быстро и без ошибок переходить от одного вида деятельности к другому, что необходимо в условиях школьного расписания и смены предметов.

Работа родителей.

1.1 Игровая деятельность (закрепление) позволяет в естественной и привычной для ребенка форме повторять и закреплять результаты упражнений, которые с ребенком проводил педагог.

1.2 Включение игр и упражнений в домашние дела помогает ребенку учиться применять навыки концентрации в реальных жизненных ситуациях, а не только в учебных.

1.3 Квесты и поисковые игры развивают все свойства внимания – концентрацию, устойчивость, переключаемость и объем – в увлекательной и мотивирующей форме.

2. Формирование самоконтроля.

Формирование самоконтроля позволяет ребенку осознанно управлять своим вниманием и поведением, что необходимо для успешного обучения. Этот навык помогает ему самостоятельно снижать отвлекаемость и уменьшить количество ошибок.

Работа педагога/психолога.

2.1. Настольные и дидактические игры с правилами формируют у ребенка умение следовать инструкциям, соблюдать очередность, контролировать свои действия и предвидеть последствия.

2.2 Психологические тренинги и упражнения направлены на развитие самосознания, умения понимать и управлять своими эмоциями, а также на отработку навыков концентрации и самоконтроля.

2.3 Упражнения для самоконтроля, как элементы нейрогимнастики помогают улучшить навыки самоконтроля в необычной и игровой форме. А также способствуют улучшению скорости переключения внимания.

Работа родителей.

2.1 Организация режима дня создает для ребенка четкий распорядок. Это помогает мозгу автоматически настраиваться на учебную деятельность в определенное время.

2.2 Совместное планирование учит ребенка целеполаганию, распределению времени и ответственности. Это развивает навыки саморегуляции и помогает ему видеть объем задач, а также показывает личный пример родителей.

2.3. Создание «ритуалов» для домашних занятий (например, всегда начинать уроки с уборки на столе) формирует у ребенка автоматизм.

3. Коррекция эмоциональной сферы

Эмоциональная неустойчивость, тревожность или стресс могут снижать концентрацию внимания и самоконтроль. В то же время, благоприятный эмоциональный фон, поддержка и понимание со стороны взрослых способствуют лучшему усвоению знаний и развитию навыков внимания.

Работа педагога/психолога.

3.1 Создание «ситуации успеха» позволяет ребенку пережить опыт достижения, что укрепляет его веру в собственные силы, снижает тревожность и формирует позитивный образ «Я».

3.2 Использование интересов и увлечений ребенка делает коррекционную работу значимой и мотивирующей для младшего школьника.

3.3 Психологические тренинги и упражнения на повышение самооценки направлены на формирование у ребенка навыков самопринятия, умения замечать свои сильные стороны и конструктивно относиться к трудностям.

Работа родителей.

3.1 Создание положительного эмоционального фона дома снижает тревожность и психоэмоциональное напряжение. Когда ребенок чувствует себя в безопасности, он может полностью сосредоточиться на учебной задаче.

3.2 Можно предложить ребенку записывать или зарисовывать хорошие события дня и свои успехи. Ежедневное ведение дневника достижений повышает самооценку ребенка, а также учебную мотивацию.

3.3 Совместное творчество. Рисование, лепка, проигрывание ситуаций с помощью игрушек помогают выразить и прожить сложные эмоции в игровой, творческой форме.

Таким образом можно с уверенностью сказать, что успех индивидуального образовательного маршрута для ребенка младшего школьного возраста со слабым вниманием невозможен без активного и осознанного участия семьи. Именно родители становятся главными помощниками педагогов и психологов, обеспечивая взаимосвязь между школой и домом. Их поддержка, терпение и последовательность создают «ситуацию успеха», которая необходима ребенку для преодоления трудностей. Когда взрослые действуют сообща, ИОМ помогает ребенку не только освоить учебную программу, но и поверить в собственные силы, научиться управлять своим вниманием и стать более самостоятельным. Ведь взаимодействие семьи и школы является залогом гармоничного развития младшего школьника.

Список литературы:

1. Ахутина Т. В. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Т.В. Ахутина, Н.М. Пылаева. – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2008. –319 с. ил.; 21. – (Детскому психологу); ISBN 978-5-91180-958-4

2. Безруких М. М. Трудности обучения в начальной школе: причины, диагностика, комплексная помощь / М. М. Безруких. – М.: Эксмо, 2009. – 466 с. ISBN: 978-5-699-31065-4 EDN: QWSLVL

3. Психолого-педагогическое взаимодействие в образовательном процессе : учебник для вузов / под редакцией И. В. Дубровиной. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 513 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-18159-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: https://urait.ru/bcode/589525 (дата обращения: 07.06.2026).

4. Королева Е. Г. Индивидуальный образовательный маршрут: принципы построения // Образование: ресурсы развития. Вестник Ленинградского областного института развития образования. – 2020. – № 4. – С. 53–56.

5. Шевченко С. Г. Коррекционно-развивающее обучение. Организационно-педагогические аспекты: методическое пособие для учителей классов коррекционно-развивающего обучения. – Москва : Владос, 2001. – 136 с. – (Коррекционная педагогика). ISBN 5-691-00295-3

6. Никитовская Г. В. Индивидуальные образовательные маршруты как условие формирования управленческой компетентности будущих педагогов // Педагогический вестник. – 2018. – № 5. – С. 84–85.

УДК 378.147.88

Шишлова М. А.
Дальневосточный государственный университет путей сообщения, филиал в г. Уссурийске, Уссурийск, Россия

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЭКОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена внедрению методики использования исследовательской деятельности на лабораторных занятиях по дисциплине «Экология» у студентов технических специальностей. Приведены примеры лабораторных работ с экологической направленностью и региональным компонентом. Исследование природных сред на лабораторных занятиях по экологии формирует у студентов навыки научной работы в химической лаборатории. В ходе исследовательского обучения студенты, сталкиваясь с противоречиями научного знания, учатся способам их разрешения.
Ключевые слова: исследовательское обучение, экология, лабораторная работа, высшее образование, обучающийся.

Исследовательская деятельность считается одной из самых эффективных форм обучения, которая приводит к значимым результатам.

Цель исследовательской деятельности в образовании заключается в приобретении учащимся функционального навыка исследования как универсального способа освоения действительности, развитии способности к исследовательскому типу мышления, формированию личностной позиции обучающегося. При проектировании исследовательской деятельности преподавателем в качестве основы методология исследования, разработанная и принятая в сфере науки за последние несколько столетий. Эта модель характеризуется наличием нескольких стандартных этапов [1].

При построении занятий с использованием исследовательского метода деятельность студентов должна быть выстроена в логике научного открытия, поиска истинного знания, содержать научные этапы, такие как: 1) постановка вопроса; 2) предполагаемое решение вопроса, 3) выдвижение гипотезы; 4) исследование гипотезы путем наблюдения, опыта, эксперимента или теоретического анализа; 5) разрешение вопроса; 6) фиксирование результатов; выдвижение итога или выводов; 7) доказательство или опровержение гипотезы [4].

Дисциплина «Экология» позволяет преподавателю внедрять исследовательскую деятельность в работу обучающихся, будь то практические или лабораторные занятия, материал которых тесно связан с естественнонаучными дисциплинами. В ходе выполнения лабораторных работ по дисциплине «Экология» у студентов формируются следующие

исследовательские умения и навыки: видеть проблемы; задавать вопросы; выдвигать гипотезы; давать определения понятиям; классифицировать; наблюдать; умения и навыки проведения экспериментов; структурировать полученный в ходе исследования материал; делать выводы и умозаключения; доказывать и защищать свои идеи [3].

Исследовательское обучении на занятиях по экологии может иметь теоретический характер и экспериментальный. В первом случае учащиеся пишут рефераты, доклады, сообщения, составляют презентации, имеющие главным образом межпредметный интегрирующий характер (экология - химия, экология – биология, экология – история, экология – физика). Экспериментальная деятельность обучающихся строится в первую очередь с исследованиями конкретных объектов окружающей среды (воздух, почва, природная вода, продукты питания). При использовании этой модели обучения самостоятельная работа носит не исполнительный характер, а исследовательский, заданный через систему специально отобранных проблемных задач.

Внедрение исследовательского обучения в деятельность обучающихся может проходить постепенно [2, 5]. В таблице 1 приведен краткий анализ лабораторных работ по экологии с элементами исследовательской деятельности.

Например, на первой лабораторной работе в семестре студенты выполняют исследовательские задания в форме проблемных мини-экспериментов (краткосрочный эксперимент по готовому алгоритму) (например, «определить и рассчитать содержание нитрат-ионов в растительной продукции и воде по готовой инструкции»). Это первая модель исследовательской деятельности обучающихся (I Модель).

Далее, на втором этапе, предлагаем студентам работу в малых группах по 4 человека (например, «определить влияние солей тяжёлых металлов на коагуляцию белков, представить отчет, сформулировать выводы»). Это вторая модель исследовательской деятельности обучающихся (II Модель).

На третьем этапе обучающиеся в ходе лабораторной работы самостоятельно определяют цель эксперимента и составляют план исследования, получив задание от преподавателя (например, «провести химико-экологический анализ почв города, выявить самый «чистый» и самый «грязный» район города»), проводят химический анализ природной среды. Итогом исследования является анализ полученных результатов, обмен мнениями в открытой дискуссии на занятии. Это третья модель исследовательской деятельности обучающихся (III Модель).

Таблица 1. Особенности исследовательской деятельности студентов в курсе дисциплины «Экология»

Лабораторная работа	**Элементы исследовательской деятельности**	**Модель исследовательской деятельности**
«Определение нитратов в растительной продукции»	Выявление концентрации нитрат-ионов в овощах, анализ качества растительной продукции.	I Модель
«Определение качества питьевых (минеральных) вод»	Определение органолептических свойств и химического состава питьевых вод, анализ качества вод, формулирование выводов.	I Модель
«Определение содержания химических элементов в снежном покрове улиц г. Уссурийска»	Проведение химико-экологического анализа окружающей среды по состоянию снежного покрова в различных районах города.	II Модель
«Качественное определение химических элементов в почве»	Проведение химико-экологического анализа окружающей среды по состоянию почвы в различных районах города.	II Модель
«Автотранспорт как источник загрязнения атмосферы»	Проведение химико-экологического анализа воздушной среды по автотранспортной нагрузке в различных районах города.	II Модель
«Контроль качества питьевой воды»	Выявление качественной питьевой воды из различных источников.	III Модель
«Влияние солей тяжёлых металлов на коагуляцию белков растительного и животного происхождения»	Проведение исследования влияния солей тяжёлых металлов на белки, анализ результатов, формирование выводов.	II Модель
«Определение содержания химических элементов в почвах городских улиц г. Уссурийска»	Выявление техногенного и антропогенного влияния на почвы города из различных районов.	III Модель

Четвертый этап внедрения исследовательского обучения включает в себя решение ситуации с научно-исследовательской деятельностью. Например, студентам предлагается осуществить самостоятельный поиск и выявление экологической проблемы региона, определение целей и задач для их решения. На данном этапе целесообразно реализовать исследовательский проект, который студент представляет на научной конференции. Это четвертая модель исследовательской деятельности обучающихся (IV Модель).

Главной особенностью, отличающей исследования от других видов учебной деятельности, является его результат – новая информация, которую можно и необходимо оформить в виде классификации, обобщения, закономерности, понятия или ответа на поставленный вначале проблемный вопрос (подтверждение или опровержение гипотезы) [4].

Данный подход к проведению лабораторных работ помогает студентам в более глубоком и осознанном усвоении учебной программы курса «Экология» через исследования на занятиях, где студенты получают возможность самостоятельно провести химические действия для оценки качества природных сред и продуктов питания, провести анализ полученного результата, сделать вывод и поделиться «открытием» с преподавателем и одногруппниками, что способствует формированию у обучающихся аналитического, экологического мышления, коммуникативных навыков и возникновению научного интереса в учебной деятельности.

Список литературы:

1. Боброва, Л. В. К вопросу организации исследовательской деятельности студентов / Л. В. Боброва // Проблемы развития науки и образования в эпоху модернизации: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 20 апреля 2023 года. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство "Манускрипт», 2023. – С. 184-186. EDN: PDKSPF
2. Голубева, И. А. Модель развития научно-исследовательской деятельности студентов в педагогических вузах / И. А. Голубева // Осовские педагогические чтения «Образование в современном мире: новое время - новые решения». – 2021. – № 1. – С. 112-117. EDN: ZBTWFO
3. Жанбурбаева, А.М. Методика организации учебно-исследовательской деятельности учащихся в условиях инновационного образования / А.М. Жанбурбаева // Научные исследования и инновации. – 2021. – № 2. – С. 222-225.
4. Феоктистова А. А., Акмаева Т. А., Кожина Л. Ф., Косырева И. В. Формирование исследовательских умений школьников // Современные проблемы теоретической и экспериментальной химии : межвузовский сборник научных трудов XIV Всероссийской конференции молодых ученых с международным участием. – Саратов : Саратовский источник, 2020. – С. 254–256. EDN: LFKHIO
5. Холмецкая, К. К. Организация и сопровождение исследовательской деятельности учащихся по химии / К. К. Холмецкая // Дни науки: сборник материалов научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет. – 2018. – С. 441-443. EDN: VQGRIM

УДК 372.881.1

Сарычева Л. В., Калашникова Н. В., Сырина Т. А.
Государственный университет просвещения, Москва, Россия

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ НА ОСНОВЕ ЧАТ-БОТА НАЦИОНАЛЬНОГО МЕССЕНДЖЕРА MAX

Аннотация. Цифровизация образования и популяризация мобильного обучения привели к массовой интеграции чат-ботов в процесс обучения иностранному языку. Цель статьи – проанализировать потенциал использования чат-бота English MAX ИИ отечественного мессенджера MAX в обучении иностранному языку в высшей школе среди бакалавров неязыковых профилей подготовки. Авторы выявляют методологические основания интеграции чат-бота и рассматривают наиболее перспективные виды речевой деятельности при организации обучения с помощью чат-бота.
Ключевые слова: цифровизация, мобильное обучение, чат-бот, иностранный язык, лингводидактика.

В марте 2025 года в России запустили национальный мессенджер MAX, который представляет собой экосистему, включающую не только обмен сообщениями и звонками, но и предоставляющую возможности в области образования и саморазвития благодаря встроенным ботам и мини – приложениям. Изучающие иностранный язык имеют возможность совершенствовать коммуникативную компетенцию на основе чат-бота English MAX ИИ. Сегодня использование приложений и чат-ботов в области неформального образования, а именно, совершенствование навыков не только в профессиональном аспекте, но и софт навыков, набирает все большую популярность. Результаты обучения с помощью чат-бота в области иностранного языка тоже констатируют положительные результаты. Каковы методологические основания интеграции чат-ботов в процесс обучения иностранному языку и каковы преимущества?

Цифровизация образования определила новые методологические основания и подходы к обучению. Стратегическими стали следующие тенденции и подходы:

Непрерывное обучение и MALL - на сегодняшний день фундаментальные основания современного образования. Необходимость постоянного развития и обучения - неотъемлемая составляющая успешного академического и профессионального успеха. Mobile-Assisted Language Learning (MALL) или обучение с помощью мобильных технологий занимает центральное место. Идея микрообучения, то есть изучения небольшого контента за короткое время, позволяет сделать обучение личностно –

ориентированным, учитывать интересы, способности и запросы обучающихся, отвечать принципу адаптивности и гибкости. Сегодня у большинства обучающихся есть опыт изучения иностранного языка с помощью приложений, например, Duolingo, которое значительно расширяет словарный запас пользователя, вооружая его набором частотных речевых паттернов. Однако, обучение в приложениях носит репродуктивный характер, не предоставляя возможности живого (или квази) общения. Данную проблему решает в большей степени чат-бот.

Прежде всего определим, что такое чат-бот в области лингвистического образования. В трудах отечественных лингводидактов встречаются определения чат-бота, однако, наиболее емким и актуальным считаем дефиницию исследователи П.В. Сысоева и Е.М. Филатова, которые рассматривают чат-боты как «диалоговую обучающую программу, способную на основе технологий естественного языка и машинного обучения и заложенных в нее алгоритмов речевого поведения человека развивать иноязычные устные и письменные речевые умения обучающегося посредством поддержания с ним диалога и имитации человеческой речи» [3, с. 68]. Иными словами, чат-боты – это «компьютерные программы, которые способны вести беседу с человеком в формате текста или голоса» [1].

Основным методологическим подходом, используемым во ФГОС и программах обучения на сегодняшний день является компетентностный. Ключевая задача обучения иностранному языку – формирование коммуникативной компетенции, то есть способности понимать речь на иностранном языке и способности полноценно общаться. Зачастую обучение в университете сводится к работе с текстом, на первом курсе – социокультурными, академическими, а на втором – профессионально – ориентированными. Учебно – методические комплексы включают задание на аудирование, комментирование проблемных заданий, но возможности составить диалог на интересующую узкопрофессиональную тему ограничены. Чат-бот English MAX ИИ способен имитировать аутентичные коммуникативные сценарии. Так, студент медицинского факультета может стать участником диалога «На приеме у врача». Первый этап – освоение ключевых коммуникативных паттернов, включающих термины, связанные с проблемами здоровья. Let’s start simple: «I have a headache». = У меня болит голова. Now you try: say in English – «У меня болит горло». Пользователю необходимо по конструкции образцу составить предложение: I have a sore throat. Затем, чат-бот предлагает перейти к более детальному описанию самочувствия и медицинской проблемы. Next useful phrase: How long have you had it? = Как давно это у вас?

Answer as a patient:

I’ve had it for two days.

Try with three days.

Следующий этап – знакомство с речевым поведением врача.

Doctor may ask:

Do you have a fever? = У вас есть температура?

Answer: Yes, I have a fever or No, I don’t have a fever.

Таким образом, чат-бот English MAX ИИ не только имитирует речевое взаимодействие, но проверяет грамотность фразы, грамматическую сторону речи. Если предложение построено верно, но стилистически требуется замена слова или оборота речи, чат-бот предоставляет версию коммуникативно более приемлемую. Коррекция ошибок осуществляется деликатно, что психологически создает более комфортную обстановку для продолжения коммуникации. Чат-бот мгновенно проверяет составленное предложение (текст) и дает оценку: Nice! Great sentence! ✅, Perfect sentence, Great idea and very clear! 👏 Perfect! 👏 Very polite and natural. Excellent! Great line! Фразы для введения вариантов: A tiny fix, a more natural way, then a small correction, A cleaner version. Психологический комфорт и дружелюбный настрой чат-ботов способствуют развитию мотивации к изучению иностранного языка, снижают стресс и неуверенность обучающихся, которая может возникать при живом общении или при взаимодействии с педагогом, чьи комментарии или исправления иногда приводят к нежеланию продолжать коммуникацию.

Адаптивность – главное достоинство чат-бота. Программа способна определять уровень владения иностранным языком пользователя и не предлагает слишком сложные конструкции, что делает обучение комфортным и посильным. Изначально от предлагает ответить на ряд вопросов, анализирует использованную пользователем лексику, грамматику и делает вывод о требуемом уровне языка [2]. Ряд исследователей отмечают, однако, что уровень иностранного языка в программе чат-бота не превышает B2. Продвинутые обучающиеся, возможно, нуждаются в более высоком уровне C1, но большинство студентов неязыковых направлений подготовки, согласно программе, достигают уровня B2, таким образом, чат-бот удовлетворяет запрос университетской подготовки студентов не лингвистов.

Чат-бот не заменит преподавателя, но служит помощником в обучении, так как предоставляет доступ к программе 24/7, в любое удобное пользователю время. Получая задание, где необходимо проработать лексику или идиоматические выражения в чат-боте, обучающийся проходит через серию микросессий (5–10 мин), которые формируют устойчивую цифровую активность и обеспечивают непрерывность практики.

Обсуждение преимуществ чат-ботов приводит к важному критерию – мониторинг прогресса. Качество обучения всегда определяется измеримыми показателями. Чат-бот способен отслеживать прогресс студента и предлагать

ему дополнительные задания или материалы в зависимости от его успехов и слабых сторон.

Подводя итоги, можем констатировать, что интеграция чат-ботов в процесс обучения иностранному языку в высшей школе уже началась и активно продолжается, разрабатываются все новые функции и опции, которые можно использовать (аудио, видео). Чат-бот – актуальный дидактический инструмент, позволяющий индивидуализировать лингвистическую подготовку, обеспечить непрерывное обучение языку и совершенствование коммуникативной компетенции в удобное для обучающихся время.

Список литературы:

1. Диденко, Э. Н. Особенности применения чат-ботов при обучении иностранным языкам студентов неязыкового вуза (на примере английского) / Э. Н. Диденко, М. А. Егорова, М. Д. Лагуткина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 2118-2122. DOI: 10.30853/phil20240304 EDN: CKEGAO

2. Масленникова, В. С. Обучение иностранному языку с помощью чат-ботов: преимущества и недостатки / В. С. Масленникова // Информационно-ресурсное обеспечение образовательного процесса в средней и высшей школе: проблемы и перспективы : Сборник научных трудов. – Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2025. – С. 311-314. EDN: OLFQTP

3. Сысоев, П. В. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы / П. В. Сысоев, Е. М. Филатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 66-72 DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-1-66-72 EDN: PXGZTJ

УДК 316.6:616.896

Константинов А. Е.[1], Курбатова М. А.[2]
[1] Одинцовский филиал МГИМО МИД России, Одинцово, Россия
[2] МГИМО МИД России, Москва, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ РАБОТАЮЩИХ ВЗРОСЛЫХ К МАТЕРЯМ, ВОСПИТЫВАЮЩИМ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Аннотация. Статья анализирует социально-психологические особенности отношения работающих взрослых к матерям детей с РАС. Исследуются факторы, формирующие стереотипы и установки, а также поведенческие проявления. Рассматривается влияние информированности, личного опыта и социальных норм на толерантное или дискриминационное отношение. Предлагаются пути повышения социальной адаптации матерей детей с РАС через трансформацию общественных установок.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, материнство, социальное отношение, стереотипы, информированность, толерантность, работающее население, психологическая адаптация.

Введение

Современное общество сталкивается с растущим числом детей, имеющих расстройства аутистического спектра (РАС). Масштаб этой проблемы, ее комплексный характер и долгосрочные последствия для семейной системы требуют глубокого осмысления на различных уровнях, включая социокультурный и межличностный. Особое место в этой проблематике занимает положение матерей, воспитывающих детей с РАС, чья жизнь зачастую сопряжена со значительными эмоциональными, физическими и социальными нагрузками. При этом отношение к этим матерям со стороны других членов общества – коллег по работе, знакомых, представителей различных социальных групп – оказывает существенное влияние на их психологическое благополучие, профессиональную самореализацию и, как следствие, на качество ухода за ребенком. Данное исследование направлено на изучение именно социально-психологических особенностей отношения работающих взрослых к матерям, воспитывающим детей с РАС, с целью выявления ключевых детерминант этих отношений и поиска путей их позитивной трансформации.

Актуальность исследования обусловлена не только статистическим ростом числа детей с РАС, но и потребностью в создании инклюзивной и поддерживающей среды для семей, столкнувшихся с этим диагнозом. Работающее взрослое население, будучи значимой частью общества,

представляет собой специфическую социальную группу, чьи установки и паттерны поведения могут как способствовать, так и препятствовать интеграции матерей детей с РАС в социальную и профессиональную жизнь. Игнорирование этой проблемы приводит к усилению социальной изоляции матерей, снижению их жизненной активности, возникновению эмоционального выгорания и, в критических случаях, к отказу от трудовой деятельности, что негативно сказывается на экономическом благосостоянии семьи и ее общем функционировании.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ социально-психологических особенностей отношения работающих взрослых к матерям, воспитывающим детей с РАС. Для достижения этой цели было проведено эмпирическое исследование, включавшее оценку стереотипов, уровня информированности, влияния личного опыта, анализ поведенческих проявлений и разработку рекомендаций.

Социальное отношение, как сложный психологический конструкт, включает в себя когнитивный (знания, представления, установки), эмоциональный (чувства, переживания) и поведенческий (действия, поступки) компоненты. В контексте нашего исследования отношение работающих взрослых к матерям детей с РАС представляет собой систему перцептивных, когнитивных, аффективных и поведенческих реакций, формирующихся под влиянием как индивидуальных психологических особенностей личности, так и социокультурных факторов. Теоретические подходы, такие как социально-когнитивная теория, теория социального научения, теория стигматизации и теория социальной идентичности, предоставляют ценные инструменты для анализа механизмов формирования и функционирования этих отношений.

Социально-когнитивный подход подчеркивает роль информации, ее интерпретации и усвоения в формировании установок. Работающие взрослые, не обладая полными и достоверными знаниями о РАС, часто опираются на искаженные представления, мифы и стереотипы, транслируемые средствами массовой информации, непроверенными источниками или передаваемые из уст в уста [2, с. 105]. Эти искаженные когнитивные схемы, зачастую негативно окрашенные, служат основой для предвзятого отношения. Теория социального научения, в свою очередь, акцентирует внимание на процессе усвоения поведенческих моделей и установок через наблюдение, имитацию и подкрепление. Если в окружении работающего взрослого преобладают примеры негативного отношения или осуждения матерей детей с РАС, вероятность усвоения подобных установок повышается.

Теория стигматизации, разработанная И. Гофманом, применима к анализу отношения к матерям детей с РАС, поскольку их дети часто воспринимаются как «отличные» от нормы, что приводит к навешиванию ярлыка и последующей социальной изоляции [6, с. 198]. Стигматизация может

проявляться в форме отвержения, дискриминации, снисходительного отношения, что напрямую влияет на самооценку и социальную активность матери [1, с. 18]. Теория социальной идентичности показывает, как принадлежность к различным социальным группам (например, «коллеги», «люди без детей с особыми потребностями») может влиять на отношение к индивидам из других групп, способствуя формированию «мы-групп» и «они-групп» с соответствующими стереотипами и предубеждениями.

Особое внимание в психологии уделяется феномену материнства и связанным с ним ожиданиям. Традиционные представления о материнстве часто идеализируют образ матери как заботливой, эмоционально стабильной фигуры, способной удовлетворить все потребности ребенка [5, с. 174]. Когда ребенок не вписывается в общепринятые нормы развития, мать может подвергаться не только внутреннему давлению, но и внешнему осуждению, которое интерпретируется как ее «недостаточность» как матери. В контексте РАС, где особенности развития ребенка требуют специфического подхода и значительных усилий, эти ожидания могут становиться особенно обременительными, формируя контекст для потенциальных конфликтов и непонимания со стороны окружающих.

Отношение работающих взрослых к матерям, воспитывающим детей с РАС, является многофакторным конструктом, формирующимся под влиянием ряда взаимосвязанных элементов. Ключевыми факторами, определяющими характер этого отношения, выступают уровень информированности, наличие личного опыта, социальные нормы и культурные установки, а также индивидуально-психологические характеристики самого наблюдателя [4, с. 24].

Методология исследования: проведенное эмпирическое исследование, направленное на изучение социально-психологических особенностей отношения работающих взрослых к матерям детей с РАС, было основано на комплексной программе. Данное исследование проходило в течение 12 месяцев, охватывая период с мая 2025 года по апрель 2026 года.

Выборка: в исследовании приняли участие 84 работающих взрослых в возрасте от 25 до 55 лет. Выборка формировалась по принципу случайной стратификации с учетом пола, возраста, профессиональной принадлежности (представители различных сфер: образование, медицина, IT, производство, сфера услуг) и наличия или отсутствия опыта взаимодействия с семьями, воспитывающими детей с РАС. Соотношение мужчин и женщин в выборке составило 48% и 52% соответственно. Профессиональная принадлежность респондентов была тщательно документирована, чтобы обеспечить разнообразие мнений и опыта, что позволило выявить специфику отношения в зависимости от социальной роли.

Для сбора и анализа данных были использованы следующие **методики.**

1. Авторская анкета «Восприятие матерей детей с РАС», которая состояла из нескольких блоков:

- демографический блок (возраст, пол, образование, сфера занятости, семейное положение, наличие детей);
- блок оценки уровня информированности о РАС (знания о причинах, симптомах, особенностях развития, доступных методах коррекции);
- блок исследования стереотипов и установок (с использованием семантического дифференциала и вопросов, направленных на выявление предвзятых мнений);
- блок оценки личного опыта (наличие знакомых или родственников с РАС, степень и характер взаимодействия);
- блок поведенческих намерений (готовность к поддержке, пониманию, участию в социальных инициативах).

2. «Шкала локуса контроля» Дж. Роттера: использовалась для определения степени, в которой респонденты склонны приписывать ответственность за происходящие с ними события внешним или внутренним факторам. Предполагалось, что люди с экстернальным локусом контроля могут более склонны к формированию стереотипов, нежели интерналы.

3. «Опросник родительского отношения» А.Я. Варга и В.В. Столина (адаптированная версия) использовался для выявления потенциального проективного переноса родительских установок и переживаний на восприятие матерей детей с РАС. Это помогло оценить, как собственный опыт родительства (или его отсутствие) влияет на эмпатию и понимание.

Исследование проводилось в естественных условиях работы респондентов. После получения информированного согласия участники заполняли предложенные анкеты и опросники. Для обеспечения конфиденциальности и минимизации социальной желательности ответов, заполнение проводилось индивидуально, с возможностью анонимного участия. Анализ собранных данных проводился с использованием методов описательной статистики, корреляционного анализа и факторного анализа.

Анализ полученных данных позволил выявить ряд важных социально-психологических особенностей отношения работающих взрослых к матерям детей с РАС.

Результаты исследования.

В ходе исследования была выявлена существенная корреляция между уровнем информированности о РАС и сформированностью установок. Респонденты, обладающие более глубокими и достоверными знаниями о природе аутизма, его проявлениях и особенностях, демонстрировали более толерантное и принимающее отношение (таблица 1).

Таблица 1 – Уровень информированности о РАС и преобладающие типы установок

Уровень информированности	Количество респондентов	Преобладающие установки
Высокий	18 (21,4%)	Принятие, понимание, сочувствие
Средний	42 (50,0%)	Сочетание толерантности и стереотипов
Низкий	24 (28,6%)	Стереотипы, настороженность, осуждение

Высокий уровень информированности положительно коррелирует с установкой на принятие и понимание. Низкий уровень знаний, напротив, служит почвой для формирования негативных стереотипов и предрассудков.

Наиболее часто встречающимися стереотипами в отношении матерей детей с РАС оказались: «мать виновата в аутизме ребенка», «она не справляется с воспитанием», «ребенок – причина всех ее проблем», «она использует болезнь ребенка для личной выгоды». Эти стереотипы часто были связаны с недостаточной информированностью и склонностью к упрощенному объяснению сложных явлений (таблица 2).

Таблица 2 – Основные стереотипы в отношении матерей детей с РАС

Стереотип	Процент респондентов, разделяющих стереотип
Мать виновата в аутизме ребенка	35%
Она не справляется с воспитанием	48%
Ребенок – причина всех ее проблем	40%
Она использует болезнь ребенка для личной выгоды	22%
Ей не хватает терпения и силы	30%

Значительная часть работающих взрослых придерживается стереотипов, обвиняющих мать или обесценивающих ее усилия. Это указывает на необходимость работы с общественным сознанием и разрушения стигматизации.

Наличие позитивного личного опыта взаимодействия с семьями, воспитывающими детей с РАС, или наличие детей с РАС среди близких родственников, существенно снижало уровень стигматизации и способствовало формированию более глубокого понимания и эмпатии (таблица 3).

Таблица 3. Влияние личного опыта на установки

Наличие позитивного личного опыта	Преобладающие установки (средний балл по шкале толерантности, 5-балльная система)

Есть	4,2
Нет	2,8

Личный опыт играет критически важную роль в трансформации негативных установок. Положительное знакомство с семьей, где есть ребенок с РАС, способствует развитию эмпатии и снижению предвзятости.

Была выявлена статистически значимая тенденция: респонденты с более выраженным экстернальным локусом контроля (склонность объяснять события внешними причинами) чаще демонстрировали негативные установки и стереотипы в отношении матерей детей с РАС (таблица 4). Предполагается, что такая ориентация облегчает перекладывание ответственности и осуждение.

Таблица 4 – Распределение установок в зависимости от локуса контроля

Локус контроля	Типичное отношение к матерям детей с РАС
Интернальный	С пониманием, признанием трудностей, предложением помощи
Экстернальный	С осуждением, настороженностью, склонностью к стереотипам, дистанцированием

Люди, склонные видеть причины событий во внешних обстоятельствах, чаще осуждают матерей детей с РАС, что может быть связано с отсутствием желания глубоко разбираться в проблеме и принимать ответственность.

Поведенческие проявления отношения варьировались от избегания тем, связанных с ребенком, и снисходительного отношения, до активного предложения помощи и поддержки, а также защиты от дискриминации (таблица 5).

Таблица 5 – Поведенческие проявления отношения

Вид поведенческого проявления	Частота встречаемости
Избегание общения/тем	55%
Снисходительное отношение	38%
Повышенная опека/жалость	25%
Активная поддержка/помощь	15%
Защита от дискриминации	7%

Наиболее распространенными формами поведения являются те, которые отражают избегание или снисходительное отношение. Активная поддержка и защита встречаются реже, что указывает на необходимость развития культуры инклюзивности.

При анализе данных «Опросника родительского отношения» были выявлены интересные корреляции. Респонденты, демонстрирующие в этом

опроснике авторитарные или отвергающие стили родительского отношения (в случае, если они являются родителями), чаще проявляли негативные установки к матерям детей с РАС. Это может указывать на проекцию собственных фрустраций или жестких воспитательных принципов (таблица 6).

Таблица 6 – Связь родительских установок с отношением к матерям детей с РАС

Преобладающий стиль родительского отношения	Частота негативных установок к матерям детей с РАС
Авторитарный	65%
Отвергающий	58%
Тревожный	40%
Принимающий	15%

Авторитарные и отвергающие стили родительского отношения коррелируют с повышенной вероятностью негативного отношения к матерям детей с РАС. Это подчеркивает важность формирования гибких и принимающих родительских позиций.

Анализ данных по профессиональной принадлежности показал, что в сферах, требующих высокого уровня эмпатии и работы с людьми (медицина, образование), уровень информированности и толерантности был несколько выше, хотя и не исключал наличия стереотипов (таблица 7). В более «технических» или «административных» сферах процент людей со стереотипами и негативным отношением был выше.

Таблица 7 – Уровень толерантности в различных профессиональных сферах

Профессиональная сфера	Средний балл толерантности (5-балльная система)
Медицина	3,9
Образование	3,7
IT	2,9
Производство	2,7
Сфера услуг	3,1

Профессиональная среда может оказывать влияние на формирование установок. Сферы, подразумевающие прямое взаимодействие с людьми, способствуют более высокому уровню понимания и толерантности.

Были выявлены незначительные гендерные различия (таблица 8). Женщины в выборке склонны демонстрировать чуть более высокий уровень эмпатии и понимания, что может быть связано с традиционно более

выраженной ролью в семейном уходе и повышенным вниманием к вопросам воспитания.

Таблица 8 – Гендерные различия в уровне эмпатии

Пол	Средний балл эмпатии (5-балльная система)
Женский	3,7
Мужской	3,3

Женщины в среднем демонстрируют более высокие показатели эмпатии по отношению к матерям детей с РАС, однако этот разрыв не является критическим и требует дальнейшего изучения.

Полученные результаты подтверждают многофакторность социально-психологических отношений к матерям детей с РАС. Ключевую роль играет информированность: дефицит достоверных знаний о РАС неизбежно ведет к формированию стигматизированных представлений, часто основанных на страхе, непонимании и искаженной информации. Это согласуется с положениями социально-когнитивной теории [2, с. 105], подчеркивающей важность когнитивных схем в формировании установок.

Стереотипы («мать виновата», «не справляется») выступают как защитный механизм психики, позволяющий упростить реальность и снять с себя ответственность за понимание сложной проблемы. Такое поведение вписывается в концепцию стигматизации [12, с. 198], где «инаковость» ребенка (и, соответственно, матери) приводит к навешиванию ярлыков и социальной изоляции.

Личный опыт выступает мощным фактором нейтрализации негативных установок. Положительное взаимодействие с семьями, имеющими детей с РАС, разрушает стереотипы и способствует развитию эмпатии – способности поставить себя на место другого. Это подтверждает положения теории социальной идентичности [1, с. 18], которая показывает, как опыт межгруппового взаимодействия может трансформировать предрассудочные взгляды.

Локус контроля также играет существенную роль [3, с. 28]. Экстерналы, склонные приписывать свою и чужую судьбу внешним силам, легче осуждают, не вдаваясь в причины и обстоятельства. Их отношение зачастую носит поверхностный, осуждающий характер.

Поведенческие проявления [7, с. 30] варьируются от избегания до активной поддержки. Преобладание пассивных форм (избегание, снисходительность) свидетельствует о недостаточной сформированности инклюзивной культуры в рабочей среде.

Родительские установки, выявленные по методике Варга-Столина, демонстрируют, что жесткие, авторитарные или отвергающие стили воспитания у работающих взрослых могут коррелировать с негативным отношением к другим матерям, особенно тем, кто сталкивается с особыми трудностями.

Профессиональная среда [6, с. 18] также вносит свой вклад, но не является определяющим фактором. Высокий уровень эмпатии, свойственный некоторым профессиональным сферам, может смягчать негативные установки, тогда как более «технические» профили чаще оставляют место для стереотипов. Гендерные различия в сторону большей эмпатии у женщин, хотя и выявлены, не являются кардинальными и требуют дальнейшего изучения.

Заключение

Проведенное исследование представляет собой комплексный анализ социально-психологических установок работающих взрослых по отношению к матерям, воспитывающим детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Актуальность темы обусловлена возрастающим числом детей с РАС и необходимостью формирования в обществе адекватного и поддерживающего отношения к их семьям. Работа успешно достигла поставленной цели, решающей задачи по теоретическому осмыслению феномена материнства в контексте РАС, эмпирическому исследованию общественного отношения и разработке практических рекомендаций. Гипотеза о многокомпонентности и амбивалентности данного отношения нашла свое подтверждение, демонстрируя сочетание эмпатии и стереотипов.

В исследовании были детально освещены ключевые характеристики детей с РАС, включая особенности коммуникации, социального взаимодействия, сенсорной обработки и поведенческие паттерны. Подчеркнуто, что понимание этих специфических черт является фундаментом для формирования корректного восприятия со стороны общества. Рассмотрен аутизм не как болезнь, а как иной способ восприятия мира, что требует от окружающих гибкости и адаптации.

Анализируя материнство в контексте воспитания ребенка с РАС, работа выделила его как особое социально-психологическое состояние. Оно характеризуется повышенной эмоциональной нагрузкой, необходимостью постоянного совладания со стрессовыми ситуациями, значительными временными и ресурсными затратами, а также риском социальной изоляции. Такая материнская роль требует не только физических, но и мощных психологических ресурсов, что ставит ее в ряд уникальных социальных статусов.

В работе была раскрыта природа социальных установок и их влияние на формирование общественного отношения. Установлено, что отношение к матерям детей с РАС формируется под воздействием информационного поля,

културных нормативов, личного опыта и уровня информированности. Отмечена динамичность установок, их способность изменяться под влиянием внешних и внутренних факторов, подчеркивая нестатичность общественного мнения.

Изначально заложив теоретическую основу, определив специфику РАС, особенности материнства в данном контексте и механизмы формирования общественных установок. Была подчеркнута амбивалентная природа этих установок, сочетающая сочувствие с неявными ожиданиями и стереотипами, что требует дальнейшего эмпирического исследования.

В дальнейшем представлено детальное описание эмпирического блока исследования. Была сформирована выборка из 84 работающих взрослых и 40 экспертов, использованы авторская анкета, экспертный опрос, методики Дж. Роттера (локус контроля) и А.Я. Варга, В.В. Столина (родительское отношение). Данная методологическая база позволила провести всесторонний анализ исследуемого феномена.

Анализ выявил, что большинство работающих взрослых (66,7%) имеют представление об аутизме, а значительная часть (60,7%) имеет личный опыт взаимодействия. Эмпирические данные показали доминирование просоциальных реакций: 71,5% респондентов испытывают сочувствие и желание помочь, а 92,9% готовы оказать реальную помощь. Однако, наряду с этим, зафиксирована «дистантная эмпатия» (53,6% не хотят вмешиваться), что указывает на разрыв между желанием и готовностью действовать.

Выявлено противоречие в отношении ответственности за социализацию ребенка: 54,8% полагают, что это задача государства, тогда как 21,4% возлагают ее на семью. Инклюзивное образование также показало амбивалентность: 35,7% относятся положительно, 46,4% – нейтрально, а 17,9% – отрицательно. Психодиагностика локуса контроля показала преобладание экстернальных установок (54,8%), особенно в сфере семейных отношений, что может усиливать восприятие матери как единственного ответственного лица.

Анализ родительского отношения выявил высокий уровень эмоционального принятия (73,8%) и кооперации (61,9%), но одновременно – высокий симбиоз (57,1%) и авторитарные ожидания (33,3%). Также отмечена склонность к инфантилизации ребенка (29,8%), что создает дополнительное давление на мать. Сравнительный анализ с экспертами подтвердил более дифференцированное восприятие специалистов, однако феномен «нормативного давления» присутствует и в профессиональном сознании.

Научная работа наглядно продемонстрировала амбивалентность и сложность социально-психологического отношения к матерям детей с РАС. Выявлены как позитивные тенденции (эмпатия, готовность к помощи), так и

существенные барьеры (стереотипы, «дистантная эмпатия», нереалистичные ожидания), которые препятствуют полноценной социальной инклюзии.

Работа была посвящена разработке практических рекомендаций по улучшению социально-психологического восприятия матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра.

Основываясь на выявленных в ходе эмпирического исследования закономерностях, были предложены меры, направленные на три целевые группы:

- общественность (работающие взрослые);
- профессиональное сообщество (специалисты помогающих профессий);
- сами матери детей с РАС.

В частности, рекомендуется реализация широких просветительских кампаний, направленных на формирование адекватного понимания аутизма и развенчание мифов, при этом акцент в таких программах следует делать не только на информировании (увеличение знаний), но и на формировании конкретных поведенческих навыков оказания поддержки. Важно, чтобы общественные кампании транслировали не только образ «героической матери», но и нормализовали усталость, потребность в отдыхе и праве на ошибку, снижая таким образом уровень социального давления.

Для специалистов (психологов, педагогов, социальных работников) рекомендуется внедрение программ супервизии и профилактики профессионального выгорания, а также обучение методам работы с семьей как с системой, а не только с матерью как единственным ресурсным лицом.

Для матерей детей с РАС в качестве приоритетных мер обозначены создание доступных сетей взаимопомощи, организация психологической поддержки (включая группы само- и взаимопомощи) и расширение спектра услуг по временному присмотру за детьми (ресурсный центр), что позволит снизить риск социальной изоляции и эмоционального истощения.

Обобщая полученные результаты, необходимо подчеркнуть, что гипотеза исследования нашла свое эмпирическое подтверждение. Социально-психологическое отношение работающих взрослых к матерям, воспитывающим детей с РАС, является многомерным и амбивалентным конструктом. С одной стороны, фиксируются высокий уровень эмпатии (40,5% жалости и сочувствия матери, 92,9% готовности к конкретной помощи), осознание необходимости поддержки (98,8% признают важность отдыха для матери) и общая установка на принятие (73,8% с высоким уровнем эмоционального принятия). С другой стороны, параллельно существуют:

Стереотип о матери как об исключительном агенте ответственности (21,4% возлагают ответственность на семью), что подтверждается и данными о низкой интернальности в семье (33,3% респондентов с низким уровнем).

Ограничивающие установки, такие как «дистантная эмпатия», когда желание помочь не конвертируется в действие (53,6% считают, что вмешиваться не следует).

Высокий уровень симбиотических и авторитарных ожиданий по отношению к матери (57,1% и 33,3% соответственно), что создает нереалистичные требования к ее поведению.

Амбивалентность в отношении инклюзии (17,9% высказались против совместного обучения).

Выводы

По результатам научного исследования можно сделать основные выводы:

Дефицит информированности о РАС является ключевым фактором, способствующим формированию негативных стереотипов и снижению толерантности.

Личный позитивный опыт взаимодействия с семьями, воспитывающими детей с РАС, существенно повышает уровень эмпатии и принятия.

Склонность к экстернальному локусу контроля и авторитарным родительским установкам ассоциируется с более негативным отношением.

Наиболее распространенными поведенческими проявлениями являются избегание и снисходительность, что указывает на необходимость активных мер по интеграции.

Профессиональная среда может как смягчать, так и усугублять негативные установки, однако не является абсолютным определяющим фактором.

Формирование более благоприятного отношения требует целенаправленной системной работы, включающей повышение поведенческой компетентности общества, смещение фокуса с «героизации» на нормализацию трудностей и развитие реальной инфраструктуры поддержки.

Реализация предложенных в работе практических рекомендаций будет способствовать снижению стигматизации, уменьшению психологической нагрузки на матерей и, как следствие, улучшению качества жизни семей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра. Проделанный анализ вносит вклад в понимание социально-психологических механизмов, лежащих в основе общественного восприятия «особых» матерей, а также предоставляет эмпирическую базу для разработки программ дестигматизации и социальной инклюзии.

Список литературы:

1. Ананичева, С. Р. Стигматизация и ее проявления в современном обществе / С. Р. Ананичева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №8. – С. 17-20. DOI: 10.23672/a2017-4282-3217-a EDN: NSQVOL

2. Аргунова, Ю. Нейропсихологические аспекты расстройств аутистического спектра / Ю. Аргунова // Актуальные исследования. – 2022. – №28 (107).

3. Деркач, А. А. Саморегуляция отрицательных психических состояний государственных служащих в особых условиях деятельности : монография / А. А. Деркач, А. Е. Константинов ; А. А. Деркач, А. Е. Константинов ; Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации. – Москва : Изд-во РАГС, 2007. EDN: QXSTXP

4. Конева, И. А. Психологические особенности родителей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра, и их сопровождение / И. А. Конева, Д. А. Мурзина // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – №77-4. – С. 114-117. EDN: WWMHKG

5. Клецина, И. С. Нормы женского поведения: традиционная и современная модели / И. С. Клецина, Е. В. Иоффе // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 3. – С. 72–90. DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6 EDN: FAECLZ

6. Константинов А. Е. Кмеологические условия саморегуляции отрицательных психических состояний государственных служащих в особых условиях деятельности : дис. … канд. психол. наук. – М., 2005. – 216 с. EDN: NNCJLB

7. Современные психотехнологии в управлении, политике, бизнесе, образовании и искусстве : материалы IV Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. С. Карпенко, Л. А. Степнова, Г. А. Пушкарь. – М. : Русайнс, 2024. – 488 с. EDN: YRHQZX

8. Кузьмина, А. С. Психологические ресурсы матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра / А. С. Кузьмина, И. Я. Стоянова, К. О. Кривошей // Аутизм и нарушения развития. – 2024. – № 22(4). – С. 21–30. DOI: 10.17759/autdd.2024220403 EDN: MLHKIX

9. Носова, А. Э. Материнство как психологический феномен в современном мире / А. Э. Носова // Психология сегодня: от теории к практике : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Ульяновск, 23 апреля 2024 года. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2024. – С. 172-175. EDN: KIITZH

10. Попова, Е. Д. Специфика отношения родителей к детям с аутизмом / Е. Д. Попова, О. В. Тимофеева // Молодой ученый. – 2022. – № 38 (433). – С. 197-200. EDN: FBITDP

11. Продовикова, А. Г. Эмоциональное выгорание и родительское отношение матерей детей с аутизмом / А. Г. Продовикова, А. Р. Галиуллина // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2024. – №1. – С. 129-140. DOI: 10.24412/2308-717X-2024-1-129-140 EDN: BAXCPC

12. Старшинова, А. В. Возможности НКО в помощи детям с расстройствами аутистического спектра / А. В. Старшинова, Е. В. Чикова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – №484. – С. 218-227. DOI: 10.17223/15617793/484/24 EDN: XFGXFS

13. Темнова, Л. В. Особенности социализации лиц с расстройствами аутистического спектра и членов их семей / Л. В. Темнова, Е. С. Рожнова // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 6(60). – С. 352-366. DOI: 10.32744/pse.2022.6.20 EDN: QNQLCU

14. Чернышкова, А. Г. Индивидуально-личностные особенности матерей в диалогическом взаимодействии с детьми с расстройством аутистического спектра / А. Г. Чернышкова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2021. – №2. – С. 25-40. DOI: 10.35231/18186653_2021_2_25 EDN: QWNGGB

15. Al Dagamseh, B. Psychological Stress in the Mothers of Children with Autism Spectrum Disorder in Terms of Some Variables. International Journal of Membrane Science and Technology. – 2023. – Т. 10. – №3. – С.1548-1562. DOI: 10.15379/ijmst.v10i3.1755 EDN: JECAES

16. Alemnh D. The Lived Experiences of Mothers Raising Children with Autism Spectrum Disorder in Ethiopia // Canadian Journal of Family and Youth. – 2025. – Vol. 17, No. 2. – P. 177–197. DOI: 10.29173/cjfy30129

17. Bagheri Sheykhangafshe F., Mohammadi R., Daryaie S., Sadeghi Chookami E. A Review of the Psychological Disorders of Mothers of Children with Autism Spectrum Disorder // Proceedings of the First International Conference on Consulting. – 2021.

18. Ferenc, K. & Byrka, K. & Król, M. The spectrum of attitudes towards the spectrum of autism and its relationship to psychological distress in mothers of children with autism. Autism. – 2023. – Т. 27. – №1. – С. 54-64. DOI: 10.1177/13623613221081185 EDN: TSPSFA

УДК 811.133.1:004.8:37

Аманова Мерджен Ходжамырадовна, Аманмырадова Алмагуль Агамырадовна, Какгаева Огульнар Шамухаммедовна, Новрузова Марьям Надьяровна, Абдыреимова Лейла Мырадовна
Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в процессе преподавания французского языка. На основе анализа современных научных источников и методических подходов автором обосновывается необходимость интеграции ИИ-инструментов (чат-ботов, платформ распознавания речи, адаптивных систем) в практику обучения французскому языку как иностранному. Особое внимание уделяется преимуществам использования ИИ: персонализация обучения, автоматизация рутинных задач преподавателя, формирование аутентичной языковой среды и повышение мотивации обучающихся. В статье также анализируются основные ограничения и риски, связанные с внедрением искусственного интеллекта, включая неидеальное качество генерируемого языкового материала, отсутствие культурного контекста и этические аспекты. Предлагаются методические рекомендации для преподавателей французского языка по оптимальному сочетанию традиционных и цифровых технологий. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания французского языка в вузах и школах, а также при разработке учебно-методических материалов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, преподавание французского языка, цифровые технологии в образовании, персонализация обучения, чат-боты, распознавание речи, адаптивные системы, методика обучения иностранным языкам.

Введение. Современная система языкового образования переживает период глубоких трансформаций, вызванных стремительным развитием цифровых технологий и, в особенности, систем искусственного интеллекта. Французский язык, сохраняющий свои позиции как один из ведущих языков международного общения, дипломатии и культуры, требует внедрения новых методических решений, способных отвечать запросам цифрового поколения обучающихся. Как справедливо отмечает П. В. Сысоев, «технологии искусственного интеллекта открывают принципиально новые возможности для персонализации обучения, автоматизации контроля и создания естественной языковой среды» [7, с. 6]. Однако, несмотря на растущий интерес к данной проблематике, вопросы системного применения ИИ именно в

преподавании французского языка остаются недостаточно разработанными как в теоретическом, так и в практическом аспектах.

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, традиционная модель обучения иностранному языку, основанная на жёсткой структуре учебника и ограниченной языковой практике в аудитории, не всегда способствует формированию устойчивых коммуникативных навыков. Во-вторых, современные учащиеся, активно использующие цифровые устройства, ожидают от образовательного процесса большей гибкости, интерактивности и индивидуализации. В-третьих, пандемия COVID-19 и последовавший за ней массовый переход на дистанционное обучение обнажили необходимость в интеллектуальных помощниках, способных обеспечивать обратную связь и поддержку учащихся вне аудитории. В связи с этим интеграция ИИ в преподавание французского языка перестаёт быть данью моде и становится насущной методической задачей.

Степень разработанности проблемы. В отечественной и зарубежной лингводидактике накоплен определённый опыт использования цифровых технологий в обучении иностранным языкам. Так, в фундаментальном труде под редакцией П. К. Бабинской и соавторов подробно рассматриваются общие принципы использования аудиовизуальных и компьютерных средств в обучении [3, с. 180–195]. Н. В. Барышников, анализируя специфику преподавания французского языка как второго иностранного, подчёркивает важность учёта психологических особенностей учащихся и необходимость создания мотивирующей среды [2, с. 26–27]. Е. И. Черкашина акцентирует внимание на профессионально ориентированном обучении французскому языку в сфере туризма, отмечая роль аутентичных материалов и симуляционных упражнений [4, с. 69]. Н. Н. Балабас, в свою очередь, выделяет эффективные приёмы преподавания профессионально ориентированного французского языка, включая проектную методику и использование информационно-коммуникационных технологий [1, с. 19–20]. Однако большинство этих работ были выполнены до широкого распространения генеративных языковых моделей и интеллектуальных чат-ботов, поэтому они не учитывают специфику взаимодействия с ИИ нового поколения.

В последние годы появляются отдельные исследования, посвящённые применению искусственного интеллекта в обучении иностранным языкам. П. В. Сысоев предлагает классификацию ИИ-технологий (обработка естественного языка, машинное обучение, распознавание речи) и описывает возможные сценарии их использования на уроках иностранного языка [7, с. 8–10]. Тем не менее, большинство работ носят общий характер и не детализируют особенности работы с французским языком, его грамматическим строем, произносительными нормами и лексико-

стилистическими ресурсами. Кроме того, остаются открытыми вопросы методической подготовки преподавателей к работе с ИИ, а также этические аспекты использования интеллектуальных систем в образовании (конфиденциальность данных, алгоритмическая предвзятость). Отдельного внимания заслуживает проблема перегрузки педагогов в условиях цифровой трансформации: как отмечает Ф. З. Боймуродова, «психическое здоровье учителей напрямую влияет на успеваемость обучающихся, а внедрение новых технологий без должной поддержки может усугублять стресс» [5, с. 57]. Следовательно, внедрение ИИ должно сопровождаться продуманной стратегией организационной и психологической помощи преподавателям.

Цель данной статьи – выявить и систематизировать основные направления использования искусственного интеллекта в преподавании французского языка, оценить их дидактический потенциал и выработать практические рекомендации для преподавателей. В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать современные ИИ-инструменты, применимые в обучении французскому языку; 2) охарактеризовать преимущества и ограничения их использования; 3) разработать методические принципы интеграции ИИ в традиционный учебный процесс; 4) определить перспективы развития данного направления. Объектом исследования выступает процесс обучения французскому языку с применением технологий искусственного интеллекта, предметом – методические условия эффективного использования ИИ-инструментов на различных этапах формирования языковых навыков и речевых умений.

Методологическую базу работы составляют системно-деятельностный и компетентностный подходы к обучению иностранным языкам, а также методы анализа научно-методической литературы, обобщения педагогического опыта и моделирования учебных ситуаций. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов преподавателями французского языка средних и высших учебных заведений, а также разработчиками цифровых образовательных ресурсов.

Основные направления использования искусственного интеллекта в обучении французскому языку. Современные технологии искусственного интеллекта предлагают широкий спектр инструментов, которые могут быть эффективно интегрированы в процесс обучения французскому языку. Анализ научно-методической литературы и существующих цифровых решений позволяет выделить несколько ключевых направлений.

Чат-боты и генеративные языковые модели. Наиболее доступными и универсальными инструментами на сегодняшний день являются большие языковые модели (ChatGPT, Claude, Gemini, французская модель Mistral). Они позволяют студентам практиковать письменную и устную речь в диалоговом

режиме, имитируя общение с носителем языка. Преподаватель может настроить бота на определённую тему, уровень сложности (A1–C1) или стиль общения (формальный, разговорный, деловой). Например, при изучении темы «В ресторане» учащийся может вести диалог с ботом, который выступает в роли официанта, а затем получить разбор своих грамматических и лексических ошибок. Как подчёркивает П. В. Сысоев, «использование чат-ботов на основе обработки естественного языка способствует развитию коммуникативной компетенции в условиях, приближенных к реальному общению» [7, с. 10].

Платформы для тренировки произношения. Технологии распознавания речи, усиленные нейросетевыми алгоритмами, лежат в основе таких приложений, как Speechling, ELSA Speak (с поддержкой французского), а также специализированных модулей в Duolingo и Rosetta Stone. Эти системы анализируют произношение учащегося, сравнивают его с эталонным и дают мгновенную обратную связь по отдельным звукам, интонации и ритму. Для французского языка, где важны носовые гласные, связывание (liaison) и ударение на последнем слоге, такая тренировка особенно ценна.

Адаптивные системы и интеллектуальные репетиторы. Платформы на основе машинного обучения (Mondly, Busuu с ИИ-трекером, SmartKit, Kwiziq) анализируют успехи и пробелы учащегося и автоматически подстраивают последовательность и сложность заданий. Если студент систематически ошибается в согласовании причастий прошедшего времени, система предлагает дополнительные упражнения именно на это правило, постепенно усложняя контекст. Такой подход, по мнению Н. Н. Балабас, «позволяет реализовать принцип индивидуализации обучения без увеличения нагрузки на преподавателя» [1, с. 20].

Системы автоматической проверки письменных работ. Инструменты вроде Grammarly (для французского), LanguageTool, Scribens, Antidote не только исправляют орфографические и грамматические ошибки, но и дают стилистические рекомендации. Они могут быть использованы как для самопроверки домашних заданий, так и для чернового контроля перед сдачей работы преподавателю. Важно, что эти системы объясняют природу ошибки, что способствует осознанному усвоению материала.

Генерация учебных материалов. ИИ способен создавать тексты, диалоги, тесты, упражнения на подстановку и трансформацию по заданным параметрам (тема, лексический минимум, грамматическое явление). Преподаватель может за считанные минуты получить набор разноуровневых заданий для группы, что значительно экономит время на подготовку к занятию.

Дидактический потенциал и преимущества использования ИИ. Интеграция искусственного интеллекта в преподавание французского языка

открывает ряд значительных преимуществ, которые подтверждаются как теоретическими выкладками, так и практическим опытом.

Персонализация обучения. Традиционный урок ориентирован на «среднего» студента, тогда как ИИ позволяет выстроить индивидуальную траекторию для каждого учащегося с учётом его исходного уровня, когнитивных особенностей и темпа усвоения. Это особенно актуально в группах с разнородной подготовкой. Как отмечается в коллективной монографии под редакцией П. К. Бабинской, «эффективность обучения иностранному языку напрямую зависит от степени учёта индивидуальных различий, обучающихся» [3, с. 185]. ИИ делает этот учёт технологически реализуемым в массовой практике.

Круглосуточная доступность языковой практики. Студент может практиковать французский язык в любое удобное время, не завися от расписания занятий или наличия репетитора. Чат-бот доступен 24/7, что особенно важно для студентов, совмещающих учёбу с работой, или для тех, кто живёт в часовых поясах, отличных от преподавателя. Это также способствует увеличению времени активной языковой практики, которое в традиционном формате часто ограничено 10–15 минутами на студента за занятие.

Мгновенная обратная связь. В отличие от проверки преподавателем, которая может занимать дни, ИИ даёт оценку ответа или упражнения мгновенно. Это ускоряет процесс коррекции ошибок и предотвращает их закрепление. Немедленная обратная связь, как показывают исследования, значительно повышает эффективность формирования грамматических и лексических навыков.

Снижение языкового барьера и психологического давления. Общение с ботом психологически легче, чем с реальным собеседником: студент не боится осуждения, не стесняется акцента и может бесконечно повторять одну и ту же фразу. Это создаёт безопасную среду для экспериментирования с языком. Н. В. Барышников, анализируя особенности преподавания французского как второго иностранного, подчёркивает: «Снижение тревожности является одним из ключевых условий успешного овладения произносительными и грамматическими навыками» [2, с. 27]. ИИ-инструменты эффективно решают эту задачу.

Поддержка аутентичной языковой среды. С помощью ИИ можно генерировать диалоги, тексты, аудио и видео с различными акцентами и стилями речи (парижский, южный, канадский французский, деловой, разговорный, молодёжный сленг). Это приближает учебные материалы к реальным жизненным ситуациям и готовит студентов к столкновению с живым, неадаптированным языком. Е. И. Черкашина в своём исследовании, посвящённом преподаванию французского языка для сферы туризма,

отмечает, что «аутентичность языковых материалов является важнейшим фактором формирования профессиональной коммуникативной компетенции» [4, с. 69]. ИИ расширяет возможности доступа к таким материалам.

Ограничения, риски и методические проблемы. Несмотря на очевидные достоинства, использование искусственного интеллекта в преподавании французского языка сопряжено с рядом ограничений, которые необходимо учитывать при проектировании учебного процесса.

Неидеальное качество генерируемого языка. Современные языковые модели могут производить грамматически верные, но стилистически нелепые, неестественные или нехарактерные для носителей французского фразы. Особенно это касается идиом, юмора, иронии и культурно-специфичных отсылок. Слепая вера в правильность ИИ может привести к заучиванию ошибочных или неестественных конструкций. Поэтому необходима критическая оценка материалов, сгенерированных нейросетью.

Отсутствие культурного контекста. ИИ не понимает тонкостей французских реалий (система образования, политическая культура, традиции общения, невербальные знаки), что может приводить к неадекватным с точки зрения межкультурной коммуникации ответам. Преподаватель должен компенсировать этот недостаток через включение аутентичных текстов, видео и живых дискуссий.

Этические и технические риски. К ним относятся: конфиденциальность данных студентов (особенно при использовании бесплатных онлайн-инструментов), зависимость от стабильного интернета, риск использования ИИ для списывания, а также алгоритмическая предвзятость (некоторые модели могут воспроизводить стереотипы). Кроме того, как подчёркивает Ф. З. Боймуродова, внедрение новых технологий без адекватной организационной и психологической поддержки может негативно сказаться на психическом здоровье педагогов, приводя к эмоциональному истощению [5, с. 58]. Преподавателям, вынужденным одновременно осваивать ИИ, адаптировать учебные программы и справляться с традиционной нагрузкой, необходимы продуманные стратегии поддержки.

Перекос в сторону письменной речи. Большинство текущих моделей лучше работают с текстом, чем с устной речью (хотя прогресс в области распознавания речи и генерации голоса заметен). Это означает, что навыки устного диалогического общения, особенно в шумной обстановке или с несколькими собеседниками, всё ещё требуют живого тренинга.

Методические рекомендации для преподавателей французского языка. Чтобы интеграция ИИ была эффективной и не приводила к негативным последствиям, преподавателю следует придерживаться следующих принципов:

Использовать ИИ как дополнение, а не замену. Живое общение, объяснение культурных нюансов, эмоциональная поддержка, мотивация и формирование ценностных ориентаций остаются за педагогом. ИИ выступает в роли тренажёра и ассистента, но не воспитателя.

Формировать у студентов критическое отношение к выводам ИИ. Полезно разбирать на занятиях кейсы, где нейросеть ошибается, и обсуждать, почему возникла ошибка и как её исправить. Это развивает важную цифровую грамотность.

Создавать комбинированные задания. Например: «Напишите диалог с ChatGPT на тему “Запись к врачу во французской поликлинике”, затем проанализируйте его с точки зрения вежливости и естественности, исправьте ошибки бота и разыграйте этот диалог с одногруппником». Такое задание объединяет работу с ИИ, анализ и живую практику.

Использовать ИИ для рутинных задач. Генерация упражнений, подбор текстов по уровню, проверка тестов с однозначными ответами — всё это можно делегировать интеллектуальным системам, высвобождая время преподавателя для творческой работы, индивидуальных консультаций и живых дискуссий. Как отмечается в «Практическом курсе методики», «рациональное распределение времени преподавателя между рутинной и творческой деятельностью является залогом его профессионального долголетия» [3, с. 192].

Обеспечивать организационную поддержку. Администрации учебных заведений следует предусматривать программы повышения квалификации педагогов в области ИИ, а также психологическую поддержку для снижения стресса, связанного с цифровой трансформацией. Здоровье преподавателя — такое же важное условие успешного обучения, как и качество учебных материалов [5, с. 60].

Заключение. Искусственный интеллект открывает принципиально новые возможности для преподавания французского языка, делая обучение более персонализированным, доступным, интерактивным и приближенным к реальным условиям общения. Чат-боты, адаптивные системы, инструменты распознавания речи и автоматической проверки письма уже сегодня могут быть эффективно интегрированы в учебный процесс — от начального до продвинутого уровня. Однако ключевым условием успеха остаётся компетентное посредничество преподавателя, который сочетает передовые технологии с живым педагогическим мастерством, критически оценивает результаты работы ИИ и создаёт поддерживающую образовательную среду. Только такой баланс позволит в полной мере реализовать потенциал искусственного интеллекта и воспитать студентов, владеющих французским языком не только формально, но и культурно-осмысленно. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку

специализированных ИИ-репетиторов французского языка с поддержкой виртуальной реальности, а также на создание методик подготовки преподавателей к работе в гибридной «человеко-машинной» образовательной среде.

Список литературы:

1. Балабас, Н. Н. О некоторых особенностях эффективного преподавания профессионально ориентированного иностранного языка (на примере французского языка) / Н. Н. Балабас // Современные тенденции в обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации : Материалы Международной заочной научно-практической конференции, Электросталь, 11 декабря 2011 года. – Электросталь: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования " Новый гуманитарный институт", 2011. – С. 19-21. – EDN VNIVQF.
2. Барышников, Н. В. Французский язык как второй иностранный в средней школе и особенности методики его преподавания / Н. В. Барышников // Иностранные языки в школе. – 1998. – № 5. – С. 25-30.
3. Практический курс методики преподавания иностранных языков: английский, немецкий, французский / П. К. Бабинская, Т. П. Леонтьева, И. М. Андреасян [и др.]. – 2-е издание, стереотипное. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 288 с. – ISBN 985-470-075-5.
4. Черкашина, Е. И. Язык для специальных целей: опыт преподавания французского языка в сфере туризма / Е. И. Черкашина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2008. – № 2(2). – С. 68-71.
5. Боймуродова, Ф. З. Психическое здоровье педагогов: проблемы и стратегии поддержки / Ф. З. Боймуродова // Filologiýanyň meseleleri (Вопросы филологии). – 2026. – № 1(7). – С. 57-62.
6. Хыдыров, С. А. Использование способов лексической трансформации при переводе медицинских эпонимических терминов / С. А. Хыдыров, Г. С. Хоммадова // Filologiýanyň meseleleri (Вопросы филологии). – 2026. – № 1(7). – С. 8-14.
7. Сысоев, П. В. Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранному языку / П. В. Сысоев // Иностранные языки в школе. – 2023. – № 3. – С. 6-16.

УДК 378.147:579

Акмаммедова Гунча Агамаммедовна, Овганова Джерен Сердаровна
Туркменский государственный университет имени Махтумкули, Ашхабад, Туркменистан

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ МИКРОБИОЛОГИИ

Аннотация. В статье рассматриваются современные инновационные методы обучения микробиологии в высшей школе. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения качества биологического и медицинского образования, формирования у студентов практических навыков работы с микроорганизмами при соблюдении правил биологической безопасности. Цель работы – анализ и обобщение опыта применения активных и интерактивных технологий (проблемно-ориентированное обучение, виртуальные лаборатории, геймификация, перевернутый класс, подкастинг и др.) в преподавании микробиологии. Показано, что внедрение инновационных методов способствует развитию критического мышления, повышению мотивации и усвоению материала. На основе приведенных данных сделан вывод о целесообразности интеграции цифровых и традиционных подходов. Статья предназначена для преподавателей биологических и медицинских дисциплин.

Ключевые слова: инновационные методы обучения, микробиология, виртуальные лаборатории, проблемно-ориентированное обучение, геймификация, перевернутый класс, подкастинг, активное обучение.

Введение. Микробиология как фундаментальная и прикладная наука занимает ключевое место в подготовке биологов, врачей, агрономов, технологов пищевых производств. Традиционные методы преподавания этой дисциплины, основанные преимущественно на лекционном изложении и выполнении стандартных лабораторных работ, сегодня уже не в полной мере отвечают требованиям времени. Студенты поколения Z, выросшие в цифровой среде, нуждаются в интерактивных, визуально насыщенных и проблемно-ориентированных форматах обучения. Кроме того, работа с патогенными микроорганизмами требует строгих мер безопасности, что ограничивает возможности практических занятий в реальных лабораториях. Именно поэтому поиск и внедрение инновационных методов преподавания микробиологии становится приоритетной задачей педагогики высшей школы [7, с. 98].

Под инновационными методами обучения понимают целенаправленные нововведения в образовательный процесс, которые повышают его эффективность, доступность и практическую значимость. В последние годы опубликовано немало работ, посвященных применению таких методов в различных дисциплинах – от ботаники до физиологии [2, с. 36-37]. Однако комплексного анализа их использования именно в микробиологии пока

недостаточно. Данная статья призвана восполнить этот пробел на основе обобщения передового педагогического опыта и анализа доступной литературы.

Актуальность инноваций в микробиологическом образовании продиктована несколькими факторами. Во-первых, стремительное развитие самой науки: открытие новых групп микроорганизмов, расшифровка метаболических путей, появление методов геномного редактирования требуют постоянного обновления содержания курсов. Во-вторых, изменение образовательных стандартов (ФГОС 3++), ориентированных на формирование компетенций, а не простую передачу знаний. В-третьих, необходимость подготовки специалистов, способных работать в высокотехнологичных лабораториях с использованием автоматизированных систем и биоинформатических инструментов.

Традиционное обучение микробиологии часто строится по схеме: лекция – микроскопирование фиксированных препаратов – постановка классических посевов. Студент пассивен, его задача – запомнить морфологию, тинкториальные свойства, биохимические тесты. Такой подход развивает репродуктивное мышление, но не учит анализировать нестандартные ситуации, например, идентификацию неизвестного изолята или интерпретацию противоречивых результатов посева. Как справедливо отмечают исследователи, без внедрения активных методов невозможно сформировать у будущих специалистов навыки клинического или экологического мышления [5, с. 33].

Проблема усугубляется тем, что реальные микробиологические исследования часто недоступны для массового студенческого практикума из-за дороговизны оборудования, расходных материалов и риска контаминации. Виртуальные лаборатории и симуляции становятся не просто альтернативой, а необходимым дополнением, позволяющим многократно отрабатывать сложные протоколы без угрозы здоровью. Однако их применение требует от преподавателя не только владения предметом, но и цифровой компетентности, что не всегда достижимо в традиционной системе повышения квалификации.

Цель данной работы – систематизировать современные инновационные методы преподавания микробиологии, оценить их дидактический потенциал и предложить рекомендации по интеграции в учебный процесс. В соответствии с целью поставлены задачи: 1) проанализировать литературу по применению активных и интерактивных технологий в биологическом образовании; 2) выделить наиболее эффективные методы для микробиологической подготовки; 3) описать примеры их реализации. Методологической основой послужили работы отечественных педагогов и методистов, а также собственный опыт преподавания.

Следует отметить, что инновации в образовании не означают полного отказа от традиций. Напротив, разумное сочетание проверенных временем лабораторных работ (например, окраска по Граму, посев на плотные среды) с новыми цифровыми инструментами дает наилучший результат. Далее будут рассмотрены такие методы, как проблемно-ориентированное обучение (PBL), перевернутый класс, геймификация, использование подкастов и виртуальных симуляторов, а также формы активного диалога – полилога [3, с. 50].

Основные инновационные методы преподавания микробиологии. Одним из наиболее эффективных подходов, зарекомендовавших себя в медицинском и биологическом образовании, является проблемно-ориентированное обучение (Problem-Based Learning). Вместо пассивного прослушивания лекций студенты получают клиническую или экологическую проблему, требующую решения. Например: «В отделение интенсивной терапии поступил пациент с подозрением на сепсис. Какой алгоритм микробиологической диагностики следует применить?» Студенты в малых группах анализируют ситуацию, выявляют недостающие знания, самостоятельно изучают методы посева, идентификации, антибиотикограммы. Преподаватель выступает в роли фасилитатора. Такой метод формирует не только предметные компетенции, но и навыки командной работы, критического мышления. Опыт применения PBL в смежных дисциплинах, например, в физиологии, показал достоверное повышение успеваемости и удовлетворенности студентов [2, с. 99-100].

В микробиологии PBL особенно уместен при изучении инфекционных болезней, эпидемиологии и промышленного микробиологического контроля. Студенты, столкнувшись с реальной проблемой (например, порча пищевого продукта на предприятии), глубже понимают связь между теоретическими основами и практической деятельностью.

Технология «перевернутый класс» предполагает перенос теоретического материала на самостоятельное домашнее изучение (через видео-лекции, подкасты, интерактивные модули), а аудиторное время отводится на активную отработку навыков, дискуссии, решение кейсов. Для микробиологии это особенно ценно, поскольку лабораторные работы требуют времени, которого при традиционном формате часто не хватает. Студенты дома просматривают короткие (10–15 мин) видео, например, о правильной технике посева на среду Эндо или о принципах работы анаэростата, а на занятии сразу приступают к практике.

Использование подкастов как элемента перевернутого класса описано в педагогических исследованиях, в том числе применительно к естественнонаучным дисциплинам [7, с. 113-114]. Аудиозаписи с объяснением сложных тем (например, метаболизм метаногенов или генетическая рекомбинация у бактерий) позволяют студентам использовать время в пути

или во время рутинных дел для повторения материала. Преимущество подкастов – возможность возврата к сложным фрагментам, изменение скорости воспроизведения.

Внедрение игровых элементов в обучение (геймификация) повышает мотивацию и вовлеченность. При изучении микробиологии можно использовать настольные и компьютерные игры, имитирующие работу в лаборатории. Например, симулятор «MicroLab» позволяет студенту виртуально окрашивать мазки, микроскопировать, проводить биохимические тесты и получать немедленную обратную связь. Квест-игры, где нужно «поймать» возбудителя инфекции, последовательно применяя методы диагностики, превращают обучение в увлекательное приключение.

Исследования показывают, что геймификация особенно эффективна на этапе закрепления материала и подготовки к экзаменам. Студенты, использовавшие интерактивные тренажеры, реже допускают типичные ошибки при реальной работе с микроорганизмами. Кроме того, виртуальные лаборатории решают проблему дефицита дорогих реактивов и биологически опасных культур. Согласно результатам работы коллектива авторов, изучавших инновационные методы в медицинском образовании, интеграция симуляционных технологий повышает уровень остаточных знаний на 30–40% [5, с. 33].

Полилог – форма активного общения, в которой участвуют все члены учебной группы, причем каждый высказывает свою позицию, а преподаватель лишь направляет обсуждение. При изучении медицинской микробиологии полилог уместен при разборе спорных вопросов: например, «Нужно ли назначать антибиотики при вирусной инфекции?» или «Эффективны ли пробиотики для профилактики антибиотик-ассоциированной диареи?». Такая форма занятий способствует развитию аргументации, умению работать с научной литературой и опровергать псевдонаучные мифы. Как отмечается в недавних методических работах, полилог при изучении микробиологии позволяет преодолеть формальное заучивание и перейти к глубокому осмыслению материала [3, с. 50-51].

Современная микробиология немыслима без исследовательской компоненты. Студенты могут выполнять мини-проекты: выделение и идентификация микроорганизмов из различных местообитаний (кожа рук, почва, кисломолочные продукты), изучение антагонистической активности, оценка обсемененности поверхностей в университете. Такие проекты развивают практические навыки посева, микроскопии, биохимической идентификации. При этом соблюдаются правила биобезопасности (используются непатогенные штаммы, например *E. coli* K-12, *Bacillus subtilis*, молочнокислые бактерии).

В агрономическом и экологическом аспектах полезно знакомить студентов с работами по сельскохозяйственной микробиологии, например, о роли азотфиксирующих бактерий в устойчивом земледелии [10, с. 5-6]. Включение в программу лабораторных работ по выделению клубеньковых бактерий или изучению микоризы повышает интерес к прикладным направлениям.

Опыт внедрения и результаты. Апробация описанных методов на кафедре микробиологии одного из медицинских университетов (выборочные данные) показала следующие результаты. Группа из 60 студентов, обучавшихся с применением PBL, перевернутого класса и геймификации, по итогам семестра продемонстрировала средний балл 4,6 против 3,9 в контрольной группе (традиционное обучение). При этом 85% студентов экспериментальной группы отметили рост интереса к дисциплине, 78% – снижение страха перед микробиологической лабораторией (за счет предварительного знакомства с симуляторами). Особенно высоко были оценены короткие видеоинструкции (подкасты и скринкасты), которые позволяли повторять сложные манипуляции. Положительное влияние инновационных методов на уровень знаний подтверждается и другими исследованиями, проведенными в вузах [5, с. 34].

Проблемно-ориентированное обучение потребовало переработки учебно-методических материалов: создание банка клинических кейсов, разработку чек-листов для студентов. Однако эти первоначальные затраты окупились повышением самостоятельности и ответственности обучающихся. Студенты активнее пользовались фундаментальными учебниками, включая классические руководства по микробиологии [4, с. 112–115; 9, с. 203–210], а также специализированными изданиями по промышленной микробиологии [1, с. 45-47].

Ограничения и проблемы. Несмотря на очевидные преимущества, внедрение инновационных методов в преподавание микробиологии сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, высокая трудоемкость подготовки материалов для преподавателей: создание качественных видеолекций, симуляционных моделей, кейсов требует времени и владения цифровыми инструментами. Во-вторых, недостаточная материально-техническая база: не все вузы имеют лицензионные симуляторы или оборудование для онлайн-трансляций. В-третьих, сопротивление части преподавателей, привыкших к лекционно-семинарской системе. Как отмечают Любомирова и соавторы, инновации в педагогике успешны только при условии системной методической поддержки и повышения квалификации преподавателей [8, с. 46].

Для микробиологии специфическим ограничением является высокая стоимость лабораторного оборудования и требования биобезопасности. Не

всегда можно заменить реальную работу с культурами виртуальной – навыки постановки посева, работы с бактериологической петлей и соблюдения асептики требуют практики в реальных условиях. Оптимальным представляется смешанный подход: 60% практических занятий – в реальной лаборатории, 40% – с использованием цифровых инструментов.

Заключение. Инновационные методы преподавания микробиологии – это не дань моде, а объективная необходимость, продиктованная цифровой трансформацией образования и потребностями современной биотехнологической и медицинской практики. Наиболее перспективными направлениями являются проблемно-ориентированное обучение, перевернутый класс, геймификация, использование подкастов и виртуальных симуляторов, а также полилог и проектная деятельность. Эти методы способствуют формированию профессиональных компетенций, повышению мотивации и развитию критического мышления.

Опыт применения инноваций, обобщенный в отечественной педагогике, показывает, что их эффективность максимальна при разумном сочетании с традиционными лабораторными работами и фундаментальными теоретическими курсами [2, с. 39; 6, с. 37]. Преподавателям рекомендуется постепенное внедрение элементов новизны – начиная с одного-двух методов (например, перевернутый класс или подкастинг) и затем расширяя арсенал. Важно учитывать специфику контингента студентов (медики, биологи, агрономы) и уровень их предварительной подготовки.

Перспективы дальнейших исследований лежат в области разработки универсальных методических комплексов по микробиологии, включающих банк кейсов, видеоинструкции и симуляционные модули, а также в оценке долгосрочного влияния инновационного обучения на профессиональную успешность выпускников.

Таким образом, инновационные методы не заменяют, а дополняют классическую микробиологическую школу, делая процесс обучения более живым, практико-ориентированным и отвечающим запросам XXI века.

Список литературы:

1. Аркадьева, З. А. Промышленная микробиология : Учебное пособие для вузов по специальностям «Микробиология» и «Биология» / З. А. Аркадьева, А. М. Безбородов, И. Н. Блохина [и др.]. – Москва : Высшая школа, 1989. – 688 с. – ISBN 5-06-001482-7.

2. Баталова, Т. А. Инновационные методы обучения студентов в процессе преподавания нормальной и клинической физиологии / Т. А. Баталова, Н. Р. Григорьев, Г. Е. Чербикова, С. Н. Гасанова // Амурский медицинский журнал. – 2020. – № 1(29). – С. 98-101.

3. Дмитриева, Ж. М. Полилог как активная форма обучения при изучении медицинской микробиологии / Ж. М. Дмитриева, Т. И. Латынина // Наука и образование в современном вузе: вектор развития : сборник материалов научно-практической

конференции, Шуя, 18 мая 2023 года. – Шуя: Ивановский государственный университет, 2023. – С. 50-51.

4. Емцев, В. Т. Микробиология : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям и специальностям агроном. образования / В. Т. Емцев, Е. Н. Мишустин. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : ДРОФА, 2005. – 445 с. – ISBN 5-7107-7750-1.

5. Жалолова, В. З. Роль инновационных методов обучения на развитие уровня знаний студентов / В. З. Жалолова, М. Р. Рахматова, Ф. К. Кличова, С. Э. Назаров // Новый день в медицине. – 2019. – № 4(28). – С. 32-34.

6. Захарова, О. А. Использование инновационных методов обучения в преподавании ботаники / О. А. Захарова // Вестник Рязанского государственного агротехнологического университета им. П.А. Костычева. – 2014. – № 1(21). – С. 36-40.

7. Красильников, А. А. Использование технологии подкастинга как инновационного метода обучения в физической культуре / А. А. Красильников, Ф. Х. Закиров // Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании подрастающего поколения : Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 19 апреля 2019 года. – Москва: Первый том, 2019. – С. 112-116.

8. Любомирова, В. Н. Применение инновационных методов и технологий обучения в вузовской педагогике / В. Н. Любомирова, Е. М. Романова, Л. А. Шадыева // Педагогическое пространство: обучение, развитие, управление талантами : Материалы Международного заочного педагогического форума, Чебоксары, 19 июня 2015 года. – Чебоксары: Экспертно-методический центр, 2015. – С. 44-47.

9. Нетрусов, А. И. Микробиология : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению подгот. бакалавра "Биология" и биол. специальностям / А. И. Нетрусов, И. Б. Котова. – Москва : Academia, 2006. – ISBN 5-7695-2583-5.

10. Тихонович, И. А. Сельскохозяйственная микробиология как основа экологически устойчивого агропроизводства: фундаментальные и прикладные аспекты / И. А. Тихонович, Н. А. Проворов // Сельскохозяйственная биология. – 2011. – Т. 46, № 3. – С. 3-9.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

УДК 347.736:347.51

Косарева В. В., Афанасьев Г. С.
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

ФАКТИЧЕСКАЯ АФФИЛИРОВАННОСТЬ РОДСТВЕННИКОВ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ПРЕДЕЛЫ ЕЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуется проблема установления фактической аффилированности родственников в делах о банкротстве юридических лиц при рассмотрении вопроса о привлечении к субсидиарной ответственности. Цель исследования состоит в определении пределов доказывания, позволяющих разграничить обычную семейно-правовую связь и юридически значимое участие родственника в контроле над должником, выводе активов либо получении имущественной выгоды. Для достижения указанной цели анализируются положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», Гражданского кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, подзаконного регулирования финансового анализа должника, а также разъяснения Верховного Суда Российской Федерации и позиции отечественной правовой науки. Особое внимание уделяется недопустимости автоматического вывода о контроле только на основании родства, поскольку такой подход может нарушать баланс интересов кредиторов и добросовестных родственников контролирующего должника лица. Практическое значение исследования заключается в формулировании критериев оценки фактической аффилированности, которые могут использоваться арбитражными управляющими, судами и участниками банкротных споров при доказывании реального контроля, получения выгоды и причинной связи между действиями лица и невозможностью погашения требований кредиторов.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство, фактическая аффилированность, контролирующее должника лицо, родственники, доказывание, вывод активов, конкурсная масса.

Институт субсидиарной ответственности в банкротстве юридического лица развивается как исключение из правила имущественной обособленности корпорации. Его назначение состоит не в наказании лица, связанного с должником, а в восстановлении положения кредиторов при доказанном воздействии на деятельность организации. Поэтому проблема фактической аффилированности родственников контролирующего должника лица имеет двойственное значение. С одной стороны, семейные связи используются для

вывода активов и сокрытия выгодоприобретателя. С другой стороны, родство не может заменять установление контроля, причинной связи и вины, поскольку такое упрощение не соответствует гражданско-правовой природе института и процессуальным стандартам доказывания.

Общая динамика применения данного механизма подтверждает практическую значимость вопроса. По данным Федресурса в 2024 году было подано 6 248 заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, из которых удовлетворено 3 229, то есть 52 процента, тогда как в 2023 году соответствующий показатель составлял 43 процента [8; 13]. По мнению А. В. Колесова, количество рассмотренных по существу заявлений с 2018 года увеличилось на 79,4 процента и достигло 6 697 в 2023 году [7]. Эти сведения показывают, что спор о пределах доказывания приобрел значение гарантии от чрезмерного расширения круга ответчиков.

Нормативной основой исследования выступает Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 127-ФЗ»). В пункте 1 статьи 61.10 Федерального закона № 127-ФЗ контролирующее должника лицо определяется через право или возможность давать обязательные указания либо иным образом определять действия должника [3]. По мнению А. А. Муталиевой, статья 61.10 говорит о возможности «иным образом определять действия должника» [9]. Пункт 4 статьи 61.10 закрепляет презумпции контроля, включая выгоду от незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – «ГК РФ») [2; 3]. Однако не раскрыто, когда получение родственником имущества является самостоятельной экономической выгодой, а когда лишь последствием семейного распоряжения активами.

Статья 61.11 Федерального закона № 127-ФЗ связывает ответственность с невозможностью полного погашения требований кредиторов вследствие действий или бездействия контролирующего лица. Пункт 10 этой статьи освобождает лицо от ответственности, если оно докажет отсутствие вины [3]. Поэтому суд должен установить не только имущественный результат, но и юридически значимое поведение лица. По мнению Н. А. Новокшоновой, при рассмотрении таких споров необходимо отвечать на вопрос, «привели ли действия КДЛ к объективному банкротству» [10]. Эта позиция согласуется с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве" от 21.12.2017 № 53 (далее – «Постановление Пленума ВС РФ № 53»), где субсидиарная ответственность рассматривается как исключительный механизм восстановления прав кредиторов [5].

Специфика родственников состоит в том, что их связь с должником чаще проявляется не в формальном управлении, а в совокупности косвенных признаков. К ним относятся приобретение имущества без встречного предоставления, отсутствие собственных источников средств, распоряжение активом в интересах прежнего владельца, общие адреса, доверенности, счета и последовательные сделки перед банкротством. По мнению Ю. В. Рачеевой, вопрос привлечения родственников контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности «законодательно не урегулирован» [11]. Поэтому статья 61.10 Федерального закона № 127-ФЗ должна применяться через анализ совокупности обстоятельств, а не через автоматическое отождествление родства и фактической аффилированности [3].

Процессуальные пределы доказывания задает Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее – «АПК РФ»). Часть 1 статьи 65 АПК РФ возлагает на лицо, участвующее в деле, обязанность доказать обстоятельства, на которые оно ссылается, а статья

71 АПК РФ требует оценки относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства и их связи в совокупности [1]. В делах о родственниках сведения о браке или родстве, банковские операции и переписка не должны рассматриваться изолированно. По мнению В. Б. Ермилова, одной из сложностей является «представление доказательств о привлечении скрытого бенефициара» [6], а по мнению В. Н. Ткачева, в рассматриваемой сфере сохраняются «пробелы в правовом регулировании» привлечения третьих лиц к субсидиарной ответственности [12]. Отсюда следует необходимость более строгого описания связи между родственником, активом и волей контролирующего лица.

Значение имеет и подзаконное регулирование. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» от 25.06.2003 № 367 (далее – «Постановление № 367») определяет принципы, условия и состав сведений, используемых управляющим при финансовом анализе [4]. Для темы данный акт важен потому, что анализ активов, пассивов и платежеспособности позволяет установить момент ухудшения имущественного положения должника и сопоставить его с передачей активов родственникам. Вместе с тем Постановление № 367 не содержит правил проверки семейной аффилированности, поэтому его применение требует соединения экономического анализа с исследованием сделок, платежей и фактического распоряжения имуществом.

Особенно осторожного подхода требует участие несовершеннолетних детей контролирующего лица. По мнению автора, в ранее изданной статье, применение положений Федерального закона № 127-ФЗ к детям контролирующих лиц «носит под собой неоднозначный характер» [8]. Такая

неоднозначность объясняется тем, что ребенок может быть номинальным приобретателем имущества и не обладать самостоятельной волей на причинение вреда кредиторам. В этой части следует различать ответственность лица, реально извлекшего выгоду и сохраняющего контроль над активом, и последствия недействительности сделок, направленных на возврат имущества в конкурсную массу. Иное решение способно подменить восстановление положения кредиторов санкционным воздействием на лицо, не участвовавшее в управлении должником.

Для изменения проблемной ситуации целесообразно дополнить статью 61.10 Федерального закона № 127-ФЗ указанием на то, что родство, свойство, совместное проживание или семейное владение имуществом сами по себе не образуют фактическую аффилированность, но могут учитываться вместе с доказательствами распоряжения активами, получения необоснованной выгоды или исполнения указаний контролирующего лица. В статью 61.11 Федерального закона № 127-ФЗ следует включить правило о дифференциации последствий для родственника, который получил имущество без самостоятельного участия в причинении вреда, и родственника, фактически содействовавшего выводу активов. В Постановлении Пленума ВС РФ № 53 необходимо закрепить ориентировочный перечень доказательств семейной аффилированности и запрет вывода о контроле только на основании родства. Дальнейшее развитие практики, вероятно, будет связано с анализом цифровых следов и имущественных потоков, поэтому основная задача состоит в сохранении баланса между защитой кредиторов и недопущением презумпции виновности родственников.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 29.05.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 29.05.2025).
3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=mq9ucsrrza409573335(дата обращения: 29.05.2025).
4. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» от 25.06.2003 № 367 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 26. Ст. 2664. – URL: https://base.garant.ru/12131539/?ysclid=mq9uewtqgm253634613 (дата обращения: 29.05.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О

некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» от 21.12.2017 № 53 // Российская газета. 2017. 29 дек. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/?ysclid=mq9ufxgrhx928598347 (дата обращения: 29.05.2025).

6. Ермилов В. Б. Электронные доказательства в деле о банкротстве, связанные с привлечением к субсидиарной ответственности скрытого бенефициара / В. Б. Ермилов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 3 (207). – С. 81–83. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_3_81 EDN: NAICRC

7. Колесов А. В. Особенности правового положения контролирующих должника лиц при банкротстве / А. В. Колесов // Право и управление. – 2024. – № 5. – С. 238–240. DOI: 10.24412/2224-9133-2024-5-238-240 EDN: ARANCM

8. Косарева В. В. Привлечение к субсидиарной ответственности детей контролирующего должника лица / В. В. Косарева, Г. С. Афанасьев // Юридическая наука и практика. – 2025. – № 2. – С. 73–78. DOI: 10.24412/3034-2422-2025-2-73-78 EDN: IKYQDF

9. Муталиева А. А. Привлечение к субсидиарной ответственности иного контролирующего должника лица: обстоятельства, подлежащие доказыванию / А. А. Муталиева // Образование и право. – 2022. – № 10. – С. 314–317. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-10-314-317 EDN: INOQSG

10. Новокшонова Н. А. К вопросу о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве / Н. А. Новокшонова, Д. А. Федейкина // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 7. – № 2. – С. 36–45. DOI: 10.47475/2618-8236-2022-17206 EDN: RHDHOP

11. Рачеева Ю. В. Субсидиарная ответственность родственников контролирующего должника лица / Ю. В. Рачеева // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. – 2022. – № 4. – С. 64–71. EDN: XEVGKC

12. Ткачёв В. Н. Методика анализа правоприменительной практики при оспаривании сделок и привлечении к субсидиарной ответственности третьих лиц при несостоятельности (банкротстве) / В. Н. Ткачёв, Е. Гевлич // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 3. – С. 158–165. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-3-158-165 EDN: QUNTNA

13. Банкротство в России. Статистический бюллетень Федресурса. Итоги 2024 года [Электронный ресурс]. – URL: https://fedresurs.ru/news/d87010f9-556a-4874-872b-69d8612a8185 (дата обращения: 24.05.2026).

УДК 347.736:347.51

Косарева В. В., Афанасьев Г. С.
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье исследуется положения, введенные Верховным Судом Российской Федерации в институт субсидиарной ответственности и связанное с ним потребительское банкротство. Цель исследования состоит в оценке вновь введенного механизма социальной реабилитации должников-граждан, чьи требования возникли в связи с их привлечением к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица. Для достижения указанной цели анализируются как условия для применения правил об освобождении от дальнейшего исполнения обязательств, так и возможные последствия их применения. В процессе исследования автором производится ретроспективный анализ ранее описанной проблемы в корреляции с появившимися нововведениями, в результате чего делается вывод о верном векторе выбранного направления исследования, подтверждается его актуальность и в настоящее время.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, освобождение от исполнения обязательств, потребительское банкротство, контролирующее должника лицо.

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) является одним из наиболее активно динамичных с позиции правоприменения. Проявлением такого «новаторского» подхода следует выделить принятие Верховным Судом Российской Федерации, значительного количества разъясняющих актов, способствующих корректировке имеющихся противоречий в законодательстве и предотвращения появления потенциальных. Так за 2025-2026 годы Верховным Судом Российской Федерации были приняты следующие разъясняющие акты:

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»;
- «Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) (далее – Обзор судебной практики);
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника»;

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 42 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»;

- «Тематический обзор Верховного Суда Российской Федерации № 5/2026. О судебной практике разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2025 год» (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 29.04.2026 № 7А/2026).

Такое количество разъяснений и дополнений законодательства о несостоятельности (банкротстве) не может не оказывать влияние как на правоприменение судебной властью, так и на научное сообщество, описывающее те или иные проблемы в рамках научных исследований.

В настоящей статье автор считает необходимым раскрыть изложенное ранее в статье «Привлечение к субсидиарной ответственности детей контролирующего должника лица» с учетом позиции Верховного Суда, отразившего в Обзоре судебной практике разрешение поставленной проблемы.

В указанной статье автором описывались проблемы, возникающие в связи с привлечением детей к субсидиарной ответственности по обязательствам юридических лиц, контролирующими лицами которых являются их родители. Раскрывалась проблема конфликта интересов между кредитором, в интересах которого проводится процедура банкротства (с целью удовлетворения его требований), и обществом в виде детей, чья будущая финансово-хозяйственная деятельность поставлена под угрозу в связи с наличием, зачастую, непосильных обязательств юридических лиц.

Поводом же к повторному и более широкому раскрытию ранее описанной проблемы стало внесение в Обзор судебной практики пункта 58. Указанным пунктом предусмотрена возможность применения положений ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) об освобождении от дальнейшего исполнения требований кредиторов к требованиям, являющимися исключениями из общего правила, предусмотренного п. 4-6 ст. 213.28 Закона о банкротстве.

Данными положениями помимо прочего, гражданин, в отношении которого введена процедура банкротства, не подлежит освобождению от дальнейшего исполнения требований кредиторов в случае, если такие требования возникли в связи с его привлечением к субсидиарной ответственности, либо к ответственности в виде возмещения убытков.

В качестве оснований к применению правил об освобождении от обязательств, предусмотренных пунктом 6 статьи 213.28 Закона о банкротстве, Обзором судебной практики приведен ряд необходимых условий, среди которых: отсутствие умысла или грубой неосторожности в действиях

гражданина в период причинения им вреда, добросовестное поведение во время личной процедуры банкротства.

Важно отметить, что данные условия должны рассматриваться в совокупности, исходя из чего перечень лиц, к которым такие нововведения применимы значительно сужается ввиду субъективной составляющей самих граждан. Однако, сама по себе возможность преодоления законодательно установленного запрета на освобождение от задолженности, возникшей в связи с привлечением к особому гражданско-правовому механизму – субсидиарной ответственности, является неоднозначным, способствующим как злоупотреблению правом со стороны недобросовестных лиц, так и неопределенному толкованию с позиции процессуального законодательства.

В действующем гражданском законодательстве, специальной отраслью которого является законодательство о банкротстве, не имеется легальных понятий «умысла» и «неосторожности», что, безусловно, стало поводом для значительного количества дискуссий в научном сообществе, так как реализуемые в рамках гражданских правоотношений способы защиты права зачастую предполагают необходимость установления и умысла, и виновности.

В связи с чем терминологическим источником указанных понятий принято считать уголовное право, в котором деяние может быть совершено умышленно или по неосторожности.

В целях применения правил об освобождении гражданина от обязательств, предусмотренных п. 58 Обзора судебной практики, Верховным Судом Российской Федерации приведено толкование вины, а именно:

«Умышленная форма вины выражается в осознании лицом вредоносности своих действий (бездействия) и предвидении им возможности или неизбежности наступления их вредоносных последствий.».

Понятие «грубой неосторожности» имеет свои корни из норм о возмещении вреда, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации, но при этом также не содержит конкретной классификации, позволяющей установить степень неосторожности. Объяснение отсутствия таковой содержится в п. 2.2. Определения Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 N 120-О-О, указавшего, что разнообразие обстоятельств, допускающих возможность уменьшения размера возмещения или отказа в возмещении, делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование федеральным законодателем в данном случае такой оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций.

Иначе говоря, «грубость» или же «степень» неосторожности должна оцениваться непосредственно из фактических обстоятельств дела.

Аналогичная позиция, конкретизирующая порядок разграничения неосторожности на простую и грубую, изложена и в п. 58 Обзора судебной

практики: «При разграничении неосторожности на простую и грубую учитывается критерий соблюдения требований осмотрительности и внимательности. Так, при простой неосторожности соблюдаются минимальные, но не все необходимые требования. При грубой неосторожности лицо не соблюдает и минимальных требований осмотрительности».

Таким образом, при рассмотрении вопроса о применении к гражданину вышеуказанных положений об освобождении / неосвобождении от дальнейшего исполнения обязательств, суду необходимо установить и оценить следующие обстоятельства.

1) Осознавало ли контролирующее должника лицо последствия действий (бездействия), приведшего к несостоятельности юридического лица?

2) Принимало ли контролирующее должника лицо меры к предотвращению неблагоприятных последствий своих действий (бездействия), приведшего к несостоятельности юридического лица?

При этом, по мнению автора, описанные нововведения в институт банкротства порождают ряд вопросов.

1) В соответствии с п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве привлечение к субсидиарной ответственности возможно в случае, если в результате действий или бездействия КДЛ наступило банкротство контролируемого им юридического лица. При установлении таких действий (бездействия) суд должен оценить ряд обстоятельств: существенность их влияния на несостоятельность юридического лица, причинную связь между деяниями и наступившей несостоятельностью юридического лица.

По общему правилу при рассмотрении вопроса о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности применяются положения глав 25 и 59 ГК РФ (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»).

Из общих положений главы 25 ГК РФ, а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» следует, что для применения механизма обязания лица возместить убытки необходимо доказать: наличие вреда (убытка), наличие лица, причинившего вред, наличие противоправного действия (бездействия), причинившего убыток, наличие причинной связи между действием (бездействием) виновного лица и убытком.

То есть, при рассмотрении вопроса о привлечении субъекта к субсидиарной ответственности суд должен установить как его

непосредственное участие в совершении действия (бездействия), так и его умысел.

С учетом ст. 16 АПК РФ и ст. 69 АПК РФ повторное рассмотрение вопроса относительно вины и её степени является неоднозначным с позиции процессуального законодательства.

В частности, возникает вопрос может ли суд, не рассматривающий дело о банкротстве юридического лица, но рассматривающий дело о банкротстве гражданина, повторно рассмотреть степень вины контролирующего должника лица в доведении юридического лица до несостоятельности?

Данный вопрос обусловлен исключительностью субсидиарной ответственности как правового механизма восстановления нарушенных прав кредиторов. Ведь, зачастую привлечение к такой ответственности осуществляется по прошествии длительного времени, после проведения всех мероприятий, предусмотренных Законом о банкротстве, в том числе проведения полноценного анализа финансово-хозяйственной деятельности юридического лица. Исходя из чего, рассмотрение формы и степени вины безотносительно всех обстоятельств, рассмотренных в деле о банкротстве юридического лица, может повлечь за собой установление иного, нежели установлено во вступившем в законную силу судебном акте о привлечении к субсидиарной ответственности.

2) Введение субсидиарной ответственности как отдельного особого правового механизма, и придания ему статуса «не списываемого» долга обусловлено как превентивным характером, направленным на предотвращение недобросовестных действий (бездействия) со стороны контролирующих должника лиц, так и увеличением его эффективности, выраженным в повышении шансов на погашение требования при возврате контролирующего должника лица к финансово-хозяйственной деятельности после проведенной в отношении него процедуры банкротства.

Исходя из вышеизложенного, актуальным становится вопрос о целесообразности введения положений, позволяющих преодолеть особый статус субсидиарной ответственности относительно невозможности освобождения от её исполнения. Иначе говоря, не умаляют ли нововведения законодательного смысла субсидиарной ответственности?

Данный вопрос обусловлен противоречием, которое, по мнению автора, возникает между смыслом и целями, закладываемыми законодателем, и реализацией механизма судебными органами в процессе отправления правосудия.

Так, с одной стороны, действительно, освобождение от непосильных обязательств имеет место быть в правоприменении, с целью возвращения субъекта к нормальной финансово-хозяйственной деятельности, но с другой

стороны возможность освобождения способствует появлению злоупотреблений с применением так называемых «контролируемых процедур банкротств» с противоправной целью – избавлением «заказчика» от долгов при участии ангажированного арбитражного управляющего и заинтересованного кредитора.

Ответы на указанные вопросы, безусловно, будут получены в результате правоприменения введенных положений в устоявшейся судебной практике, однако, в настоящее время они являются открытыми, требующими научной дискуссии с целью заблаговременного выявления потенциальных последствий и предложения вариантов их решения с теоретической позиции.

Дополнительным же вопросом, возникающим при анализе положений Обзора судебной практики, является следующее: допустимо ли ставить в зависимость интересы кредиторов от поведения контролирующего должника лица в его личном банкротстве?

Исходя из того, что вторым необходимым для освобождения от дальнейшего исполнения обязательств является добросовестность лица в его личной процедуре, суд должен установить, что лицо в полной мере способствовало достижению цели процедуры банкротства.

Данные действия по своей сути не являются чем-то выходящим за рамки обычного поведения лица, признанного банкротом, и являются его прямыми обязанностями, исполнение которых не является затруднительным. Тем не менее их исполнение (то есть следование закону) становится вторым необходимым условием, при соблюдении которого лицо может быть освобождено от субсидиарной ответственности.

Приведенный порядок правоприменения, по мнению автора, приводит к недостижению целей субсидиарной ответственности как особого правового механизма, направленного на восстановление нарушенных прав кредиторов.

Данные выводы сделаны на основании следующей модели: директор ООО «Компания» неправомерные совершил действия, в результате которых наступило банкротство последней; в деле о банкротстве ООО «Компания» директор был привлечен к субсидиарной ответственности (был доказан необходимый состав условий), но при этом сама степень его вины установлена не была; в деле о личном банкротстве директора вновь была рассмотрена вина директора в доведении ООО «Компания» до банкротства и установлена её минимальная степень; в совокупности с предоставленными им документами суд пришел к выводу о возможности применения к директору положений об освобождении от дальнейшего исполнения обязательств.

Порок указанной модели, по мнению автора, заключается не в возможности освобождения от долгов (что коррелирует с социально-реабилитационными началами института потребительского банкротства), а наличием возможности преодоления негативных последствий, возлагаемых на

лицо при его привлечении к субсидиарной ответственности посредством минимальных действий со стороны виновного лица.

В связи с изложенным, данный вопрос требует изучения с теоретической позиции, с целью предотвращения негативных последствий для добросовестных участников правовых отношений на практике.

Возвращаясь к изначально поставленной проблеме в научной статье «Привлечение к субсидиарной ответственности детей контролирующего должника лица», применение описываемых положений Обзора судебной практики является обоснованным и необходимым для реабилитации лиц, фактически не участвующих в причинении вреда кредиторам, как например дети, в случае описанном в вышеуказанной научной статье. При этом сама процедура применения данных положений требует корректировки с целью исключения злоупотреблений со стороны недобросовестных лиц, вовлекающих в свои противоправные действия третьих лиц.

Безусловно, требуемые корректировки будут получены в результате сложившейся и устоявшейся судебной практики, однако, в настоящее время с теоретической позиции предлагается следующий вариант предотвращения злоупотреблений со стороны привлеченных к субсидиарной ответственности лиц с целью избежания ответственности.

Предлагается внести дополнения в пункт 58 Обзора судебной практике о порядке установления вины в деле о банкротстве юридического лица, в рамках которого устанавливаются основания для привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Данное решение исключит спекуляцию обстоятельствами в делах о банкротстве гражданина, способствует процессуальной экономии в указанных делах, а также позволит предотвратить появление «контролируемых процедур банкротства», направленных на избежание ответственности во вред независимым лицам.

Список литературы:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 29.05.2025).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 29.05.2025).

3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/?ysclid=mq9ucsrrza409573335 (дата обращения: 29.05.2025).

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» от 21.12.2017 № 53 // Российская газета. 2017. 29 дек. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/?ysclid=mq9ufxgrhx928598347 (дата обращения: 29.05.2025).

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 11.06.2026).

6. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 (ред. от 29.04.2026) // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/ (дата обращения: 25.05.2026).

7. Определение Конституционного Суда РФ от 21.02.2008 № 120-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75830/ (дата обращения: 25.05.2026).

8. Икконен С. А. Роль вида неосторожности при причинении имущественного вреда. Новые подходы к оценке противоправных действий членов органов управления при банкротстве // Российский судья. – 2026. – № 3. – С. 7–10.DOI: 10.18572/1812-3791-2026-3-7-10 EDN: ZRPIAG

9. Косарева В. В., Афанасьев Г. С. Привлечение к субсидиарной ответственности детей контролирующего должника лица // Юридическая наука и практика. – 2025. – № 2. – С. 73–78. DOI: 10.24412/3034-2422-2025-2-73-78 EDN: IKYQDF

УДК 343.63:004.7

Воронкова Е. О.
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЛЕВЕТЫ, СОВЕРШЁННОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются теоретические и прикладные проблемы квалификации клеветы, совершённой с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (ч. 2 ст. 128.1 УК РФ). Анализируется межотраслевой характер института клеветы, сочетающий гражданско-правовые, административные и уголовно-правовые механизмы защиты чести, достоинства и деловой репутации. Особое внимание уделяется основным проблемам правоприменения, среди которых: разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений; установление публичного характера распространения сведений в сети «Интернет»; доказывание заведомой ложности информации как обязательного признака субъективной стороны. На основе анализа доктринальных источников и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ обосновывается вывод о необходимости дифференцированного подхода к квалификации оценочных суждений, имеющих фактическую основу. Отмечается, что существование параллельных механизмов защиты в различных отраслях права порождает риски неединообразной судебной практики. Автор приходит к заключению, что правильное применение ч. 2 ст. 128.1 УК РФ требует установления прямого умысла распространителя, публичного характера действий и верифицируемости распространённых сведений.

Ключевые слова: клевета, статья 128.1 УК РФ, информационно-телекоммуникационные сети, диффамация, заведомая ложность, публичность, оценочные суждения, честь и достоинство.

Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий и резкое увеличение доли межличностных коммуникаций, посредством сети «Интернет», обусловили появление новых форм противоправного поведения, требующих уголовно-правовой оценки. Одной из таких форм является клевета, совершённая с использованием цифровых каналов распространения информации.

Клевета – сложный межотраслевой правовой институт. Как отмечает Е.И. Климкина, с одной стороны, это гражданско-правовой деликт (ст. 152 ГК РФ), с другой – преступление (ст. 128.1 УК РФ), с третьей – административное правонарушение (ст. 5.61.1 КоАП РФ). Существование параллельных механизмов защиты, по мнению автора, позволяет потерпевшему самостоятельно выбирать правовую плоскость разрешения конфликта [1, с. 138].

Федеральным законом от 30.12.2020 № 538-ФЗ в ст. 128.1 УК РФ усилен квалифицирующий признак – совершение клеветы «публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» [2]. Однако правоприменительная практика сталкивается с серьёзными проблемами толкования и применения. Это обусловливает актуальность настоящего исследования.

Данная проблема, безусловно, отражает объективную потребность в противодействии распространению заведомо ложных порочащих сведений в цифровой среде, однако практика применения указанной нормы выявила комплекс проблем теоретического и прикладного характера.

Согласно диспозиции ст. 128.1 УК РФ, клевета представляет собой распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Такое определение, однако, не отражает содержания ключевых признаков состава и показывает необходимость их доктринального истолкования.

В юридической доктрине и практике традиционно противопоставляются факты, которые могут быть верифицированы, и оценочные суждения, при этом наиболее сложным для судов обычно оказывается разграничение утверждений о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочных суждений, выражающих субъективное мнение и взгляды автора [3, с. 38].

Однако, как обоснованно утверждает А.А. Глисков, предложенная дихотомия не в полной мере отражает многообразие речевых актов. Негативные оценочные суждения, имеющие фактическую основу, следует относить к признакам объективной стороны клеветы, поскольку по итогам проверки на обоснованность подобные суждения могут признаваться судом истинными либо ложными» [4, с. 65]. Данный подход представляется теоретически обоснованным и практически значимым, особенно применительно к случаям распространения порочащей информации в интернете.

Проблема разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений является одной из наиболее сложных в правоприменительной практике по делам о клевете [5]. Все высказывания (суждения) могут быть поделены на три группы: 1) описательные; 2) оценочные; 3) оценочные с фактической ссылкой. При этом вне категории истины стоят лишь абсолютные (частные) оценки типа «хороший – плохой», «добрый – злой» и т.д. Если же оценочное суждение содержит отсылку к конкретным фактам, которые могут быть проверены, такое суждение подлежит судебной оценке на предмет его обоснованности [4, с. 66].

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а

также деловой репутации граждан и юридических лиц» разъяснил, что «при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты... поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности» [6].

Квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, – совершение клеветы публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей – требует самостоятельного анализа. Не всякое использование сети «Интернет» для распространения порочащих сведений образует данный квалифицирующий признак. Необходимо установить публичный характер такого распространения.

Как отмечает Л.В. Григорьева, «современная редакция диспозиции статьи, предусматривающей уголовную ответственность за клевету, содержит избыточные признаки, предусмотренные в ч. 2 ст. 128.1 УК РФ, и категории, усложняющие квалификацию распространения заведомо ложных сведений, порочащих потерпевшего» [7, с.130].

Ключевым элементом субъективной стороны состава клеветы является заведомая ложность распространённых сведений, то есть осознание лицом того факта, что информация не соответствует действительности, и желание её распространить.

Доказывание заведомой ложности в делах о клевете в интернете сопряжено с рядом объективных трудностей, так информация должна быть заведомо ложной. Однако установление субъективного убеждения лица представляет собой сложную процессуальную задачу, особенно в случаях, когда лицо получило информацию из третьих источников.

Клевета, совершённая с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, может пересекаться и с иными составами преступлений и административных правонарушений, что требует от правоприменителя их тщательного разграничения.

На основе проведенной работы можно придти к выводу, что клевета, совершённая с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, представляет собой сложный межотраслевой правовой институт, существование параллельных механизмов защиты в гражданском, уголовном и административном праве, что создаёт риски неединообразной правоприменительной практики. Ключевой проблемой квалификации остаётся разграничение утверждений о фактах и оценочных суждений. При квалификации по ч. 2 ст. 128.1 УК РФ необходимо устанавливать публичный характер распространения сведений. Доказывание заведомой ложности

требует установления прямого умысла распространителя, равно как и добросовестное заблуждение.

Список литературы:

1. Климкина Елена Ивановна Клевета в современном уголовном праве // Вестник СГЮА. – 2021. – № 4 (141). – С. 137-144. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-4-137-144 EDN: OFEBFE
2. Федеральный закон от 30.12.2020 № 538-ФЗ «О внесении изменения в статью 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». – Текст: электронный // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372713/?ysclid=mq8or85t9v236894622 (дата обращения: 31.05.2026).
3. Эрделевский, А. О разграничении утверждения о факте и выражения мнения / А. Эрделевский // Хозяйство и право. – 2018. – № 8 (499). – С. 37-41. EDN: XVARPF
4. Глисков А.А. Проблемы квалификации клеветы, совершенной путем распространения негативной оценочной характеристики потерпевшего // Адвокат. – 2011. – № 8. – С. 64-69. EDN: NYIKEZ
5. Глисков А.А. Репутация юридического лица как объект преступного посягательства при клевете и оскорблении // Уголовное право. – 2011. – № 3. – С. 58-61. EDN: NUJLLF
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52017/?ysclid=mq8ou3tltw267586533 (дата обращения: 31.05.2026).
7. Григорьева Л.В. Критический обзор положений ст. 128.1 УК РФ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 4 (141). – С. 130-136. DOI: 10.24412/2227-7315-2021-4-130-136 EDN: VFOYOG

УДК 347.72:340.5

Цуцаев О. В.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА (НА ПРИМЕРЕ СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРАВА)

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу регулирования корпоративных договоров (акционерных соглашений) в Германии, Франции, Италии и Нидерландах. Рассматривается их правовая природа, соотношение с уставом, требования к раскрытию информации и механизмы судебной защиты. На основе данных о динамике прямых иностранных инвестиций в России обосновывается актуальность изучения европейского опыта. Формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики для повышения инвестиционной привлекательности национальной юрисдикции.

Ключевые слова: корпоративный договор, акционерное соглашение, иностранные инвестиции, правовое регулирование, континентальное право.

Корпоративный договор выполняет функцию гибкого частноправового инструмента, позволяющего инвесторам упорядочить структуру владения и управления совместным бизнесом, распределения рисков, определения механизмов принятия решений и разрешения конфликтных ситуаций.

В условиях геополитических изменений, приводящих к резкому изменению структуры прямых иностранных инвестиций в России и невозможности использования ранее сложившихся моделей корпоративного управления в компаниях с международным участием, основанных на применении иностранного права, качественное и предсказуемое национальное правовое регулирование акционерных соглашений приобретает решающее значение для формирования инвестиционного климата.

Российский законодатель, поддерживая указанный подход, проводит реформы института корпоративного договора, нацеленные на внедрение в гражданский оборот международно признанных механизмов регулирования для повышения конкурентоспособности российской юрисдикции. Однако, для того чтобы правовые новации достигли своей цели, требуется не только совершенствование законодательной техники, но и формирование устойчивой, предсказуемой правоприменительной практики, способной обеспечить надежную правовую, в т.ч. судебную, защиту прав иностранных и национальных инвесторов, с соблюдением баланса общественных интересов.

Необходимо отметит, что значительная часть иностранных инвестиций в Россию, согласно исследованиям МВФ, носила так называемый «круговой

(round-tripping)» характер [1]. По оценкам на 2019 год доля накопленных «круговых» инвестиций, т.е. реинвестирования через иностранные юрисдикции капитала российского происхождения оценивалась в 25 %, а для отдельных юрисдикций, таких как Нидерланды - до половины. Основной целью использования «фантомных иностранных корпораций» (в терминологии исследователей МВФ) являлась налоговая оптимизация. Такие корпорации обеспечивали до 55 % притока иностранных инвестиций в Россию в конце 2010-х годов. Необходимо отметить, что Россия была далеко не лидером по доле подобных инвестиций. Эксперты МВФ отмечали, что в Бразилии их доля достигала 80 %, а в США и Китае доля «фантомных иностранных корпораций» превышала российскую [1].

С 2022 г. законодательные ограничения в отношении «недружественных» государств, принятые в качестве контр-санкций существенно ограничили возможностью использования иностранных инвестиций для налоговой оптимизации. Кроме того, активно развивается практика по редомициляции капитала и функционирования в российской юрисдикции международных компаний в Специальных административных районах. Так уже по состоянию на 4 квартал 2024 г., согласно информации Минэкономразвития РФ, в САР было зарегистрировано 434 резидента [2].

В результате, по данным Банка России, объем накопленных иностранных вложений в капитал предприятий прямого инвестирования к началу 2026 г. снизился на 306 млрд. долларов или 2,25 раза по сравнению с его максимальным значением, достигнутым на 01.07.2022 года - с 550,6 до 244,6 млрд. долларов США [3].

В соответствии с оценками МВФ, основное снижение (188 млрд. долларов США) пришлось оффшорные юрисдикции [4]. При этом объем прямых инвестиций из стран континентального права (Германия, Франция, Италия, Нидерланды) остался практически без изменений [4], что свидетельствуют о сохранении интересов прямых инвесторов данных стран к ведению бизнеса в России. В этой связи представляется актуальным исследование законодательного регулирования и правоприменительной практики корпоративных (акционерных) соглашений в указанных странах и их сравнительный анализ с действующим российским законодательством.

Институт корпоративного договора (акционерного соглашения) имеет глубокие исторические корни в правовых системах европейских государств. В то время как российское законодательство легализовало данную конструкцию лишь в 2014 году [5], страны континентальной Европы на протяжении десятилетий развивали системы правового регулирования отношений между участниками корпораций, как на уровне правовой доктрины, так и накапливая значительный опыт правоприменительной практики. Исследование международного опыта представляет не только теоретический, но и

прикладной интерес для совершенствования российского законодательства и возможной гармонизации подходов к регулированию в целях способствует поддержки прямых иностранных инвестиций и повышению правовой определенности.

Так, например, в Германии акционерное соглашение (Aktionärsvereinbarung) отличает обязательственно-правовая природа и баланс с уставом корпорации [6]. В отличие от устава (Satzung), корпоративный договор создает права и обязанности исключительно между его сторонами. При этом стороны пользуются широкой свободой договора, что позволяет им включать в соглашение любые условия, не противоречащие императивным нормам акционерного закона.

В немецкой судебной практике (Bundesgerichtshof) последовательно проводится принцип, согласно которому нарушение акционерного соглашения влечет лишь обязательственно-правовые последствия и не влияет на действительность решений, принятых общим собранием акционеров. Сторона, чьи права нарушены, может требовать возмещения убытков, но не вправе оспаривать корпоративные решения.

Французское право предоставляет сторонам широкую свободу усмотрения при заключении акционерного соглашения (pacte d‘associés или pacte d‘actionnaires) [7]. Однако, такие договоры никогда не могут противоречить императивным требованиям закона и положениям устава общества. В отличие от устава французской корпорации, который подлежит публикации в торговом реестре акционерное соглашение носит конфиденциальный характер. Это свойство делает акционерные соглашения особенно привлекательными для участников, желающих урегулировать внутри корпоративные отношения без публичного раскрытия.

Французская судебная практика выработала важный принцип: третье лицо, которому причинен ущерб вследствие исполнения акционерного соглашения, может ссылаться на его положения для защиты своих прав. Это правило, вытекающее из доктрины обязательственного права, позволяет обеспечить баланс интересов и предотвратить использование акционерных соглашений для причинения вреда третьим лицам.

Итальянское право содержит наиболее формализованное регулирование акционерных соглашений (patti parasociali) среди всех рассматриваемых юрисдикций. В результате реформы корпоративного права 2003 года основным источником регулирования стал кодекс Италии (Codice Civile) [8]. В итальянской доктрине акционерные соглашения имеют исключительно обязательственную направленность и связывают только присоединившихся к ним участников.

Итальянский законодатель выделяет несколько типов таких соглашений: синдикатные соглашения о совместном голосовании (patti di

sindacato), соглашения о блокировании (patti di blocco) и соглашения о приобретении (patti di acquisto). Для публичных обществ установлены особые требования: акционерные соглашения должны быть раскрыты обществу, объявлены на рынке и зарегистрированы в реестре компаний.

Италия также является единственной европейской юрисдикцией, где участие в квалифицирующем акционерном соглашении создает неопровержимую презумпцию совместных действий его участников, что в определенных случаях влечет обязанность сделать обязательное предложение о выкупе акций.

Нидерландское право не содержит специального закона об акционерных соглашениях (aandeelhoudersovereenkomst), регулируя данный институт на основе общих положений обязательственного права Гражданского кодекса [9]. Ключевым принципом является свобода договора (contractsvrijheid), что позволяет сторонам включать в соглашение любые условия, не противоречащие императивным нормам.

Важной особенностью нидерландского подхода является четкое разграничение устава (statuten) и акционерного соглашения. Устав имеет публичный характер и подлежит регистрации в торговом реестре, в то время как акционерное соглашение является конфиденциальным и связывает только его стороны. В случае противоречия между этими документами, устав имеет приоритет для третьих лиц, а соглашение – в отношениях между сторонами.

Нидерландское право предоставляет уникальный механизм судебной защиты – процедуру запроса расследования (enquêteprocedure) перед Предпринимательской палатой Амстердамского апелляционного суда в случае обоснованных сомнений в надлежащем и добросовестном ведении политики компании. По результатам расследования суд может применить широкий спектр мер, включая приостановление исполнения решений правления, назначение независимых директоров или временное отстранение акционера от права голоса [11].

Для российской правовой системы наибольший интерес представляет опыт Франции в части обеспечения конфиденциальности акционерных соглашений, итальянский подход к легальной типологии и раскрытию информации для публичных обществ, а также нидерландский механизм судебной защиты через процедуру запроса расследования. При этом гармонизация национального Российского законодательства и правовых подходов Европейских стран в сфере акционерных соглашений может способствовать взаимной защите инвестиций, включая защиту собственности Российской Федерации и российского бизнеса за рубежом [12].

Список литературы:

1. Damgaard, J., Elkjaer, T., Johannesen, N. What is real and what is not in the global FDI network? : IMF Working Paper No. 2019/274 / Jannick Damgaard, Thomas Elkjaer, Niels

Johannesen. – Washington, D.C.: International Monetary Fund, 2019. – 54 p. ISBN 9781513521527. DOI: https://doi.org/10.5089/9781513521527.001

2. Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/ilya_torosov_na_segodnya_434_uchastnika_vospolzovalis_rezhimom_sar.html (дата обращения:16.05.2026).

3. Банк России [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/71-dir_inv.xlsx (дата обращения:16.05.2026).

4. Подсчёты «Ведомостей»: офшорный контроль над бизнесом в РФ сократился в 2 раза // Ведомости, 08.04.2026 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2026/04/08/1188681-podscheti-vedomostei-ofshornii-kontrol-nad-rossiiskim-biznesom-sokratilsya (дата обращения: 16.05.2026).

5. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162608/ (дата обращения: 16.05.2026).

6. Aktiengesetz (AktG). (Закон об акционерных обществах ФРГ) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aktg/ (дата обращения 16.05.2026).

7. Code de commerce (Торговый кодекс Франции) // Légifrance [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000005634379/ (дата обращения 16.05.2026).

8. Codice Civile Italiano (Гражданский кодекс Италии) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.codice-civile-online.it/ (дата обращения 16.05.2026).

9. Burgerlijk Wetboek (Гражданский кодекс Нидерландов) [Электронный ресурс]. – URL: https://wetboek.org/bw/2 (дата обращения 16.05.2026).

10. Терновая, О. А., Соловьёва, С. В. Диспозитивность правового регулирования отношений участников хозяйственных обществ в зарубежном праве / О. А. Терновая, С. В. Соловьёва // Вестник Российского правового альманаха «Актуальные вопросы частного права». – 2019. – № 4. – С. 49–57. DOI: https://doi.org/10.33874/2072-9936-2019-0-4-49-57

11. Tribunale di Genova. Sentenza n. 547/2025 del 26 febbraio 2025 // Giurisprudenza delle imprese. – 2025. – 6 giugno [Электронный ресурс]. – URL: https://giurisprudenzadelleimprese.it/sentenza/efficacia-dei-patti-parasociali/ (дата обращения: 30.05.2026).

12. Бородин, А. В. Защита собственности Российской Федерации за рубежом / А. В. Бородин // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 1, № 4(145). – С. 48-58. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.04.01.007 EDN: AOVTIZ

УДК 070:796:327(470)

Бухаев А. О.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

СПОРТИВНЫЕ СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМИДЖА РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается роль спортивных средств массовой информации при формировании государственного имиджа России как внутри страны, так и на международной арене. Изучается эволюция отечественной спортивной журналистики от специализированной прессы конца XIX века до современных цифровых медиа, основанных на социальных сетях и мессенджерах. Особое внимание уделяется трансформации функций спортивных СМИ в условиях цифровизации информационного пространства и изменениях на международной спортивной арене. На основе проведенного анализа выявляются основные тенденции по развитию отечественных спортивных медиа, которые напрямую связаны с увеличением коммуникационного потенциала, повышением охвата аудитории, усилением влияния на общественное сознание и формирование собственной спортивной повестки. А также делается вывод об усилении значения спортивных СМИ в качестве инструмента формирования позитивного образа государства.

Ключевые слова: спортивные СМИ, государственный имидж, информационное противоборство, цифровизация медиа, российский спорт, политизация спорта, медийная спортивная автономия.

Введение

В современном мире спорт представляет собой не только сферу физической культуры и поддержания здорового образа жизни, но и важный инструмент международной коммуникации. Чемпионаты мира, Олимпиады, деятельность международных спортивных организаций, достижения атлетов и национальных сборных оказывают существенное влияние на образ государств в мировом информационном поле. В результате спорт становится важным инструментом формирования международного имиджа страны, а его информационное сопровождение приобретает особое политическое и общественное значение.

После отстранения российских спортсменов от участия в международных соревнованиях в марте 2022 года современные отечественные медиа стали не просто передатчиками информации, а защитниками национальных интересов. Современные спортивные СМИ России создают у аудитории определенное мировоззрение и формируют отношение не только к спортивным организациям, но и отдельным странам, коалициям государств. Соответственно, в текущей политической ситуации спортивные СМИ

выступают в качестве инструмента политического имиджа страны и для завоевания авторитета и обретения признания ее в качестве полноценного субъекта международных отношений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения роли спортивных СМИ в формировании образа России в условиях трансформации медиапространства и изменения международной спортивной среды.

Эволюционное развитие спортивной журналистики России

Формирование спортивной журналистики в России тесно связано с развитием организованного спортивного движения во второй половине XIX века. И если в начале своего пути спортивная журналистика, в основном, носила прикладной характер, давая различные советы по конному спорту, то с ростом популярности различных других видов спорта, возникали и специализированные печатные издания. В том числе повлияли и первые Олимпиад, которые привлекли внимание всего мирового сообщества. Первой Олимпиадой для российских спортсменов стали Игры 1900 в Париже, в ней приняли участие 5 спортсменов в 3 видах. А уже через 8 лет, на Олимпиаде 1908 года в Лондоне, Россия выиграла первую золотую медаль [1]. Тогда успехи российских спортсменов освещали немногочисленные журналы.

Одним из первых регулярных изданий стал журнал «Спортъ», который выходил еженедельно по субботам с 1900 года. Журнал «Спортъ» во многом является прародителем современных спортивных изданий России, о чем может свидетельствовать форма подачи информации. Большинство выпусков журнала начинались с сообщений редакции, в которых авторы обращались к читателям с краткой сводкой новостей, так или иначе касающихся спортивной тематики. Существенные изменения произошли в советский период. Спорт стал рассматриваться как важный элемент государственной политики, а спортивные СМИ получили дополнительные функции, связанные с воспитанием граждан, популяризацией здорового образа жизни и продвижением идеологических установок. Освещение спортивных соревнований приобрело не только информационный, но и общественно-политический характер [2].

Тогда же одной из важнейших спортивных газет стал «Советский спорт», который неоднократно проходил через трансформацию подачи информации и соответствие ее идеологическим установкам в государстве. Если в начале 20-х годов советское руководство стремилось к всеобщей популяризации спорта, то уже к началу 30-х случилась «рекордомания», которая начала восхвалять отдельных спортсменов. Идеям политического руководства и соответствовала политика редакции «Советского спорта».

Особое значение спорт получил в период холодной войны – периода идеологического противостояния между СССР и США. В период с конца

1940-х по начало 1990-х происходила конфронтация двух политических систем на уровнях политики, экономики и спорта, в том числе. Руководители государств были уверены, что спортивные достижения атлетов на крупных соревнованиях представляют собой победу одной идеологии над другой. А также сыграют роль в борьбе за мировое влияние – особенно в регионах Латинской Америки, Африки и Азии [3].

После распада СССР отечественные спортивные СМИ оказались в условиях масштабной трансформации медиасистемы. Переход на рыночную модель экономики привело и к усилению конкуренции между изданиями, изменению принципов формирования контента. В конце 1990-х началось широкое распространение сети Интернет, что и позволило качественно охватить новую аудиторию для цифровых медиа.

Современное положение спортивных СМИ характеризуется диджитализацией контента и его направленностью на цифровые платформы. Изменилась и подача материала – если в XX веке ключевым инструментом спортивных СМИ был текст, то сейчас это короткие видео-форматы, медиа-изображения. Можно утверждать, что спортивная журналистика в России прошла путь от узкоспециализированного сборника советов для любителей спорта, до полноценного цифрового инструмента донесения информации и формирования имиджа.

Трансформация спортивных СМИ в условиях цифровизации и международных ограничений

Развитие цифровых технологий стало одним из ключевых факторов трансформации современной спортивной журналистики. Уже сейчас мы видим, как сформированная мультимедийная модель работы СМИ изменила и сам формат спортивной журналистики. Прошедшие футбольные матчи освещаются до мельчайших деталей в социальных сетях, а на решения тех или иных международных спортивных организаций реакция появляется оперативно.

С середины 2010-х российский спорт сталкивается с особенным давлением со стороны международного сообщества и спортивных организаций в лице – МОК, ВАДА, ФИФА и других. Иной раз спорт становится инструментом информационной политики как отдельно взятого государства, так и коалиции. Бывший министр спорта РФ Олег Матыцин также отмечал, что спорт стал средством политического влияния, его используют как механизм давления на Россию.

В начале 2022 года российский спорт столкнулся с беспрецедентным давлением со стороны международного сообщества. Российские спортсмены были отстранены из большинства возможных соревнований, а города в России потеряли право проведения крупных спортивных событий. Связано это с рекомендацией Международного Олимпийского комитета, который

утверждал, что исходил из соображений безопасности. Российские СМИ встретили данную новость как сдержанной, так и агрессивной критикой. На ресурсах «РБК-Спорт» [4], «Спорт-Экспресс» [5] и «РИА-Спорт» [6] были опубликованы материалы, которые осуждали решение международных спортивных организаций и указывали на его политизированность.

Одной из главных тенденций стало смещение акцентов в освещении спортивных событий. Если до отстранения основной интерес представляли международные соревнования, то сейчас упор делается на внутренние первенства. Например, матчи плей-офф Лиги чемпионов имеют меньший охват, чем игры на аналогичной стадии в Кубке России по футболу.

Современные спортивные СМИ России освещают не столько успехи допущенных атлетов, сколько политические аспекты – начиная от дискуссии вокруг нейтрального статуса, заканчивая реакцией трибун и других атлетов на россиян. Спортивные медиа адаптировались, услышали запрос аудитории и ушли от событийного освещения к аналитическому.

Спортивные СМИ как элемент формирования государственного имиджа

После отстранения России от международных соревнований сформировалась общая позиция о необходимости замещения потерянных стартов на отечественные аналоги. Во-первых, была необходимость в поддержании соревновательной практики, во-вторых – выполнение спонсорских соглашений, а в-третьих – демонстрация России как сильного и суверенного государства, способного самостоятельно формировать спортивную повестку. В связи с этим сформировалась и соответствующая тенденция – медийная спортивная автономия. Она характеризуется направленностью российских СМИ на уделение наибольшего внимания внутренним соревнованиям, а не международным. Ключевыми элементами новой повестки стали созданные соревнования: Игры Будущего, Игры БРИКС, Игры Дружбы. А также особое внимание уделяется Российско-Китайским молодежным играм.

Особое место отдается проектам, которые формируют альтернативную спортивную инфраструктуру и, по сути, создают новые форматы. Одним из таких и стали Игры Будущего – фиджитал-турнир, который объединил в себе классический и киберспорт [7]. Первое проведение турнира сопровождалось вниманием высших руководителей российского государства, а на сами соревнования приглашались атлеты со всего мира. Главным посылом, которые ставили перед собой Игры Будущего – это не создание «альтернативной Олимпиады», а появление нового формата, который был бы свободен от политической конъюнктуры. Впоследствии Игры Будущего, после первого проведения в России, принимали и другие страны – ОАЭ и Казахстан.

Российско-Китайские молодежные игры проводятся уже несколько лет, однако после 2022 года они стали иметь особенное значение. Спортивные соревнования стали не просто стартовой точкой для молодых атлетов, но символом стратегического партнерства России и Китая. Перед началом турниров проводятся большие презентации с участием министра спорта РФ и больших атлетов. А сам турнир подается российскими медиа как важный элемент спортивного суверенитета страны.

Наиболее ярко медийную автономию спорта можно проследить на примере проведения футбольных соревнований. Российские клубы и сборные не принимают участия в ключевых евро-турнирах и мировых первенствах УЕФА и ФИФА, поэтому и акцент был сделан на внутрироссийские турниры. Медиа кратно нарастили объем контента, посвященного Российской Премьер-Лиге и Кубку России. Отдельную нишу заняли и межсезонные турниры – «Зимний кубок РПЛ», «Братский кубок», куда нередко приглашаются команды из дружественных стран – ОАЭ, Сербия, Турция. Особое внимание уделяется внутренним трансферам, инфраструктурным проектам и развитию детско-юношеского футбола. Товарищеские матчи сборной России также стали собирать большое внимание, несмотря на уровень соперников и отсутствие турнирных задач. Игра сборной в городе – праздник, который освещается в региональных и федеральных СМИ.

В результате формируется альтернативная иностранным СМИ повестка, которая позволяет российским медиа компенсировать доступ к классическим соревнованиям. Игры Будущего, Российско-Китайские молодежные игры, внутрироссийские первенства стали важными элементами медийной спортивной автономии, внутри которой сохраняется зрительский интерес.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в условиях современного информационного противоборства российские спортивные средства массовой информации прожили комплексную трансформацию. Основными тенденциями стали: ориентация на внутреннюю спортивную повестку и альтернативные международные старты, диджитализация контента и его распространение посредством социальных сетей, формирование медийной спортивной автономии и расширение функций СМИ как инструмента создания государственного имиджа. Российских спортсменов начали возвращать на международную арену, однако в ограниченном количестве и на особых условиях. Это значит, что роль спортивных СМИ как политического инструмента будет сохраняться и дальше, а в будущем и может усилиться.

Список литературы:

1. Олимпийский комитет в царской России // Olympic.ru [Электронный ресурс] // URL: https://olympic.ru/100-years/chapter-1 (дата обращения: 13.04.2026).

2. Сунник А. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта: монография / Александр Суник. – Москва: Советский спорт, 2010 – 615 с.

3. Романов А. Ю. Спорт и холодная война. Том 1. – издательство РГпУ им. А. и. Герцена, 2019. – 262 с.

4. Изолировали от мира. Что случилось с российским спортом в марте // «РБК-Спорт» [Электронный ресурс]: https://sportrbc.ru/news/624598169a7947d7379d31db (дата обращения: 16.04.2026).

5. Как не позволить затоптать российский спорт. Для этого нужно задействовать внутренние резервы // «Спорт-Экспресс» [Электронный ресурс] // URL: https://www.sport-express.ru/others/reviews/chto-delat-so-snyatiem-rossiyskih-sportsmenov-s-bolshih-mezhdunarodnyh-turnirov-kakoy-rezerv-u- vnutrennih-sorevnovaniy-1897815/ // (дата обращения: 16.04.2026).

6. Запад боролся с ксенофобией, но изгнал российских спортсменов. Лицемеры // «РИА-Спорт» [Электронный ресурс] // URL: https://rsport.ria.ru/20220305/rossiya-1776740246.html (дата обращения: 16.04.2026).

7. Фиджитал-гонки – это не игрушка. Мы открыли дверь в будущее». Ротенберг — о развитии автоспорта // «Спорт-Экспресс» [Электронный ресурс] // URL: https://www.sport-express.ru/autosport/auto/reviews/boris-rotenberg-starshiy-o-razvitii-avtosporta-i-fidzhital-gonok-v-rossii-intervyu-glavy-rossiyskoy-avtomobilnoy-federacii-i-smp-racing-2344886/ (дата обращения: 10.05.2026).

УДК 656:004:347.7

Еникеев Р. Р., Жданова Э. В., Рубина Я. И., Исламов А. А.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ В ТРАНСПОРТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования электронной подписи в транспортной документации, применяемой в логистической деятельности. Актуальность исследования обусловлена развитием электронного документооборота, переходом организаций к цифровому оформлению перевозочных документов и необходимостью обеспечения юридической значимости документов, создаваемых в электронной форме. Целью статьи является анализ правового статуса электронной подписи, применяемой при оформлении транспортных документов, а также выявление рисков, возникающих при использовании простой, усиленной неквалифицированной и усиленной квалифицированной электронной подписи. В ходе исследования использовались методы анализа нормативных правовых актов, сравнительно-правовой метод, системный подход и обобщение практики применения электронного документооборота в логистике. В результате установлено, что юридическая сила электронной подписи зависит не только от её вида, но и от соблюдения требований законодательства, подтверждения полномочий подписанта, обеспечения целостности электронного документа и организации его надлежащего хранения. Особое значение для транспортной документации имеет усиленная квалифицированная электронная подпись, поскольку она обеспечивает наиболее высокий уровень правовой защищенности документа. Сделан вывод о необходимости разработки внутренних регламентов применения электронной подписи в логистических организациях.

Ключевые слова: электронная подпись; транспортная документация; электронный документооборот; логистика; правовое регулирование; электронная транспортная накладная; юридическая сила документа; цифровизация перевозок.

Введение

В современных условиях цифровизация транспортной и логистической деятельности становится одним из ключевых направлений повышения эффективности хозяйственных процессов. Организация перевозок грузов сопровождается оформлением значительного объема документации, включая транспортные накладные, заявки на перевозку, заказы-наряды, экспедиторские документы, акты оказанных услуг и иные документы, подтверждающие движение груза, исполнение обязательств сторон и возникновение хозяйственных операций. От правильности оформления таких документов зависит не только оперативность логистических процессов, но и

възможност подтверждения факта перевозки, предъявления требований к контрагентам, отражения операций в бухгалтерском и налоговом учете.

Традиционный бумажный документооборот в транспортной сфере обладает рядом существенных недостатков. К ним относятся длительные сроки согласования и передачи документов, риск утраты оригиналов, необходимость физического обмена экземплярами между участниками перевозочного процесса, а также сложности при проверке подлинности и своевременности подписания документов. В условиях увеличения объемов перевозок и развития электронного взаимодействия между организациями данные проблемы приобретают особую значимость. В связи с этим всё более востребованным становится переход к электронным перевозочным документам и использованию электронной подписи как инструмента подтверждения юридической значимости электронного документа.

Электронная подпись в транспортной документации выполняет не только техническую, но и правовую функцию. Она позволяет идентифицировать подписанта, подтвердить его волеизъявление, обеспечить целостность документа и установить факт подписания. При этом юридическая сила электронного транспортного документа зависит от правильного выбора вида электронной подписи, соблюдения требований законодательства, подтверждения полномочий лица, подписавшего документ, а также от организации надлежащего хранения электронных документов и связанных с ними подтверждающих сведений.

Особое значение данная проблема приобретает в логистике, где в документообороте одновременно участвуют грузоотправители, перевозчики, экспедиторы, грузополучатели, операторы электронного документооборота и государственные информационные системы. Ошибки при применении электронной подписи могут привести к возникновению правовых рисков: оспариванию документа, невозможности подтвердить факт оказания транспортной услуги, отказу в признании расходов, спорам о полномочиях подписанта или нарушению порядка обмена электронными перевозочными документами.

Таким образом, исследование юридической силы электронной подписи в транспортной документации является актуальным как с теоретической, так и с практической точки зрения. Теоретическая значимость темы заключается в необходимости комплексного анализа электронной подписи как элемента правового механизма электронного документооборота. Практическая значимость состоит в возможности применения результатов исследования при разработке внутренних регламентов логистических организаций, выборе вида электронной подписи для различных категорий документов и снижении рисков, связанных с использованием электронных перевозочных документов.

Цель исследования

Целью исследования является комплексный анализ юридической силы электронной подписи в транспортной документации, применяемой в логистической деятельности, а также определение правовых и организационных условий, при которых электронный транспортный документ может быть признан юридически значимым и равнозначным документу на бумажном носителе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. рассмотреть правовую природу электронной подписи и её значение в системе электронного документооборота;
2. проанализировать виды электронной подписи, применяемые в транспортной документации: простую электронную подпись, усиленную неквалифицированную электронную подпись и усиленную квалифицированную электронную подпись;
3. определить особенности использования электронной подписи при оформлении электронных транспортных и перевозочных документов;
4. выявить основные правовые, организационные и технические риски, возникающие при применении электронной подписи в логистике;
5. сформулировать рекомендации по снижению рисков и повышению юридической защищённости электронного транспортного документооборота.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе применения электронной подписи при оформлении транспортной документации.

Предметом исследования являются нормы законодательства, регулирующие использование электронной подписи и электронных перевозочных документов, а также практические условия применения электронной подписи в логистической деятельности.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие применение электронной подписи, электронного документооборота и оформление транспортной документации в логистической деятельности. В качестве правовой основы рассмотрены положения Федерального закона № 63-ФЗ «Об электронной подписи», Федерального закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», Федерального закона № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта», а также нормативные документы, устанавливающие требования к электронным перевозочным документам и порядку их применения.

Дополнительно в качестве материалов исследования использовались научные и учебные источники по вопросам электронного документооборота,

документационного обеспечения управления, транспортной логистики и цифровизации перевозочного процесса. Особое внимание уделялось источникам, раскрывающим правовую природу электронной подписи, особенности использования электронных документов в хозяйственной деятельности, а также риски, возникающие при переходе организаций от бумажного к электронному документообороту.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания. С помощью метода системного анализа электронная подпись рассмотрена не изолированно, а как элемент единой системы транспортного электронного документооборота, включающей формирование документа, его подписание, передачу, проверку, хранение и последующее использование в качестве доказательства.

Формально-юридический метод применялся для анализа содержания нормативных правовых актов, регулирующих виды электронной подписи, условия признания электронного документа юридически значимым, а также требования к оформлению транспортных и перевозочных документов в электронной форме. Данный метод позволил определить правовые условия, при которых электронный транспортный документ может быть признан равнозначным документу на бумажном носителе.

Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении различных видов электронной подписи: простой электронной подписи, усиленной неквалифицированной электронной подписи и усиленной квалифицированной электронной подписи. Это позволило выявить различия в их правовом значении, уровне доказательственной силы, области применения и возможных рисках использования в логистической деятельности.

Метод классификации применялся для группировки рисков, связанных с использованием электронной подписи в транспортной документации. В ходе исследования риски были разделены на правовые, организационные и технические. К правовым отнесены риски неправильного выбора вида подписи и оспаривания полномочий подписанта; к организационным – отсутствие внутренних регламентов, нарушение порядка хранения ключей и недостаточный контроль действий сотрудников; к техническим – сбои информационных систем, ошибки форматов электронных документов и невозможность проверки электронной подписи.

Также использовался метод обобщения, позволивший сформулировать выводы о значении электронной подписи в логистике и определить практические рекомендации по снижению рисков. Применение совокупности указанных методов позволило комплексно рассмотреть электронную подпись как правовой, организационный и технологический инструмент обеспечения юридической силы транспортной документации.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведённого исследования установлено, что электронная подпись в транспортной документации выступает не только средством технической идентификации подписанта, но и важным правовым инструментом, обеспечивающим юридическую силу электронного документа.

Особенность транспортного документооборота заключается в том, что один документ может одновременно выполнять несколько функций: подтверждать факт заключения или исполнения договора перевозки, фиксировать передачу груза, служить основанием для расчетов между сторонами, а также использоваться в бухгалтерском и налоговом учете. В связи с этим выбор вида электронной подписи должен осуществляться с учетом юридического значения конкретного документа, требований законодательства и возможных последствий его оспаривания.

Для оценки применимости различных видов электронной подписи в транспортной документации проведен сравнительный анализ простой электронной подписи, усиленной неквалифицированной электронной подписи и усиленной квалифицированной электронной подписи.

Таблица 1 - Сравнительная характеристика видов электронной подписи, применяемых в транспортной документации

№ п./п.	Вид электронной подписи	Основные особенности	Возможная область применения в логистике	Уровень правовой защищенности
1	Простая электронная подпись	Подтверждает факт совершения действия определенным лицом с использованием логина, пароля, кода подтверждения или иного средства идентификации	Внутреннее согласование заявок, подтверждение действий в личном кабинете, уведомления, предварительные заявки	Низкий или средний, зависит от соглашения сторон и правил информационной системы
2	Усиленная неквалифицированная электронная подпись	Позволяет определить подписанта и выявить факт изменения электронного документа после подписания	Электронный обмен между контрагентами, согласование перевозочных документов при наличии соглашения сторон	Средний, требует закрепления порядка применения и подтверждения надежности используемой системы
3	Усиленная квалифицированная электронная подпись	Создается с использованием квалифицированного сертификата и сертифицированных	Электронные транспортные накладные, документы для бухгалтерского и	Высокий, обеспечивает наибольшую доказательственную силу

№ п./п.	Вид электронной подписи	Основные особенности	Возможная область применения в логистике	Уровень правовой защищенности
		средств электронной подписи	налогового учета, юридически значимые документы во внешнем документообороте	электронного документа

Источник: составлено автором на основе анализа законодательства об электронной подписи и электронном документообороте.

Из данных, представленных в таблице 1, следует, что каждый вид электронной подписи может использоваться в логистической деятельности, однако сфера их применения различается. Простая электронная подпись наиболее целесообразна для внутренних операций, не связанных с высоким уровнем правовых последствий. Например, она может применяться при подтверждении получения уведомлений, согласовании предварительных заявок или фиксации действий пользователя внутри корпоративной информационной системы. Однако использование простой электронной подписи для документов, подтверждающих факт перевозки или исполнение обязательств, связано с повышенным риском оспаривания.

Усиленная неквалифицированная электронная подпись обладает более высоким уровнем надежности, поскольку позволяет установить подписанта и выявить изменение документа после его подписания. Вместе с тем её применение требует дополнительного организационного и договорного регулирования. В частности, стороны должны заранее определить порядок признания такой подписи, правила идентификации подписанта, условия обмена электронными документами и ответственность за нарушение установленного порядка.

Наиболее высокий уровень правовой защищенности обеспечивает усиленная квалифицированная электронная подпись. Её применение особенно важно при оформлении электронных транспортных документов, имеющих доказательственное, бухгалтерское и налоговое значение. В транспортной сфере такие документы могут использоваться для подтверждения факта оказания услуги перевозки, передачи груза, возникновения расходов и исполнения обязательств перед контрагентом. Поэтому именно квалифицированная электронная подпись является наиболее предпочтительной для юридически значимого транспортного документооборота.

В ходе исследования также были выявлены основные группы рисков, возникающих при применении электронной подписи в логистике. Их можно разделить на правовые, организационные и технические.

Таблица 2 – Основные риски применения электронной подписи в транспортной документации и способы их снижения

№ п./п.	Группа рисков	Содержание риска	Возможные последствия	Способ снижения риска
1	Правовые риски	Неправильный выбор вида электронной подписи для конкретного документа	Оспаривание юридической силы документа, отказ в признании документа доказательством	Закрепление допустимых видов подписи для каждой категории документов
2	Правовые риски	Подписание документа лицом без подтвержденных полномочий	Споры между контрагентами, отказ от исполнения обязательств	Проверка полномочий подписанта, оформление доверенностей, ведение перечня ответственных лиц
3	Организационные риски	Отсутствие внутреннего регламента применения электронной подписи	Неправильное использование подписи сотрудниками, нарушение порядка подписания	Разработка локального регламента электронного документооборота
4	Организационные риски	Передача ключа электронной подписи другим лицам	Невозможность достоверно установить подписанта, риск злоупотреблений	Ограничение доступа к ключам, персональная ответственность владельца подписи
5	Технические риски	Ошибки при формировании или передаче электронного документа	Нарушение формата документа, невозможность его обработки информационной системой	Использование проверенных операторов электронного документооборота и контроль форматов

№ п./п.	Група рисков	Содержание риска	Возможные последствия	Способ снижения риска
6	Технические риски	Потеря электронного документа, подписи или подтверждающих квитанций	Сложность доказывания факта подписания и передачи документа	Организация электронного архива и резервного хранения документов

Источник: составлено автором на основе анализа рисков применения электронной подписи в логистической деятельности.

Анализ рисков показывает, что юридическая сила электронной подписи зависит не только от её формального соответствия требованиям законодательства, но и от правильной организации всего процесса электронного документооборота. Даже использование усиленной квалифицированной электронной подписи не исключает правовых проблем, если документ подписан неуполномоченным лицом, ключ подписи передавался другим сотрудникам, а электронный архив не обеспечивает сохранность подписанных файлов и подтверждающих сведений.

Особую значимость имеет вопрос полномочий подписанта. В логистике документы часто оформляются не руководителями организаций, а сотрудниками, непосредственно участвующими в перевозочном процессе: логистами, диспетчерами, экспедиторами, представителями склада или водителями. Поэтому для признания электронного документа юридически значимым необходимо не только наличие электронной подписи, но и подтверждение того, что конкретное лицо имело право подписывать соответствующий документ от имени организации.

Отдельного внимания заслуживает проблема хранения электронных транспортных документов. В бумажном документообороте доказательственное значение имеет оригинал документа с подписью и печатью. В электронном документообороте таким доказательством является не распечатанная копия, а исходный электронный файл с электронной подписью, сертификатом, технологическими квитанциями и иными сведениями, подтверждающими факт подписания и передачи документа. Следовательно, организация должна обеспечить такой порядок хранения, при котором в дальнейшем возможно проверить подлинность документа и действительность электронной подписи.

По результатам исследования можно сделать вывод, что наиболее надежной моделью применения электронной подписи в транспортной документации является дифференцированный подход. Он предполагает, что для документов с различным правовым значением используются разные виды электронной подписи. Для внутренних уведомлений и предварительных

согласований может применяться простая электронная подпись. Для обмена документами между контрагентами допустимо использование усиленной неквалифицированной электронной подписи при наличии соответствующего соглашения сторон. Для юридически значимых транспортных документов, используемых во внешнем документообороте, бухгалтерском и налоговом учете, предпочтительным является применение усиленной квалифицированной электронной подписи.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что электронная подпись является ключевым элементом юридически значимого транспортного документооборота. Однако её эффективное применение возможно только при соблюдении трех условий: правильного выбора вида подписи, подтверждения полномочий подписанта и организации надежного хранения электронных документов. Несоблюдение хотя бы одного из этих условий снижает доказательственную силу электронного документа и увеличивает риск возникновения споров между участниками логистической деятельности.

Выводы

В результате проведенного исследования установлено, что электронная подпись является одним из ключевых инструментов обеспечения юридической силы транспортной документации в условиях цифровизации логистической деятельности. Ее значение не ограничивается техническим подтверждением факта подписания документа. Электронная подпись выполняет правовую функцию, поскольку позволяет идентифицировать подписанта, подтвердить его волеизъявление, обеспечить целостность электронного документа и создать условия для признания такого документа равнозначным документу на бумажном носителе.

Анализ видов электронной подписи показал, что простая электронная подпись, усиленная неквалифицированная электронная подпись и усиленная квалифицированная электронная подпись имеют различный уровень правовой защищенности и не могут применяться одинаково для всех категорий транспортных документов. Простая электронная подпись может использоваться преимущественно во внутреннем документообороте организации, например при согласовании заявок, подтверждении уведомлений или фиксации действий пользователя в информационной системе. Усиленная неквалифицированная электронная подпись может применяться во взаимодействии между контрагентами при условии закрепления порядка ее использования в соглашении сторон. Наиболее надежным видом подписи для юридически значимых транспортных документов является усиленная квалифицированная электронная подпись, поскольку она обеспечивает высокий уровень доказательственной силы электронного документа.

Установлено, что юридическая сила электронной подписи в транспортной документации зависит не только от выбора соответствующего вида подписи, но и от соблюдения совокупности правовых, организационных и технических условий. К таким условиям относятся подтверждение полномочий подписанта, соблюдение установленного формата электронного документа, использование надежной системы электронного документооборота, защита ключей электронной подписи, а также организация надлежащего хранения электронных документов, сертификатов, файлов подписи и технологических квитанций.

В ходе исследования выявлены основные риски применения электронной подписи в логистике. К ним относятся неправильный выбор вида электронной подписи, подписание документа лицом без необходимых полномочий, передача ключа электронной подписи третьим лицам, отсутствие внутренних регламентов, ошибки при формировании или передаче электронного документа, а также потеря данных, необходимых для последующей проверки подписи. Указанные риски могут привести к оспариванию транспортного документа, отказу в признании его доказательством, возникновению споров между контрагентами и затруднениям при подтверждении факта оказания транспортной услуги.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке внутренних регламентов электронного документооборота в транспортных и логистических организациях. Для снижения рисков организациям целесообразно закреплять перечень документов, оформляемых в электронной форме, определять допустимые виды электронной подписи для каждой категории документов, устанавливать круг уполномоченных подписантов, обеспечивать контроль доступа к ключам электронной подписи и формировать электронный архив, позволяющий подтвердить подлинность документов в течение всего срока их хранения.

Таким образом, эффективное применение электронной подписи в транспортной документации возможно только при комплексном подходе, включающем правовое регулирование, организационную дисциплину и техническую надежность электронного документооборота.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 06.06.2026).

2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». –

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 06.06.2026).

3. Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72388/?ysclid=mq2a8ya54z883569379 (дата обращения: 06.06.2026).

4. Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43006/?ysclid=mq2aaybe2v483973101 (дата обращения: 06.06.2026).

5. Федеральный закон от 07.06.2025 № 140-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507282/?ysclid=mq2ad6fs854530858 (дата обращения: 06.06.2026).

6. Приказ ФНС России от 09.12.2021 № ЕД-7-26/1065@ «Об утверждении форматов электронной транспортной накладной, электронной сопроводительной ведомости и электронного заказ-наряда» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405514/?ysclid=mq2af6a9qd547589248 (дата обращения: 06.06.2026).

7. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.05.2022 № 931 «Об утверждении Правил обмена электронными перевозочными документами и сведениями, содержащимися в них» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_417606/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=mq2agl8h5w800883763 (дата обращения: 07.06.2026).

8. Правовое регулирование электронного документооборота : учебник для вузов / Р. А. Будник ; под ред. М. А. Федотова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 68 с. ISBN 978-5-534-19293-3.

9. Куняев Н. Н., Дёмушкин А. С., Кондрашова Т. В., Фабричнов А. Г. Конфиденциальное делопроизводство и защищённый электронный документооборот : учебник / под общ. ред. Н. Н. Куняева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Логос, 2020. – 500 с. ISBN 978-5-98704-711-8.

10. Лебедев Е. А., Миротин Л. Б. Основы логистики транспортного производства и его цифровой трансформации : учебное пособие. – 2-е изд. – Москва ; Вологда : Инфра-Инженерия, 2024. – 212 с. ISBN 978-5-9729-1652-8.

11. Максимов С. А., Назаркина В. А., Колочева В. В. Транспортная логистика : учебное пособие. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2021. – 88 с. ISBN 978-5-7782-4560-0.

12. Левкин Г. Г., Куршакова Н. Б., Дзюбина К. О. Основы логистики : конспект лекций. – Москва; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 248 с.

УДК 346.5:004

Васиян Р. И.
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; АО «Концерн «Уралвагонзавод»

ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И СТРУКТУРА КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются теоретико-методологические основы концепции правового обеспечения экономической деятельности в условиях цифровой трансформации экономики. Рассматриваются сущность понятия «концепция», его соотношение с категориями правовой доктрины и учения, а также особенности формирования концептуального подхода к исследованию цифровой экономики и цифрового права. Особое внимание уделяется структуре концепции, системе её категориального аппарата и методологическим основаниям исследования экономико-правовых явлений в цифровой среде. Обосновывается необходимость использования интегративного и герменевтического подходов, обеспечивающих взаимосвязь правовых, экономических и технологических знаний при анализе процессов цифровой трансформации. Сделан вывод о том, что концепция правового обеспечения экономической деятельности выступает самостоятельной теоретико-методологической конструкцией, предназначенной для комплексного осмысления цифровой экономики, цифрового права и практики их правового регулирования.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая экономика, цифровое право, правовое обеспечение, методология права, экономическая деятельность.

В настоящее время в науке не в полной мере осуществлено на концептуальном уровне комплексное исследование экономических и правовых проблем, связанных с обеспечением экономической деятельности в условиях цифровой трансформации.

С теоретических и методологических позиций сложность такого научного исследования заключается в том, что термин «концепция» либо его сочетание с другими словами нередко используется авторами совершенно произвольно, когда тот или иной вопрос (несколько вопросов) в рамках обычного догматического освещения обозначается как «концепция», при этом не утруждая себя обязанностью представить, хотя бы в самых общих чертах, определение существа данного термина, признаков обозначаемого им понятия в контексте осуществляемого авторского научного исследования.

Так, в сфере гражданского права в разное время был представлен целый ряд различных «концепций»: Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации; Концепция развития законодательства о вещном праве; Концепция развития

законодательства о юридических лицах; Концепция развития законодательства о ценных бумагах и финансовых сделках и т. д. [10]. Однако ни в одном из этих документов не сформулировано общее определение соответствующей Концепции. Более того, применительно к Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации даже сказано: «Концепция не предполагает ни новую кодификацию отечественного гражданского законодательства, ни даже подготовку новой редакции ГК» [10]. Однако, в связи с этим возникает вопрос: а в чём же тогда заключается сущность данной Концепции?

Недостаточно критичное отношение к использованию термина «концепция» приводит к ситуациям, когда данный термин используется для обычного догматического рассмотрения какого-либо вопроса либо «смешивается» с другими близкими понятиями. Так, О. В. Зайцев, ссылаясь на докторскую диссертацию Т. М. Пряхиной, отмечающей, что «традиционно отечественная юридическая наука рассматривала доктрину в качестве систематизированного учения, целостной концепции …» [14, с. 5], также говорит об оценке «доктрины» «как систематизированного, целостного учения, концепции, т. е. *не совокупности различных взглядов и идей*, а именно *единой концепции* …» [6, с. 24] (курсив – авт.).

Иначе говоря, в выше приведённых высказываниях авторов «доктрина» отождествляется с «целостной, единой концепцией» – термины близкие, однако не тождественные понятия, которые различаются по целому ряду моментов – содержанию, внутренним структурным элементам, уровню функционирования данных феноменов, гносеологическим функциям и т. д.

Исходное (отправное) значение для понимания Концепции правового обеспечения экономической деятельности в условиях цифровой трансформации экономики РФ имеют два феномена – родовое понятие «концепция» и видовое понятие – «правовая концепция».

Термин «концепция» (от лат. conceptio – понимание, система) в Большом энциклопедическом словаре обозначен как определённый способ понимания, трактовки каких-либо явлений, основная точка зрения, руководящая идея для их освещения, а также ведущий замысел, конструктивный принцип различных видов деятельности [3].

Что же касается термина «концепция» (имеется ввиду «правовая концепция» – Р. В.), то, по мысли В. Д. Перевалова, – «это теоретическая конструкция и определённый способ понимания каких-либо явлений, обозначающих конструктивную точку зрения, ведущий замысел их построения и деятельности. Она фиксирует внимание исследователя на главных предметнообразующих чертах явления или процесса» [11, с. 28]. И далее автор, конкретизируя вышеприведённое положение, отмечает: «Концепция по сравнению с доктриной и учением носит более конкретный

характер, она «привязана» к определённому правовому явлению, обрисовывает его основные черты и всегда остаётся в пределах правового поля. Её можно рассматривать в качестве доминирующего начала (лейтмотива) доктрины или учения» [11].

Таким образом, исходя из выше приведённых положений, можно выделить некоторые специфические признаки (черты), характеризующие понятие «правовая концепция»:

- это определённый (конкретизированный) способ понимания (трактовки) правовых явлений; основная точка зрения, конструктивная идея (ведущий замысел) для их освещения;
- здесь фиксируется внимание на главных (предметно-образующих) чертах исследуемого правового явления или процесса;
- правовая концепция всегда связана с «правовым полем» и выступает в качестве доминирующего начала (лейтмотива) при освещении доктрины или учения;
- правовая концепция имеет важное значение для развития того или иного направления юридической науки, осмысления соответствующей правоприменительной практики.

Исходя из выше отмеченных положений, в целом можно отметить, что концепция правового обеспечения экономической деятельности в условиях цифровой трансформации экономики РФ представляет собой систему ведущих конструктивных идей, взглядов и положений в научном осмыслении феномена правового обеспечения цифровой экономики и практики его реализации.

Содержание обозначенной концепции в общем плане может быть представлено в виде следующих положений.

1. Важнейшее место среди них занимает обоснование необходимости нового методологического подхода к исследованию качественно иных явлений, связанных с цифровой трансформацией экономики и права, – «цифровая экономика», «цифровое право», их взаимосвязь и взаимодействие и другие концептуальные положения.

2. В качестве теоретического инструментария в научном исследовании содержания рассматриваемой концепции выступает система соответствующих категорий и конструкций, посредством которых осуществляется анализ форм и средств, связанных с правовым обеспечением экономической деятельности в условиях цифровой трансформации современной экономики и права.

3. Поскольку выше названная концепция связана с правовым обеспечением экономической деятельности в условиях цифровизации, то, безусловно, здесь значительное внимание отводится критическому анализу

положений новых законодательных и иных нормативных правовых актов, а также политико-директивных документов в указанной сфере.

4. Дальнейшее развитие теоретических и методологических положений, составляющих содержание настоящей концепции, имеет в качестве своего «продолжения» выход на практические результаты – разработка проблем, касающихся правового обеспечения экономической безопасности РФ, охраны «больших данных», охраны и защиты прав и законных интересов субъектов экономической деятельности в условиях цифровой трансформации и некоторые другие вопросы.

Рассматриваемая концепция характеризуется рядом признаков (свойств), в том числе:

а) в качестве её предмета анализа выступает ряд соотносящихся и взаимосвязанных категорий и конструкций в сфере цифровой экономической деятельности и цифровизации права.

б) структурность и иерархичность составляющих её элементов, включают в себя «общую» («базовую») методологическую часть, теоретическое рассмотрение соответствующих экономико-правовых явлений и видов (форм) экономической деятельности, а также практический аспект их правового обеспечения в условиях цифровой трансформации.

в) специфический интегративный методологический подход, в основе которого лежит использование информации из области технических (технологических) наук во взаимосвязи и взаимодействии её с методологическими средствами и способами «аналогового» правоведения.

г) концепция обладает соответствующим эвристическим потенциалом и может быть использована при научном исследовании иных проблем, связанных с цифровой экономикой и цифровизацией права.

Как представляется, указанные выше положения позволяют в общем плане охарактеризовать исследование правового обеспечения экономической деятельности в условиях цифровой трансформации именно как концепцию, в отличие от простого (догматического) рассмотрения аналогичных вопросов в рамках традиционных исследований аналоговых явлений, связанных с экономикой и правом.

Исходя из выше отмеченного представляется возможным сформулировать следующее определение концепции правового обеспечения экономической деятельности в условиях цифровой трансформации экономики РФ.

Это система конструктивных идей, взглядов и положений, носящих концептуальный характер, разработанных на основе изучения соответствующих политико-директивных документов, нормативных установлений, терминов, конструкций, понятий, дефиниций, иных экономических и правовых форм и средств, их взаимосвязи и взаимодействия,

основывающаяся (система) на новых методологических подходах, обусловленных цифровой трансформацией экономики и права, и выступающая в качестве организующего гносеологического (познавательного) начала в системе научного осмысления явлений в указанной сфере и связанной с ней правоохранительной практики.

Важнейшую роль в осмыслении концепции правового обеспечения экономической деятельности в условиях цифровой трансформации экономики выполняет система научных категорий (категориальный аппарат), используемых в указанной сфере.

В философской литературе исследователи оперируют такими понятиями, как «категориальные ряды», «научно-теоретические ряды» и т. п. Так, в учении известного дореволюционного философа И. А. Ильина категориальные ряды интерпретируются как понятия, которые создают основные ориентиры в какой-либо сфере, в частности в области понимания особенностей права «вне временных рядов (действительности)» [7, с. 22]. Современный философ В. А. Канке рассуждает о принципе «единства научного ряда и строя» [9, с. 28].

По мысли известного специалиста в области теории права А. М. Васильева: «Понятийный ряд включает в себя определённое число категорий и выражает их группировку по установленному основанию» [4, с. 132]. И далее: «Понятийный ряд – не конгломерат таких категорий. Его составляют правовые категории одного логического уровня в смысле выражаемых ими сущностных моментов, иначе говоря, раскрывающие характеристику существенного в праве либо первого, либо второго, либо третьего и т. д. порядка» [4, с. 134].

Отсюда можно вывести некоторые особенности, характерные для «понятийного ряда».

1. Понятийный ряд показывает развитие знания о каком-либо сущностном моменте (направлении) в объекте научного исследования.

2. Понятийный ряд включает в своё содержание несколько взаимосвязанных научных категорий, одна из которых носит базовый характер и «разворачивается» в соответствующих её инверсиях.

3. Для понятийного ряда характерна логическая общность охватываемых им элементов.

4. Принцип последовательности и непротиворечивости категорий и конструкций как внутри «своего» понятийного ряда, так и с категориями и конструкция других понятийный ряд.

5. Категории понятийных рядов должны адекватно отражать объект познания и способны выступать в качестве методологических средств (способов) его научного познания.

С учётом выше отмеченного можно выделить следующие понятийные ряды в системе концепции правового обеспечения экономической деятельности в условиях цифровой трансформации.

I. Экономическая деятельность – виды экономической деятельности – производственные отношения – экономическая деятельность как объект правового регулирования.

II. Цифровая экономика – цифровая экосистема – платформенная экономика – креативная экономика в условиях цифровизации – цифровизация экономической деятельности.

III. Цифровое право – цифровое правоотношение – цифровой объект – идеи правосубъектности в цифровой среде.

IV. Правовое обеспечение – экономическая безопасность – охрана «больших данных» – охрана и защита прав субъектов экономической деятельности и некоторые другие юридические конструкции.

В каждом из указанных понятийных рядов выделяется в качестве базовой теоретическая категория (конструкция), которая получает свою «развёрстку» в других категориях (конструкциях) понятийного ряда. Так, например, «цифровая экономика» приобретает ряд новых научных положений (прирастает знаниями) при характеристике таких понятий, как «платформенная экономика», «креативная экономика» в условиях цифровизации и т. д. Совокупность всех категорий указанных понятийных рядов – это своего рода опорно-категориальный «каркас» концепции правового обеспечения экономической деятельности в условиях цифровой трансформации.

В системе категориального аппарата, «обслуживающего» обозначенную концепцию, должна быть выделена исходная (базовая) категория (конструкция), которая выражает субстанциональную сущность объекта познания и выступает в качестве теоретико-методологической основы (базы) для формирования научного знания о данном объекте. Здесь такими базовыми категориями выступают феномены: «цифровая экономическая деятельность» и «цифровое право».

В современных условиях инновационной экономики соотношение науки и техники носит сложный, диалектический характер: с одной стороны, развитие науки создаёт теоретическую базу для создания новых технических средств и технологий, а с другой – практическое использование указанных средств и технологий создаёт креативные контенты и условия, оказывающие влияние на развитие методологии науки, в том числе правоведения [8, с. 44].

Однако, как справедливо заметил С. С. Алексеев, современная «методология правоведения замкнута на формально-юридических методах, основанных на формально-логических особенностях законов и требованиях

формальной логики» [1, с. 127] и в основном сводится к логической обработке позитивного права [1, с. 114].

По мысли известного философа и теоретика в области системных исследований И. В. Блауберга: «Концептуальный каркас, успешно обслуживающий науку на протяжении многих лет всё чаще и чаще начинает не срабатывать по той простой причине, что он оказывается неадекватным современным задачам и даже самой их постановке» [2, с. 165].

В рамках научной концептуализации правового обеспечения экономической деятельности в условиях цифровой трансформации экономики, безусловно, не могут быть взяты за основу теоретические положения и выводы, сделанные исследователями в 50-е – 60-е годы прошлого столетия, когда очень активно обсуждались вопросы, связанные с пониманием советского права, его организационной структуры (построения), принципов (критериев) деления права на отрасли, подотрасли, институты и т. д.

Цифровая экономика в отличие от традиционной (аналоговой) экономики – это принципиально отличное, качественно новое явления социальной действительности, что обусловливает необходимость поиска иной методологической парадигмы (в отличие от традиционной) для научного осмысления феномена цифровой экономики и неразрывно связанного с ней цифрового права, их соотношения и взаимосвязей.

Выше отмеченные положения подтверждаются не только суждениями сугубо теоретического характера, но также выводами и правовыми оценками практических ситуаций, возникающих в цифровой сфере.

Так, согласно положению § 675 Германского гражданского уложения [19] банк несёт ответственность за несанкционированное списание денежных средств со счёта вкладчика, однако его ответственность может быть нивелирована ситуацией, когда такое списание было произведено вследствие небрежности клиента. Разрешая данную ситуацию, Верховный Суд ФРГ сформулировал применительно к соответствующей категории споров правовую позицию о так называемом «критерии непреодолимости» **(**Kriterium der Unüberwindbarkeit), сущность которого, по мысли высшей судебной инстанции ФРГ, заключается в том, что в спорной ситуации банк освобождается от ответственности при условии, если докажет, что используемая им система кибербезопасности является практически непреодолимой, – основанной на такой системе информационных алгоритмов, при внедрении в которую вредоносная программа объективно не может создать необходимый код для списания денежных средств с банковского счёта [15, с. 26].

При этом высшая судебная инстанция ФРГ отметила, что указанный критерий является сугубо техническим, относящимся к области специальных знаний, особо обратив внимание на то, что современное состояние германской

юридической доктрины не позволяет сформулировать его правовое содержание [15, с. 26].

К аналогичному, в сущности, выводу пришёл также итальянский правовед Г. Гуэрра, проводя сравнительный анализ различных подходов к разрешению правовых проблем, возникающих в информационно-цифровой сфере в европейских странах: «… европейская правовая культура оказалась не готова вобрать в себя неюридическое знание», то есть информацию, относящуюся к области технических (технологических) наук.

Таким образом, для методологического осмысления явлений и процессов, в том числе экономико-правового характера, в условиях цифровой среды объективно необходимо взаимопроникновение (конвергенция) знаний различных наук. Как справедливо отмечают У. С. Бэйнбридж и М. К. Рокко, «… современное состояние науки представляет собой имманентную внутреннюю конвергенцию, выраженную во взаимопроникновении методологических средств гуманитарного и естественно-научного, технического познания» [18, с. 210]. По мысли К. Поппера: «Мы исследуем не предметы, а проблемы. Проблемы же способны пересекать границы любых наук и их предметов» [12, с. 62].

В российской судебной практике также осуществляется формирование правовых позиций, связанных с осмыслением явлений в информационно-цифровой сфере. Так, в одном из дел суд отказал в удовлетворении требования арбитражного управляющего о включении криптовалюты, принадлежащей должнику, в конкурсную массу, мотивируя это отсутствием законодательного регулирования оборота криптовалюты, а также тем, что решение о включении криптовалюты в конкурсную массу не будет иметь юридических механизмов исполнения [16].

Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ для целей уголовно-правового противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, сформулировал правовую позицию, в соответствии с которой предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса РФ, «могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты)» [13].

С учётом выше приведённых положений можно отметить, что в цифровой экономике, в том числе в рамках концепции правового обеспечения экономической деятельности в условиях цифровой трансформации, познание соответствующих явлений должно осуществляться не только (и не столько) в связи с использованием традиционных методологических средств (способов), но, главным образом, опираясь на герменевтический методологический подход, который, в отличие от формально-догматического анализа норм действующего законодательства, предполагает осмысление сущности цифровых средств и технологий, их интерпретации в контексте современных

цифровых инноваций как объективной данности развития постиндустриального общества.

Необходимость использования герменевтического методологического подхода в рамках указанной концепции обусловливает фундаментальные изменения в осмыслении теоретических экономических и правовых категорий и конструкций, нормативных установлений, принципов, целей и других правовых форм, связанных с цифровизацией экономической деятельности.

Как представляется, одно из важных направлений, связанных с такими существенными изменениями, наиболее отчётливо проявляется в сфере цифровизации экономических отношений, их объектов, определении цифровой правосубъектности участников (субъектов) данных отношений и т. д.

В цивилистической науке экономические отношения обычно рассматриваются как конкретные моменты, формы проявления производственных экономических отношений, носящие волевой характер и складывающиеся между конкретными лицами по поводу конкретных материальных и иных благ с целью удовлетворения потребностей их участников. Экономические отношения нередко отождествляются с гражданско-правовыми имущественными отношениями, хотя последние в действительности являются лишь частью более широкой сферы – экономических отношений. Так, например, отношения, связанные с предоставлением бесплатного образования, бесплатным предоставлением медицинской помощи, социальных пособий и т. п., безусловно, относятся к числу экономических, однако они не относятся к типу гражданско-правовых имущественных отношений, регулируемых нормами гражданского права.

Что же касается производственных отношений, то они, согласно марксистской методологической парадигме, интерпретируются как основополагающие, фундаментальные отношения, складывающиеся между большими группами людей (классами, нациями, категориями и т. п.), составляющие экономический базис общества, обусловливающий все «надстроечные» – политические, идеологические, правовые, культурологические и т. п. образования. Производственные отношения не зависят от воли и желания конкретных индивидов, а потому носят объективный характер, то есть они не подвержены волевому упорядочению, в том числе правовому регулированию.

Из вышеобозначенного методологического подхода вытекает, что конкретные экономические отношения имеют тенденцию к связи (но не тождеству) с производственными отношениями, то есть ближе расположены к экономическому базису общества и не относятся к его «надстроечным» категориям.

Однако, как представляется, иной методологический подход необходим для научного осмысления конструкции «экономические отношения» в условиях цифровой трансформации экономики. Цифровизация экономических отношений (придание им цифровой формы) – это уже качественно новый феномен (по сравнению с традиционным, аналоговым пониманием экономического отношения»), который может (и должен) рассматриваться в контексте взаимосвязи таких философских понятий, как «содержание» и «форма».

Исходя из этого, цифровое экономическое отношение можно понимать, по меньшей мере, в двух «ипостасях»: 1) как цифровую форму аналогового экономического отношения – «содержания» и 2) как относительно самостоятельное цифровое явление, имеющее как своё специфическое цифровое содержание, так и свою особую цифровую форму. Аналогично, в цивилистическом правоведении категория «правоотношение» нередко рассматривается в двух аспектах: как правовая форма фактического общественного отношения и как относительно самостоятельное (обособленное) юридическое явление, имеющее своё иное – юридическое содержание и правовую форму.

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в философии вполне обоснованно подмечен такой специфический эффект, как «отрыв» «формы» от «содержания», (взаимные переходы «содержания» и «формы») в результате чего, в частности, «отделившаяся» «форма» приобретает иное «содержание», то есть таким образом возникает новое явление, имеющее своё отличающееся «содержание» и адекватную ему новую «форму» [17, с. 463].

Вместе с тем здесь нельзя в то же время упускать из виду и то, что «форма» и «содержание» – это взаимосвязанные элементы одного явления; не случайно в философской литературе их кратко характеризуют таким образом: «содержание формально», а форма содержательна». Иначе говоря, всякое «содержание» всегда имеет внешнюю форму своего выражения, а «форма» – это не некая механическая «оболочка», заключающая в себе какое-либо «содержание», а феномен, который оказывает преобразующее воздействие на «содержание» явления [5, с. 298].

Отсюда в заключении можно сделать некоторые выводы методологического характера применительно к предмету настоящего исследования.

Во-первых, преобразование «обычного» («аналогового») экономического отношения в цифровую форму обусловливает появление нового феномена – цифрового явления, имеющего (в отличие от «аналогового» понимания экономического отношения») своё цифровое «содержание» и свою специфическую цифровую «форму».

Во-вторых, если «обычное» («аналоговое») экономическое отношение, как уже отмечалось выше, имеет тенденцию к связи с производственными отношениями (экономическим базисом), то феномен цифрового экономического отношения как явления, функционирующего в «виртуальной» (цифровой) сфере, относится, с этой точки зрения, к «надстроечной» категории.

В-третьих, категории и термины, определения, равно как и другие средства познания, используемые в специальных научных областях – технических, технологических и т. д., попадая в систему координат качественно иной методологии, опосредствующей исследование цифровой экономики и права, подвергаются соответствующим преобразованиям (модификациям) и только в таком виде (форме) они могут адекватно использоваться как эффективные инструменты научного осмысления феноменов в такой особой области познания, как цифровая экономика. «Перенос» же «напрямую» терминов и категорий из областей техники и технологий в качественно другую – цифровую – методологическую систему объективно влечёт эффект некорректного результата научного исследования. Так, цифровую экономику иногда идентифицируют как «цифровой код» или, по словам Николаса Негропонте, как «биты вместо атомов» [20], что является вряд ли корректным использованием крайне узко специализированного технического терминологического инструментария в иной сфере – цифровой экономики, ибо последняя, с точки зрения её сущности, – это, конечно же, не «цифровой код» и не «биты вместо атомов», а система специфических экономических отношений, где в качестве главного фактора обеспечения роста и развития экономики выступает использование цифровых средств и технологий.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Избранное / Вступ. сл., сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2016. – 655 с.
2. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход / И. В. Блауберг ; вступ. ст. Э. М. Мирского, В. Н. Садовского. – М. : Эдиториал УРСС, 1997. – 448 с. – (Философы России XX века. Научная школа). – ISBN 5-901006-08-9.
3. Большой энциклопедический словарь : [А–Я] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая российская энциклопедия ; СПб. : Норинт, 1997. – 1434 с. – ISBN 5-85270-160-2.
4. Васильев, А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права : монография / А.М. Васильев. – репр. изд. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026. – 264 с. – ISBN 978-5-00156-068-5.
5. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1 : Наука логики. – М. : Мысль, 1974. – 452 с.
6. Зайцев О. В. Современные проблемы доктрины гражданского права. – М. : Статут, 2017. – С. 88. – ISBN 978-5-8354-1424-6. EDN: YANUZN

7. Ильин И.А. Понятие права и силы (Опыт методологического анализа) / Философия права. Нравственная философия. – Соч. в 2 т. – Т. 1. – М.: Медиум, 1993. – С. 7-50.

8. Исаков, В. Б. Правовая аналитика : учебное пособие / В.Б. Исаков. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 384 с. : ил. – ISBN 978-5-91768-648-6.

9. Канке В. А. Общая философия науки : учебник. — М. : Омега-Л, 2009. — 354 с. — ISBN 978-5-370-00883-2

10. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95075/ (дата обращения: 29.05.2026).

11. Перевалов В.Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации: монография / В.Д. Перевалов. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 168 с. – DOI 10.12737/1839406. – ISBN 978-5-00156-206-1.

12. Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания / пер. с англ. – М.: АСТ: Ермак, 2004. – 638 с. EDN: QWGIED

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 N 32 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182365/ (дата обращения: 29.05.2026).

14. Пряхина Т.М. Конституционная доктрина современной России: Дис. … докт. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 510 с. EDN: NNEKYP

15. Пучков В.О. Цивилистическая доктрина цифровой экономики: методологические, теоретические и прикладные проблемы: монография / под ред. В.С. Белых. – М.: Проспект, 2020. – 272 с. EDN: YYBDXW

16. Решение Арбитражного суда города Москвы от 24 октября 2017 г. по делу № А40-124668/17-71-160 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/20EHFIeHovUP/ (дата обращения: 29.05.2026).

17. Руткевич М.Н. Диалектический материализм: курс лекций для философских факультетов / М.Н. Руткевич. – М.: Мысль, 1973. – 527 с.

18. Bainbridge W. S., Roco M. C. Science and Technology Convergence: With Emphasis for Nanotechnology-Inspired Convergence // Journal of Nanoparticle Research. – 2016. – Vol. 18. – Art. 211. DOI: 10.1007/s11051-016-3520-0 EDN: WSEMUX

19. Bürgerliches Gesetzbuch vom 18. August 1896 // RGBI. S. 195, I. Januar 1900.

20. Negroponte N. Being digital / Nicholas Negroponte. – New York : Knopf, 1995. – VIII, 243 p. – (A Borzoi book). – ISBN 0-679-43919-6.

УДК 343.121:355.1

Степанченко С. П.
Научный руководитель: Алейникова В. А., ассистент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

АДВОКАТСКАЯ ЗАЩИТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ – УЧАСТНИКОВ СВО: СПЕЦИФИКА ДОКАЗЫВАНИЯ И СБОРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. В данной научно-исследовательской работе автором детально анализируются актуальные вопросы, связанные с адвокатской защитой военнослужащих, а именно участников Специальной Военной Операции. Помимо этого, автором поднимаются наиболее проблемные аспекты, связанные с доказыванием и сбором доказательств в отношении военнослужащих. Особое внимание уделяется трудностям получения показаний сослуживцев, доказывание боевого синдрома и взаимодействию с военными органами. Предлагаются пути совершенствования защиты прав военнослужащих.

Ключевые слова: адвокат, правовая защита, защитник, статус военнослужащего, Специальная Военная Операция, процесс доказывания и доказательства.

По мнению отечественного правоведа С.Н. Гаврилова: «Правовой статус военнослужащего, особенно в период выполнения задач в условиях вооруженного конфликта или специальной военной операции, характеризуется повышенной степенью ограничений общегражданских прав и свобод, обусловленных необходимостью обеспечения обороноспособности и безопасности государства» [5, с. 57]. Стоит отметить, что основные решения, касающиеся военнослужащих, принимаются военными органами в оперативной обстановке. Несмотря на это, все решения, вынесенные уполномоченными органами, должны отвечать требованиям законности и справедливости. Поскольку, как и любой гражданин, военнослужащий обладает конституционным правом на защиту [1].

На субъективный взгляд автора, ключевой проблемой доказывания по делам военнослужащих, является определение достоверности сведений, полученных на линии боевого соприкосновения. В этом случае, адвокату достаточно сложно собрать необходимую информацию, которая может смягчать вину своего подзащитного. Установить обстоятельства, связанные с исполнением обязательного приказа и крайнюю необходимость, представляется, также сложной задачей. В большинстве случаев адвокату приходится вступать во взаимодействие с закрытыми специальными органами.

В силу этого наибольшее значение приобретают личные показания сослуживцев подзащитного. Сослуживцы, становятся очевидцами всех

событий и могут способствовать положительному разрешению дела. Но и в данном случае, существует ряд трудностей, к примеру, сослуживцы продолжают выполнять боевые задачи или находиться в труднодоступных местах, получить свидетельские показания не предоставляется возможным в таких условиях. В данной ситуации адвокат должен проявлять умеренную настойчивость и заявлять ходатайства об обеспечении явки, лицу, которое обладает необходимой информацией. Стоит заметить, что в отдельных случаях допрос, возможно, произвести с помощью специальных средств видеоконференцсвязи.

Необходимо отметить, что для процесса доказывания, ключевую роль имеет и психофизиологическое состояние военнослужащего, а именно отдавал ли он отчет своим действиям в момент совершения преступного деяния. Доказывание наличия у подзащитного «боевого синдрома» становится важным фактором не только для квалификации деяния, но и для реализации положений закона о смягчении наказания.

Как отмечает В.Г. Иосиф: «Для участника СВО обращение в прокуратуру может быть более быстрым способом реакции, чем судебный процесс, особенно если нарушение носит системный характер или связано с бездействием командования. Военная прокуратура, обладая аппаратом на местах (в гарнизонах, объединениях), может оперативно отреагировать. Однако ее акты (представление, предписание) носят обязательный, но не окончательный характер для органа военного управления. Они могут быть обжалованы вышестоящему прокурору, а их неисполнение влечет ответственность, но окончательное разрешение спора по существу часто остается за судом» [6, с.141].

Анализ существующей системы выявляет ряд проблем, особенно острых в контексте СВО:

- - проблема доступности. Фактически невозможно оперативно допросить военнослужащего, поскольку он находится на выполнении боевого задания. Для решения подобной проблемы, считаем наиболее верным развивать дистанционные технологии, создавать цифровые рабочие места и активно привлекать к работе военных юристов;
- Отечественный исследователь В.Г. Иосиф, утверждает: «существует проблема процессуальных сроков. Сроки рассмотрения жалоб и исков, установленные в мирное время, могут оказаться нереалистичными в условиях СВО из-за перебоев со связью, необходимости истребования документов из зоны боевых действий и т. д. Требуется гибкий подход судов и прокуроров, применение института приостановления производства по делу или продления сроков по уважительным причинам, связанным с выполнением боевых задач» [6, с. 61];

- проблема исполнения судебных и прокурорских актов. Исполнение даже вступившего в силу решения суда или предписания прокурора может быть затянуто органом военного управления под предлогом военной необходимости или организационных трудностей. Здесь необходима жесткая позиция вышестоящих судов и Генеральной прокуратуры по применению мер ответственности за неисполнение, включая персональную ответственность должностных лиц.

Нами предлагаются следующие направления совершенствования.

- Нормативное: возможно закрепление в законодательстве специальных упрощенных процедур или сроков для рассмотрения отдельных категорий дел, связанных с участниками СВО (например, по вопросам выплат, признания статуса).
- Организационное: создание мобильных групп военных юристов и представителей военной прокуратуры для работы непосредственно в районах дислокации войск; расширение сети юридических консультаций для военнослужащих и членов их семей.
- Информационное: разработка и распространение понятных инструкций-памяток о порядке обжалования, специальных цифровых сервисов для участников СВО на порталах военных судов и прокуратуры.

Таким образом, механизмы защиты прав военнослужащих – участников СВО при оспаривании решений органов военного управления представляют собой многоуровневую систему, включающую внутриведомственный, судебный и прокурорский способы. Каждый из них имеет свою сферу применения, преимущества и недостатки.

На субъективный взгляд автора, на сегодняшний 2026 год адвокатская деятельность в области защите прав и свобод военнослужащих, требует принципиально нового подхода. Необходимо учитывать всю специфику военно-служебных отношений и не всегда опираться лишь на состязательность участников отношений. Эффективная защита возможна лишь при условии активного использования адвокатом права на опрос лиц с их согласия, привлечения независимых специалистов для анализа боевой обстановки и настойчивого преодоления бюрократических барьеров при доступе к архивным и оперативным данным воинских частей. Дальнейшее развитие этого института должно идти по пути совершенствования механизмов доступа адвокатов к информации, составляющей служебную тайну, при условии сохранения её конфиденциальности, что позволит обеспечить подлинное равноправие сторон и справедливость судебного разбирательства в отношении тех, кто выполняет свой воинский долг в условиях повышенного риска. Право на защиту для участника СВО должно быть не декларативным, а подкрепленным реальной возможностью предоставления суду объективной картины событий, произошедших в горниле

вооруженного противостояния, где грань между преступлением и подвигом иногда оказывается крайне тонкой и требует детального юридического осмысления.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 22.04.2026).
2. Указ Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 24.06.2025) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/ (дата обращения: 22.04.2026).
3. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] : приложение № 1 к Указу Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 24.06.2025) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/c898e37b15002afce9357e402aed7491bf20bbf8/ (дата обращения: 22.04.2026).
4. Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации [Электронный ресурс] : приложение № 3 к Указу Президента Российской Федерации от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 24.06.2025) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72806/ (дата обращения: 22.04.2026).
5. Гаврилов, С.Н. Цифровая трансформация адвокатской деятельности и адвокатуры: нормативное и нормативно-правовое регулирование // Адвокатская практика. – 2022. – № 2. – С. 56 – 60. DOI: 10.18572/1999-4826-2022-2-56-60 EDN: AYIOJB
6. Гессен И. В. История русской адвокатуры. Т. 1 : Адвокатура, общество и государство, 1864–1914 гг. / И. В. Гессен. – Москва : Издательство Советов Присяжных Поверенных, 1914. – 627 с.

УДК 37.01:327:316.77:378

Керимов Э. Ф., Гаджиева Р. Г.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

МИССИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Аннотация. В условиях перехода к многополярности образование утрачивает нейтральный статус и становится инструментом геополитического влияния, элементом «мягкой силы». Прежние модели (включая Болонскую систему) из средств гармонизации превратились в механизмы унификации, нивелирующие культурный суверенитет. Россия, опираясь на традиционные духовно-нравственные ценности и философско-педагогическое наследие (Ушинский, Ильин, Бердяев), формирует собственную образовательную стратегию, где обучение неразрывно связано с воспитанием целостной личности. Ключевой вызов – отказ от Болонской системы, создавший риски непризнания российских дипломов за рубежом. Решением может стать не гипотетическая блокчейн-платформа, а интеграция с действующей ФИС ФРДО для формирования цифрового профиля компетенций выпускника, обеспечивающего мгновенную верификацию на основе двусторонних соглашений. Межкультурная коммуникация сегодня глубоко асимметрична. Под видом «диалога культур» нередко навязываются чужие смыслы. Устойчивое развитие возможно лишь при сочетании двух условий: профессиональных специалистов (владеющих конфликтологией, правом, цифровыми инструментами) и прочной межгосударственной договорной базы. Особая роль отводится Россотрудничеству, которое должно перейти от культурно-представительских функций к полноценному оператору межгосударственных образовательных программ при смешанном финансировании. Подготовка специалистов для гуманитарной политики требует междисциплинарных программ, синтезирующих философию, психологию, политологию, право и цифровые компетенции, с обязательными стажировками в структурах Россотрудничества и корпорациях-партнёрах. Только такой подход превращает иностранного выпускника из статьи доходов в долгосрочный геополитический актив и реального проводника российских интересов в многополярном мире.

Ключевые слова: многополярный мир, мягкая сила, межкультурная коммуникация, российское образование, признание дипломов, цифровой профиль выпускника, Россотрудничество, подготовка специалистов.

В последние годы болезненный переход от однополярной модели мироустройства к многополярности требует пересмотра социального статуса образования. Образование постепенно утрачивает черты нейтральной услуги или «аполитичного знания» и превращается в полноценный инструмент

геополитического влияния, элемент «мягкой силы», формирующий приоритетное направление гуманитарной политики.

При этом, согласно Ефименко, в российской стратегии «мягкой силы» присутствует «ориентация на постсоветское пространство и идеологический акцент на «суверенную демократию» и традиционные ценности» [2, с. 763–764].

Ключевая проблема состоит в том, что прежние модели международного образовательного сотрудничества, включая западный универсализм и Болонскую систему трансформировались в средства унификации, игнорирующие культурный суверенитет национальных государств и нивелирующие их образовательные традиции и ценностные ориентиры. В этих условиях образование, становясь ареной цивилизационного выбора, предлагает конструктивную альтернативу, основанную на принципах доверия и взаимной выгоды. Рост региональных интеграционных объединений (ЕАЭС, БРИКС, ШОС) и запрос стран Глобального Юга на сохранение собственной идентичности создают беспрецедентный спрос на образовательные модели, не навязывающие единых стандартов.

Россия, обладая собственной глубокой педагогической традицией и опытом подготовки специалистов для десятков государств Азии, Африки и Латинской Америки, способна занять здесь лидирующую позицию. Однако для этого требуется системная перестройка механизмов признания дипломов, цифровой инфраструктуры и статуса иностранных выпускников как долгосрочного геополитического актива.

Критический анализ концепции абстрактного «диалога культур» обнаруживает её скрытую асимметрию, заключающуюся в экономическом и медийном доминировании одних акторов над другими, что позволяет навязывать ценностные повестки под видом универсальных норм [10, с. 21–33; 5, с. 7–19].

Российская философско-педагогическая традиция, представленная трудами К.Д. Ушинского, И.А. Ильина и Н.А. Бердяева, предлагает иной подход, где уделяется особое внимание воспитанию целостной, нравственно определённой личности.

Ушинский писал: «Учение, лишенное всякого интереса и взятое только силой принуждения, убивает в ученике охоту к учению... а учение, основанное только на интересе, не дает возможности окрепнуть самообладанию и воле ученика» [14, с. 429].

Ильин утверждал, что «образование в отрыве от духа, совести, веры и характера не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он, бездуховный и бессовестный, безверный и бесхарактерный, начинает злоупотреблять». [3, с. 176–177]

Бердяев акцентировал нравственное измерение воспитания и критиковал системы, подавляющие творческое начало, указывая на «недостаток нравственного воспитания личности и свободного ее самоограничения» как на вековую проблему [1, с. 111–112].

В многополярном мире философия образования призвана исходить из того, что подлинный диалог возможен исключительно между сильными, самоопределившимися культурами. Миссия России заключается в том, чтобы помочь им сохранить собственную идентичность через получение качественного образования. Такая задача реализуема лишь в формате равноправных межгосударственных соглашений, где каждая сторона сохраняет суверенное право определять национальные образовательные приоритеты.

Отказ Российской Федерации от Болонской системы, вступающий в полную силу с 1 сентября 2026 года, обусловлен стремлением к фундаментальности образования, ценностной определенности содержания и восстановлению органической связи между обучением и воспитанием. Указанная трансформация порождает серьезный вызов, состоящий в том, что российский диплом становится трудно верифицированным в странах, сохранивших болонские стандарты [4], что создает риски для иностранных выпускников и потенциально снижает привлекательность российского образования.

В настоящее время базовым механизмом признания выступают двусторонние межгосударственные договоры, Правительство РФ также ведет перечень из почти четырехсот зарубежных образовательных организаций (из 39 государств, включая Австрию, Египет, Иран, Китай, Германию, США), чьи дипломы признаются в России автоматически [9;8]. Однако обратный процесс, то есть признание российских дипломов за рубежом, остается фрагментированным и несистемным [7;11].

Целесообразно дополнить существующую систему цифровым профилем компетенций выпускника. Такой профиль предлагается создавать не на гипотетической блокчейн-платформе, а посредством интеграции с уже функционирующей Федеральной информационной системой «Федеральный реестр сведений о документах об образовании (ФИС ФРДО)», действующей на основании Постановления Правительства РФ № 825 [6]. Цифровой профиль должен включать электронный диплом с защитой от подделки, данные о пройденных курсах и практиках, а также обеспечивать мгновенную верификацию работодателем в стране-партнёре на основе двустороннего соглашения. Реализация этого предложения позволит снять проблему недоверия к российским дипломам, не соответствующим болонским стандартам, без создания дорогостоящих и технологически избыточных систем.

При этом трансформация образовательной модели не должна вести к изоляции России, но и не может опираться на универсальные стандарты, выработанные без учёта национальных интересов. Интеграционные объединения (ЕАЭС, БРИКС, ШОС) уже выступают платформами для согласования двусторонних подходов, обеспечивая их совместимость без навязывания единых стандартов «сверху» [13]. Необходим выборочный подход к заключению договоров с фокусом на приоритетных партнёрах, где признание дипломов становится частью экономических и технологических проектов (доступ к ресурсам, атомная энергетика, транспортные коридоры), превращающий признание дипломов из акта благотворительности в переговорный актив, работающий на укрепление взаимных интересов.

Современная межкультурная коммуникация глубоко асимметрична и нередко под видом «обмена опытом» происходит навязывание чужих смыслов, норм и критериев успешности. Разница в картинах мира, исторической памяти и поведенческих паттернах порождает зону потенциальной эскалации, а в условиях академической миграции эта напряженность проявляется наиболее остро: студент оказывается не только в иной языковой среде, но и в пространстве иных ценностных ориентаций, зачастую без подготовленных посредников [12, с. 33–38].

Отсутствие профессиональных медиаторов, способных передавать не только вербальную информацию, но и глубинные культурные коды, ведет к искажению восприятия и накоплению взаимного недоверия. Штатные сотрудники вузов, как правило, ориентированы на учебно-административные задачи и не владеют компетенциями межкультурной конфликтологии. Таким образом, иностранный студент остается один на один с «культурным шоком», что снижает эффективность обучения и формирует негативный образ принимающей стороны. В связи с вышесказанным межкультурная коммуникация требует профессионального управления. Однако даже самое компетентное сопровождение остается уязвимым, если оно не опирается на межгосударственные договоренности.

Двусторонние соглашения фиксируют согласованные принципы взаимодействия в образовательной и культурной сферах, определяющие статус образовательных и культурных центров на территории друг друга, что исключает произвольное толкование их полномочий. Без такой договорной основы даже самые квалифицированные посредники действуют в режиме «латания дыр», что неэффективно и сопряжено с неоправданными затратами.

Таким образом, устойчивое развитие межкультурной коммуникации в образовательной сфере возможно лишь при сочетании двух условий: наличия подготовленных специалистов межкультурной коммуникации и прочной межгосударственной договорной базы. Первое без второго превращается в точечную благотворительность, второе без первого остается мертвой буквой.

Иностранный выпускник, рассматриваемый не как статья доходов, а как долгосрочный геополитический актив, требует для своего превращения в реального проводника российских интересов глубокой институциональной трансформации сложившейся модели сопровождения. Ключевым инструментом здесь становится «паспорт выпускника» (цифровой профиль), который обеспечивает доступ к упрощенным визам, юридическим консультациям по признанию диплома, а также к базе вакансий российских компаний, работающих в стране-партнере.

В новой архитектуре российской гуманитарной политики возрастает роль Россотрудничества, призванного перейти от статуса культурно-представительской структуры к роли полноценного оператора межгосударственных образовательных программ. Существующая модель преимущественно ориентирована на привлечение студентов и не охватывает пост-образовательное сопровождение выпускников. Для восполнения этого пробела целесообразно закрепить за Россотрудничеством на основе двусторонних межгосударственных мандатов три новые взаимосвязанные функции:

- создание за рубежом центров верификации российских дипломов с интеграцией в ФИС ФРДО;
- запуск официальных alumni-платформ с юридическим статусом, интегрированных с цифровым профилем выпускника;
- организация образовательных интенсивов для формирования «послов» русской культуры и деловых кругов.

Финансирование перечисленных направлений предлагается сделать смешанным, где бюджетные ассигнования будут покрывать институциональную основу (содержание центров, зарплаты сотрудников, базовую цифровую инфраструктуру), а взносы российских государственных корпораций (Росатом, РЖД, Газпром, Роснефть), заинтересованных в привлечении квалифицированных иностранных специалистов, сформируют целевые фонды для стажировок и карьерных программ. Частичная оплата сервисов самими выпускниками создаст дополнительный источник доходов и одновременно повысит ответственность пользователей, что позволит перевести деятельность Россотрудничества в режим самоокупаемости по ряду направлений. Таким образом, предлагаемая трансформация обеспечивает непрерывность связи «российский вуз – иностранный выпускник – его родина».

Вузы, осуществляющие подготовку специалистов для международной гуманитарной деятельности, нуждаются в переходе к междисциплинарным образовательным программам, синтезирующим философию, психологию, политологию, международное право и прикладную проектную работу.

Сегодня современный межкультурный менеджер, действующий в поле гуманитарной политики, должен обладать принципиально иным набором компетенций, к которым относятся:

- способность распознавать и интерпретировать цивилизационные коды, понимать глубинные структуры мировоззрения партнеров по коммуникации;
- владеть навыками работы с межкультурной травмой, этническими стереотипами, профилактики и деэскалации конфликтов в академической и профессиональной среде;
- умение выявлять скрытые повестки, распознавать манипулятивные технологии и информационное воздействие, прогнозировать риски в межгосударственном взаимодействии;
- знание двусторонних договоров, процедур признания дипломов, миграционного законодательства, а также умение применять их в практической работе с иностранными студентами и выпускниками;
- владение цифровыми инструментами верификации образовательных документов (работа с ФИС ФРДО, настройка каналов межгосударственного признания дипломов), подготовка соглашений и организация стажировок.

Практическая составляющая таких программ предполагает включение обязательных стажировок в структурах Россотрудничества, профильных некоммерческих организациях и корпорациях-партнерах (Росатом, РЖД). Только сочетание фундаментальной теоретической подготовки с погружением в реальные кейсы гуманитарного сотрудничества способно сформировать специалиста нового типа – не транслятора «готовых рецептов», а рефлексивного медиатора, способного выстраивать долгосрочные межкультурные связи на принципах взаимного уважения и правовой определенности

Таким образом, формирование модельных двусторонних соглашений, создание цифровой инфраструктуры признания дипломов и подготовка новых специалистов в области межкультурной коммуникации могли бы стать основой системной работы российского образования за рубежом в условиях нового многополярного мира.

Список литературы:

1. Бердяев Н. А. Судьба России : опыты по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев ; предисл. Л. Полякова. – Репринт. воспроизведение изд. 1918 г. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 240 с. – ISBN 5-211-01953-9.
2. Ефименко А. М. Концептуальные и прикладные аспекты реализации российской «мягкой силы» в современных международных отношениях / А. М. Ефименко // Via in Tempore. История. Политология. – 2025. – Т. 52, № 3. – С. 754–764. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-3-754-764 EDN: IRRNLF

3. Ильин И. А. Наши задачи : историческая судьба и будущее России : статьи 1948–1954 гг. : в 2 т. / И. А. Ильин ; сост. и вступ. ст. И. Н. Смирнова. – М. : МП «Рарог», 1992. – 616 с. – ISBN 5-87372-005-3.

4. Как будут признаваться российские дипломы в новой системе высшего образования [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – 2025. – 3 февр. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/nauka-i-obrazovanie/94616/ (дата обращения: 05.04.2026).

5. Кучерук И. В. Феномен асимметрии в диалоге цивилизаций и культур / И. В. Кучерук // Философия образования. – 2013. – № 2. – С. 132-136. EDN: QBEBYN

6. О федеральной информационной системе «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении» : постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 825 (ред. от 01.11.2025) [Электронный ресурс]. // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385324/ (дата обращения: 05.04.2026).

7. Пантелеева А. Венесуэла, Алжир, Кипр: где еще котируются российские дипломы [Электронный ресурс] / А. Пантелеева // Парламентская газета. – 2025. – 9 февр. – URL: https://www.pnp.ru/top/venesuela-alzhir-kipr-gde-eshhe-kotiruyutsya-rossiyskie-diplomy.html (дата обращения: 05.04.2026).

8. Правительство России расширило список признаваемых в Российской Федерации иностранных вузов и научных организаций [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – 2025. – 31 янв. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/94538/ (дата обращения: 05.04.2026).

9. О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 января 2023 г. № 186-р : распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 янв. 2025 г. № 126-р. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497400/ (дата обращения: 05.04.2026).

10. Рахинский Д. В. Особенности универсалистских тенденций в современном образовании / Д. В. Рахинский // Философия образования. – 2018. – № 2. – С. 21-33. DOI: 10.15372/PHE20180202 EDN: XSCTGH

11. Россия и Индонезия заключили межправительственное соглашение о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – 2025. – 11 дек. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/99260/ (дата обращения: 05.04.2026).

12. Соколова Е. В., Воевода Е. В., Морозов В. М. Социокультурные адаптационные стрессоры иностранных студентов в России // Перспективы науки и образования. – 2022. – № 5 (59). – С. 476-490. doi: 10.32744/pse.2022.5.28

13. Блохин А. А. Национальные приоритеты России в меняющемся мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2024. – Т. 11, № 4. – URL: https://journals.rudn.ru/public-administration/article/view/38600 (дата обращения: 05.04.2026).

14. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948–1952. Т. 11 : Материалы биографические и библиографические. – 1952. – 727 с.

УДК 327

Керимов Э. Ф.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

ГЕНЕЗИС КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКЕ РФ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению генезиса и трансформации концепции «мягкой силы» в контексте современных международных отношений. В работе рассматривается эволюция несиловых методов влияния от классической модели Soft Power, основанной на привлекательности, к инструментальным моделям Sharp и Smart Power. Особое внимание уделяется анализу гуманитарной политики как стратегического ресурса влияния, а также специфике ее реализации Российской Федерацией через деятельность Россотрудничества. Автор приходит к выводу, что в условиях многополярного мира и ценностной конкуренции гуманитарная политика становится механизмом не только формирования позитивного имиджа, но и конструирования долгосрочных доверительных отношений на основе суверенности и учета культурной специфики партнеров.

Ключевые слова: мягкая сила, умная сила, острая сила, гуманитарная политика, Россотрудничество, публичная дипломатия, международные отношения, Российская Федерация.

В условиях многополярного мира, кризиса доверия к международным институтам и роста геополитической конкуренции концепция «мягкой силы» существенно трансформируется. Данная форма влияния, изначально предполагающая формирование предпочтений других акторов через привлекательность ценностей, культуры и политической системы государства, приобретает новые характеристики и механизмы реализации. Если XX век прошел под знаком биполярного противостояния военных блоков, где доминировали инструменты «жесткой силы», то рубеж XX–XXI веков ознаменовался распространением либеральной парадигмы международных отношений, в рамках которой «мягкая сила» рассматривалась как ключевой инструмент достижения внешнеполитических целей без прямого принуждения. Однако последующая трансформация мировой политической системы, выражающаяся в переходе от однополярности к многополярности, и усиление информационного противоборства привели к усложнению его содержания и эволюции от модели «Soft Power», основанной на привлекательности, к модели «Sharp Power», предполагающей более целенаправленное и инструментализированное гуманитарное и информационное воздействие. В этих условиях гуманитарная политика становится системным ресурсом стратегического влияния, обеспечивающим

реализацию национальных интересов посредством невоенных механизмов воздействия.

Для Российской Федерации использование гуманитарных инструментов является одним из ключевых направлений внешнеполитической деятельности. В современных условиях гуманитарная политика выступает специфическим механизмом внешнего воздействия, функционирующим в условиях повышенной конфликтогенности и чувствительности к вопросам суверенитета и идентичности. Деятельность таких институтов, как Россотрудничество, направленного на формирование благоприятного образа государства и развитие устойчивых форм культурно-ценностной и институциональной лояльности за рубежом, как подчеркивает Л. Рустамова, «способно сохранять каналы коммуникации даже в условиях политических конфликтов» [1, с. 161], что свидетельствует о его значении как инструмента поддержания международного диалога.

В условиях современных конфликтов «мягкая сила» частично утрачивает свое первоначальное содержание как инструмент добровольного притяжения и взаимного культурного взаимодействия, трансформируясь из инструмента добровольной лояльности в потенциальный механизм когнитивного и ценностного воздействия, способный при определенных условиях усиливать конфликтный потенциал международных отношений. Это свидетельствует об изменении функциональной природы несиловых форм влияния и их возрастающей роли в стратегической конкуренции государств. В связи с этим, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления сущности «мягкой силы» как специфического ресурса международного влияния, а также анализа ее реализации в рамках гуманитарной политики Российской Федерации.

Концепция мягкой силы была впервые системно сформулирована Джозефом Наем, который определил ее как «способность формировать предпочтения других акторов посредством привлекательности культуры, политических ценностей и внешней политики» [2, с. 11]. В отличие от жесткой силы, основанной на принуждении, мягкая сила действует через добровольное принятие ценностей и моделей поведения. Как отмечает Джозеф Най, «мягкая сила – это способность добиваться желаемых результатов благодаря привлекательности, а не принуждению или подкупу» [2, с. 5]. Данное определение подчеркивает качественное отличие мягкой силы от традиционных форм силового воздействия, где ее эффективность определяется не возможностью навязывания воли, а способностью формировать добровольное согласие и лояльность. При этом мягкая сила может выступать не только фактором стабилизации международных отношений, но и потенциальным источником напряженности, если ее применение воспринимается как инструмент внешнего вмешательства или

сопровождается игнорированием социокультурной специфики и исторического контекста принимающего общества.

Как отмечает В.А. Масич в своей работе, концепция «мягкой силы» не возникла спонтанно, а явилась «теоретическим ответом» на изменения, зафиксированные еще в работах Ная и Кеохейна 1970-х годов, а именно – на рост сложной взаимозависимости и снижения роли военного принуждения [3, с. 69].

Проблема силы традиционно занимает центральное место в теории международных отношений и является предметом фундаментальных теоретических дискуссий. В рамках классического реализма и неореализма, представленных в работах Ганса Моргентау и Кеннета Уолтца, международная система рассматривается как анархичная среда, в которой государства, руководствуясь императивом выживания и обеспечения собственной безопасности, опираются преимущественно на инструменты «жесткой силы», включая военный потенциал, военно-стратегическое сдерживание и поддержание баланса сил как механизма предотвращения доминирования одного актора над другими. В данной парадигме нематериальные факторы, такие как культура, ценности и идеология, не рассматривались в качестве самостоятельных ресурсов стратегического влияния, а воспринимались как вспомогательные элементы, сопровождающие реализацию военно-политической и экономической мощи государства.

В отличие от реалистской парадигмы, либеральный и неолиберальный подходы, представленные в работах Роберта Кохейна и Джозефа Ная, расширили понимание природы международного влияния, обосновав возрастающее значение нематериальных факторов в условиях сложной взаимозависимости государств. В рамках данной теоретической традиции международная система рассматривалась не только как пространство силового противостояния, но и как среда институционального взаимодействия, где устойчивость и влияние могут достигаться посредством экономической интеграции, международных институтов и нормативно-ценностного воздействия.

Дальнейшее развитие теории выявило ограниченность такого подхода. Появился ресурсно-ориентированный взгляд, рассматривающий мягкую силу как совокупность конкретных инструментов: система высшего образования (Болонский процесс), глобальные СМИ (CNN, BBC, RT), индустрия развлечений (Голливуд, «корейская волна»), институты развития (Фонд «Русский мир», Британский Совет, Институт Конфуция) [4, с. 45]. Этот инструментальный подход превратил мягкую силу в технологию создания благоприятного имиджа через НПО, культурные обмены и академические связи. Таким образом, концепция «мягкой силы» была переосмыслена как потенциальный инструмент нормативного и идеологического доминирования,

в которой продвижение политических ценностей, образовательных моделей и культурных стандартов сопровождалось не только формированием позитивного восприятия, но и трансформацией социальной и политической среды принимающего общества в интересах государства-инициатора.

Осознание ограниченности противопоставления «жесткой» и «мягкой» силы привело к формированию концепции «умной силы», разработанной Джозефом Наем и Ричардом Армитиджем, согласно которой эффективная внешнеполитическая стратегия предполагает комплексное использование военных, экономических и гуманитарных ресурсов. В данном контексте «мягкая сила» рассматривается как инструмент обеспечения легитимности и повышения эффективности внешнеполитического воздействия, тогда как «жесткая сила» создает структурные условия для реализации стратегических интересов государства.

В условиях информационной эпохи способность привлекать внимание и завоевывать доверие становится не менее значимым ресурсом, чем контроль над территорией. Для государственной гуманитарной политики это означает, что формирование позитивного образа страны и эффективное присутствие в информационном пространстве превращаются в ключевые направления деятельности. Однако, как показывает критический анализ концепции, представленный в работе Дженис Маттерн, «мягкая сила» не всегда является результатом добровольного признания привлекательности. По ее мнению, «мягкая сила может функционировать как форма социальной власти, при которой акторы оказываются вынуждены принимать определенные нормы, чтобы избежать маргинализации» [5, с. 598].

В свою очередь, китайская школа международных отношений предлагает альтернативный взгляд на природу несилового влияния. Ян Сюэтун в своей концепции морального лидерства подчеркивает, что «истинная сила государства определяется не только его материальными ресурсами, но и способностью заслужить уважение других государств» [6, с. 119]. Это указывает на возрастающее значение морального лидерства как ресурса международного влияния в области гуманитарной политики.

Российская гуманитарная политика, опираясь на классические методы «мягкой силы», вместе с тем исходит из критического анализа ее ограничений и ориентирована на формирование устойчивых доверительных связей с партнерами, основанных на принципах взаимного уважения и учета интересов. Как подчеркивает А.А. Стуглев, ключевым свойством «мягкой силы» является ее ориентация на долгосрочную перспективу: в отличие от «жесткой силы», эффективность которой проявляется достаточно быстро, воздействие «мягкой силы» проявляется постепенно, поскольку убедительная сила идей и культурных ценностей требует времени для формирования

устойчивых предпочтений и моделей поведения в принимающем обществе [7, с. 59].

Эволюция концепции «мягкой силы» в современных условиях привела к формированию модели «умной силы», объединяющей военные, экономические и гуманитарные ресурсы в рамках гибридного подхода. Как отмечает О.В. Тиханычев, ключевым трендом является переход «от использования «мягкой силы» (Soft Power) к «умной силе», в рамках которой интегрируются все формы «гибридного» противоборства» [8, с. 99]. Данное наблюдение подтверждает, что стратегическое применение мягких инструментов в сочетании с экономическим и военным потенциалом позволяет не только формировать долгосрочные предпочтения, но и управлять конфликтными процессами, снижая риски непреднамеренной эскалации в уязвимых регионах.

В одном из своих выступлений глава Россотрудничества Е.А. Примаков, отметил, что предпочитает термин – «гуманитарная политика»: «он чуть шире, но примерно о том же самом, это не hard power, это не вооруженные силы и не дипломатия». [9]. Гуманитарная политика выполняет комплексную роль в международных отношениях: с одной стороны, она способствует снижению напряженности через культурный диалог, образовательные обмены и распространение ценностных ориентиров; с другой стороны, при централизованном управлении и ограниченной адаптивности к региональным особенностям она может формировать скрытую конкуренцию за лояльность элит и общественное мнение принимающих стран. Практика показывает, что такие механизмы, как Университет дружбы народов в СССР и образовательные квоты Россотрудничества в современной России выступают инструментами формирования международной идентичности и стратегического влияния, однако их эффективность ограничена жесткой вертикалью управления, отсутствием инициатив на местах и невозможностью оперативной корректировки программ с учетом культурных и социополитических особенностей регионов. Это приводит к тому, что, несмотря на свои позитивные цели, гуманитарная политика функционирует в условиях повышенного риска, и без учета локального контекста и исторической памяти принимающей стороны способна создать конфликтогенную среду.

Также важнейшим инструментом реализации «мягкой силы» является публичная дипломатия. Как отмечает Ян Мелиссен, «публичная дипломатия направлена на формирование общественного мнения за рубежом через коммуникацию, обмен и культурные связи, а не на прямое давление на правительства» [10, с. 18–19]. Из этого следует, что успешная гуманитарная политика требует тонкой настройки коммуникационных и культурных программ, направленных на формирование доверия и позитивного восприятия

държавата-инициатора, а не на прякото навързване на ценности. Също така еволюцията на концепцията за „меката сила" е неразривно свързана със стратегически обмислена практика на прилагане на хуманитарната политика като ресурс за влияние, където ефективността се определя не само от привлекателността на културата и ценностите, но и от професионалното управление на рисковете на информационното и културното взаимодействие.

Чрез дългосрочни хуманитарни програми работи инструментариумът на „меката сила", който, според мнението на В.А. Смирнов, като „молекулярен" процес, като „невидимо, с малки порции, промяна на мненията и настроенията в съзнанието на всеки човек" [11, с. 14-15].

По този начин се формира нова концепция – „Хуманитарната политика като ресурс за влияние", включваща следните компоненти:

- образователна експанзия – обучение на елити и формиране на лоялни кадри в чужбина;
- ценностно позициониране – защита на традиционните ценности срещу неолиберална хегемония;
- защита на правата на сънародниците – запазване на присъствието в постсъветското пространство;
- борба с историческия ревизионизъм – запазване на паметта за Втората световна война като ресурс за външнополитическа легитимация [12, с. 90].

За разлика от класическата „мека сила", хуманитарната политика е плуралистична и се превръща в начин за демонстриране на суверенитет. Тя се превръща в мост между твърдата и меката сила, позволявайки на държавата да се позиционира като самостоятелен център на сила в многополюсния свят.

Освен това хуманитарната политика се разглежда като елемент от комплексна стратегия за осигуряване на национална сигурност. Държавата неизбежно се стреми да запази влиянието и да осигури контрол над стратегически важни региони, минимизирайки потенциалните заплахи, включително миграционните потоци, транснационалната нестабилност и разпространението на радикални идеологии. В този контекст хуманитарните инструменти, като културните центрове, образователните програми и подкрепата за сънародниците в чужбина, действат не само като средства за пропаганда или „културен обмен", но и като инструменти за превантивна стабилизация и формиране на дългосрочна лоялност сред местните елити и обществените групи. Освен това държавата създава благоприятно възприятие за своето присъствие, укрепва социалните и институционалните връзки, намалява риска от конфликти, свързани с външни идеологически влияния.

Российская модель гуманитарной политики, реализуемая через деятельность Россотрудничества, демонстрирует осознанный отход от копирования западных стандартов «мягкой силы» в сторону формирования самостоятельного инструментария, основанного на принципах суверенности, учета культурной специфики и долгосрочного построения доверительных отношений. В многополярном мире, где конкуренция смещается в область идентичности, исторической памяти и ценностных ориентаций, гуманитарная политика становится не просто способом продвижения позитивного имиджа страны, но и механизмом конструирования новой социальной и политической реальности.

Список литературы:

1. Рустамова Л. Трансформация «мягкой силы» и конфликтогенность в международных отношениях / Л. Рустамова // Пути к миру и безопасности. – 2024. – № 1 (66). – С. 150–168. DOI: 10.20542/2307-1494-2024-1-150-168 EDN: WSIINT
2. Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York : Public Affairs, 2004. – 149 p.
3. Масич В. А. Генезис концепции «мягкой силы» и интерпретация основных ее положений / В. А. Масич // Вопросы политологии. – 2015. – № 2 (18). – С. 63–78. EDN: UXMDPB
4. Nye J. S. The Future of Power. – New York : PublicAffairs, 2011. – 300 p.
5. Mattern J. B. Why Soft Power Isn't So Soft // Millennium: Journal of International Studies. – 2005. – Vol. 33, № 3. – P. 583–612. DOI: 10.1177/03058298050330031601
6. Rochlitz M. Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power – By Yan Xuetong, Edited by Daniel A. Bell and Sun Zhe // Political Studies Review. – 2012. – Vol. 10, No. 3. – P. 467. DOI: j.1478-9302.2012.00285_3.x
7. Стуглев А.А. Брендинг и мягкая сила страны в условиях современной геополитической турбулентности / А.А. Стуглев // Проблемы современной экономики. – 2023. – № 2(86). – С. 58-64. EDN: JIMUEM
8. Тиханычев О.В. История развития «гибридных» действий от войн «под чужим флагом» до «умной силы» / О.В. Тиханычев // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2025. – № 1. – С. 77-102. DOI: 10.7256/2454-0668.2025.1.39475 EDN: ABBZMJ
9. Примаков Е. «Нам не важно, чтобы нас все любили». Евгений Примаков о «мягкой силе» : интервью / Е. Примаков // Радио Sputnik. – 2022. – 15 марта. – URL: https://radiosputnik.ru/20220315/primakov-1778349739.html (дата обращения: 15.02.2026).
10. Melissen J. The New Public Diplomacy. New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 221 p. DOI: 10.1057/9780230554931
11. Смирнов В.А. Идеология общества потребления как элемент стратегии «мягкой силы» / В.А. Смирнов // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – № 3(38). – С. 13-21. DOI: 10.18799/26584956/2020/3(38)/1037 EDN: POMVAL
12. Салимов Ф. Н. Потенциал и возможности реализации «умной силы» (smart power) в условиях Таджикистана / Ф. Н. Салимов // Таджикистан и региональная политика в Центральной Азии : материалы междунар. науч.-практ. круглого стола и науч.-теорет. конф., Душанбе, 12 сент. 2020 г. – Душанбе : Таджикский национальный университет, 2021. – С. 86–98. EDN: GHWOKR

УДК 343.98

Волохова О. В.
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ХОД РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: В статье исследуются этнокультурные особенности поведения свидетелей и их влияние на ход расследования преступлений. Анализируются ключевые факторы, определяющие поведение свидетеля на допросе: отношение к власти, представление о правде, эмоциональность, чувство времени, гендерные и возрастные роли. Показывается, что игнорирование этих особенностей ведет к тактическим ошибкам – ложной оценке правдивости, разрушению психологического контакта, неверной интерпретации показаний. Предлагаются криминалистические рекомендации по работе со свидетелями – носителями иных культур.

Ключевые слова: свидетель, этнокультурные особенности, допрос, тактические ошибки, психологический контакт, культурный шок, гендерные роли, языковой барьер, криминалистическая тактика.

Еще двадцать лет назад следователь мог рассчитывать на то, что его свидетель – это человек той же культуры, того же языка, тех же привычек и представлений о мире. Разве что изредка, по особым делам, приходилось иметь дело с иностранцем или жителем отдаленного региона, чьи обычаи отличались от привычных. Сегодня ситуация кардинально иная. Миграция, туризм, международные браки, трудовые перемещения, а также внешнеполитические конфликты привели к тому, что следователь регулярно сталкивается со свидетелями, чье поведение не укладывается в привычные схемы.

Этот свидетель может по-другому реагировать на вопросы, иначе воспринимать дистанцию и тон общения, иначе относиться к самому факту разговора с представителем власти. Он может путать время и даты не из-за плохой памяти, а из-за иного восприятия времени. Он может казаться подозрительным только потому, что не смотрит в глаза, – хотя в его культуре прямой взгляд на старшего является проявлением неуважения. Он может отказываться от дачи показаний не из-за причастности к преступлению, а из-за того, что в его культуре женщина вообще не имеет права говорить с чужим мужчиной.

Все это – не экзотика и не досужие рассуждения. Это реальность современного уголовного судопроизводства, которую нельзя игнорировать. При этом важно правильно избрать формы и стиль общения следователя [1, с. 112]. Как писал Н.И. Порубов, Тактичный человек всегда подумает, как его

слова и поступки будут восприняты, не нанесут ли они незаслуженной обиды, не оскорбят ли человека и тем самым не приведут ли к обратному результату [2, с. 31-32]. Игнорирование этнокультурных особенностей свидетеля ведет к ошибкам в оценке достоверности показаний, к разрушению психологического контакта, к ложному впечатлению о причастности или, наоборот, к излишнему доверию к заведомо ложным показаниям. Криминалистика, как наука о наиболее эффективных способах расследования, давно обратила внимание на психологические аспекты допроса. Но психология – это еще не все. За привычными реакциями человека часто стоят не его индивидуальные особенности, а культурный код, усвоенный с детства. И если следователь не умеет «читать» этот код, он рискует действовать вслепую. В этой статье мы разберем, какие этнокультурные факторы наиболее значимы для следственной практики, к каким тактическим ошибкам приводит их игнорирование и что может противопоставить криминалистика этой проблеме.

Чтобы понять, как этнокультурные особенности влияют на показания, нужно прежде всего осознать: свидетель – это не только «человек вообще». Он – носитель определенной картины мира, в которой одни вещи считаются естественными, другие – недопустимыми, одни – достойными огласки, другие – подлежащими сокрытию. И эта картина мира во многом определяет его поведение на предварительном следствии.

Рассмотрим основные этнокультурные факторы, которые наиболее часто становятся источниками тактических ошибок в следственной практике.

Отношение к власти и авторитетам. В одних культурах (например, в скандинавских странах – Швеции, Норвегии) полиция воспринимается как слуга народа, к которому можно обращаться с вопросами и даже критиковать [3]. В других (например, в некоторых постсоветских или латиноамериканских странах) – как карающая сила, которую боятся и которой не доверяют. В-третьих (например, в Японии или Южной Корее) – как непререкаемый авторитет, которому нельзя перечить, даже если он ошибается.

Представление о правде и лжи. В европейской культуре правда обычно понимается как точное соответствие действительности. Ложь – как намеренное искажение. Но в некоторых культурах (например, в Китае, Японии) ложь «во спасение» (чтобы не обидеть, чтобы не навлечь беду, чтобы не выдать чужих секретов) считается нормой. Более того, в ряде традиционных обществ (например, в некоторых странах Центральной Азии, на Кавказе) не принято говорить «не знаю» или «не помню» – считается, что человек обязан ответить, даже если он не уверен, что может привети к додумыванию, но вполне искреннему, хотя и не точному.

Эмоциональность и невербальное поведение. Есть культуры (средиземноморские – Италия, Испания, Греция), где эмоции принято проявлять открыто – плакать, кричать, жестикулировать. И есть культуры

(Северная Европа – Финляндия, Эстония, а также Япония), где внешняя сдержанность считается признаком достоинства. Невербальные сигналы – взгляд, поза, дистанция, улыбка – также сильно варьируются.

Чувство времени. В германских и скандинавских культурах время воспринимается линейно и дискретно («точно в срок»). В латиноамериканских странах и на Ближнем Востоке – более циклично и размыто. Опоздание на допрос может быть не халатностью, а иным отношением к точности.

Гендерные и возрастные роли. В консервативных мусульманских странах женщина может быть не вправе разговаривать с незнакомым мужчиной [4]. На Кавказе и в Юго-Восточной Азии младший не может перечить старшему даже под угрозой наказания.

Все перечисленные этнокультурные факторы – не просто абстрактная «этнография». Они напрямую влияют на ход расследования, в частности допроса и его результаты. Игнорирование этих особенностей – одна из самых распространенных и опасных тактических ошибок в современной следственной практике. Рассмотрим подробнее, к каким последствиям это приводит.

Ошибка первая: ложное впечатление о правдивости или лживости. Следователь, не знающий культурных особенностей невербального поведения, может принять отведенный взгляд за признак обмана (хотя в Японии или Корее это знак уважения к старшему), а эмоциональность – за симуляцию (хотя для жителя Италии или Греции бурная жестикуляция – естественное проявление чувств). И наоборот: полное спокойствие может быть принято за уверенность, тогда как на самом деле для финна или эстонца сдержанность – культурная норма, а не индикатор правдивости. В результате следователь начинает подозревать невиновного или, что еще опаснее, доверять тому, кто умело имитирует «правильное» поведение.

Ошибка вторая: неверное формулирование вопросов. Задавая наводящий вопрос, следователь в любой культуре рискует получить тот ответ, который он ожидает. Но в культурах с высоким уровнем уважения к авторитету (например, в Японии, Китае, многих странах Центральной Азии) эта тенденция многократно усиливается. Свидетель будет соглашаться с любым предположением следователя, даже если оно неверно просто потому, что «начальник лучше знает». В результате в протокол попадают показания, не соответствующие действительности, и расследование идет по ложному следу.

Ошибка третья: разрушение психологического контакта. Следователь, который ведет себя слишком прямо, задает личные вопросы, не соблюдает дистанцию, может вызвать у свидетеля из другой культуры чувство страха, отвращения или оскорбления. Например, в некоторых культурах Ближнего Востока или Южной Азии не принято смотреть в глаза старшему – это не ложь,

а знак почтения. Но следователь, не знающий этого, может воспринять такое поведение как неискренность. В результате свидетель замыкается, начинает давать заведомо ложные показания или вовсе отказывается от сотрудничества – лишь бы побыстрее уйти.

Ошибка четвертая: культурный шок как препятствие для получения показаний. Беженец или мигрант, только что прибывший в страну из зоны вооруженного конфликта (например, из Сирии, Афганистана или с Украины) или по иным причинам, может находиться в состоянии острого стресса, вызванного сменой обстановки, незнанием языка, страхом перед депортацией. Любое взаимодействие человека с новой, но при этом «чужой» для него культурой сопровождается своеобразным процессом вхождения в данную культуру, который для разных людей (и в разных ситуациях контакта с культурой) является более или менее болезненным, но всегда имеющим определенные последствия…, что может привести к различного рода проблемам и стрессам [5]. В таком состоянии его память работает хуже, он хуже ориентируется во времени и пространстве, может давать противоречивые показания. Если следователь не учитывает этого и не делает поправку на культурный шок, он может принять эти противоречия за ложь или попытку уйти от ответственности.

Ошибка пятая: неверная интерпретация времени и сроков. Свидетель из страны с иным восприятием времени (например, из Латинской Америки или стран Магриба – Северной Африки: Марокко, Алжир, Тунис) может искренне путать дни недели и месяцы не из-за плохой памяти, а потому что в его культуре время отсчитывают не по календарю, а по значимым событиям («это было после праздника Ураза-байрам», «это случилось, когда начались дожди»). Следователь, привыкший к линейному европейскому времени, может счесть такие показания недостоверными, хотя на самом деле они точны – просто в иной системе координат.

Ошибка шестая: игнорирование гендерных ограничений. В некоторых культурах женщина не может разговаривать с незнакомым мужчиной без сопровождающего (например, в консервативных мусульманских странах). Если следователь-мужчина приглашает такую женщину на допрос в свой кабинет, она может просто отказаться от дачи показаний или дать их в искаженном виде, лишь бы поскорее завершить неприятный разговор. Аналогично: младший член семьи (например, молодой человек из традиционной кавказской семьи) может не дать показаний против старшего брата не потому, что боится, а потому, что в его культуре это абсолютно неприемлемо. И следователь, не учитывающий этого, теряет важного свидетеля.

В целом, последствия могут быть самыми разными – от неловкости до частичной потери доказательственной базы по делу.

Все эти ошибки – следствие не злого умысла, а профессиональной неподготовленности. И значит, они преодолимы. Но для этого следователь должен не только знать о существовании этнокультурных различий, но и уметь их распознавать в конкретной следственной ситуации, корректировать тактику и при необходимости привлекать специалистов – переводчиков, этнологов, культурных посредников.

Что может сделать следователь, чтобы минимизировать риски и получить максимально достоверные показания? Криминалистика предлагает несколько направлений.

Предварительное изучение культурного контекста. Конечно, следователь не может досконально изучить традиции всех народов мира. Но он может хотя бы выяснить базовые факты: откуда свидетель родом, какова его этническая принадлежность, какой язык для него родной, какой религии он придерживается. Этой информации часто достаточно, чтобы избежать грубых тактических ошибок. В сложных случаях можно привлечь консультанта – этнолога, культуролога, представителя диаспоры.

Участие переводчика – и не только языкового. Переводчик должен не просто переводить слова, но и объяснять контекст: «Этот жест в его культуре означает…», «Он сказал это не потому, что хочет обмануть, а потому что у них не принято…». Идеальный вариант – привлечение специалиста, владеющего и языком, и культурой.

Адаптация тактики допроса. Учитывая особенности восприятия времени, можно не спрашивать «во сколько это было?», а уточнять: «это было до обеда или после?», «было светло или уже темнело?». Учитывая отношение к авторитетам, можно смягчить форму вопросов: вместо «кто это сделал?» – «не мог бы ты рассказать, что ты видел?». Учитывая гендерные роли, можно проводить допрос с участием женщины-сотрудника, если свидетель не может говорить с мужчиной.

Использование вспомогательных средств. Рисунки, схемы, фотографии, макеты помогают преодолеть языковой барьер и дать показания тем, кто плохо говорит на языке следствия. Свидетель может показать на схеме, где он стоял, обвести на фотографии лицо подозреваемого, указать на макете, как двигались участники события.

Фиксация показаний с учетом культурных особенностей. Видеозапись допроса в таких случаях особенно важна. Она позволяет зафиксировать невербальное поведение свидетеля, паузы, интонации. Если потом возникнет спор о том, что именно свидетель сказал и в каком состоянии он это говорил, видеозапись станет объективным аргументом.

И главное – следователь должен быть готов к тому, что его собственные представления о норме – не единственно возможные. Культурная рефлексия,

умение посмотреть на себя со стороны – важное качество современного следователя.

Этнокультурные особенности поведения свидетелей – не второстепенный фактор, а реальное условие, влияющее на достоверность и полноту показаний. Их игнорирование ведет к тактическим ошибкам, потере доказательств и подрыву доверия к правосудию. Их учет, напротив, повышает качество расследования и укрепляет авторитет следственных органов.

Конечно, невозможно знать все культурные коды всех народов. Но возможно – и необходимо – выработать общий подход, основанный на внимании к контексту, уважении и готовности корректировать тактику в зависимости от ситуации. Культурная компетентность становится сегодня не дополнительным «плюсом» в работе следователя, а обязательной частью его профессионального инструментария. А криминалистика, в свою очередь, должна предоставлять для этого адекватные методики и рекомендации.

Список литературы:

1. Аксенова Лейла Юсуповна Тактические и психологические аспекты допроса // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – №1 (76). – С. 111-117. [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/takticheskie-i-psihologicheskie-aspekty-doprosa (дата обращения: 26.05.2026).
2. Порубов Н. И. Допрос в советском уголовном судопроизводстве / Н. И. Порубов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Вышэйш. школа, 1973. – 367 с.
3. Суслов А. Почему шведы доверяют своей полиции [Электронный ресурс] // LiveJournal. – URL: https://valer-q.livejournal.com/635085.html (дата обращения: 27.05.2026).
4. Запрет на звуки: как талибы* обращаются с женщинами Афганистана [Электронный ресурс] // RTVI. – URL: https://rtvi.com/stories/zapret-na-zvuki-kak-taliby-obrashhayutsya-s-zhenshhinami-afganistana/ (дата обращения: 27.05.2026).
5. Питерова А.Ю. Культурный шок: особенности и пути преодоления // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 4 (8). – С. 159-172. EDN: VMBTFL

УДК 347.9

Романченко Ж. О.
Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева, Иркутск, Россия

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В СПОРАХ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям предмета доказывания по делам о защите деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности. В статье рассматривается определение предмета доказывания, классификация способов защиты деловой репутации, основные критерии для удовлетворения исковых требований по защите деловой репутации юридического лица. Цель научного исследования заключает в исследовании особенностей предмета доказывания в спорах, возникающих по поводу защиты деловой репутации. Автор исследования приходит к выводу, что для удовлетворения требований в делах о защите деловой репутации необходимо доказать три ключевых условия. Суд должен установить наличие этих условий в каждом конкретном случае, что подчеркивает сложность подобных дел. Для упрощения рассмотрения таких требуется усовершенствование законодательства, а именно необходимо закрепить четкое определение предмета доказывания и установить конкретные критерии. Кроме того, существует проблема разграничения фактологических утверждений, которые можно проверить на достоверность, и оценочных суждений, которые не подлежат судебной защите, если они не носят оскорбительного характера.

Ключевые слова: предмет доказывания, гражданское право, деловая репутация, юридическое лицо, гражданско-правовая защита, субъект предпринимательской деятельности.

Важность темы обусловлена тем, что деловая репутация является ключевым активом для любого субъекта предпринимательской деятельности. Она напрямую влияет на конкурентоспособность компании, привлечение клиентов и партнеров, а также на возможность получения инвестиций и кредитов. Ухудшение репутации может привести к серьезным финансовым потерям и утрате рыночных позиций. В эпоху информационных технологий и активного использования интернета распространение порочащей информации стало более доступным и массовым, что повышает риски для бизнеса. Законодательство не содержит четких определений ключевых понятий, таких как деловая репутация и порочащие сведения, что приводит к противоречивой судебной практике. Также возникают сложности с определением предмета доказывания и разграничением фактологических утверждений и оценочных суждений.

Согласно части 1 статьи 29 Конституции Российской Федерации «Каждому гарантируется свобода мысли и слова», но не стоит забывать о правиле, закрепленном в части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Это означает, что распространение информации не должно ущемлять права тех, о ком она распространяется.

В соответствии со статьей 23 Конституции Российской Федерации «Каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени» и частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» тем самым деловая репутация субъектов предпринимательской деятельности подлежит защите. Это право гарантированно основным законом страны.

В контексте анализа понятия "деловая репутация" следует отметить, что в современном гражданском законодательстве отсутствует унифицированное определение данной категории. Законодательные акты содержат лишь отдельные упоминания о деловой репутации, однако не раскрывают ее сущность как правовой категории, что создает определенные трудности в ее правоприменительной практике.

М.Н. Малеина считает, что деловая репутация — это «набор качеств и оценок, с которыми их носитель ассоциируется в глазах своих контрагентов, клиентов, потребителей, коллег по работе и персонифицируется среди других профессионалов в этой области деятельности» [3, с. 136].

Однако на сегодняшний день судебная практика демонстрирует, что определение предмета доказывания по делам о защите деловой репутации вызывает наибольшие сложности.

С.С. Борха отмечает «в целях восстановления нарушенного права на деловую репутацию юридические лица могут использовать как специальные способы защиты деловой репутации (опубликование собственного ответа (реплики), опровержение и удаление порочащих сведений, пресечение или запрещение их дальнейшего распространения), так и общегражданский способ защиты - возмещение убытков, причиненных распространением указанных сведений» [1, с. 63-64].

Действительно, в соответствии со ст. 150 Гражданского Кодекса Российской Федерации деловая репутация относится к нематериальным благам и подлежит защите в случае нарушения. Непосредственный порядок и методы защиты установлены статьей 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации. [6, с. 41–45].

В зависимости от метода защиты, выбранного юридическим лицом, меняются и те юридические обстоятельства, которые участникам процесса необходимо будет подтвердить в суде для рассмотрения и разрешения дела, то есть сам предмет доказывания в данной категории дел.

Для корректного разрешения любого правового конфликта, включая споры о защите чести, достоинства и деловой репутации, суд необходимо установить все юридически значимые факты. Совокупность данных фактов, имеющих решающее значение для исхода дела, определяется как предмет доказывания.

Гражданское процессуальное законодательство не предусматривает понятие «предмет доказывания», но согласно ч. 1 ст. 55 Гражданского Процессуального Кодекса Российской Федерации «доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела» в связи с чем некоторые авторы полагают, что это и есть определение предмета доказывания [2, с. 9-17].

Юридическая литература не даёт чёткого определения предмета доказывания, включая конкретные обстоятельства, которые в него входят, и источники его формирования. Выяснение важных для дела фактов напрямую связано с предметом доказывания. В процессуальной науке существует два подхода к определению предмета доказывания: широкий и узкий. В первом случае он охватывает не только факты материально-правового характера, но и другие обстоятельства. Во втором — ограничивается только материальными фактами.

И.В. Решетникова определяет предмет доказывания как совокупность материально-правовых и процессуальных обстоятельств, которые необходимо установить для правильного разрешения гражданского дела [4, с. 416].

М.К. Треушников пишет: «Предмет доказывания есть особый процессуальный институт, в который входят лишь те факты, которые имеют материально-правовое значение, факты, без выяснения которых нельзя правильно разрешить дело по существу» [5, с. 9-10].

Основываясь на выше представленных точках зрения, можно прийти к выводу, что под узкой трактовкой понимаются обстоятельства, имеющие материально-правовое значение для решения дела. В зависимости от наличия или отсутствия этих обстоятельств, возникают, изменяются или прекращаются соответствующие правовые отношения. В рамках широкой трактовки в предмет доказывания включаются факты, которые должны быть установлены судом для правильного разрешения гражданского дела. Это включает как материально-правовые, так и процессуальные факты.

В контексте нашего исследования представляется целесообразным придерживаться широкой трактовки данного вопроса. В процессе подготовки дела к рассмотрению следует осуществить комплексный анализ всех юридических фактов, подлежащих исследованию в рамках судебного

разбирательства. Определение наличия или отсутствия указанных фактов имеет ключевое значение для обеспечения объективного и справедливого разрешения спора.

Как уже было отмечено, предмет доказывания в юридическом споре о защите деловой репутации имеет свои специфические характеристики и определяется избранным истцом методом защиты своих прав. В рамках данного исследования, основываясь на тщательном анализе статьи 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации, мы попытаемся идентифицировать ключевые факты, которые будут составлять предмет доказывания при применении различных методов защиты.

При рассмотрении дел, связанных с защитой деловой репутации юридических лиц, важно подчеркнуть, что удовлетворение исковых требований возможно лишь при наличии трех ключевых составляющих.

1. Факт распространения информации. Согласно положениям ст. 152 Гражданского Кодекса Российской Федерации защите подлежит право юридического лица, нарушенное через распространение сведений, которые порочат его деловую репутацию. Для подтверждения факта распространения информации можно использовать любые доказательства, соответствующие требованиям процессуального законодательства. Например, если информация передавалась по телевидению, подойдут записи с телеканалов, сделанные зрителями, или сообщения о трансляции из других источников, включая свидетельские показания. В интернете доказательствами могут служить заверенные копии страниц, скриншоты и другие материалы.

2. Сведения должны иметь порочащий характер или быть недостоверными. В юридической практике данные о событиях, которые не имели места в действительности, или факты, отсутствующие в официальных документах, классифицируются как недостоверные. Эти сведения подлежат обжалованию в особом процессуальном порядке, предусмотренном законодательством. Термин «порочащая информация» нередко требует проведения лингвистической экспертизы, направленной на объективную оценку содержания и контекста представленных данных. В спорах, связанных с научными, техническими, художественными вопросами, привлечение экспертов становится обязательным, поскольку судья, как правило, не обладает специализированными знаниями в этих областях. Эксперт, обладающий необходимой квалификацией, может быть вызван в суд в качестве свидетеля для предоставления профессионального мнения по рассматриваемому вопросу.

3. Сведения не должны соответствовать действительности. Если распространённые сведения, даже если они порочащие, соответствуют истине, лицо не подлежит ответственности. На это обстоятельство обратил внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от

24.02.2005 №3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» где указал: «при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности». Информация, выражающая субъективные мнения, также не может стать объектом судебного разбирательства. К примеру, отзывы пользователей о товаре на сайте не нарушат деловую репутацию, если в них нет фактических утверждений. Однако порой бывает непросто установить, носит ли отзыв оценочный характер, что может потребовать дополнительного анализа в том числе экспертизы.

Таким образом, для удовлетворения искового требования по защите деловой репутации юридического лица необходимо доказать три основных условия в совокупности. Это подчеркивает сложность данной категории дел и необходимость дальнейшего изучения указанных проблем.

Особое внимание следует уделить категории оценочных суждений, которые часто используются для нанесения ущерба деловой репутации. Юридическое лицо может ошибочно заявить в суд, полагая, что оценочное суждение нарушает его репутацию. В данном контексте оценочное суждение характеризуется его отражением в соответствующем материале или информационном источнике. Если информация не содержит элементов оценочности, она приобретает утверждающий характер.

Важным аспектом в анализе подобных ситуаций является чёткое разделение между оценочными суждениями и фактами. Это требует от юристов и специалистов глубокого знания правовых норм и принципов, которые регулируют защиту деловой репутации.

Исследование предмета доказывания в спорах в сфере гражданско-правовой защиты деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности требует комплексного подхода, учитывающего как теоретические аспекты, так и практические проблемы правоприменения.

Требуется усовершенствование законодательства, а именно необходимо закрепить четкое определение предмета доказывания и установить конкретные критерии для него.

Список литературы:

1. Борха С.С. Защита деловой репутации юридических лиц //Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2021. – № 7 (238). – С. 61-69. EDN: KEIKUG

2. Еременко В. И. Вопросы защиты деловой репутации юридических лиц // Адвокат. – 2017. – № 2.

3. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. /М.: МЗ ПРЕСС. – 2000. – С. 244. ISBN: 5-94073-001-7 EDN: TSBMAJ

4. Решетникова, И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов / И. В. Решетникова. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт. – 2023. – С. 416. ISBN: 978-5-534-16594-4 EDN: NHOBOD

5. Треушников М. К. Судебные доказательства : монография. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Издательский дом «Городец», 2004. ISBN: 5-598-40008-8 EDN: QVSDUL

6. Федоров П. Г. Деловая репутация юридического лица и ее защита // Юрист. – 2010. – № 11. – С. 16–22. EDN: NECOCT

УДК 351.078.33

Васильев Г. Г.
Научный руководитель: Пименов В. И., к.т.н., доцент
Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

РИСКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭНЕРГЕТИКЕ. МОРАТОРИЙ НА ПРОВЕДЕНИЕ ПРОВЕРОК

Аннотация. В статье рассматривается как повлияла реформа в контрольно-надзорной деятельности на проверки. А именно переход к риско-ориентированному подходу в деятельности. К чему привел риско-ориентированный подход и его дополняющие изменения в системе контроля (надзора). Также в статье рассмотрены индикаторы риска, мораторий на проверки и внедрение цифровизации, что помогало для более быстрого внедрения риско-ориентированного подхода.

Ключевые слова: Риско-ориентированный подход, мораторий, индикатор риска, контрольно-надзорная деятельность.

Трансформация системы государственного контроля выступает одним из главных направлений административной реформы, направленной на снижение избыточного давления на субъекты предпринимательства при одновременном повышении уровня общественной безопасности. Переход от тотального контроля к выборочному, основанному на оценке потенциальных угроз, позволяет оптимизировать использование ограниченных государственных ресурсов и сосредоточить внимание на наиболее проблемных зонах.

Теоретический фундамент риско-ориентированного подхода базируется на классификации объектов контроля по категориям риска. Данная концепция предполагает, что интенсивность и частота проверочных мероприятий должны находиться в прямой зависимости от вероятности нарушения законодательства и масштаба возможного ущерба охраняемым законом ценностям.

Согласно положениям Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», риск-ориентированный подход является обязательным для большинства видов надзора. Законодатель выделяет шесть категорий риска: от чрезвычайно высокого до низкого, что определяет периодичность плановых проверок [1].

Градация категорий риска и соответствующие им режимы контроля представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Классификация категорий риска и периодичность контроля

Категория риска	**Частота плановых проверок**	**Объект**
Чрезвычайно высокий	Не менее 1 раз в год	Опасный производственный объект, АЭС
Высокий	Не реже 1 раза в 2 года	Крупные предприятия с высокой вероятностью ущерба
Значительный	Не реже 1 раза в 3 года	Средние предприятия
Средний	Не чаще 1 раза в 4 года	Объект с умеренной вероятностью ущерба
Умеренный	Не чаще 1 раза в 6 лет	Объекты с низкой вероятностью вреда
Низкий	Проверки не проводятся	Малый бизнес, добросовестность

Важным элементом риско-ориентированного подхода является система индикаторов риска. Индикаторы риска – это параметры, отклонение которых от установленных значений может свидетельствовать о высокой вероятности нарушения обязательных требований и (или) возникновения угрозы причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. Эти индикаторы могут быть как количественными (например, снижение эффективности ниже 75%, требует пересмотра модели), так и качественными (например, наличие жалоб потребителей, систематические нарушения сроков планово-предупредительных ремонтов). Выявление таких индикаторов является основанием для проведения внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий, что позволяет оперативно реагировать на потенциальные угрозы и предотвращать их развитие.

Рисунок 1 – Процесс риско-ориентированного подхода

Одним из ключевых преимуществ риско-ориентированного подхода является оптимизация использования ресурсов надзорных органов. Вместо равномерного распределения усилий по всем объектам, ресурсы концентрируются на наиболее проблемных и опасных участках. Это позволяет

сократить количество плановых проверок для объектов с низким уровнем риска, тем самым снижая административную нагрузку на добросовестные предприятия. В то же время, объекты с высоким и чрезвычайно высоким риском подвергаются более тщательному и частому контролю, что способствует повышению общей безопасности в отрасли. Такой подход обеспечивает максимальную эффективность надзора при минимальных затратах.

Внедрение риско-ориентированного подхода тесно связано с усилением профилактической составляющей в работе надзорных органов. Вместо карательных мер, акцент смещается на предупреждение нарушений. К профилактическим мероприятиям относятся информирование контролируемых лиц об обязательных требованиях, консультирование по вопросам их соблюдения, выдача предостережений о недопустимости нарушения обязательных требований, а также проведение профилактических визитов. Профилактические визиты, в частности, позволяют инспекторам не только довести до контролируемых лиц информацию о требованиях, но и выявить потенциальные риски, дать рекомендации по их устранению без применения мер административного воздействия. Это способствует формированию культуры безопасности и ответственности среди субъектов энергетического сектора.

Динамика изменения количества проверок после внедрения риск-ориентированного подхода отражена на рисунке 2.

Для наглядного примера можем рассмотреть отчеты Сибирского управления Ростехнадзора с 2020 по 2024 год, где наглядно будет видна динамика сокращений плановых проверок.

Рисунок 2 – Количество проверок Сибирского управления Ростехнадзора

Рассмотрев данные отчета, можно прийти к выводу что риско-ориентированный подход наглядно работает, также не будем забывать про мораторий на проверки

Трансформация контрольно-надзорной деятельности России получила импульс в 2022 году, когда внешнее экономическое давление потребовало от государства принятия мер по поддержке бизнеса. Введение широкомасштабного моратория на проведение проверок стало главным элементом новой регуляторной политики, направленная на снижение административной нагрузки и повышения ресурсов бизнеса для адаптации к рыночным условиям.

Правовым фундаментом для реализации данной инициативы послужило Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. №366 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля(надзора), муниципального контроля», которое радикально ограничило возможности органов контроля по осуществлению плановых и внеплановых мероприятий [2]. Основной целью такого решения выступала минимизация прямых и косвенных издержек предприятия, связанных с взаимодействием с государственным аппаратом в период высокой неопределенности.

Ключевым параметром моратория предполагают использование риско-ориентированного подхода как основной показатель для проверок. Если изначально ограничения были как временная мера, то последующая динамика законодательство продемонстрировала курс на долгосрочную либерализацию надзора. В частности, для большинства объектов контроля плановые проверки были полностью отменены на период до 2030 года, что создает устойчивый горизонт планирования для добросовестных участников рынка.

Несмотря на общий запрет, система сохраняет гибкость в вопросах обеспечения безопасности граждан. Внеплановые контрольные мероприятия по-прежнему допускаются, однако их проведение жестко регламентировано и в большинстве случаев требует согласования с органами прокуратуры. Основанием для вмешательства могут служить только факты непосредственной угрозы жизни и здоровью людей, возникновения чрезвычайных ситуаций или грубых нарушений в области промышленной безопасности.

Таблица 2 – Характеристика режимов контроля

Параметр	**До 2022 года**	**Режим моратория (2022-2024)**
Приоритет надзора	По графику	Профилактический визит
Внеплановые проверки	Выборочно	Обязательно
Основание проверки	Наступление срока	Индикатор риска и реальная угроза

Параметр	**До 2022 года**	**Режим моратория (2022-2024)**
Процент плановых проверок	Высокий (основной метод)	Низкий (в основном объекты с чрезвычайно высоким риском)

Важным вектором развития реформы стад переход от карательной модели к профилактической. Вместо традиционных проверок, завершающихся штрафами, инспекторы теперь ориентированы на проведение профилактических визитов. Такой формат взаимодействия позволяет бизнесу выявить и устранить возможные несоответствия требованиям законодательства без применения санкций, что способствует формированию партнерских отношений между государством и бизнесом.

В этой синергии контрольно-надзорные органы перешли от календарного планирования к реагированию на конкретные индикаторы риска.

Цифровизация играет важную роль в эффективной реализации риск-ориентированного подхода. Использование современных информационных систем, таких как ГИС ТОР КНД (Государственная информационная система типового облачного решения по автоматизации контрольной (надзорной) деятельности), мобильного приложения «Инспектор», а также технологий БПЛА (беспилотных летательных аппаратов) и искусственного интеллекта (ИИ) для анализа данных, позволяет значительно повысить качество оценки рисков и оперативность проведения контрольных мероприятий. ИИ, например, может анализировать огромные объемы данных (статистику аварий, показания датчиков, метеорологические данные) для выявления скрытых закономерностей и прогнозирования потенциальных угроз. Это делает систему надзора более интеллектуальной и проактивной.

Связь между мораторием и риск-ориентированным подходом заключается в их дополнении друг друга. Мораторий устанавливает общие границы вмешательства государства в дела бизнеса, формируя защиту над добросовестными участниками рынка. В свою очередь, риск-ориентированная модель выступает в роли точного навигатора, который позволяет точечно снимать эти ограничения там, где вероятность причинения вреда превышает допустимый уровень. Несмотря на очевидные преимущества, внедрение риско-ориентированного подхода сопряжено с рядом вызовов. К ним относятся необходимость сбора и анализа большого объема данных для корректной оценки рисков, разработка адекватных критериев категорирования, повышение квалификации инспекторского состава для работы с новыми инструментами и методологиями, а также обеспечение прозрачности и предотвращение коррупционных рисков в процессе отнесения объектов к категориям риска. Отсутствие достаточного количества исходных

данных или их низкое качество могут привести к неверному ранжированию объектов и, как следствие, к снижению эффективности надзора. Кроме того, необходимо постоянно развивать информационные системы и обеспечивать их интеграцию для создания единой картины рисков.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС: КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 07.06.2026).
2. Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 366 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // СПС: КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411233/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/?ysclid=mq350r6ksx3134311 (дата обращения: 07.06.2026).
3. Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору (Ростехнадзор). Доклады о результатах контрольно-надзорной деятельности за 2020–2024 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Ростехнадзора. – URL: https://www.gosnadzor.ru/public/annual_reports// (дата обращения: 07.06.2026).

УДК 347.4

Заикин Д. И.
Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития РФ, Москва, Россия

ФОРС-МАЖОР В РОССИИ, В МИРЕ И В БРИКС. ПОСЛЕДНИЕ НОВЕЛЛЫ

Аннотация. В статье на основе анализа гражданских кодексов, специальных законов и судебной практики Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР исследуется правовое регулирование форс-мажора. Выявляются общие для всех стран БРИКС критерии (чрезвычайность, непредотвратимость, непреодолимость), правовые последствия и различия в подходах, прежде всего консервативная позиция индийского права, не признающего экономическую невыгодность основанием для освобождения от ответственности. Поскольку полная унификация законодательства невозможна, автор предлагает унифицировать договорную практику: включать в контракты детальный перечень форс-мажорных событий, клаузулу о трудностях, процедуру уведомления и выбирать арбитраж внутри БРИКС.

Ключевые слова: форс-мажор, обстоятельства непреодолимой силы, БРИКС, невозможность исполнения, Гражданский кодекс РФ, Гражданский кодекс КНР, Закон о договорах Индии, международная купля-продажа, сравнительное правоведение, унификация договорной практики.

В условиях современной геополитической турбулентности, введения секторальных санкций и глобальной реорганизации торговых цепочек институт форс-мажора приобретает критическое значение для участников внешнеэкономической деятельности. Государства БРИКС, представляющие собой более сорока процентов мирового населения и значительную долю глобального ВВП, выступают в роли ключевых драйверов формирования нового многополярного экономического порядка. Однако правовое регулирование освобождения от ответственности за нарушение обязательств вследствие непредвиденных препятствий в этих странах имеет существенные различия, что порождает правовую неопределенность для контрагентов.

Анализ доктринальных источников и нормативных актов позволяет утверждать, что, несмотря на разницу в законодательной технике, материально-правовые подходы стран БРИКС к определению непреодолимой силы демонстрируют высокую степень конвергенции.

Российская Федерация. Основополагающей нормой выступает статья 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которой лицо, не исполнившее обязательства, освобождается от ответственности, если докажет, что исполнение было невозможно вследствие непреодолимой силы. Ключевым элементом российского правопорядка является доктрина «чрезвычайности и непредотвратимости» обстоятельств. При этом нарушение

обязанностей со стороны контрагентов должника (субподрядчиков) не признается форс-мажором. Судебная практика последовательно разграничивает непреодолимую силу и обычный предпринимательский риск, включая колебания рыночных цен [1].

Китайская Народная Республика. Гражданский кодекс КНР в статье 180 закрепляет легальное определение: форс-мажор – это объективные обстоятельства, которые невозможно предвидеть, избежать и преодолеть. Китайские суды, как правило, занимают формалистский подход: сторона, ссылающаяся на форс-мажор, обязана доказать три элемента: непредвиденность, неизбежность и непреодолимость. Новеллой последних лет стала реакция судов на санкционное давление: так, в деле «Сульцер Шанхай» (2020) суд указал, что заморозка счетов за рубежом не является форс-мажором, если есть возможность использовать другие активы. Тем не менее, Китай – единственная из стран БРИКС, где позитивное право содержит столь развернутую дефиницию.

Республика Индия. Индийское контрактное право (Indian Contract Act, 1872) исторически опирается на английскую доктрину «frustration of contract» (доктрина тщетности договора), закрепленную в Разделе 56. Отсутствие прописанной дефиниции «форс-мажора» в законе компенсируется судебным прецедентным правом. Верховный суд Индии в ряде решений постановил: для применения Раздела 56 необходимо, чтобы последующее событие сделало исполнение либо невозможным, либо незаконным. При этом «простая коммерческая невыгодность» не является основанием для освобождения от ответственности. Характерной чертой индийского подхода является жесткое разграничение: если в контракте есть оговорка о форс-мажоре, применяется Раздел 32 (условные обязательства), если нет – Раздел 56 (невозможность). Суды не могут переписывать условия договора и перераспределять риск, взятый на себя стороной при подписании [2].

Южно-Африканская Республика. ЮАР относится к смешанной правовой системе (обладающей признаками как континентальной, так и общей правовой традицией). Освобождение от ответственности возможно на основе доктрины «supervening impossibility» (последующей невозможности исполнения). Правовая традиция ЮАР строга: если исполнение стало невозможным по независящим от должника причинам, обязательство прекращается. Однако если невозможность является временной, исполнение лишь отсрочивается. Важно отметить, что южноафриканские суды не признают экономические трудности (например, резкое подорожание импорта) форс-мажором, если физическое исполнение остается возможным.

Федеративная Республика Бразилия. Бразильское право, кодифицированное в Гражданском кодексе 2002 года, детально регламентирует «форс-мажор и случай». Статья 393 кодекса устанавливает,

что должник не отвечает за убытки, если ущерб возник вследствие непреодолимой силы или случайного события. При этом бразильская доктрина акцентирует «неизбежность» последствий. Уникальной чертой Бразилии является активное применение «теории непредвиденности» (Teoria da Imprevisão), схожей с российским принципом «обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора».

Сравнительный анализ показывает, что все пять правопорядков БРИКС признают различие между ситуацией, когда исполнение невозможно физически (форс-мажор), и ситуацией, когда исполнение стало крайне обременительным. Однако механизмы регулирования разнятся. Российское право (ст. 451 ГК РФ) допускает изменение или расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Китайское право (ст. 533 Гражданского кодекса) также позволяет пересмотреть договор при явно несправедливом изменении баланса интересов. Индийское право в этом аспекте наиболее консервативно: доктрина frustration не охватывает экономическую невыгодность, и стороны обязаны исполнять договор даже себе в убыток, если нет специальной оговорки о пересмотре цены. Верховный суд Индии в деле Energy Watchdog (2017) прямо указал: «Рост цены делает контракт убыточным, но не невозможным». Эта разница является главным камнем преткновения для контрагентов. Например, индийский партнер не может сослаться на форс-мажор из-за роста таможенных пошлин или введения ответных санкций, если это не заблокировало саму возможность поставки, тогда как бразильский или российский суд в аналогичной ситуации может применить принцип «rebus sic stantibus» [3].

Важной особенностью, объединяющей страны БРИКС, является роль государственных или публично-правовых институтов (Торгово-промышленных палат) в удостоверении форс-мажора. В России наличие сертификата Торгово-промышленной палаты является традиционным и часто обязательным доказательством. Аналогичные механизмы существуют в Китае (China Council for the Promotion of International Trade, CCPIT) и в Индии (Indian Chamber of Commerce). Хотя такой сертификат не имеет предустановленной силы для суда (он оценивается наряду с другими доказательствами), его отсутствие существенно осложняет доказывание. В условиях санкций и военных конфликтов (как это наблюдается в практике украинских судов, находящихся за рамками данной статьи, но влияющих на транзитные риски) роль подобных свидетельств возрастает.

Проведенный компаративистский анализ позволяет выделить несколько фундаментальных общих черт, присущих регулированию института непреодолимой силы во всех пяти правопорядках стран БРИКС. Прежде всего, это касается критериальной основы форс-мажора: повсеместно обстоятельство признается основанием для освобождения от ответственности

лишь при условии его соответствия трем кумулятивным признакам – чрезвычайности, непредотвратимости и непреодолимости. Требование чрезвычайности означает, что событие не могло быть разумно предвидено стороной при обычных условиях гражданского оборота. Непредотвратимость указывает на отсутствие у должника реальной возможности повлиять на наступление события либо на его негативные последствия. Непреодолимость же отражает объективную невозможность исполнить обязательство, несмотря на принятие всех разумных мер. Легальное закрепление этих критериев можно обнаружить в пункте 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в статье 180 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики. Единообразие этих базовых характеристик создает концептуальную основу для взаимного признания форс-мажорных обстоятельств при рассмотрении споров между контрагентами из разных государств объединения [4].

Вместе с тем общность подходов прослеживается и в правовых последствиях наступления форс-мажора, а также в распределении процессуальных обязанностей. Во всех странах БРИКС наступление обстоятельств непреодолимой силы освобождает сторону от гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, включая освобождение от уплаты неустойки и возмещения убытков. Однако при этом в большинстве правопорядков само обязательство не прекращается окончательно, если сохраняется объективная возможность его исполнения после устранения соответствующих обстоятельств. Исключением из этого правила может служить ситуация, регулируемая доктриной невозможности исполнения, которая, в частности, в индийском праве закреплена в разделе 56 Закона о договорах 1872 года и применяется при отсутствии в контракте прямой оговорки о форс-мажоре. Примечательно, что роль договорных условий также варьируется: если в Китае и Российской Федерации закон содержит императивные или диспозитивные общие нормы о непреодолимой силе, позволяющие сторонам лишь детализировать их в соглашении, то в Индии прямое включение положения о форс-мажоре в текст контракта имеет критическое значение.

Наконец, единым для всех пяти правопорядков является правило о бремени доказывания: сторона, ссылающаяся на форс-мажор, обязана подтвердить как сам факт наступления соответствующего обстоятельства, так и наличие причинно-следственной связи между этим обстоятельством и невозможностью исполнить договорные обязанности. Указанные общие черты, несмотря на отдельные расхождения, свидетельствуют о высокой степени конвергенции правовых подходов и создают необходимые предпосылки для гармонизации договорной практики в рамках БРИКС [5].

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что правовые системы стран БРИКС, несмотря на отдельные доктринальные и законодательные различия (в частности, в оценке экономического изменения обстоятельств и роли договорной оговорки), демонстрируют высокую степень концептуальной общности в понимании сущности форс-мажора как чрезвычайного, непредотвратимого и объективно непреодолимого препятствия к исполнению обязательств. Существующие расхождения не являются непреодолимым барьером для развития торгового сотрудничества, однако требуют от контрагентов повышенной договорной дисциплины. Оптимальным способом минимизации правовых рисков выступает не унификация национальных законодательств, а внедрение унифицированных договорных условий, включающих детальный перечень форс-мажорных событий, гибридную клаузулу о трудностях, четкую процедуру уведомления и выбор компетентного арбитража внутри объединения.

Список литературы:

1. Ермоленко К. И. Сравнительный анализ правового регулирования внешнеэкономических сделок в России и других странах БРИКС // Академическая наука. – 2024. – № 4. – С. 72–76. EDN: BRPLNN
2. Дешура Ю. В., Павлов А. П. Сравнительно-правовой анализ регулирования системы государственной службы стран БРИКС Плюс // Universum: экономика и юриспруденция. – 2024. – № 5 (115). – Текст : электронный. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-regulirovaniya-sistemy-gosudarstvennoy-sluzhby-stran-briks-plyus (дата обращения: 07.06.2026).
3. Лев, М. Ю. Экономическая безопасность БРИКС в условиях антироссийских санкций: институциональный аспект / М. Ю. Лев, М. Б. Медведева, Ю. Г. Лещенко // Экономическая безопасность. – 2024. – Т. 7, № 1. – С. 123-154. DOI: 10.18334/ecsec.7.1.120345 EDN: EPJTVX
4. Бутузова К. И., Зверева А. А., Порядина В. М. Особенности правового регулирования экономического сотрудничества РФ в рамках БРИКС // Международный аспект. – 2023. – Т. 4, № 1 (11). – С. 36–53. EDN: LYLTRL
5. Бахметьева Е.С., Морозкина А.К. Расширенный БРИКС: есть ли общее в проблемах роста? // Россия в глобальной политике. – 2025. – Т. 23. – № 5. – С. 59–74. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-5-59-74 EDN: TAGXFU

УДК 343.3/.7

Ветошкина Е. Д., Бузмаков Е. С.
Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Киров, Россия

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ПОДГОТОВКИ К СОВЕРШЕНИЮ БОЛЕЕ ТЯЖКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. В статье анализируются теоретические и правоприменительные проблемы квалификации деяния по статье 272 УК РФ в качестве приготовления к совершению более тяжкого преступления. Исследуется соотношение состава неправомерного доступа к компьютерной информации с нормами Общей части уголовного права о стадиях преступления. Выявляются ключевые сложности разграничения самостоятельного оконченного преступления в сфере компьютерной информации и приготовления к посягательствам на личность, собственность или общественную безопасность. Обосновывается необходимость учета направленности умысла и фактической способности приготовительных действий создать условия для реализации более опасного деяния.

Ключевые слова: неправомерный доступ, компьютерная информация, подготовка к преступлению, квалификация преступлений, совокупность преступлений, статья 272 УК РФ, статья 30 УК РФ, киберпреступность.

Современное развитие информационно-телекоммуникационных технологий привело к трансформации способов совершения традиционных преступлений. Неправомерный доступ к компьютерной информации, ответственность за который установлена статьей 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), все чаще выступает не конечной целью злоумышленника, а начальным этапом, необходимым условием для реализации более тяжких и общественно опасных посягательств. Сложность построения обвинения в таких ситуациях заключается в необходимости правильно юридически оценить содеянное: квалифицировать ли такой доступ как самостоятельное оконченное преступление, как приготовление к более тяжкому деянию или как их реальную совокупность. Указанная проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от выбора квалификации зависит строгость наказания и возможность привлечения лица к ответственности за приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению [1].

Объективная сторона преступления, предусмотренного частью 1 статьи 272 УК РФ, выражается в совершении неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, если это деяние повлекло за собой уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование такой

информации. По своей законодательной конструкции данный состав является материальным: преступление признается оконченным с момента наступления указанных вредных последствий. Однако в контексте приготовления к другому преступлению неправомерный доступ перестает быть самоцелью. Лицо вторгается в информационную систему не для того, чтобы уничтожить данные или скопировать их как таковые, а для того, чтобы получить сведения, необходимые для планирования или совершения убийства (например, получение данных о перемещении жертвы), хищения (получение ключей доступа к счетам) или диверсии. Законодательное определение приготовления содержится в части 1 статьи 30 УК РФ. Под приготовлением понимаются приискание, изготовление или приспособление средств либо орудий совершения преступления, приискание соучастников, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. Как следует из доктринального толкования, под иным созданием условий может подразумеваться изучение места совершения предполагаемого преступления, устранение препятствий и, что наиболее важно, получение информации, обеспечивающей успешность посягательства.

Таким образом, неправомерный доступ, повлекший, к примеру, копирование кода доступа к банковской ячейке или сбор информации о маршрутах передвижения потерпевшего, с объективной стороны содержит все признаки приготовления. Действия виновного не входят в объективную сторону подготавливаемого убийства или кражи, а лишь создают фундаментальную возможность для их совершения.

Как верно отмечает Гайфутдинов Р. Р., центральной проблемой квалификации является разграничение двух ситуаций. Первая ситуация: лицо совершает неправомерный доступ, преследуя исключительную цель, охватываемую диспозицией статьи 272 УК РФ (например, хулиганская модификация информации), и у него внезапно возникает умысел на более тяжкое преступление, либо он использует полученные данные уже после окончания состава статьи 272. Вторая ситуация: доступ изначально является этапом реализации единого преступного замысла, направленного на совершение тяжкого деяния [2].

В первом случае имеет место реальная совокупность преступлений: оконченное деяние по статье 272 УК РФ и самостоятельное приготовление или покушение на другое преступление. Во втором случае содеянное должно квалифицироваться по правилам части 2 статьи 30 УК РФ (приготовление к тяжкому или особо тяжкому преступлению) без дополнительной квалификации по статье 272 УК РФ, если неправомерный доступ охватывался способом приготовления.

Ключевое значение приобретает субъективная сторона. Виновный должен осознавать, что он осуществляет неправомерное проникновение в информационную систему именно как часть плана по совершению более опасного деяния. Следует согласиться с позицией, согласно которой если неправомерный доступ совершен из корыстной заинтересованности (пункт «б» части 2 статьи 272 УК РФ), но при этом является подготовкой к хищению, суды зачастую сталкиваются с дилеммой: квалифицировать ли копирование информации как оконченное преступление в сфере компьютерной информации или как приготовление к краже или мошенничеству. Оптимальным представляется подход, при котором основное внимание уделяется объему умысла: приоритет имеет та норма, которая с наибольшей полнотой отражает фактическую общественную опасность деяния и направленность воли лица [3].

Другой аспект проблемы связан с оценкой последствий неправомерного доступа как создания условий для тяжкого преступления. Часть 4 статьи 272 УК РФ предусматривает усиленную ответственность за деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они повлекли тяжкие последствия или создали угрозу их наступления. В судебной практике возникает вопрос: не поглощает ли квалифицированный состав статьи 272 приготовление к тяжкому преступлению, если последнее не было доведено до конца? Например, если доступ был осуществлен для подготовки теракта, но теракт был предотвращен. В данном случае деяние одновременно содержит признаки приготовления к преступлению против общественной безопасности и признаки угрозы наступления тяжких последствий по части 4 статьи 272 УК РФ. Научный анализ показывает, что в данном случае применимы правила конкуренции общей и специальной нормы, но с оговорками. Часть 4 статьи 272 УК РФ является специальной нормой по отношению к частям 1-3 той же статьи, но она не охватывает полностью весь спектр общественной опасности приготовления к убийству или диверсии. Поэтому конкуренция здесь возникает между институтом неоконченного преступления (статья 30 УК РФ) и материальной нормой об информационных преступлениях. Представляется, что для правильной уголовно-правовой оценки необходимо применение совокупности статей, если приготовление готовилось к особо тяжкому преступлению, а последствия неправомерного доступа не являются «тяжкими» в смысле примечаний к главе 28 УК РФ, но являются критически важными для совершения основного деяния.

При квалификации неправомерного доступа в качестве приготовления необходимо учитывать императивное требование части 2 статьи 30 УК РФ: уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Неправомерный доступ, совершенный в качестве подготовки к преступлению небольшой или средней тяжести, не

влечет ответственности за стадию приготовления. Однако в этом случае сам доступ может остаться наказуемым в рамках общей нормы статьи 272 УК РФ, если он привел к указанным в ней последствиям. Это создает парадоксальную ситуацию: лицо, готовящее кражу (преступление средней тяжести при определенном ущербе) через взлом информационной системы, будет нести ответственность только за сам факт доступа (по статье 272), а лицо, готовящее убийство (особо тяжкое преступление) тем же способом, будет отвечать за приготовление к убийству. Разница в санкциях может быть существенной, и законодатель считает такое разграничение оправданным с точки зрения общественной опасности конечного умысла [4].

Доказывание того, что неправомерный доступ был именно приготовлением, а не самостоятельным актом, сталкивается с рядом трудностей. Необходимо установить, что преступление не было доведено до конца по не зависящим от лица обстоятельствам. Если лицо, получив доступ, добровольно отказалось от совершения тяжкого преступления, его действия, связанные с доступом, остаются наказуемыми по статье 272 УК РФ (при наличии последствий), но не могут квалифицироваться как приготовление к тому преступлению, от которого лицо отказалось (статья 31 УК РФ). Таким образом, отграничение приготовления от добровольного отказа имеет критическое значение.

Также проблематичным является доказывание прямой связи между полученной информацией и планируемым тяжким деянием. Судам необходимо устанавливать, что информация, к которой был получен доступ, была пригодна для использования в качестве средства или условия совершения будущего преступления. Например, копирование базы данных паролей пользователей портала государственных услуг может рассматриваться как приготовление к мошенничеству, в то время как простое несанкционированное ознакомление с открытой статистикой без возможности ее использования для хищения не может быть признано созданием условий для тяжкого преступления [5].

Подводя итог, следует констатировать, что квалификация неправомерного доступа к компьютерной информации как приготовления к совершению более тяжкого преступления является теоретически обоснованной и востребованной практикой конструкцией, однако сопряжена со значительными сложностями субъективного и доказательственного характера. Основным критерием такой квалификации должна выступать направленность умысла виновного на использование информационного вторжения в качестве этапа реализации более опасного посягательства. Представляется необходимым дальнейшее развитие судебной практики по данному вопросу, а также, возможно, закрепление соответствующих разъяснений на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской

Федерации, касающихся ответственности за преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. Это позволит унифицировать подходы к разграничению статьи 272 УК РФ и приготовительных действий по статье 30 УК РФ, исключив как необоснованное вменение совокупности преступлений, так и ошибочную квалификацию очевидного приготовления как оконченного деяния в сфере компьютерной информации.

Список литературы:

1. Насонова, М. А. Квалификация неправомерного доступа к компьютерной информации: объективные и субъективные критерии отграничения от смежных составов в цифровой среде / М. А. Насонова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2026. – № 16 (619). – С. 370-373. EDN: QLJKKZ

2. Гайфутдинов Р. Р. Понятие и квалификация преступлений против безопасности компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук / Р. Р. Гайфутдинов. – Казань, 2017. – С. 243. EDN: VTPONB

3. Аргучинская А. О. Некоторые проблемные аспекты уголовной ответственности за неправомерный доступ к компьютерной информации // Актуальные исследования. – 2024. – №21 (203). – С. 12-14. EDN: DYMKMQ

4. Герасимов А.Ю. Неправомерный доступ к компьютерной информации // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: Сборник научных статей 4-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок, Курск, 01 декабря 2023 года. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2023. – С. 33-35. EDN: QRYLXK

5. Локнов А.И. Уголовно-правовая оценка неправомерного доступа к компьютерной информации // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. – С. 160-165. EDN: REBVPM

УДК 343.2/.7

Крюков А. В.
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

АЛГОРИТМ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТАТЬЯМИ 209 И 210 УК РФ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы назначения наказания за преступления, предусмотренные статьями 209 и 210 УК РФ. По мнению автора, совершенные в соучастии преступления, особенно преступления, совершенные организованной группой или преступным сообществом, по сравнению с преступлениями, совершенными одним лицом, представляют гораздо большую общественную опасность. Поэтому алгоритм назначения наказания за преступления, предусмотренные статьями 209 и 210 УК РФ, должен включать такие этапы как первичное назначение наказания каждому участнику преступной группы с применением общих и специальных правил, предусмотренных уголовным законом, учет количества соучастников, сравнительный анализ характера, роли и общественной опасности каждого виновного лица и роль каждого из виновных в обеспечении функционирования организованной группы как единой преступной структуры.

Ключевые слова: квалификация преступлений, организованная преступность, бандитизм, преступное сообщество (преступная организация), уголовное наказание, роль подсудимого в совершении преступлений.

И.С. Ной, обозначая основные задачи наказания, писал, что признак уголовного наказания – «цель применения – специальное и общее предупреждение, выделение главной цели – исправления и перевоспитания осужденного» [1].

С.Ф. Милюков указывает, что наказание, при всех его «побочных» эффектах, способно обеспечить контроль над преступностью на приемлемом для государства уровне [2].

Долгое время в научном мире идет дискуссия о том, обладает ли преступление, совершенное группой лиц, повышенной общественной опасностью и, соответственно, требует ли такое преступление назначения более строгого наказания. Например, такой ученый, как Е.В. Благов полагает, что преступления, совершенные в соучастии, могут представлять даже меньшую общественную опасность, нежели преступления, совершенные индивидуально [3].

В то же время большое количество других ученых считает, что преступления, совершенные в соучастии, представляют собой гораздо большую общественную опасность, нежели преступления, совершенные одним лицом. В данном случае с этими учеными полностью солидарен и

законодатель: в действующем Уголовном кодексе РФ наказание за любые совершенные в любом соучастии преступления является более строгим, нежели наказание за преступление, совершенное одним лицом.

По нашему мнению, именно совершенные в соучастии преступления, особенно преступления, совершенные организованной группой или преступным сообществом, по сравнению с преступлениями, совершенными одним лицом, представляют гораздо большую общественную опасность. Это обусловлено целым рядом факторов. В первую очередь, в группе возможно совершение таких преступлений, совершение которых одним лицом невозможно, в том числе преступления, предусмотренные ст. ст. 209 и 210 УК РФ. Кроме того, при совершении преступлений в группе наступление преступного результата достигается гораздо легче, поскольку имеет место совместный умысел на совершение преступление, физическая и психологическая поддержка соучастниками друг друга, распределение ролей между соучастниками при совершении преступления. И, наконец, существенное значение здесь имеет гораздо более эффективное устранение соучастниками всех препятствий к совершению преступления и принятие ими всех возможных мер для предотвращения раскрытия преступления.

Зачастую при направлении органом предварительного расследования для рассмотрения по существу в суд уголовного дела, по которому обвиняемому вменяется совершение преступления в составе организованной группы, именно признак совершения организованной группой в ходе судебного разбирательства подтверждения не получает.

Значительное количество уголовных дел по различным преступлениям направляется для рассмотрения в суд с инкриминируемым обвиняемому квалифицирующим признаком «совершенное в составе организованной группы». Однако в суде с доказыванием данного квалифицирующего признака в большинстве случаев возникают проблемы. Преступление, совершенное в составе организованной группы, всегда является более тяжким, нежели совершенное в составе группы лиц или группы лиц по предварительному сговору и поэтому всегда вызывает больше трудностей при доказывании.

В подобных случаях суды часто принимают компромиссное решение, переходя с квалифицирующего признака «преступление, совершенное организованной группой» на «преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору», поскольку доказывание факта совершения преступления группой лиц по предварительному сговору всегда представляет гораздо меньше затруднений.

Например, судебной коллегия по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции определением от 10.06.2020 г. по делу №7У–4967/2020 [77–804/2020] приговор Тимирязевского районного суда и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам

Московского городского суда в отношении С., Б. и Г. изменены: исключено осуждение за совершение преступлений в составе организованной группы, указанные лица признаны совершившими преступления группой лиц по предварительному сговору [4].

Приговором Верховного Суда Республики Мордовия П., ранее неоднократно судимый, был осужден по ст. ст. 209 ч. 2, ст. 162 ч. 3 п. п. «а, в», 162 ч. 3 п. п. «а, в», 226 ч. 4 п. п. «а, б», 222 ч. 3 УК РФ к окончательному наказанию в виде 16 лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 25.07.2005 г. приговор от 14.02.2005 г. в отношении П. изменен, наказание снижено на 6 месяцев.

Свое решение Судебная коллегия Верховного Суда РФ мотивировала тем, что преступления в составе банды были совершены П. совместно с лицом, дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с розыском Б. Впоследствии указанное лицо было обнаружено и задержано. Верховным судом Республики Мордовия от 13 августа 2009 года Б. по ст. 209 ч. 1 УК РФ оправдан в соответствии с вердиктом присяжных заседателей, которые признали его непричастным к совершению данного деяния. За другие преступления, в том числе совершенные в составе организованной группы с П., он осужден. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 22.10.2009 г. приговор от 13.08.2009 г. оставлен без изменения. В соответствии с ч. 1 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя. Поскольку единственный соучастник П. в совершении преступлений в составе банды – Б.– оправдан судом по ч. 1 ст. 209 УК РФ, то первый, то есть П., также не может быть признан виновным в участии в устойчивой вооруженной группе.

По изложенным основаниям Судебной коллегией Верховного Суда РФ уголовное дело в части осуждения П. по ст. 209 ч. 2 УК РФ прекращено, окончательное наказание П. снижено, в остальном судебные решения оставлены без изменения [5].

Отсюда с очевидностью следует, что невозможно инкриминирование П. участия в банде, состоящей только из него одного. Таким образом, уголовное дело в части осуждения П. по ст. 209 ч. 2 УК РФ подлежит прекращению в данной части в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного ст. 209 ч. 1 УК РФ.

Следует обратить внимание на то, что решением Верховного Суда РФ, несмотря на то, что из обвинения П. исключен бандитизм, относящийся к особо тяжким преступлениям, первоначально назначенное ему наказание уменьшено незначительно, то есть даже в отсутствие обвинения по ст. 209 УК

РФ, Верховным Судом учтены тяжесть и общественная опасность прочих совершенных П. деяний, связанных с разбойными нападениями и незаконным оборотом оружия и боеприпасов, обусловливающая назначение строгого наказания. Окончательное наказание П. обоснованно назначено по специальным правилам ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения наказаний, назначенных за каждое преступление, при этом некоторые преступления совершены им до вынесения приговора суда по прочим преступлениям, поэтому при назначении окончательного наказания применены правила ст. 69 ч. 5 УК РФ.

Большое значение при решении вопроса о назначении наказания участникам банды имеет учет характера и степени фактического участия лица в совершении преступления. Н.А. Беляев и М.Д. Шаргородский утверждали: «Бóльшая или меньшая степень участия зависит от значения действий соучастника для достижения преступного результата. Характер участия – качественная характеристика вклада каждого соучастника в сообща совершаемое преступление – определяется как степенью участия в совершении преступления, так и рядом иных обстоятельств, например, настойчивостью, проявленной при выполнении своей роли, наличием между соучастниками особых отношений (например, подчиненности), несовершеннолетием и т.п.» [6].

С учетом изложенного алгоритм назначения наказания за преступления, предусмотренные статьями 209 и 210 УК РФ, должен включать в обязательном порядке следующие этапы.

Первичное назначение наказания каждому участнику преступной группы с применением общих и специальных правил, предусмотренных уголовным законом, за каждое из преступлений, совершенных им в составе организованной группы. При этом учитывается индивидуальная роль каждого члена группы в совершении определенного преступления.

После этого, для назначения обоснованного наказания по статьям 209 или 210 УК РФ, необходимо учесть количество соучастников в преступной группе; при этом число лиц, чья вина в деятельности банды или преступного сообщества (преступной организации) установлена, должно составлять не менее двух. Как следует из приведенных выше примеров, нередки ситуации, когда, например, в части обвинения по ст. 209 УК РФ судом выносится оправдательный приговор в связи с тем, что в отношении одного из членов банды в составе двух лиц устанавливается непричастность к совершению преступления по ст. 209 УК РФ.

Кроме того, назначение обоснованного наказания по данным статьям требует сравнительного анализа характера, роли и общественной опасности каждого виновного лица в совершении каждого из преступлений, совершенных организованной преступной группой.

Затем при принятии решения судом необходимо установить роль каждого из виновных в обеспечении функционирования организованной группы как единой преступной структуры, поскольку деятельность каждого из участников преступной группы неотрывна от деятельности всей группы в целом.

Также при принятии окончательного решения необходимо учесть поведение каждого из виновных после полного окончания преступной деятельности группы, в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, поскольку при активном сотрудничестве со следствием и способствованию уголовному преследованию прочих членов группы при назначении наказания возможно применение статей 64 или 73 УК РФ.

При учете всех указанных факторов наказание за совершение преступлений по статьям 209 или 210 УК РФ будет являться законным и обоснованным.

Список литературы:

1. Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве: [Текст] / И. С. Ной. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1962. – 156 с.

2. Милюков С. Ф. Карательно – превентивный потенциал уголовного наказания далеко не исчерпан – Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 2 (45). – С. 26 – 29.

3. Благов, Е. В. Назначение наказания: (теория и практика) / Е. В. Благов. – Ярославль: ЯрГУ им. П. Г. Демидова, 2002. – 174 с. – (Ярославская юридическая школа начала XXI века / М-во образования Рос. Федерации, Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова). ISBN 5-8397-0206-4

4. Определение судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 июня 2020 г. – Электронный ресурс. – Режим доступа: dzen.ru (дата обращения: 13.12.2023).

5. Определение Верховного Суда Российской Федерации по уголовному делу № 15-ДП10-4 от 4 марта 2010 г. – Электронный ресурс. – Режим доступа: normativ.kontur.ru (дата обращения: 13.12.2023).

6. Курс советского уголовного права: [Текст] / Отв. ред. проф. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 336.722:330.567.2

Поддубский Д. О.
ORCID: 0009-0009-1446-1776
Научный руководитель: Алтухова Е. В., канд. экон. наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

ПРАКТИКА СБЕРЕЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются практики сберегательного поведения населения в условиях макроэкономической нестабильности. На основе официальных статистических данных, показано, что доля сберегаемой части доходов россиян достигла максимальных значений за продолжительный период наблюдений. Рассматриваются ключевые факторы, способствующие росту склонности к сбережению: инфляционные ожидания, ужесточение денежно-кредитной политики, изменение потребительских привычек и накопление «подушки безопасности». Особое внимание уделяется противоречию между ролью сбережений как стабилизатора для домохозяйств и их влиянием на текущую экономическую динамику.

Ключевые слова: сбережения населения, финансовая нестабильность, потребительское поведение, макроэкономическая волатильность.

Введение

Еще в 1776 году Адам Смит в своем основополагающем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» подчеркнул, что накопленные средства являются одним из ключевых элементов экономического роста [1]. Позднее Э. Дж. Долан и Д. Линдсей уточнили данное понятие, определяя сбережения как ту часть доходов домохозяйств, которая не тратится на покупку товаров и услуг или уплату налогов [2]. Джон Кейнс расширил эту концепцию, предлагая рассматривать сбережения как разницу между полученным доходом и уровнем потребления [3]. Он также отметил, что значительные объемы доходов концентрируются у государственных структур и корпораций, которые, не пуская часть прибыли в активное использование, по сути, создают собственные накопления. Таким образом, средства, остающиеся после удовлетворения насущных потребностей, формируют резерв для будущих трат.

Основная часть

Согласно данным Росстата, в 2025 году россияне направили на сбережения рекордные 14,1% своих доходов - максимум за 13 лет [11]. При этом реальные доходы значительной части населения стагнируют или растут неравномерно.

Экономическое развитие и его ускорение во многом зависят от накоплений, которые формирует население. Основой для формирования этих накоплений служат доходы людей. Однако уровень этих доходов испытывает существенные колебания как между регионами, так и в зависимости от социального статуса различных групп населения. Активность граждан в инвестиционной сфере определяется целым рядом факторов, включая развитость финансовых организаций, особенности конкретных территорий, потенциальную прибыльность инвестиций, а также объем государственной поддержки.

В современном экономическом дискурсе отсутствует единое, общепризнанное определение понятия «сбережения граждан». Согласно «Большому толковому словарю», это часть личных доходов, отложенная для удовлетворения будущих потребностей. «Финансово-кредитный словарь», под редакцией А.Г. Грязновой [4], определяет сбережения как денежные средства, которые население направляет не на текущее потребление, а на накопление с целью их последующего использования. Оба определения акцентируют внимание на денежной форме накоплений, поскольку именно она является наиболее практичной и доступной для сохранения ценностей, обладая при этом высокой ликвидностью.

Накопления граждан являются фундаментом для процветания банковской системы. Они представляют собой источник инвестиций для национальной экономики, что диктует необходимость в создании действенных механизмов для направления этих денежных потоков в финансово-кредитные организации. Впоследствии, именно эти вложения стимулируют реальный сектор экономики.

Несмотря на успехи в наращивании сбережений, серьезным вызовом остается поддержание доходности депозитов на уровне, не превышающем годовую инфляцию.

Процесс накопления средств населением обусловлен комплексом факторов, среди которых:

1. заманчивость депозитных ставок;
2. воспринимаемый уровень рисков;
3. динамика общего уровня цен;
4. государственная налоговая политика;
5. объем задолженностей потребителей;
6. прогнозы относительно развития экономики и прочие обстоятельства [5].

На правительстве и финансовых институтах лежит обязанность по выработке стратегий, стимулирующих приток гражданских сбережений в финансовую сферу. Этот процесс имеет первостепенное значение, поскольку именно сконцентрированные накопления становятся питательной средой для

инвестиций на национальном уровне. Однако наблюдающаяся даже инфляция характеризуется стремительным ростом стоимости товаров и услуг, что снижает покупательную способность денег со временем.

В таблице 1 представлены Индексы потребительских цен на товары и услуги. Индекс потребительских цен (ИПЦ) – один из основных показателей, характеризующих уровень инфляции в Российской Федерации.

Таблица 1 – Индексы потребительских цен на товары и услуги

	2022	**2023**	**2024**	**2025**	**2026**
к концу предыдущего месяца					
Январь	100.99	100.84	100.86	101.23	101.62
Февраль	101.17	100.46	100.68	100.81	
Март	107.61	100.37	100.39	100.65	
Апрель	101.56	100.38	100.5	100.4	
Май	100.12	100.31	100.74	100.43	
Июнь	99.65	100.37	100.64	100.2	
Июль	99.61	100.63	101.14	100.57	
Август	99.48	100.28	100.2	99.6	
Сентябрь	100.05	100.87	100.48	100.34	
Октябрь	100.18	100.83	100.75	100.5	
Ноябрь	100.37	101.11	101.43	100.42	
Декабрь	100.78	100.73	101.32	100.32	
к декабрю предыдущего года					
Декабрь	111.94	107.42	109.52	105.59	101.62

Источник: составлено автором по данным [6]

Для определения общего уровня инфляции за определенный период анализируются последовательные ежемесячные индексы стоимости. К примеру, чтобы вычислить изменение цен на потребительские товары в период с января по март 2023 года, следует провести следующую операцию: 100.84/100 * 100.46/100 * 100.37/100 = 1.0168

Данный расчет свидетельствует о том, что инфляция за первый квартал 2023 года составила 1.68%.

С 2022 года Российская Федерация столкнулась с введением множества экономических ограничений. Санкции, налагаемые другими государствами, направлены на оказание давления с целью изменения политического курса и глобальной геополитической обстановки. В настоящее время Россия лидирует по объему введенных против нее экономических санкций. Эти меры могут

включать в себя ограничение международных платежей, запрет на экспортно-импортные операции и принуждение многих зарубежных компаний к выходу с рынка. Комплекс экономических ограничений, с которым сталкивается страна, может повлечь за собой значительную девальвацию в текущих условиях.

Финансовые аналитики советуют отказаться от хранения средств на валютных вкладах, чтобы избежать возможных ограничений при проведении транзакций. Инвестиции в недвижимость традиционно считались и продолжают считаться одним из наиболее надежных способов защиты капитала от обесценивания и обеспечения стабильного пассивного дохода в сложившейся ситуации. Своевременное и грамотное принятие решений относительно вложения финансовых активов позволяет предотвратить банкротство, минимизировать риски, связанные с инфляцией, и защищать активы от снижения стоимости на бирже.

Исследование, проведенное НАФИ, выявило, что для большинства россиян главными методами преодоления финансовых трудностей являются бережливость и трудоустройство на дополнительную работу. Немаловажное значение для респондентов имеет также возможность получить финансовую поддержку от родных и близких, а также возможность реализовать часть своего имущества. Важно отметить, что эти две стратегии – обращение за помощью к родственникам и продажа части личного имущества – получили одинаково высокую оценку среди участников опроса [7].

Результат опроса аналитическим агентством россиян представлен на рисунке 1.

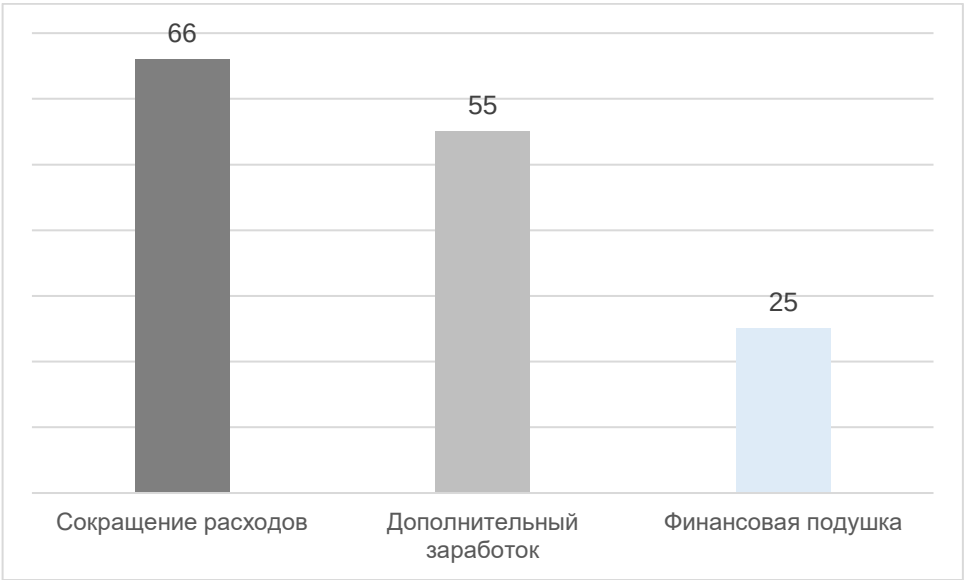


Рисунок 1 – Результаты опроса населения – способы обеспечения устойчивости в случае ухудшения экономической ситуации (результаты в % опрошенных)
Источник: составлено по данным [7]

Согласно аналитическим данным, представленным на Рисунке 1, существенная доля российских граждан, а именно две трети (66%), планируют урезать свои траты и отказаться от привычных благ, если экономическая ситуация ухудшится. Более половины россиян рассматривают возможность поиска дополнительных источников дохода, а четверть (25%) готовы использовать имеющиеся накопления.

Национальное бюро финансовых исследований (НАФИ) сообщило, что 73% жителей России не обладают достаточными сбережениями для поддержания текущего уровня жизни на протяжении как минимум трех месяцев при отсутствии поступления доходов. Примерно 17% респондентов смогут обходиться накоплениями менее одной недели. Лишь 27% россиян имеют финансовый резерв, достаточный для трехмесячного периода или дольше в случае потери основного источника заработка, что зачастую считается достаточным для преодоления кризисных явлений. Отрадно отметить, что в 2020 году доля граждан с такой «финансовой подушкой безопасности» составляла всего 20%.

Исследование, проведенное Почта Банком среди около 2000 клиентов, выявило, что 24% участников смогли сформировать финансовые накопления, а 31% делали это время от времени. При этом почти половина опрошенных (45%) признались, что в течение года не откладывали денежные средства совсем [8].

Основной причиной для формирования сбережений у большинства россиян (45%) является желание создать резерв на случай непредвиденных обстоятельств. Меньшая доля опрошенных имела иные мотивы: 11% копили на отпуск, 9% – на приобретение жилья, 8% – на ремонт, 4% – на автомобиль, 3% – на свадьбу и 2% – на образование. Примечательно, что примерно каждый пятый респондент (18%) не смог назвать конкретную цель для своих накоплений.

Опрос также зафиксировал изменения в финансовой нагрузке россиян. За последний год 34% участников исследования отметили увеличение своих кредитных задолженностей. У четверти респондентов уровень долга остался на прежнем уровне, а у 13% он сократился. При этом 29% опрошенных заявили об отсутствии каких-либо кредитных обязательств. Доходы за год у трети респондентов возросли, у половины остались неизменными, а у оставшихся – снизились.

В 2025 году россияне чаще всего выделяли наиболее крупные средства на отпуск. Опрошенные также отметили существенные траты на медицинские услуги (15%) и ремонтные работы (14%). Менее часто звучали упоминания о покупке бытовой техники (9%), объектов недвижимости (7%) и транспортных средств (7%). Примечательно, что 22% респондентов сообщили об отсутствии крупных покупок в течение года.

Главным финансовым фокусом в 2026 году видится не приумножение, а сбережение капитала. Вероятнее всего, большинство граждан России перейдут к тактике экономии. Причина в том, что с момента последнего кризиса, спровоцированного пандемией коронавируса, прошло слишком мало времени, чтобы у значительного числа людей сформировался адекватный финансовый резерв.

Финансовое поведение россиян изменяется не только под влиянием экономической конъюнктуры, но и вследствие социокультурных сдвигов. Граждане стали проявлять большую осторожность по отношению к долгосрочным банковским продуктам. Предпочтение отдается краткосрочным депозитам, либо хранению сбережений в наличной форме. Эта тенденция подтверждается заметной связью между уровнем инфляции и интересом к ипотечному кредитованию: массовая доступность жилищных кредитов возможна только при стабильном снижении индекса потребительских цен.

На недавнем втором ежегодном мероприятии, посвящённом управлению активами, Ольга Шишлянникова, глава подразделения инвестиционных посредников ЦБ РФ, обратила внимание на то, что запущенная в 2024 году «Программа долгосрочных сбережений» вызывает интерес в основном у людей предпенсионного и пенсионного возраста, что объясняется государственными преференциями. Однако молодое поколение, для которого программа создавалась, проявляет к ней низкую заинтересованность. Для изменения этой ситуации Банк России планирует инициировать законодательные корректировки [9].

За первые шесть месяцев 2025 года 61% всех обращений за жилищными кредитами поступили от лиц в возрасте от 18 до 35 лет.

Одновременно, согласно исследованию АНО «Институт демографического развития», проведённому среди молодёжи 18–35 лет относительно их жизненных ориентиров, семейные ценности являются приоритетом для 84% опрошенных. Далее следуют саморазвитие (45%), карьерные амбиции (36%) и желание иметь детей (29%). Финансовый аспект как основную жизненную ценность выделили 37% мужчин и 28% женщин.

Заключение

Таким образом, становится очевидно, что для большинства молодых россиян отсутствует как реальная возможность участвовать в долгосрочных накопительных программах, так и мотивация ставить долгосрочные инвестиции в число приоритетных задач. А в случае продолжающегося экономического спада значительная часть жителей России, уже без привязки к возрасту, сталкивается со снижением реальных доходов, что сделает формирование накоплений чрезвычайно сложным для многих.

В случае кризиса подавляющее большинство российского населения ощутит падение реальных доходов, и многим будет чрезвычайно трудно

формировать какие-либо сбережения. В первую очередь, тенденция к экономии отразится на планируемых приобретениях крупной бытовой техники, электроники и товаров длительного пользования. Также сократятся расходы на досуг и обновление гардероба.

Следовательно, трансформация сберегательного поведения из вынужденной модели адаптации в устойчивую стратегию финансового планирования в текущих макроэкономических условиях маловероятна. Сбережения, даже при фиксируемом росте их номинальных объёмов, остаются преимущественно краткосрочными и ориентированными на минимизацию рисков, а не на долгосрочное инвестирование. Пока не будут созданы институциональные условия, снижающие неопределённость и восстанавливающие доверие к сохранности долгосрочных инвестиций, высокая склонность к сбережению будет свидетельствовать не о благополучии домохозяйств, а о защитной стратегии выжидания.

Список литературы:

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: в 3 т. / пер. П. А. Бибикова. – СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1866.
2. Долан Э.Дж., Линдсей Д. Макроэкономика – С-Пб.: АОЗТ «Литература плюс» 1994 г. – 412 с.
3. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. – М.: Эксмо, 2007. – 957 с. ISBN: 978-5-699-20989-7 EDN: QSKYFV
4. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / колл. автор; под общ. ред. А.Г. Грязновой. – М.: 2002, с. 1165, [2].
5. Аликперова Н. В. Микроэкономика личности и её роль в формировании финансово грамотного поведения // Народонаселение. – 2022. – Т. 25. – № 1. – С. 18–28. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.2 EDN: NSIKMQ
6. Индексы потребительских цен / Росстат. – 2026. – URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/price (дата обращения 08.03.2026).
7. Опрос населения / НАФИ. – 2026. – URL: https://nafi.ru/analytics/ (дата обращения 08.03.2026).
8. Опрос населения / ПочтаБанк. – 2026. – URL: https://www.pochtabank.ru/news (дата обращения 08.03.2026)
9. Слабый интерес молодежи к программе долгосрочных сбережений расстроил ЦБ / РБК. – 2026. – URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/69a7e7189a7947a93ad75c31?ysclid=mmhzao6drs411019111&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.by%2F (дата обращения 08.03.2026)
10. Классификация факторов влияния на формирование финансово-экономической культуры россиян / О. А. Александрова [и др.] // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 3. – С. 18–31. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.2 EDN: ZQUUFQ
11. Россияне поставили рекорд по накоплениям. Что это значит для экономики: [сайт] / РБК. – 2026. – 17 февр. – URL: https://pro.rbc.ru/demo/698b28c69a79472d563f1ee0 (дата обращения: 08.03.2026).

УДК 339.37:658.15

Ирхин В. С.
Южный университет (ИУБиП), Ростов-на-Дону, Россия

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

Аннотация. В статье рассматриваются методические подходы к оценке экономической архитектуры организации розничной торговли. Раскрывается значение процессного, архитектурного, финансово-экономического, цифрового и риск-ориентированного подходов. Дается обоснование почему оценка экономической архитектуры торговой организации не может ограничиваться только анализом отдельных финансовых коэффициентов. Предлагается логика комплексной оценки экономической архитектуры, применимая к сетевым организациям розничной торговли.

Ключевые слова: экономическая архитектура, розничная торговля, бизнес-процессы, оценка эффективности, цифровизация, управленческий анализ, риск-менеджмент.

Современная организация розничной торговли функционирует в условиях высокой конкуренции, ценовой чувствительности покупателей, усложнения логистики, роста расходов на персонал и активного внедрения цифровых решений. В этих условиях предметом анализа становится не только финансовый результат, но и то, каким образом компания выстраивает внутреннюю систему создания стоимости. Такая система может быть рассмотрена как экономическая архитектура организации.

Отдельно отметим, что под экономической архитектурой организации розничной торговли в рамках настоящей статьи понимается внутренне согласованная система ресурсов, бизнес-процессов, финансовых потоков, управленческой информации, цифровых инструментов и организационных механизмов, с помощью которых торговая компания формирует ассортимент, управляет запасами, обслуживает покупателей, контролирует издержки и получает экономический результат.

Актуальность такого подхода подтверждается тем, что архитектура организации все чаще рассматривается как самостоятельный объект проектирования и оценки. К слову, авторы И.В. Черпаков и М.А. Леонов отмечают: «В современном мире организации сталкиваются с растущей сложностью и изменяющимися рыночными условиями. В связи с этим проектирование эффективной архитектуры организации становится ключевой задачей» [2, с. 62]. Выходит, что сеть магазинов, логистика, ассортиментная политика, информационные системы и покупательский сервис должны работать не изолированно, а как единая управляемая система.

Първым методическим подходом к оценке экономической архитектуры выступает процессный подход. Значение его связано с тем, что розничная торговля представляет собой совокупность повторяющихся операций, таких как закупка товаров, поставка в распределительные центры, размещение запасов, выкладка, ценообразование, продажа, работа с возвратами, учет списаний, обслуживание клиентов. Авторы И.И. Шайдуллина и Г.А. Хазиахметова отмечают: «Любая организация представляет собой совокупность специализированных отделов и бизнес-процессов» [1, с. 140]. По этой причине оценка экономической архитектуры должна начинаться с определения ключевых бизнес-процессов и их вклада в конечный результат.

В розничной торговле процессный подход может опираться на такие показатели, как скорость оборачиваемости запасов, доля списаний, уровень выполнения поставок, производительность труда персонала, средний чек, доля повторных покупок, скорость обслуживания на кассе, доля онлайн-заказов, уровень удовлетворенности покупателей. Показатели позволяют оценить не только финансовый итог, но и качество функционирования внутренних операций. Авторы, анализирующие эффективность бизнес-процессов, справедливо указывают: «Эффективное развитие организации предполагает постоянную оценку и контроль показателей бизнес-процессов» [1, с. 143].

Вторым подходом является архитектурный подход, и его назначение состоит в том, чтобы оценить не отдельный процесс, а согласованность разных элементов организации. В этом смысле полезной является модель автора Дж. Захмана, применяемая для описания архитектуры предприятия. К тому же, по мнению И.В. Черпакова и М.А. Леонова, «использование модели Захмана для описания архитектуры предприятия позволяет получить целостное представление о конкретной компании, ее целях, бизнес-процессах, организационной структуре и ИТ-инфраструктуре» [2, с. 70]. Здесь удается отметить следующее - в торговой организации это означает возможность сопоставить цели бизнеса, ассортиментную стратегию, логистическую модель, цифровые системы, организационную структуру и показатели эффективности.

Архитектурный подход особенно важен для сетевого ритейла. Например, рост выручки может сопровождаться ухудшением оборачиваемости запасов, увеличением логистических затрат или ростом нагрузки на персонал и если анализировать только выручку, проблема останется скрытой. Если же оценивать экономическую архитектуру в целом, можно выявить несоответствие между масштабом сети, организацией поставок, качеством прогнозирования спроса и возможностями информационных систем.

Продолжим рассмотрение подходов. Третьим подходом выступает финансово-экономическая оценка. Она позволяет определить, насколько

выбранная архитектура обеспечивает устойчивость бизнеса и рациональное использование ресурсов. В розничной торговле особое значение имеют показатели товарооборота, валовой прибыли, операционной маржи, затрат на 1 рубль выручки, рентабельности продаж, оборачиваемости запасов, дебиторской и кредиторской задолженности. Следует оценивать структуру оборотного капитала, поскольку значительная часть ресурсов торговой компании сосредоточена в товарных запасах.

Финансово-экономический подход не должен подменять собой всю оценку, но он задает ее количественную основу. Такие авторы как М.А. Романовская и Е.Н. Соколова отмечают, что управление оборотным капиталом является частью финансового менеджмента, связанной с обеспечением устойчивости и платежеспособности предприятия [7, с. 193]. В рамках розничной торговли это положение особенно значимо, поскольку избыточные запасы замораживают денежные средства, а недостаточные запасы приводят к потере продаж и снижению лояльности покупателей.

Четвертым методическим подходом является оценка цифровой зрелости экономической архитектуры. Розничная торговля все больше зависит от «ERP», «CRM», «BI, WMS», систем прогнозирования спроса, электронного документооборота, программ лояльности и инструментов анализа больших данных. А.Б. Кознов, рассматривая цифровую трансформацию бизнес-процессов, связывает ее с изменением содержания и структуры процессов организации, а также с применением цифровых инструментов [3, с. 29]. В практическом плане это означает, что оценивать нужно не сам факт внедрения цифровой системы, а ее влияние на управляемость бизнеса.

Итак, в торговой организации цифровая зрелость может быть оценена через несколько признаков - наличие единой базы данных по продажам и запасам, качество прогнозирования спроса, автоматизацию заказов, скорость управленческой отчетности, интеграцию онлайн- и офлайн-каналов, персонализацию предложений для покупателей, использование аналитики по программе лояльности и если цифровые инструменты существуют отдельно друг от друга и не поддерживают принятие решений, они не усиливают экономическую архитектуру. В случае, если же они обеспечивают прозрачность запасов, спроса, продаж и затрат, цифровая система становится элементом экономической устойчивости.

Пятый подход связан с оценкой управленческой эффективности. Здесь отметим авторов А.Г. Рубина, А.Ю. Артюшкова и Г.Г. Пименова, которые в своих трудах рассматривают эффективность управления через сочетание экономических и социальных результатов, а также через качество самой системы управления [5, с. 177]. Примечательно, что для розничной организации это означает, что оценка экономической архитектуры должна включать не только показатели прибыли, но и способность менеджмента

координировать торговые точки, управлять персоналом, быстро реагировать на изменения спроса, корректировать ассортимент и контролировать издержки.

В этом блоке могут использоваться показатели выполнения планов продаж, точности бюджетирования, соблюдения нормативов затрат, текучести персонала, укомплектованности торговых точек, скорости принятия управленческих решений, качества внутренней отчетности. Решения, принятые на уровне центрального офиса, были реализуемы на уровне магазинов и распределительных центров.

Шестым подходом выступает риск-ориентированная оценка. Розничная торговля подвержена рискам изменения потребительского спроса, роста закупочных цен, перебоев поставок, снижения доступности персонала, технологических сбоев, регуляторных изменений и роста конкуренции. А.А. Тургаева связывает риск-менеджмент бизнес-процессов с необходимостью выявления факторов, которые могут снижать эффективность процессов организации [6, с. 292]. В рамках оценки экономической архитектуры такой подход позволяет определить, насколько компания готова к внешним и внутренним отклонениям.

Риск-ориентированная оценка может включать анализ зависимости от поставщиков, устойчивости логистики, доли импортных товаров и оборудования, чувствительности маржи к росту цен, качества страховых запасов, защищенности информационных систем, наличия альтернативных каналов продаж. Для ритейла это не вспомогательные параметры, а условия сохранения операционной устойчивости.

На основе рассмотренных подходов можно предложить следующую логику оценки экономической архитектуры организации розничной торговли. Сначала определяется бизнес-модель компании и ее основные источники создания стоимости. Затем выделяются ключевые бизнес-процессы и показатели их результативности. После этого оценивается финансово-экономическое состояние, включая оборачиваемость, маржинальность, структуру затрат и оборотный капитал. Далее анализируется цифровая зрелость, качество управленческой информации и степень интеграции информационных систем. Завершающим этапом становится оценка рисков и выявление направлений совершенствования архитектуры.

Порядок позволяет избежать узкого подхода, при котором эффективность торговой организации сводится только к росту выручки или прибыли. Более корректной является комплексная оценка, показывающая, за счет каких процессов, ресурсов, цифровых инструментов и управленческих решений достигается результат и для организаций розничной торговли это особенно важно, поскольку высокий товарооборот сам по себе не гарантирует устойчивости, если он сопровождается ростом списаний, перегрузкой

логистики, ухудшением клиентского опыта или снижением контроля над затратами.

Подведем итоги. Методические подходы к оценке экономической архитектуры розничной организации должны применяться во взаимосвязи. Процессный подход показывает, как работает операционная система компании. Архитектурный подход раскрывает согласованность целей, структуры, процессов и ИТ-инфраструктуры. Финансово-экономический анализ дает количественное выражение результатов. Оценка цифровой зрелости показывает качество информационной базы управления. Риск-ориентированный подход позволяет определить устойчивость организации к изменениям. В совокупности эти подходы формируют основу для дальнейшего анализа и разработки направлений совершенствования экономической архитектуры организации розничной торговли.

Список литературы:

1. Шайдуллина И.И., Хазиахметова Г.А. Показатели оценки эффективности бизнес-процессов организации // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований: материалы VIII Международной научно-практической конференции. - 2021. - С. 140-143.
2. Черпаков И.В., Леонов М.А. Применение модели Дж. Захмана для проектирования архитектуры организации // Экономика. Финансы. Общество. - 2024. - № 1(9). - С. 63-73. - DOI: 10.24412/2782-4845-2024-9-62-72.
3. Кознов А.Б. Особенности цифровой трансформации бизнес-процессов организаций // Экономические и социальные исследования. - 2024. - № 1(41). - С. 29-38. - DOI: 10.24151/2409-1073-2024-1-29-38. - EDN: ISXXEH.
4. Адамов А.З. Определение стратегии бизнес-процессов коммерческой организации // Regional and Branch Economy. - 2022. - № 1. - С. 46-49. - DOI: 10.47576/2782-4578_2022_1_46.
5. Рубин А.Г., Артюшкова А.Ю., Пименов Г.Г. Оценка и повышение эффективности управления предприятием // Вестник Челябинского государственного университета. - 2022. - № 12(470). - С. 177-184. - DOI: 10.47475/1994-2796-2022-11219.
6. Тургаева А.А. Риск-менеджмент эффективности бизнес-процессов организации // Экономические проблемы и юридическая практика. - 2024. - Т. 20. - № 2. - С. 292-296. - EDN: XOROKU.
7. Романовская М.А., Соколова Е.Н. Повышение эффективности управления оборотным капиталом предприятия // Вестник науки. - 2024. - № 11(80). - Т. 4. - С. 193-198.

УДК 005.95:378.1:004

Куланова А. А.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СПБПУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Аннотация. В статье рассматривается проблема отсутствия комплексного, верифицируемого инструментария для оценки качества управления развитием персонала университетов, функционирующих в условиях VUCA-среды и цифровой трансформации. Автором предложена оригинальная многоуровневая методика, базирующаяся на семиэтапном алгоритме, включающем концептуализацию, структурную декомпозицию, формирование пула показателей, установление весов методом анализа иерархий, разработку инструментов глубинной диагностики, нормирование и создание организационного регламента. Центральным элементом выступает интегральный индекс качества управления развитием персонала (ИКУРП), агрегирующий 40 базовых показателей по четырём блокам: стратегическому, процессному, компетентностному и результативному. В рамках предлагаемой работы авторы рассматривают онтологические основы компетентностного подхода, который акцентирует внимание на поведенческих аспектах работника организации, формирует возможности для концентрации внимания на их знаниях и умениях, способствует созданию интегрированной и эффективной системы управления персоналом. Научная новизна заключается во введении ансамбля дополнительных взаимосвязанных инструментов (матрица зрелости, карта компетентностных разрывов, индекс цифровой вовлечённости, профиль адаптивного потенциала), что обеспечивает не только констатацию состояния, но и раскрытие природы управленческих разрывов. Показано, что предложенная система контрольных точек предотвращает ситуацию «ложного благополучия», когда высокий интегральный показатель маскирует критические дисфункции.
Ключевые слова: развитие персонала, цифровая трансформация, образовательная организация, индекс качества, компетентностный разрыв, индекс цифровой вовлечённости, VUCA-среда, метод анализа иерархий.

Введение. Современный университет как сложная социотехническая система оказался погружён в пространство, характеристики которого всё чаще описываются акронимом VUCA (volatility, uncertainty, complexity, ambiguity). Цифровая трансформация, выступающая одновременно и вызовом, и ресурсом для адаптации, радикально изменяет требования к человеческому капиталу. На смену статичным квалификационным справочникам приходят динамично обновляемые компетентностные профили, а формальный охват программами повышения квалификации перестаёт быть релевантным индикатором, уступая

место оценке реального переноса цифровых навыков в профессиональную практику [1; 2]. Однако, как справедливо отмечают ряд исследователей, практика управления персоналом в российских вузах по-прежнему опирается на фрагментированные показатели – бюджет обучения, число прошедших курсы, коэффициент текучести – которые фиксируют экстенсивные параметры, но не дают ответа на принципиальный вопрос, приводит ли это к необратимому приращению организационных способностей [3; 4].

В процессе длительной дискуссии сформировались две основные точки зрения на сущность компетентностного подхода: поведенческая (бихевиористская) парадигма, получившая условное название «североамериканский подход» и «знаниевая» (функциональная) концепция, называемая условно «европейский подход». Данная работа основывается на постулатах о том, что для эффективной деятельности организации необходимо иметь критерии для описания качеств личности работника, определения его внутреннего состояния (ценностные ориентиры, эмоциональный настрой), и за счет использования корпоративных компетенций обеспечить рост производительности труда в организации [10]. Компетентностный подход акцентирует внимание на поведенческих аспектах работника организации, формирует возможности для концентрации внимания на их знаниях и умениях, способствует созданию интегрированной и эффективной системы управления персоналом.

Данная методологическая лакуна порождает риск имитационной активности, когда высокая отчётность по обучению соседствует с низкой цифровой вовлечённостью сотрудников и отсутствием гибкости перед лицом турбулентных изменений. Исходя из этого, целью нашего исследования стала разработка комплексной, воспроизводимой и теоретически обоснованной системы показателей для оценки качества развития персонала образовательной организации, адекватной реалиям цифровой трансформации. В отличие от предшествующих подходов, ограничивавшихся либо сугубо экономическими метриками, либо декларативными моделями компетенций, мы ставим задачу создать ансамбль инструментов, который позволит не только измерить достигнутый уровень, но и идентифицировать природу управленческих разрывов, а также спрогнозировать адаптивный потенциал системы [5; 6]. Основным методологическим ограничением выступает несамодостаточность любых количественных индикаторов в отрыве от стратегического контекста: корректная интерпретация полученных оценок возможна лишь при наличии чётко сформулированной кадровой стратегии, увязанной с программой цифровой трансформации университета в целом. В противном случае, как будет показано далее, даже высокие значения интегрального индекса могут вводить в заблуждение.

Методология исследования. Наша работа базируется на принципе

инструментальной множественности: вместо единственного метрического показателя мы выстраиваем систему, в которой количественные данные дополняются качественными профилями, а объективные логи активности – субъективными оценками переноса навыков. Разработка методики не была хаотичным перебором индикаторов, а подчинялась строгому семиэтапному алгоритму, который мы считаем самостоятельным научным результатом, поскольку он обеспечивает верифицируемость и воспроизводимость итогового инструментария.

Первый этап – концептуализация предмета оценки. Мы определили качество управления развитием персонала (далее – УРП) в цифровую эпоху как способность системы управления обеспечивать опережающее развитие сотрудников и устойчивость кадровых процессов в условиях неопределённости. Именно здесь мы зафиксировали фундаментальное ограничение: методика не является самодостаточной, её корректное применение требует наличия цифрового двойника организации или, по крайней мере, единого контура консолидации HR-данных [7]. Из этого вытекают операциональные принципы, представленные в таблице 1, которые мы использовали в качестве фильтра для отбора показателей на последующих этапах.

Таблица 1. Принципы построения методики и их операциональные следствия

Принцип	**Содержание принципа**	**Операциональное следствие для методики**	**Риск нарушения**
Системность	Рассмотрение управления развитием персонала как целостной системы взаимосвязанных процессов	Включение показателей межпроцессной согласованности; оценка синергетических эффектов	Фрагментированность оценки, упущение системных эффектов
Ориентированность на цифровую трансформацию	Учёт цифровых компетенций и цифровых инструментов управления как ключевых объектов оценки	Выделение самостоятельного блока цифровых метрик; оценка глубины интеграции цифровых инструментов	Устаревание методики, нерелевантность в условиях цифровизации

Принцип	**Содержание принципа**	**Операциональное следствие для методики**	**Риск нарушения**
Практическая применимость	Реализуемость методики в условиях реальных организационных ограничений	Опора на доступные источники данных; разумный объём показателей; понятные процедуры	Невозможность применения на практике, формализм
Учёт VUCA-среды	Встроенная адаптивность оценочной системы к изменениям внешней среды	Включение показателей адаптивного потенциала; динамическая (мониторинговая) функция методики	Быстрое устаревание результатов, ложные выводы в турбулентных условиях

Источник: разработано автором

Второй этап – структурная декомпозиция системы управления по управленческому циклу Деминга-Шухарта (Plan-Do-Check-Act), адаптированному под задачи управления персоналом. В результате архитектура методики разложилась на четыре соподчинённых блока: стратегический (целеполагание и форсайт), процессный (HR-практики от привлечения до удержания), компетентностный (человеческий капитал как таковой) и результативный (эффекты для деятельности). Каждый блок дополнительно разделён на субблоки – например, процессный блок включает подпроцессы привлечения и отбора, обучения и развития, оценки и аттестации, мотивации и удержания.

Третий этап – формирование первичного пула показателей и их операционализация. Первичный массив насчитывал более 50 индикаторов, полученных из анализа литературы, отчётов по цифровой зрелости и лучших HR-практик. После процедуры операционализации (определения метода измерения и источника данных) мы сократили пул до 40 базовых показателей, исключив те, что требовали непроверяемых экспертных суждений или данных, недоступных в типовом университете. Итоговая система показателей приведена в таблице 2 (здесь и далее, ввиду ограниченного объёма, представлены лишь ключевые фрагменты; полная версия таблицы 2 содержится в исходных материалах).

Таблица 2. Фрагмент системы базовых показателей метрической модели ИКУРП

Блок	**Субблок**	**Показатель**	**Метод измерения**	**Единица измерения**
Стратегический	Стратегическое выравнивание	Наличие кадровой стратегии как самостоятельного документа	Документальный анализ	Балл (0–3)
Процессный	Обучение и развитие	Доля адаптивных форматов в общем объёме обучения	Анализ программ	%
Компетентностный	Цифровые компетенции	Доля активных пользователей LMS от числа зарегистрир.	Анализ логов	%
Результативный	Адаптивный потенциал	Скорость перехода к новым форматам деятельности при внешних шоках	Ретроспективный анализ	Дней

Източник: разработано автором

Четвёртый этап – установление весовых коэффициентов методом анализа иерархий Т. Саати. В экспертизе участвовали 22 респондента – руководители HR-подразделений и специалисты по цифровой трансформации. Парные сравнения позволили рассчитать веса, представленные в таблице 3. Наибольший вес (0,30) присвоен процессному блоку, поскольку именно он находится в непосредственной зоне ответственности управления развитием. Наименьший вес (0,20) получил результативный блок – в силу сложности атрибуции причинно-следственных связей (на публикационную активность влияет множество факторов, не связанных с HR-практиками). Как подчёркивается в современной литературе, метод аналитической иерархий остаётся одним из наиболее надёжных инструментов структурирования

сложных многокритериальных задач [3].

Таблица 3. Весовые коэффициенты блоков метрической модели

Блок	**Вес блока**	**Ключевые субблоки (вес в блоке)**	**Итоговый вес в ИКУРП**
Стратегический	0,25	Стратег. выравнивание (0,35)	0,088
Процессный	0,30	Обучение и развитие (0,35)	0,105
Компетентностный	0,25	Цифровые компетенции (0,40)	0,100
Результативный	0,20	Инновационная результативность (0,30)	0,060

Источник: расчёты автора по методу Саати [3]

Пятый этап – разработка аналитических инструментов глубинной диагностики. Понимая, что интегральный показатель фиксирует состояние, но не раскрывает природу отклонений, мы создали четыре дополнительных инструмента: матрицу зрелости управленческих практик (качественная оценка способа осуществления процессов); карту компетентностных разрывов (формализация дефицита навыков по каждой компетенции); индекс цифровой вовлечённости персонала (ИЦВП – для выявления имитации цифровой активности); профиль адаптивного потенциала (прогнозирование устойчивости к внешним шокам). Каждый из этих инструментов будет детально описан в разделе «Результаты».

Шестой этап – нормирование и построение оценочных шкал. Все показатели, измеряемые в процентах, баллах и днях, мы привели к сопоставимому виду (диапазон [0,1]) по формуле линейного масштабирования.

$$Pnorm = \frac{(Pfact - Pmin)}{(Pmax - Pmin)},$$

Выбор линейного метода, а не сигмоидальной или логарифмической функции, обоснован требованиями прозрачности и сохранения пропорций между значениями, что критически важно для сравнительного анализа структурных подразделений. Некоторые авторы предлагают использовать более сложные нелинейные преобразования, однако, как показывает опыт, для управленческих задач внутри университета простота интерпретации перевешивает математическую изощрённость [9].

Седьмой этап – разработка организационного регламента проведения

оценки. Мы определили состав оценочной группы (внутренний аудитор, представитель HR, IT-специалист), регламент сбора данных (от выгрузки логов LMS до анкетирования) и формат итогового отчёта, что позволило преодолеть «кабинетный» характер методики и обеспечить её воспроизводимость внешними аудиторами.

Результаты. Разработанная методика представляет собой не просто набор разрозненных индикаторов, а целостную экосистему, в которой центральное место занимает интегральный индекс качества управления развитием персонала (ИКУРП). Данный индекс рассчитывается как средневзвешенное агрегирование нормированных субблоковых оценок по всем 40 показателям. Однако, как показано выше, ИКУРП не является самодостаточным – его интерпретация всегда должна сопровождаться обращением к дополнительным оценочным инструментам. Рассмотрим их подробнее.

Матрица зрелости управленческих практик (см. таблицу 4) охватывает восемь ключевых практик: стратегическое планирование развития персонала, формирование компетентностных профилей, организация обучения, проведение оценки, управление мотивацией к развитию, управление знаниями, цифровизация HR-процессов и управление изменениями. Для каждой практики определено четыре уровня зрелости – от реактивного (уровень 1) до оптимизирующего (уровень 4). Например, на реактивном уровне планирование развития отсутствует, решения принимаются ситуативно при возникновении кадровых проблем. На оптимизирующем уровне план интегрирован с форсайтом компетенций и корректируется в режиме реального времени на основе данных мониторинга среды. Оценка по матрице осуществляется экспертным позиционированием, а визуализация в форме радарной диаграммы мгновенно выявляет зоны наибольшего отставания. В контексте ИКУРП матрица зрелости служит источником данных для балльных показателей стратегического и процессного блоков, а также выполняет функцию верификации: если блок имеет высокий количественный балл, но уровень зрелости соответствующей практики не превышает 2-го, мы фиксируем методологический артефакт – формальное выполнение процедур при отсутствии системной управленческой логики.

Таблица 4. Фрагмент матрицы зрелости (практика «Организация обучения и развития»)

Уровень	**Характеристика**
Реактивный (1)	Обучение проводится эпизодически по запросу; единый реестр программ отсутствует

Уровень	**Характеристика**
Регламентированный (2)	Существует план обучения; цифровые форматы используются ограниченно
Управляемый (3)	Обучение дифференцировано по категориям персонала; используются адаптивные форматы; результаты отслеживаются через LMS
Оптимизирующий (4)	Обучение персонализировано на основе данных об индивидуальных компетентностных разрывах; применяется ИИ-рекомендация программ

Източник: разработано автором

Карта компетентностных разрывов – центральный инструмент диагностики компетентностного блока. Поведенческая концепция, лежащая в основе данного инструмента, основывается на использовании термина «компетенция» через проявление организационной культуры компании, когда все сотрудники организации используют общие, корпоративные подходы при решении производственных вопросов. Бихевиористский подход стремится развивать у работников организации поведенческие навыки, которые дают возможность выполнять производственные задания с наивысшей эффективностью [10]. Эти навыки лучших работников организации тщательно изучаются и становятся неким эталоном, с которым сравниваются профессиональные показатели всех остальных работников предприятия. Функциональная (европейская) трактовка термина «компетенция» делает акцент на его педагогическую основу, так как базируется на системе знаний, навыков, умений и имеет активное применение при кадровом обучении и должностном развитии персонала [10].

Построение карты включает четыре шага: формирование целевого компетентностного профиля (с учётом стратегии цифровой трансформации); оценку фактического уровня (тестирование для цифровых компетенций, метод 360 градусов – для управленческих, стандартизированные опросники – для адаптивных); расчёт разрыва как разности целевого и фактического значения; категоризацию разрывов по величине и управляемости. Для каждого разрыва определён горизонт устранения – от 3 месяцев (незначительный разрыв) до более 12 месяцев (критический разрыв, требующий рекрутинга носителя компетенции). Особую ценность представляет карта в динамике: заполняемая с периодичностью раз в полгода, она позволяет отслеживать, насколько реализованные программы обучения действительно сокращают дефициты, а также заблаговременно выявлять формирующиеся разрывы (например, в

области генеративного ИИ), пока они не приобрели критический характер. В метрическую модель данные карты входят через субблок К2 (профессиональные и управленческие компетенции) и К3 (адаптивные компетенции), однако сама карта даёт возможность спуститься на уровень конкретного сотрудника или должности [5; 7].

Индекс цифровой вовлечённости персонала (ИЦВП) – инструмент, разрушающий иллюзию формального охвата. Как показывает наша практика и данные зарубежных исследований [7], в крупных университетах до 40% сотрудников, зачисленных на программу цифрового обучения, либо ни разу не заходят на платформу после регистрации, либо проходят курс «на автомате», не усваивая материал. ИЦВП конструируется из четырёх субиндексов: активность использования цифровых инструментов (логи сессий), качество освоения контента (средний балл тестирований, доля программ, завершённых с результатом >70%), перенос компетенций в практику (оценка руководителя через три месяца после обучения) и вовлечённость в цифровые коммуникации (активность в Teams, KMS, совместной работе с документами). Расчёт ИЦВП производится как средневзвешенное 11 индикаторов (веса см. в исходной материале, в таблице 2.7). Диагностически значимой является дифференциация ИЦВП по категориям персонала: если у административно-управленческого персонала значение выше 0,70, а у научно-педагогических работников – ниже 0,40, это указывает на асимметрию цифровой культуры, требующую разных управленческих интервенций [9].

Профиль адаптивного потенциала организации – наиболее методологически новый инструмент. В условиях VUCA способность системы сохранять направленное развитие при внешних шоках становится базовым требованием. Компетентностный подход носит интегрированный и системный характер, соединяющий в себе поведенческий и функциональный подходы, создает синергический эффект между производственной деятельностью, образовательным процессом и профессиональным обучением работников [10]. Управление персоналом на основе компетентностного подхода создает основу для формирования высоких стандартов (показателей) выполняемых операций, что приводит к повышению эффективности всей организации. Профиль включает пять измерений: стратегическая гибкость (наличие сценарных планов, доля бюджета, зарезервированная для незапланированных инициатив), операционная реактивность (среднее время от идентификации изменения до запуска переобучения), институциональная память (индекс зрелости системы управления знаниями), психологическая готовность к изменениям (стандартизированные опросники открытости и толерантности к неопределённости) и цифровая адаптивность (наличие предиктивной HR-аналитики, интеграция с платформами мониторинга среды). Итоговый профиль визуализируется в форме пятиугольной радарной диаграммы, где площадь

фигуры является интегральным индикатором адаптивного потенциала. Как отмечается в публикациях последних лет, именно адаптивный потенциал становится ключевым фактором выживания университетов в турбулентной внешней среде [6; 10].

Система контрольных точек и пороговых значений – предохранительный механизм, предотвращающий компенсацию критических провалов высокими оценками по другим направлениям. Например, порог по доле должностных профилей с цифровыми компетенциями установлен на уровне 50%: ниже этого значения невозможно обеспечить системный подход к цифровому развитию. Нарушение хотя бы одной контрольной точки автоматически присваивает системе статус «требует немедленного вмешательства» независимо от итогового ИКУРП. Это исключает ситуацию, формально возможную при аддитивной модели, когда отличные показатели по процессному блоку маскируют полное отсутствие кадровой стратегии.

Наконец, шкала зрелости (таблица 5) связывает числовые значения ИКУРП с содержательными характеристиками управленческих состояний – от начального (ИКУРП 0,00–0,40) до трансформирующего (0,86–1,00). Для каждого уровня указаны типичные разрывы и приоритеты совершенствования.

Таблица 5. Шкала зрелости системы управления развитием персонала (фрагмент)

Уровень	**Диапазон ИКУРП**	**Наименование**	**Типичные разрывы**	**Приоритеты**
1	0,00–0,40	Начальный	Отсутствие кадровой стратегии; фрагментированность данных о персонале	Разработка стратегии; создание базовой HR-аналитики
2	0,41–0,65	Развивающийся	Разрыв между формальным охватом и реальной вовлечённостью	Внедрение ИЦВП; интеграция оценки и развития
3	0,66–0,85	Зрелый	Недостаточная предиктивность аналитики	Развитие предиктивной HR-аналитики; интеграция с цифровым двойником

Источник: разработано автором

Обсуждение. Интеграция всех перечисленных инструментов – ИКУРП, матрицы зрелости, карты разрывов, ИЦВП и профиля адаптивного потенциала

– образует не механическую совокупность, а систему с внутренними перекрёстными связями. Например, данные логов активности (субиндекс ИЦВП-1) используются не только для расчёта ИЦВП, но и для верификации самооценочных данных карты разрывов по цифровым компетенциям: если сотрудник декларирует высокий уровень владения, но его активность в LMS близка к нулю, мы фиксируем методологический сигнал о возможной «латентной некомпетентности». Аналогично, уровень зрелости практики «управление изменениями» входит в измерение стратегической гибкости профиля адаптивного потенциала. Такая архитектура позволяет избежать двух типичных ошибок: «иллюзии точности» (когда изолированный количественный показатель воспринимается как истина) и «аналитического паралича» (когда из-за избытка разнородных данных не принимается никакое решение). В современных условиях компетенции становятся основой, на которой строится вся система управления персоналом, позволяющая согласовать стратегию развития организации, процессы управления персоналом и основное внимание уделять их качественной проработке для каждой конкретной организации [10].

В ходе апробации на базе двух пилотных университетов (детали не приводятся ввиду ограниченного объёма) мы столкнулись с рядом методологических вызовов. Первый – техническая сложность консолидации данных из разрозненных систем (LMS, 1С, электронная почта, системы управления проектами). Без хотя бы минимального уровня цифровой зрелости самой организации применение методики становится крайне трудоёмким, хотя и не невозможным – отдельные показатели могут собираться вручную, но это снижает частоту оценки. Второй вызов – сопротивление руководителей среднего звена, которые воспринимают диагностику как ревизию, а не как инструмент развития. Мы смягчили эту проблему, включив в регламент обязательную обратную связь: по каждому подразделению формируется анонимизированный отчёт с рекомендациями, и данные не передаются в дирекцию по персоналу без согласования с самим подразделением. Третий вызов – риск субъективизма при экспертной оценке (например, для показателя «качество управления данными и цифровыми активами»). Для его минимизации мы ввели процедуру независимого двойного оценивания и согласительного совещания при расхождении более чем в 1 балл по 5-балльной шкале.

Сравнение нашей методики с известными зарубежными аналогами (например, моделями зрелости HRM или компетентностными подходами в рамках международных стандартов) показывает её преимущество в учёте российской специфики управления образовательными организациями – таких как высокая роль государственного задания, смешанное финансирование и особый статус научно-педагогических работников, одновременно

являющихся и объектами HR-процессов, и их субъектами как носителей академической свободы [1; 6]. В моделях, ориентированных на бизнес, адаптивный потенциал часто сводится к гибкости операционных процессов, упуская психологический компонент – готовность персонала к изменениям, который в российских вузах нередко оказывается основным барьером [8; 10].

Заключение. В настоящей статье представлена разработка и теоретическое обоснование системы показателей для оценки качества развития персонала образовательных организаций в условиях цифровой трансформации. Основные научные результаты заключаются в следующем. Во-первых, предложен семиэтапный алгоритм построения оценочной методики, который может быть воспроизведён для любых организаций социальной сферы. Во-вторых, сконструирован интегральный индекс ИКУРП, включающий 40 базовых показателей, с весами, полученными методом анализа иерархий. В-третьих, разработан ансамбль взаимосвязанных диагностических инструментов (матрица зрелости, карта компетентностных разрывов, ИЦВП, профиль адаптивного потенциала), позволяющий перейти от констатации состояния к выявлению причинно-следственных связей и прогнозированию устойчивости. В-четвёртых, введена система контрольных точек, предотвращающая ситуацию, когда высокие значения одних показателей маскируют критические провалы по другим.

Практическая значимость работы заключается в том, что руководители университетов получают готовый, воспроизводимый инструмент для выявления слабых мест, обоснования инвестиций в обучение и сравнения подразделений. Научная новизна состоит не в отдельных показателях (многие из них известны), а в их системной интеграции и во введении новых конструктов – прежде всего, ИЦВП и профиля адаптивного потенциала. Перспективными направлениями дальнейших исследований мы видим автоматизацию расчётов в рамках цифрового двойника университета, адаптацию методики для среднего профессионального образования, а также разработку бенчмаркинговой базы для сравнения вузов по значению ИКУРП.

Список литературы:

1. Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева О.В. Цифровизация в системе высшего образования: социологический анализ // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 8. С. 16–24. — URL: https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9691&type=publ.

2. Kreydenko T., Adashova T., Rogoten N. Features of Human Resource Management in Higher Education Institutions in the Context of the Transition to the Model “University 4.0” // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Atlantis Press. 2021. Vol. 139. P. 413–417. DOI: 10.2991/assehr.k.210322.150. — URL: https://www.atlantis-press.com/proceedings/ispc-cpslr-20/125954946.

3. Саати Т.Л. Принятие решений. Метод анализа иерархий / Пер. с англ. Р.Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь, 1993. 278 с. (Актуальность метода подтверждена многочисленными применениями в современной науке, включая период 2021–2026 гг.,

например: Шакиров В.А. Принятие решений на основе мультипликативного метода анализа иерархий с использованием функций ценности // Информационные технологии интеллектуальной поддержки принятия решений. 2018. Т. 1. № 1. С. 24–29.)

4. Lee C., Han J.G., Shin S.S.H. Competency Modeling and Training Needs Assessment for Staff Development in Higher Education // Higher Education — Reflections From the Field / Ed. by C. Lee, J.G. Han, S.S.H. Shin. IntechOpen, 2023. DOI: 10.5772/intechopen.109812. — URL: https://www.intechopen.com/chapters/86055.

5. Филимонова И.В. Выбор цифровых образовательных технологий для развития компетенций специалистов по управлению персоналом // Человеческий капитал. 2024. № 12. С. 195–208. — URL: http://elib.fa.ru/art2024/bv2836.pdf.

6. Глухов В.В., Бянкин А.С., Бурдакова Г.И. Оценка роли вузов в кадровом обеспечении цифровой экономики региона // π-Economy. 2022. Т. 15. № 4. С. 36–48. DOI: 10.18721/JE.15403. — URL: https://economy.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2022/4-2022/03_Gluhov,-Byankin,-Burdakova.pdf.

7. Rana S., Kaur D. Exploring the challenges and facilitators in the adoption of e-HRM practices in Indian higher education institutions: a qualitative exploration // International Journal of Organizational Analysis. 2024. Vol. 32. No. 8. P. 1419–1439. DOI: 10.1108/IJOA-05-2023-3745. — URL: https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/IJOA-05-2023-3745/full/html.

8. Елсуфьева К.Д., Макекадырова А.С. Бережливое управление персоналом в условиях изменчивой VUCA-среды // Лидерство и менеджмент. 2022. Т. 9. № 1. С. 233–244. DOI: 10.18334/lim.9.1.114475. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/berezhlivoe-upravlenie-personalom-v-usloviyah-izmenchivoy-vuca-sredy.

9. Брюхова О.Ю., Старцева Н.Н. Обучение персонала в современной организации: ориентация на цифровизацию // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 87–98. DOI: 10.18334/epp.13.2.117481. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obuchenie-personala-v-sovremennoy-organizatsii-orientatsiya-na-tsifrovizatsiyu.

10. Мотовиц Т. Г. Компетентностный подход управления персоналом в условиях цифровой эконо-мики // Вестник ТОГУ. 2022. № 2 (65). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnostnyy-podhod-upravleniya-personalom-v-usloviyah-tsifrovoy-ekonomiki.

УДК 331.45:621.38

Кузнецов Д. С., Катульский Ю. Н.
Ангарский государственный технический университет, Ангарск, Россия

ПРОБЛЕМЫ УСЛОВИЙ ТРУДА НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ МАСТЕРА ПО РЕМОНТУ ЭЛЕКТРОНИКИ И ИХ ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье описаны основные проблемы условий труда на рабочем месте мастера по ремонту электроники с точки зрения действующего законодательства Российской Федерации, в частности Трудового кодекса РФ, а также актуальных ГОСТов и Федеральных законов, и предлагаются пути их решения. Среди ключевых проблем выделены: неблагоприятная эргономика рабочих мест, недостаточная освещённость, воздействие вредных химических веществ, повышенный уровень шума и вибрации, накопление статического электричества, а также к этому добавляются постоянное нервное напряжение из-за высокой ответственности и быстрой утомляемости, вызванной монотонностью работы. Кроме того, фиксируется недостаточное обеспечение работников современными средствами индивидуальной защиты и пробелы в организации обучения по охране труда.

Ключевые слова: условия труда, требования законодательства, ремонт электроники, пути решения, рабочее место.

В условиях современной экономики и цифровизации всех сфер жизни общества профессия мастера по ремонту электроники приобретает особую значимость. От того, насколько качественно и оперативно эти специалисты выполняют свою работу зависит бесперебойное функционирование бытовой, офисной и промышленной техники, что напрямую влияет на производительность труда и комфорт граждан. При этом, несмотря на высокую востребованность, условия труда мастеров по ремонту электроники часто не отвечают современным стандартам безопасности. Это приводит к профессиональным заболеваниям, снижению работоспособности и высокой текучести кадров.

В соответствии со статьёй 209 Трудового кодекса Российской Федерации, условия труда – это совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника [1]. Для мастера по ремонту электроники характерно сочетание ряда специфических производственных факторов, которые существенно повышают уровень профессионального риска. К числу основных проблем рабочих мест данной категории специалистов, относятся: неблагоприятные эргономические параметры рабочей зоны, воздействие физических факторов и вредных химических веществ, психоэмоциональное напряжение, а также недостаточный уровень организации труда [2].

Одной из ключевых проблем является несоответствие эргономических характеристик рабочего места требованиям государственных стандартов. Рабочее место должно обеспечивать рациональную рабочую позу, минимальную нагрузку на мышцы и позвоночник. На практике мастер по ремонту электроники часто вынужден работать в вынужденной, согнутой позе в течение длительного времени, что приводит к статическим перегрузкам мышц спины и шеи. Использование стандартных столов и стульев без возможности регулировки по высоте не позволяет адаптировать рабочее место под индивидуальные антропометрические данные работника, что является прямым нарушением принципа эргономики [3]. Кроме того, работа с мелкими компонентами электронных плат требует высокой остроты зрения.

Недостаточный уровень освещённости рабочей зоны или неправильное расположение источников света вызывают быстрое утомление зрительного анализатора, что может привести к развитию профессиональной близорукости, снижению точности работы и повышению риска ошибок [4]. Однако их соблюдение на малых предприятиях и в частных сервисных центрах часто носит формальный характер. Недостаток света может привести к усталости глаз, Правильное освещение помогает мастерам лучше видеть детали и повышает общую эффективность выполнения задач. Важно, чтобы рабочие места были оборудованы качественным освещением, которое не только соответствует стандартам, но и адаптировано к специфике выполняемых работ.

Серьёзную угрозу для здоровья мастера представляет воздействие вредных химических веществ. Процесс пайки электронных компонентов неразрывно связан с выделением в воздух рабочей зоны паров свинца (при использовании традиционных припоев), канифоли и активированных флюсов. Данные вещества обладают токсическим и сенсибилизирующим действием, поражая центральную нервную систему, органы дыхания и слизистые оболочки. Рабочие места с наличием химических факторов подлежат специальной оценке (СОУТ), по результатам которой устанавливаются классы условий труда (оптимальные, допустимые, вредные или опасные) [5]. Для большинства мастеров по ремонту электроники условия труда по химическому фактору классифицируются как допустимые. Отсутствие или неэффективная работа местной вытяжной вентиляции (аспирации) у паяльных станций приводит к превышению предельно допустимых концентраций (ПДК) вредных веществ в воздухе рабочей зоны, что является грубым нарушением статьи 214 ТК РФ, обязывающей работодателя обеспечить безопасные условия труда.

К физическим факторам риска относится производственный шум и вибрация. Использование компрессоров для очистки плат сжатым воздухом, ультразвуковых ванн для отмывки флюсов, а также работа с ручным

механизированным инструментом создают повышенный уровень шума, превышающий нормативы, установленные СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» [6]. Длительное воздействие шума приводит к развитию профессиональной тугоухости и повышению общего уровня стресса у работника. Статическое электричество также представляет собой значимый фактор риска. Накопление статического электрического заряда на поверхности тела специалиста. или инструменте может привести к пробою чувствительных электронных компонентов (повреждение микросхем статическим разрядом), а также вызывать у самого работника неприятные ощущения и рефлекторные движения, снижающие точность манипуляций.

Психофизиологические нагрузки являются неотъемлемой частью профессиональной деятельности мастера по ремонту электроники. Высокая ответственность за сохранность дорогостоящей аппаратуры клиента, необходимость выполнения срочных заказов в сжатые сроки формируют состояние хронического психоэмоционального напряжения. Монотонность труда при выполнении однотипных операций (например, массовая пайка) способствует быстрому развитию утомления центральной нервной системы, снижению концентрации внимания и увеличению вероятности совершения ошибки [7].

Организационные проблемы усугубляют перечисленные негативные факторы. Часто наблюдается отсутствие системы наставничества для молодых специалистов, что приводит к усвоению неправильных приёмов работы с первых дней карьеры. Недостаточное внимание уделяется проведению инструктажей по охране труда и обеспечению работников современными средствами индивидуальной защиты (СИЗ), такими как антистатические браслеты, защитные очки с боковыми щитками и респираторы с соответствующими фильтрами.

Для решения обозначенных проблем необходим комплексный подход, основанный на системной реализации мероприятий по улучшению условий труда в строгом соответствии с требованиями законодательства. В первую очередь следует провести полную модернизацию рабочего места. оснастить рабочие места регулируемыми по высоте стульями с поддержкой поясничного отдела позвоночника и столами с матовой поверхностью нейтрального цвета для предотвращения бликов. Для работы с мелкими деталями следует внедрить бинокулярные лупы со встроенной светодиодной подсветкой или профессиональные микроскопы, что позволит снизить нагрузку на зрение до допустимых уровней согласно СП 52.13330.2016 [8].

Ключевым направлением является обеспечение эффективного контроля воздушной среды в рабочей зоне. В соответствии со статьёй 214 ТК РФ

работодатель обязан обеспечить работников сертифицированными СИЗ при невозможности снижения уровня вредных факторов до ПДК техническими средствами [9]. Необходимо повсеместно внедрять паяльные станции со встроенными дымоуловителями или устанавливать гибкие местные вытяжные устройства (аспираторы) непосредственно над зоной пайки для удаления паров флюса у источника их образования. Это позволит снизить концентрацию свинца и органических растворителей в воздухе до уровней соответствующих классу условий труда 2 (допустимый). Регулярная замена фильтров в системах аспирации должна быть закреплена в локальных нормативных актах предприятия.

Для борьбы с шумом рекомендуется использовать ультразвуковые ванны с шумопоглощающими кожухами и проводить регулярное техническое обслуживание компрессорного оборудования для снижения уровня шума при работе. Обязательным является применение антистатических браслетов и использование антистатических покрытий на рабочих столах для предотвращения накопления заряда [10].

Организационные меры должны включать обязательное проведение специальной оценки условий труда (СОУТ) на всех рабочих местах мастеров **ПО РЕМОНТУ ЭЛЕКТРОНИКИ. ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОУТ НЕОБХОДИМО РАЗРАБОТАТЬ ПЛАН** мероприятий по улучшению условий труда, который должен включать закупку современного оборудования и СИЗ [11].

Важнейшим элементом системы управления охраной труда является непрерывное обучение персонала. Работодатели обязаны организовывать обучение по охране труда и проверку знаний требований охраны труда для всех работников [12]. Целесообразно проводить регулярные тренинги по эргономике рабочих движений, правилам использования СИЗ и оказанию первой помощи при несчастных случаях.

Таким образом, решение проблем условий труда на рабочем месте мастера по ремонту электроники требует системного подхода, включающего техническую модернизацию оборудования, строгое соблюдение санитарно-гигиенических нормативов, внедрение современных средств индивидуальной защиты и развитие культуры безопасности труда на основе требований Трудового кодекса РФ, Федеральных законов и государственных стандартов.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (ред. 29.12.2025 с изм. от 06.02.2026) – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/78f36e7afa535cf23e1e865a0f38cd3d230eecf0/ (дата обращения 05.05.2026).

2. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ РАБОТНИКОВ СФЕРЫ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ И РАЗРАБОТКА ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ИХ СНИЖЕНИЮ) –

Текст: электронный // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-riski-rabotnikov-sfery-telekommunikatsiy-i-razrabotka-predlozheniy-po-ih-snizheniyu (дата обращения 05.05.2026).

3. ГОСТ 12.2.032-78 ССБТ «Рабочее место при выполнении работ сидя» – Текст: электронный // URL:

https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=9&documentId=222135 (дата обращения 05.05.2026).

4. Требования к освещению на рабочих местах регламентируются СП 52.13330.2016 «Естественное и искусственное освещение» – Текст: электронный // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=9&documentId=472309 (дата обращения 05.05.2026).

5. Федеральный закон № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» – Текст: электронный // URL:

https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=455233 (дата обращения 05.05.2026).

6. СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» – Текст: электронный // URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=9&documentId=500088 (дата обращения 05.05.2026).

7. Психофизиологические условия труда: влияние на здоровье сотрудников Текст: электронный // URL: https://sky.pro/wiki/profession/psihofiziologicheskie-usloviya-truda-chto-eto-i-kak-vliyaet-na-zdorove/ (дата обращения 05.05.2026).

8. СП 52.13330.2016 «Естественное и искусственное освещение») – Текст: электронный //

URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=9&documentId=472309 (дата обращения 05.05.2026).

9. ТК РФ статья 214 – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/4fe318e6d09155659a4381ef26a85e7df9ebcf94/ (дата обращения 05.05.2026).

10. ГОСТ IEC 61340-5-1-2025 «Электростатика. Защита электронных устройств от электростатических явлений. Общие требования» – Текст: электронный // URL: https://internet-law.ru/gosts/gost/85434/ (дата обращения 05.05.2026).

11. Федеральным законом № 426-ФЗ – Текст: электронный // URL:

https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=455233 (дата обращения 05.05.2026).

12. ТК РФ статья 219) – Текст: электронный // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/5a493a280ac7cd545120db5b670674a40ed06048/ (дата обращения 05.05.2026).

УДК 658.8:616.31

Жорняк Т. В.
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕКЛАМНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ЧАСТНОЙ СТОМАТОЛОГИИ

Аннотация. В статье исследуется институционализация рекламного менеджмента в частной стоматологии. Рассматривается переход от стихийного маркетинга к системным структурным моделям. Обосновывается выделение маркетинга в самостоятельный институциональный блок для снижения трансакционных издержек и повышения рентабельности. Анализируются этапы трансформации управленческих структур, роль таргетного продвижения и концепция клинического маркетинга, базирующаяся на принципах доказательной медицины, что обеспечивает устойчивое развитие медицинской организации.

Ключевые слова: Институционализация, рекламный менеджмент, частная стоматология, клинический маркетинг, организационная структура, таргетированный маркетинг, доказательная медицина, трансакционные издержки, управление клиникой, экономическая эффективность.

Введение

Рынок частной медицины меняется быстро, местами жестко. Конкуренция между клиниками достигла уровня, при котором хорошо лечить пациентов уже недостаточно: приходится выстраивать сервис, продумывать коммуникацию, формировать образ клиники и удерживать внимание аудитории. Прежняя модель развития частной практики, державшаяся на личной репутации врача и хаотичном продвижении, со временем обнаружила свою ограниченность и экономическую слабость.

Научная новизна данного исследования связана с анализом внутренних преобразований в структуре клиник и обоснованием того, почему рекламный менеджмент следует выделить в самостоятельный институциональный сектор. Маркетинговая стратегия функционирует как долгосрочная система, нацеленная на рост прибыли и создание устойчивых конкурентных преимуществ, а вовсе не как разрозненный набор действий. Отсутствие четкой организационной структуры для управления рекламой влечет за собой нерациональные расходы, распыление бюджета и постепенную утрату рыночных позиций.

Концепция институционализации

Рекламный менеджмент обретает институциональную форму тогда, когда в организации складывается устойчивая система норм, механизмов и алгоритмов, встраивающих рекламную деятельность непосредственно в

структуру бизнес-процессов [4]. Маркетинг при таком подходе утрачивает характер набора разовых действий и становится инструментом, который влияет на формирование бренда, определяет общественное восприятие клиники и выстраивает ее взаимодействие с социальной средой. Отраслевая специфика, безусловно, задает различную степень институционализации, однако общий вектор сохраняется: разрозненные маркетинговые решения уступают место полноценному системному институту [1].

Концепция клинического маркетинга задает методологическую базу для стоматологической сферы. Ее становление обусловлено несколькими взаимосвязанными процессами: медицина перешла к доказательному подходу, государственное регулирование усилилось, а стоимость технологий и инноваций продолжает расти. В подобных условиях институционализация позволяет выявить ключевые факторы эффективности, которые способны ускорить внедрение медицинских инноваций и их распространение на рынке. Переход к институционализированному рекламному менеджменту влечет за собой заметную перестройку внутренней структуры клиники. Трансформация протекает постепенно, проходя через три этапа эволюции. На первом, стихийном этапе, характерном для раннего развития микробизнеса, функции маркетолога берет на себя собственник или главный врач. Маркетинг в этот период сводится к ситуативным закупкам рекламы, что порождает ряд проблем. Реклама направляется на широкую аудиторию без учета индивидуальных особенностей коммуникации и самовыражения потенциальных пациентов. Руководство клиники при этом лишено возможности объективно оценить эффективность проводимых рекламных мероприятий. Второй, переходный этап связан с аутсорсинговой делегацией маркетинговых функций [3].

Клиники передают маркетинговые функции внешним агентствам, и это часто порождает конфликт интересов. Агентства стремятся к дешевым лидам, клинике же нужны целевые пациенты, готовые к длительному сотрудничеству и дорогостоящим процедурам. Стандартизированные подходы исключают индивидуальную коммуникацию, хотя цифровые технологии давно позволяют адаптировать информацию под конкретные группы аудитории. Аутсорсинг ограничивает клинику в формировании собственной стратегии развития, лишает ее контроля над ключевыми решениями и делает зависимой от внешних исполнителей с иными приоритетами [5].

На зрелом этапе формируется долгосрочный план, направленный на повышение прибыльности; рекламный менеджмент выделяется в самостоятельный институциональный блок со своей методологией, сквозной аналитикой и обособленным бюджетом. Стихийный маркетинг порождает значительные скрытые трансакционные издержки: время руководителя уходит на согласования с агентством, качество лидов страдает от непонимания

специфики медицинских услуг, репутационные риски возрастают из-за неконтролируемых рекламных сообщений. Когда таргетированный маркетинг требует постоянного управления, расходы на внешний контроль начинают превышать затраты на содержание собственного подразделения.

Обособление блока рекламного менеджмента оптимизирует ключевые метрики – Customer Acquisition Cost и Lifetime Value. Без институционального маркетинга объективная оценка рекламы становится невозможной: данные разрознены, методология отсутствует, сравнение каналов проводится интуитивно. Выделенная структура позволяет проводить статистический анализ эффективности интернет-рекламы, выявлять нерентабельные каналы и повышать показатель ROMI, опираясь на достоверные цифры, а не на субъективные впечатления исполнителей [1].

Перенасыщенность рынка стоматологических услуг вынуждает клиники искать способы выделиться среди конкурентов, и таргетированный маркетинг становится одним из ключевых инструментов в этой борьбе за внимание пациента. Каждый человек воспринимает информацию по-своему: у одних срабатывает визуальный канал, другие предпочитают текстовые описания, третьи доверяют только личным рекомендациям. Традиционные медиа, при всех их достоинствах, обращаются к массовой аудитории без учета индивидуальных особенностей восприятия. Цифровая среда принципиально меняет ситуацию, поскольку позволяет адаптировать рекламное сообщение под конкретные группы потенциальных клиентов, разделенные по возрасту, интересам или поведенческим паттернам [5].

Персонализация коммуникаций в стоматологическом маркетинге выходит далеко за рамки формального приема. Молодые люди охотнее реагируют на визуальные образы социальной привлекательности: белоснежная улыбка ассоциируется у них с успехом, уверенностью в себе, принадлежностью к определенному кругу. Пациенты зрелого и старшего возраста выстраивают доверие иначе: для них убедительны цифры, ссылки на клинические исследования, апелляция к принципам доказательной медицины. Столь различающиеся стратегии невозможно реализовать спонтанно или силами одного специалиста. Системная работа с сегментированными аудиториями требует выделенных ресурсов и отдельного подразделения, способного выстраивать долгосрочные коммуникационные стратегии [5].

Институционализация маркетинга напрямую связана с изменением системы подготовки врачей, и дисциплина «Маркетинг в стоматологии» уже включена в программу специалитета по направлению 31.05.03 «Стоматология». Цель курса – формирование компетенции ПК-14, которая охватывает применение управленческих принципов внутри медицинских организаций. Современная клиника давно перестала быть исключительно лечебным пространством: будущему врачу предстоит работать в сложной

организационной конструкции, где сервис, коммуникация и взаимодействие с маркетинговым отделом становятся частью повседневной практики.

Обособление рекламного менеджмента требует собственной методологической платформы – концепции клинического маркетинга. Ее основа строится вокруг доказательной медицины и сознательного отказа от манипулятивных рекламных схем.

Приобретение дорогостоящего оборудования сопряжено с рисками, и без стабильного притока пациентов подобные вложения становятся финансовым бременем. Структурированный маркетинговый отдел снижает эту уязвимость, поскольку выявляет условия, при которых медицинские инновации продвигаются быстрее и прочнее закрепляются на рынке. Клинический маркетинг влияет на коммерциализацию технологий (особенно актуально это в период импортозамещения), а институциональный блок связывает цифровые инициативы клиники с ее долгосрочной стратегией: медицинские информационные системы, CRM и аналитические платформы становятся частью единого механизма развития [6].

Заключение

Анализ управленческих структур показывает, что переход стоматологических клиник к институциональным моделям становится закономерным этапом развития. Высокая конкуренция требует совершенствования не только качества лечения, но и организационных, сервисных и коммуникационных процессов.

Теоретически подтверждена экономическая целесообразность выделения рекламного менеджмента в отдельный блок для разработки долгосрочных стратегий, объективной оценки рекламы и статистического анализа ее эффективности. Институционализация строится на принципах таргетированной персонификации и клинического маркетинга.

Включение управленческих дисциплин в подготовку врачей помогает интегрировать лечебные и маркетинговые процессы, формируя основу для устойчивого развития клиники.

Список литературы:

1. Абдрашитова, Э. Р. Статистический анализ эффективности рекламы стоматологической клиники в интернет-ресурсах // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2015. – Т. 5. – № 10. – С. 1175. EDN: UZPARR

2. Лыщикова Ю. В. Механизмы институционализации и имплементации концепции «умный регион» в управлении устойчивым пространственным развитием территорий // Экономика. Информатика. – 2021. – №2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizmy-institutsionalizatsii-i-implementatsii-kontseptsii-umnyy-region-v-upravlenii-ustoychivym-prostranstvennym-razvitiem (дата обращения: 15.05.2026).

3. Автандилян Л. А. Маркетинговые стратегии для стоматологических клиник эффективные подходы к привлечению клиентов // Universum: медицина и фармакология. – 2024. – №3 (108). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovye-strategii-dlya-

stomatologicheskih-klinik-effektivnye-podhody-k-privlecheniyu-klientov (дата обращения: 15.05.2026).

4. Гребенюк М. В. Международные практики применения маркетинговых технологий в библиотечно информационной деятельности // Строительство и образование. – 2025. – №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnye-praktiki-primeneniya-marketingovyh-tehnologiy-v-bibliotechno-informatsionnoy-deyatelnosti (дата обращения: 15.05.2026).

5. Аванисян В. М. Дифференцирование таргетного маркетинга как методика продвижения информации среди населения в практике врача-стоматолога / В.М. Аванисян, А.Н. Бражникова, Д.М. Чернышёв [и др.] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 11 (149). DOI: 10.60797/IRJ.2024.149.75 EDN: DKKFBD

6. Шепеленко В. Д. Маркетинг в стоматологии // Актуальные вопросы современной медицины. – 2022. – С. 52–56. EDN: RGBZWV

УДК 070

Васильева Л. А., Оденцова А. А.
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

ЭФФЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА ПРИМЕРЕ «ОБЩЕСТВЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ПРИМОРЬЯ»

Аннотация. Статья посвящена исследованию стратегий продвижения регионального телевидения в условиях усиленной конкуренции и ограниченного доступа к ключевым платформам для продвижения СМИ – социальным сетям. На примере телеканала «Общественное телевидение Приморья» проведен аналитический анализ аудитории на различных цифровых платформах, включая «Telegram», «MAX», «Rutube», «YouTube», «Одноклассники» и «Вконтакте», с целью определения наиболее эффективных методов расширения и удержания зрительской базы. Особое внимание уделено воздействию блокировочных мер на популярные ресурсы для определения возможностей альтернативных каналов. В результате проведенного исследования выявлена наиболее персептивная платформа, способная повысить охват целевой аудитории и обеспечить устойчивость регионального медиасервиса в условиях новых реалий современной цифровой меда регуляции.
Ключевые слова: Региональное телевидение, продвижение, социальные сети, аудитория СМИ, ограничение платформ, «Общественное телевидение Приморья».

В условиях современного информационного пространства региональному телевидению необходимо активно развивать свою онлайн-стратегию, внедряя инновационные методы взаимодействия с аудиторией и адаптируясь к меняющимся требованиям медийной среды. Конкуренция с каждым днем возрастает. В настоящее время телевидение, особенно региональное, должно искать новые способы привлечения и удержания аудитории. В связи с этим СМИ создают каналы в социальных сетях и активно продвигаются в цифровой среде на различных платформах [1, с. 6]. Изучение методов продвижения региональных телеканалов только возрастает. Поскольку меняются не только предпочтения зрителей, но, а также и условия существования таких каналов в Интернете [2, с. 16]. Региональные телеканалы, такие как, например, «Общественное телевидение Приморья», играют ключевую роль в информировании населения о местных событиях и инициативах, что создает необходимость применять эффективные методы продвижения их новостного блока в разных соц. сетях и анализировать их аудиторию. Эти аспекты позволяют систематизировать подходы к продвижению регионального телевидения в медиапространстве и выявить

наиболее эффективные методы, учитывающие специфику местной аудитории и современные тренды и условия.

Для достижения наилучших результатов в продвижении новостного сегмента телеканала на платформах социальных сетей ключевыми аспектами являются фокусировка на целевую аудиторию, наличие надежной и стабильной цифровой платформы, которая в любой ситуации не подведет, а также высокий уровень доверия к выбранному ресурсу со стороны пользователей. Важной составляющей является способность платформы эффективно продвигать канал, привлекая новых подписчиков. Особое значение при этом имеет привлечение молодежи, так как именно это поколение обладает потенциалом для долгосрочного развития и расширения аудитории телеканала. Такие меры способствуют укреплению позиций бренда, обеспечивают устойчивость информационной платформы и создают условия для дальнейшего роста и популяризации контента. [3, с. 200].

Социальные сети выступают важными инструментами для продвижения теле-медийных ресурсов и обеспечения взаимодействия с аудиторией. Они используются для трансляции контента, публикации фрагментов программ, а также для формирования информационно-коммуникационного сообщества. В случае регионального телеканала «ОТВ-Прим» наблюдается значительное варьирование размеров и вовлеченности аудитории на различных цифровых платформах. Современные средства массовой информации, включая телекомпании, активнее используют платформы социальных сетей и мессенджеров для распространения контента и взаимодействия с аудиторией [4, с. 315].

Так, региональный телеканал «Общественное телевидение Приморья» представлен в таких сетевых ресурсах, как «ВКонтакте», «Одноклассники», «Telegram», «MAX», «Rutube» и «YouTube», что подтверждается данными с официального сайта «ОТВ-Прим» [5]. В условиях усиления роли социальных платформ в сфере медиа-продвижения их значение только возрастает. На сегодняшний день основная проблема для СМИ заключается в необходимости поиска стабильных каналов коммуникации, не подверженных запретам. В связи с частыми массовыми ограничениями доступа к различным социальным сетям и платформам, начиная с 2022 года, аудитория сталкивается с постоянными изменениями в предпочтениях и переходами между сервисами. Когда для СМИ закрыли возможность публикации своих материалов в такие социальные сети как: Instagram*, Facebook* (принадлежащие Meta, признанной экстремистской и запрещенной в РФ) ограничения сильно повлияли на прекращения публикации постов в данные платформы. Позже запрет коснулся «Youtube», а совсем недавно и самого популярного мессенджера «Telegram» [6;7]. В результате запрещающих мер у медиаорганизаций возникают новые вызовы по поиску альтернативные

платформ. В условиях нестабильности и постоянных ограничений нужно возникает задача о смещении акцентов с заблокированных сервисов на новые или альтернативные каналы [8]. В условиях блокировки «Telegram» был представлен новый мессенджер – «MAX», который, по мнению Роскомнадзора, должен стать аналогом привычной платформы. Оба сервиса обладают схожими функциями для каналов и групповой работы, однако привлечь активную аудиторию в российском сегменте затруднительно: многие пользователи считают «MAX» менее привлекательным и «натянутым» по сравнению с «Telegram» [9].

Для того, чтобы определить диверсификацию каналов коммуникации и решить задачу постоянного поиска новых решений для удержания и расширения аудитории в условиях ограничений и блокировок цифровых платформ для конкретного СМИ «ОТВ-Прим» был проведен классический медиа-анализ с элементами мониторинга аудитории и сравнительный анализ платформ.

Обращаясь к социальным сетям Приморского телеканала «ОТВ-Прим», выявлено состояние Telegram-канала «ОТВ-Прим» и его переход к платформе MAX [10;11]. В рамках анализа Telegram-канала приморского телеканала «ОТВ-Прим», проведенного 10 мая 2026 года, важно отметить, что последняя публикация канала была размещена в тот же день, что подтверждает активную деятельность в этой социальной сети. Проекты канала продолжают функционировать в привычном режиме, с постоянным объемом контента, несмотря на введенный запрет приложения. Одним из нововведений, заслуживающих внимания, является гиперссылка под каждым постом: «Читай новости ОТВ в MAX». Этот элемент указывает на попытки интеграции платформы «MAX» как альтернативного ресурса для распространения контента, что может свидетельствовать о стремлении адаптироваться к новым условиям и потребительским предпочтениям. Однако остается открытым вопрос о том, смогут ли подписчики активно перейти на платформу «MAX» или же выберут другие ресурсы, которые могут обеспечить более широкий охват и вовлеченность. Опыт многочисленных медиаорганизаций показывает, что перенаправление аудитории на новую платформу не происходит автоматически и требует дополнительных усилий.

Мониторинг состояния аудитории Telegram-канала «ОТВ-Прим» с марта по май 2026 года показал: 6 марта 2026 год – 17 271 подписчиков; 10 мая 2026 год – 16 844 подписчика

Таким образом, за два месяца произошло снижение на 427 подписчиков, что может свидетельствовать о падении доверия к ресурсу. Такой спад, вероятно, связан с блокировкой платформы «Telegram» в России, что, согласно независимым исследованиям, сделало ее восприятие негативным и привело к

утрате лояльности со стороны аудитории. Эта тенденция может также означать переход аудитории к альтернативной платформе, такой как «MAX».

Мониторинг состояния аудитории MAX-канала «ОТВ-Прим» с марта по май 2026 года показал: 6 марта 2026 год – 4 753 подписчика; 10 мая 2026 год – 4 993 подписчика.

Из этого видно, что прирост за этот период составил 240 новых подписчиков, что на фоне потерь в Telegram кажется незначительным. Соотношение аудитории телеканала в различных мессенджерах выглядит следующим образом: Telegram: примерно 77,1%; MAX: примерно 22,9%.

Текущий уровень перенаправления аудитории с «Telegram» на «MAX» представляется недостаточным: из 17 271 подписчика в Telegram, лишь около 4 993 присоединились к «MAX». Это оставляет более 12 278 подписчиков незакрепленными и, вероятнее всего, утерянными для канала. В связи с вышеизложенным возникает ключевой вопрос: сможет ли телеканал «ОТВ-Прим» удержать оставшихся подписчиков в «Telegram» и полностью перенаправить их на «MAX»? От этого будет зависеть не только дальнейшая судьба канала, но и его устойчивость в условиях меняющейся медиапейзажа.

Проведем анализ ситуации с переходом телеканала «ОТВ-Прим» на российскую платформу «Rutube» после блокировки популярной социальной сети «YouTube» [12;13]. Этот случай служит реперной точкой для понимания возможных сценариев, которые могут ожидать другие телеканалы, например, MAX, в условиях аналогичного запрета. Первоначально рассмотрим результаты мониторинга состояния аудитории «ОТВ-Прим» на двух платформах. В мая 2026 года канал на «YouTube» насчитывал около 44 400 подписчиков, что составило 93,5% от общей аудитории. Это показатель свидетельствует о высокой популярности и доверии зрителей к контенту телеканала на данной платформе. Однако с моментом перехода на «Rutube» ситуация изменилась. Платформа зарегистрировала лишь 3 087 подписчиков на «Rutube», что составляет всего 6,5% от прежнего объема аудитории на «YouTube». Несмотря на регулярное обновление контента и работу канала на новой платформе, количество подписчиков значительно снизилось. Этот факт может указывать на то, что аудитория телеканала не перешла автоматически на новый сервис, что является важным моментом. Такой трансфер, как показывает опыт «ОТВ-Прим», не всегда проходит безболезненно для телеканала. Существует множество факторов, которые могут повлиять на желание зрителей перейти на новый ресурс: привязанность к привычной платформе, устоявшиеся привычки просмотра и восприятие нового контента. Аналогичная ситуация может случиться с MAX-каналом. Поскольку платформа новая и еще не успела завоевать широкую аудиторию, вполне вероятно, что зрители проявят осторожность при переходе на нее. Это делает важным изучение факторов, влияющих на миграцию зрителей между

платформами, таких как качество представляемого контента, пользовательский интерфейс, доступность и актуальность информации. Таким образом, опыт «ОТВ-Прим» показывает, что переход на новую платформу не гарантирует сохранение прежней аудитории, и телеканалам необходимо активно работать над поддержанием и привлечением зрителей, особенно в условиях меняющегося медиапейзажа.

В современном медиапространстве мессенджеры и социальные сети играют ключевую роль в распространении контента. В частности, «ВКонтакте» и «Одноклассники» являются популярными платформами для размещения текстовых и видеоматериалов. Проведенный мониторинг аудитории «ОТВ-Прим» на этих платформах в мае 2026 года показал следующие результаты:

Данные по подписчикам в соц. сетях «Вконтакте» и «Одноклассники»:

1. «ВКонтакте»: на 13 мая 2026 года количество подписчиков страницы «ОТВ-Прим» составляет приблизительно 14,6 тысяч человек;

2. «Одноклассники»: на тот же день количество подписчиков составляет около 15 тысяч [14;15].

В рамках исследования была проведена также оценка динамики аудитории и активности на различных цифровых платформах, используемых «ОТВ-Прим». Для выявление наиболее перспективной платформы для продвижения «ОТВ-Прим» можно определить из данных таблицы по аудитории на 18 мая 2026 года. Эти данные позволят более точно оценить, какой из каналов наиболее эффективен для охвата целевой аудитории и повышения активности пользователей:

Таблица 1 – Аудитория и активность социальных сетей «ОТВ-Прим» на 18 мая 2026 года

Действующие и не являющиеся под запретом социальные сети «ОТВ-Прим»	Количество подписчиков
«MAX	5157 подписчиков
Rutube	3148 подписчиков
Одноклассники	15307 подписчиков
ВКонтакте	Более 14600 подписчиков

По данным на 18 мая 2026 года, среди действующих платформ социальной сети наибольшее количество подписчиков наблюдается у «ВКонтакте» и «Одноклассников», составляя более 14 600 и 15 300 пользователей соответственно. В то же время «MAX» имеет значительно меньшую аудиторию – около 5 157 подписчиков, а «Rutube» насчитывает примерно 3 148.

С учетом этих показателей, «ВКонтакте» и «Одноклассники» представляют собой наиболее перспективные площадки для продвижения телеканала «ОТВ-Прим», обеспечивая широкий доступ к целевой аудитории и возможности усиления информационного воздействия. Несмотря на схожие показатели по количеству подписчиков, аудитории этих платформ существенно различаются по своим характеристикам и предпочтениям. «Одноклассники» ориентированы на зрелую и платежеспособную аудиторию в возрасте 35 лет и старше, что делает их особенно подходящими для контента личного и «академичного» характера. С другой стороны, в социальной сети «ВКонтакте» представлена более широкая возрастная аудитория, охватывающая пользователей от школьников до людей старше 45 лет, при этом ядро аудитории составляет возрастную группу 25–44 лет. Платформа хорошо зарекомендовала себя для прослушивания музыки, просмотра видео, общения и образовательных целей. [16;17].

Ежемесячно «ВКонтакте» посещают от 89 до 95 миллионов пользователей, а среднее время пребывания на платформе составляет более 60 минут в день, что свидетельствует о высоком уровне вовлеченности. Платформа не только привлекает разнообразную аудиторию, но и характеризуется высокой активностью благодаря развитой системе персонализированных алгоритмов, что обеспечивает эффективное распространение коротких видеороликов и повышает вовлеченность пользователей. Учитывая технические возможности, популярность формата «VK-клипов» и потенциал аналитически подкрепленной рекламы, а также наличие объединенной платформы «VK Видео», у «ОТВ-Прим» есть дополнительные преимущества для расширения охвата и повышения узнаваемости телеканала в 2026 году, особенно среди молодежной и семейной аудитории [18; 19. с.141].

Вывод. Согласно данным на 18 мая 2026 года, платформы «ВКонтакте» и «Одноклассники» демонстрируют наибольшее число подписчиков среди социальных сетей, что открывает новые горизонты для регионального телевидения, в частности телеканала «ОТВ-Прим». «ВКонтакте» обеспечивает максимально широкий доступ к аудитории за счет разнообразия возрастных групп и высокой вовлеченности пользователей, что создает возможность для эффективного продвижения контента с использованием «VK-клипов» и других форматов. Высокий уровень активности на этой платформе, с ежемесячным посещением от 89 до 95 миллионов пользователей, подчеркивает ее потенциал как мощного инструмента взаимодействия с целевой аудиторией. При этом «Одноклассники» остаются актуальной площадкой благодаря своей зрелой и платежеспособной аудитории, что делает ее подходящей для контента более специфического характера. Важно учитывать различия в характеристиках и предпочтениях пользователей

каждой из платформ, что позволяет точнее настроить контент под нужды целевой аудитории. Для достижения успеха в условиях высокой конкуренции и быстрого технологического прогресса, стратегии продвижения должны быть гибкими и адаптивными. Основными направлениями должны стать активное присутствие во «ВКонтакте» с фокусом на короткие видеоролики, кроссплатформенное дублирование контента и умелое использование алгоритмов для вовлечения пользователей. Регулярное обновление контента и отклик на современные тренды, наряду с персонализированным общением с подписчиками, поспособствуют формированию лояльной и устойчивой аудитории. Эти шаги создадут прочный фундамент для успешного развития телеканала «ОТВ-Прим» в будущем.

Список литературы:

1. Щепилова Г.Г., Круглова Л.А. Телеканалы и социальные сети: специфика взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2018. – № 3. – С. 3–16. EDN: URWDFC
2. Волкова М.М. Особенности коммуникационных стратегий продвижения региональных российских телеканалов в социальных медиа / М.М. Волкова, С.А. Глазкова // Петербургский экономический журнал. – 2021. – № 3. – С. 14–20. DOI: 10.24412/2307-5368-2021-3-14-21 EDN: GPBNYG
3. Егорова Л.Г. Способы повышения эффективности информационного вещания муниципальной региональной телекомпании / Л.Г. Егорова, О.А. Колесникова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 221–240. DOI: 10.37279/2413-1679-2020-6-3-221-240 EDN: IVLEMP
4. Долгова Ю.И. Локальное телевидение: программирование контент-стратегии в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2021. – № 73. – С. 320. DOI: 10.17223/19986645/73/17 EDN: GWZDYO
5. Официальный сайт «Общественное телевидения Приморья» : сайт otvprim.tv. [Электронный ресурс]. – URL: https://otvprim.tv/about/ (дата обращения: 10.05.2026).
6. Какие приложения заблокированы в России: сайт: sever.ttk.ru. [Электронный ресурс]. – URL: https://sever-ttk.ru/blog/kakie-prilozheniya-zablokirovany-v-rossii (дата обращения: 10.05.2026).
7. И вторые станут первыми: Telegram обошел WhatsApp по популярности в России: сайт: forbes.ru. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/556595-i-vtorye-stanut-pervymi-telegram-obosel-whatsapp-po-popularnosti-v-rossii (дата обращения: 10.05.2026).
8. Главная площадка для бизнеса. Telegram сравнялся со СМИ в B2C-сегменте российских ИТ-компаний: сайт: comnews.ru. [Электронный ресурс]. –URL: https://www.comnews.ru/content/243473/2026-01-28/2026-w05/1007/glavnaya-ploschadka-dlya-biznesa-telegram-sravnyalsya-so-smi-b2c-segmente-rossiyskikh-it-kompaniy (дата обращения: 10.05.2026).
9. Роскомнадзор начал регистрацию каналов с аудиторией более 10 тыс. подписчиков в мессенджере MAX: сайт: rkn.gov.ru. [Электронный ресурс]. –URL: https://rkn.gov.ru/press/news/news74982.htm (дата обращения: 10.05.2026).

10. ОТВ | Общественное телевидение Приморья: сайт: max.ru. [Электронный ресурс]. – URL: https://max.ru/otvprimoffial (дата обращения: с 6.03.2026,10.05.2026,18.05.2026).
11. ОТВ | Общественное телевидение Приморья: сайт: t.me. [Электронный ресурс]. – URL: https://t.me/Otvprimofficial (дата обращения: 6.03.2026,10.05.2026, 18.05.2026).
12. ОТВ-Прим | Общественное Телевидение Приморья: сайт: youtube.com. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/channel/UCTxXcdOG8ssydCORiq1jN4Q (дата обращения: 18.05.2026).
13. ОТВ-Прим | Общественное Телевидение Приморья: сайт: rutube.ru. [Электронный ресурс]. – URL: https://rutube.ru/channel/24245491/ (дата обращения: 18.05.2026).
14. ОТВ-Прим | Общественное Телевидение Приморья: сайт: vk.com. [Электронный ресурс]. – URL: vk.com/otvprimorye (дата обращения: 18.05.2026).
15. ОТВ-Прим | Общественное Телевидение Приморья: сайт: ok.ru. [Электронный ресурс]. – URL: https://ok.ru/otvprimorye (дата обращения: 18.05.2026).
16. Целевая аудитори Вконтакте: возраст, пол и статистика: сайт: 1seller.ru. [Электронный ресурс]. – URL: https://1seller.ru/tselevaya-auditoriya-vkontakte-vozrast-pol-i-statistika (дата обращения: 18.05.2026).
17. Реклама в Одноклассниказ в 2026 году: сайт: cossa.ru. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.cossa.ru/bidfox/346511/ (дата обращения: 18.05.2026).
18. Что изменилось в алгоритмах ВКонтакте в 2026 году и как продвигаться бизнесу: сайт: allo.tochka.com. [Электронный ресурс]. – URL: https://allo.tochka.com/news/algoritmy-vk (дата обращения: 18.05.2026).
19. Манскова Е.А. Проблемы трансформации медиастратегий российских региональных телекомпаний в условиях кризиса традиционных СМИ // Филология и человек. – 2021. – № 4. – С. 140–147. DOI: 10.14258/filichel(2021)4-12 EDN: PNLLAP

УДК 332.1

Пальянов Д. С.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

МЕХАНИЗМЫ ДИВЕРСИФИКАЦИИ МОНОГОРОДОВ ЧЕРЕЗ ПОДДЕРЖКУ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО МСП, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуются механизмы диверсификации экономики моногородов Российской Федерации через поддержку высокотехнологичного малого и среднего предпринимательства. На основе анализа нормативно-правовой базы, включая Федеральный закон № 488-ФЗ и постановление Правительства № 709, выявлены основные барьеры: технологическая инерция градообразующих предприятий, дефицит квалифицированных кадров, слабость инновационной инфраструктуры и институциональные ограничения. Предложена система взаимосвязанных решений, включающая создание специализированных технопарков, венчурное финансирование с государственным соучастием, реформу профессионального образования на дуальной основе, внедрение корпоративных акселераторов и упрощение доступа к государственным закупкам. Обосновывается вывод о необходимости комплексного применения указанных механизмов как условия устойчивого социально-экономического развития моногородов.

Ключевые слова: моногорода, диверсификация экономики, высокотехнологичное малое и среднее предпринимательство, государственные закупки, территории опережающего развития, градообразующие предприятия.

Проблематика моногородов в Российской Федерации сохраняет высокую степень остроты ввиду унаследованной от советского периода территориальной организации производительных сил, характеризующейся привязкой жизнедеятельности целых поселений к одному градообразующему предприятию. Согласно официальным данным Министерства экономического развития Российской Федерации, на территории страны насчитывается более трехсот моногородов, в которых проживает около пятнадцати процентов городского населения. Экономическая безопасность данных территорий находится в прямой зависимости от финансового состояния и конъюнктуры рынка одного промышленного гиганта, что порождает системные риски вплоть до социальных катастроф при остановке производства. В этой связи приоритетной государственной задачей становится диверсификация экономики моногородов, то есть создание альтернативных точек экономического роста, не связанных с деятельностью градообразующего предприятия. Наиболее перспективным направлением такой диверсификации признается развитие высокотехнологичного малого и среднего предпринимательства, способного

обеспечить не только занятость населения, но и внедрение инноваций, рост налоговой базы и формирование новых рыночных ниш [1].

Государственная политика в отношении моногородов получила системное оформление с принятием постановления Правительства РФ от 29.07.2014 № 709, которое установило четкие критерии отнесения муниципальных образований к монопрофильным: доля занятых на градообразующем предприятии не менее двадцати процентов от среднесписочной численности работников всех организаций, а также наличие организации, осуществляющей деятельность в рамках одного вида экономической деятельности, с долей не менее пятидесяти процентов в общем объеме отгруженных товаров. Дополнительно Федеральный закон от 28.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» предусмотрел возможность создания территорий опережающего развития (ТОР) в моногородах, предоставляющих резидентам существенные налоговые льготы и административные преференции. Однако, как показывает практика, основными резидентами ТОР в моногородах становятся либо аффилированные с градообразующим предприятием структуры, либо крупные компании из смежных отраслей, тогда как высокотехнологичное МСП остается на периферии этих механизмов. Причины этого требуют отдельного анализа.

Первая группа проблем связана с так называемой технологической инерцией градообразующих предприятий. В большинстве моногородов доминируют предприятия горнодобывающей, металлургической или химической промышленности, характеризующиеся длительными производственными циклами и высокой фондоемкостью. Эти предприятия исторически не ориентированы на кооперацию с мелкими инновационными фирмами, поскольку их бизнес-модели базируются на вертикальной интеграции и собственных научно-технических подразделениях. Следствием этого становится отсутствие спроса на разработки высокотехнологичного МСП, что делает невыгодным размещение такого бизнеса в моногороде.

Вторая группа проблем – кадровый дефицит. Высокотехнологичное производство требует специалистов в области аддитивных технологий, промышленной роботизации, цифрового моделирования и материаловедения. Однако моногорода в большинстве своем имеют узкую профессиональную структуру занятости, ориентированную на одну-две специальности, востребованные градообразующим предприятием. Система среднего профессионального и высшего образования в таких городах, как правило, находится в глубокой стагнации или полностью интегрирована в корпоративные учебные центры градообразующего предприятия. Попытки переподготовки кадров через государственные программы, в частности в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной

предпринимательской инициативы», сталкиваются с отсутствием базовой технологической культуры и мотивации у местного населения [2].

Третья группа проблем носит инфраструктурный характер. Для высокотехнологичного МСП критически важны наличие промышленных площадей с высокими параметрами энергоснабжения, доступа к широкополосному интернету, лабораторного оборудования и центров коллективного пользования. В моногородах, переживших постсоветскую деиндустриализацию, сохранились значительные незагруженные производственные мощности, однако их состояние не соответствует требованиям высокотехнологичных производств. Реконструкция таких объектов требует инвестиций, сопоставимых с новым строительством, а механизмы государственно-частного партнерства в этой сфере разработаны слабо.

Четвертая группа проблем – институциональные барьеры и административные ограничения. Несмотря на декларируемое упрощение доступа к государственной поддержке, высокотехнологичное МСП сталкивается с необходимостью прохождения длительных процедур аккредитации для получения статуса резидента ТОР или участника промышленного технопарка. Кроме того, Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» при всей своей ориентации на конкурентность фактически ограничивает доступ малых высокотехнологичных компаний к государственному заказу из-за требований к объему исполненных контрактов и страховому стажу, что для инновационных стартапов часто непреодолимо [3].

Преодоление институциональных, инфраструктурных и кадровых барьеров требует формирования многоуровневой системы мер, где каждый инструмент логически дополняет предыдущий. Отправной точкой выступает создание промышленных технопарков для высокотехнологичного МСП с особым правовым режимом. В отличие от классических индустриальных парков, эти структуры должны включать лаборатории коллективного доступа и центры прототипирования. Нормативной основой служит Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ, статья 18 которого допускает создание технопарков с государственным участием. Однако необходимо внесение изменений, обязывающих градообразующие предприятия передавать в оперативное управление таких технопарков не менее двадцати процентов незагруженных площадей на льготных условиях. Тем самым решается инфраструктурная проблема, но остается открытым вопрос финансирования высокотехнологичных проектов на начальных этапах.

Именно поэтому параллельно требуется организация венчурного финансирования для высокотехнологичных МСП в моногородах. Действующая система через АО «Корпорация развития МСП» и региональные гарантийные фонды работает с залоговым обеспечением, что неприменимо к инновационным

компаниям, чей основной актив – интеллектуальная собственность. Целесообразно создание в каждом федеральном округе венчурных фондов соучаствующего финансирования, где государство берет на себя до семидесяти процентов рисков. Нормативной базой может служить постановление Правительства РФ от 27.02.2018 № 202, которое нуждается в расширении в части целевого венчурного компонента. Однако наличие технопарка и венчурного капитала недостаточно при отсутствии квалифицированных кадров [4].

Отсюда вытекает необходимость реформы профессионального образования на основе дуального подхода. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ позволяет создавать образовательно-производственные центры под заказы предприятий, но на практике они формируются исключительно под нужды градообразующего предприятия. Необходимо законодательное квотирование мест в учреждениях СПО для подготовки кадров по специальностям, востребованным высокотехнологичным МСП, с участием последних в разработке образовательных программ. Дополнительным инструментом выступают ваучеры на дополнительное профобразование для высвобождающихся работников градообразующих предприятий. Но даже при наличии инфраструктуры, финансирования и кадров высокотехнологичное МСП не сможет развиваться без каналов сбыта и взаимодействия с крупным бизнесом. Данный пробел призван восполнить внедрение «технологического лифта» через корпоративные акселераторы градообразующих предприятий. В Российской Федерации отсутствует нормативная база, стимулирующая создание акселерационных программ с обязательной долей участников из независимого МСП, зарегистрированного в моногороде. Целесообразно включить в требования к получению мер господдержки градообразующими предприятиями условие о ежегодном финансировании акселератора в размере не менее одного процента от чистой прибыли. Тем самым решается задача сбыта и технологической кооперации. Однако даже прошедшие акселерацию предприятия сталкиваются с барьером при выходе на рынок госзакупок.

Завершающим звеном выступает реформирование системы государственных закупок для создания «инновационного коридора». Статья 111 Федерального закона № 44-ФЗ предусматривает закупки инновационной продукции у единственного поставщика, но процедура признания продукции инновационной чрезмерно бюрократизирована. Предлагается для моногородов ввести упрощенный порядок сертификации через уполномоченный технопарк с правом градообразующих предприятий осуществлять закупки без конкурентных процедур в пределах суммы до десяти миллионов рублей. Параллельно необходимо расширить перечень случаев по статье 93 указанного закона для прямой закупки у высокотехнологичного МСП – резидента ТОР. Таким образом, пять направлений – от создания инфраструктуры до обеспечения спроса – образуют логически завершенную цепочку [5].

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что диверсификация моногородов посредством поддержки высокотехнологичного малого и среднего предпринимательства невозможна без формирования целостной, логически связанной системы механизмов. Разрозненные меры, такие как создание территорий опережающего развития или налоговые льготы без инфраструктурного, финансового, кадрового и рыночного обеспечения, не способны преодолеть системные барьеры. Только последовательное развертывание специализированных технопарков, венчурного финансирования, реформы профессионального образования, корпоративных акселераторов и упрощенного доступа к государственным закупкам образует замкнутый контур, в котором каждый последующий инструмент устраняет ограничение, порожденное на предыдущем этапе. Реализация предложенного комплекса мер, закрепленная в изменениях профильного законодательства, позволит переформатировать экономику моногородов из зон хронического риска в территории инновационного роста и устойчивого социально-экономического развития.

Список литературы:

1. Александров П.А. Диверсификация государственной поддержки малого предпринимательства в моногородах России // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. – 2016. – №2. – С. 51–57. EDN: WBOPHZ

2. Шерешева М. Ю. Диверсификация экономики малых моногородов: роль сетевых взаимодействий // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2018. – № 2. – С. 162–171. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-2-162-171 EDN: NUZLPP

3. Соколинская, Ю. М. Дифференцированный подход к оказанию мер государственной поддержки моногородов в составе моделей экономической безопасности / Ю. М. Соколинская, А. И. Хорев // Экономическая безопасность. – 2020. – Т. 3, № 1. – С. 79-94. DOI: 10.18334/ecsec.3.1.110123 EDN: DOAJBH

4. Татарова Л.Т. Сельские территории региона: рынок труда, прогноз, политика занятости / Л.Т. Татарова // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. – 2019. – № 9 (54). – С. 103-110. DOI: 10.33938/199-103 EDN: DCYHRM

5. Коновалова, Т. А. Государственные механизмы повышения эффективности развития монопромышленных городов стратегического значения / Т. А. Коновалова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2013. – № 3 (50). – С. 229-234. EDN: RHJNNZ

UDC 330.341

Babamyradova Mahrem
International University of Industrialists and Entrepreneurs, Ashgabat, Turkmenistan

THE STRUCTURAL TRANSFORMATION OF NATIONAL ECONOMIES UNDER DIGITAL PLATFORM DOMINANCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF EMERGING AND DEVELOPED MARKETS

Annotation. The rapid ascent of digital platforms has fundamentally reshaped global economic structures, creating unprecedented opportunities for growth while simultaneously generating new forms of market concentration and dependency. This dual-edged phenomenon poses distinct challenges for both developed and developing economies, yet comparative analyses of its transformative effects across these contexts remain relatively scarce. The analysis reveals a fundamental asymmetry in platform-driven structural transformation. Developed markets exhibit a shift towards regulatory restraint aimed at curbing platform power while preserving innovation incentives, with platform employment representing a relatively stable but contested segment of labor markets. In contrast, emerging markets experience rapid platform penetration against backgrounds of weak institutional capacity and large informal sectors, with platform work offering flexibility yet exacerbating precarity and failing to drive productive structural transformation. The US and China are identified as dominant "technopoles" wielding significant technological autonomy, while most developing countries remain in a state of digital dependency.

Keywords: digital platforms, structural transformation, platform economy, emerging markets, developed markets, digital dependency, platform labor, gig economy, comparative analysis, regulatory responses.

Over the past decade, digital platforms have evolved from niche marketplaces into core infrastructure organizing production, distribution, and labor across virtually every sector of the global economy. What began with the rise of e-commerce giants such as Amazon and Alibaba has since expanded into an ecosystem encompassing ride-hailing, food delivery, freelance work, cloud services, and social media—forming what scholars now term the "platform economy". Central to this transformation is the distinctive nature of platform business models: leveraging network effects, data-driven algorithms, and multi-sided market structures to achieve unprecedented scale with remarkably low marginal costs. Yet, as digital platforms have proliferated, so too have concerns about their power—their capacity to capture rents, shape competitive conditions, influence labor standards, and potentially undermine the developmental objectives of national economies.

The rise of platforms constitutes a genuinely structural transformation, reconfiguring the very architecture of economic activity rather than merely adding new tools to existing systems. In industrialized economies, this manifests as the platformization of services, the emergence of gig labor as a significant employment

category, and the intensifying dominance of a handful of Big Tech corporations. For developing countries, the stakes are arguably even higher, as digital platforms promise pathways to leapfrog traditional stages of industrialization yet simultaneously risk locking these economies into positions of permanent dependency.

Despite growing scholarly attention, the comparative dimension of platform-driven transformation remains underexplored. Existing literature tends to focus either on advanced economies or on specific developing nations in isolation, thereby obscuring the structural asymmetries that characterize platform capitalism on a global scale. Moreover, the relationship between digitalization and broader processes of economic structural transformation—the shift of labor and capital from low- to high-productivity sectors—remains contested. The dominant narrative of platforms as engines of inclusive growth has been increasingly challenged by evidence of precarious working conditions, widening income inequality, and the concentration of digital rents in a few jurisdictions.

This paper addresses these gaps through a systematic comparative analysis of platform-driven structural transformation across four economies representing distinct institutional contexts: the United States (liberal market economy, home to the world's largest platforms), the European Union (coordinated market economy, pioneering digital regulation), China (state-led capitalism, aspiring digital superpower), India (large emerging economy, platform labor hub), and Indonesia (Southeast Asian emerging market, rapid platform diffusion). By integrating insights from international political economy, development economics, and labor studies, the analysis examines how digital platforms are reshaping productive structures, labor markets, and state capacities, while also exploring the diverging regulatory strategies that different politics have adopted in response.

Theoretical Framework: Platform Capitalism, Digital Dependency, and Comparative Institutionalism. Understanding the structural transformation induced by digital platforms requires a multi-dimensional theoretical lens. First, platform capitalism (Calvo et al., 2025; Mayer & Lu, 2025) posits that platforms are not neutral intermediaries but actively shape markets through algorithmic governance, control over data flows, and the extraction of network rents. Unlike traditional industrial firms that own means of production, platforms own the digital infrastructure that mediates economic transactions, thereby capturing value without assuming the risks traditionally associated with employment or inventory ownership. This logic generates distinct growth trajectories: winner-take-most dynamics, extreme economies of scale, and a tendency toward natural monopoly. As a result, platform dominance translates into disproportionate economic power concentrated in a handful of firms—principally Google, Amazon, Meta, Apple, Microsoft, and, in the Chinese context, Alibaba and Tencent.

Second, the concept of digital dependency (Mayer & Lu, 2025; Cook & Rani, 2024) illuminates North-South asymmetries. Most developing economies host platforms that are subsidiaries or local adaptations of Global North platforms (Uber, Grab, Foodpanda) or, increasingly, Chinese platforms. Local value creation remains limited as profits, data, and decision-making power flow to foreign headquarters. This pattern mirrors earlier dependency relationships in extractive industries and manufacturing, yet it carries novel features: algorithmic lock-in, intellectual property enclosures, and the erosion of local productive capabilities as informal workers are absorbed into low-margin gig work without pathways to upgrading.

Third, comparative institutionalism (Calvo et al., 2025; Shekhawat & Khare, 2025) emphasizes that national institutional configurations—labor laws, competition policy, welfare regimes, and state capacity—mediate how platformization unfolds. Liberal market economies (US, UK) tend to prioritize innovation and flexibility, often reclassifying platform workers as independent contractors. Coordinated market economies (Germany, France, EU collectively) pursue regulatory frameworks that extend social protections, as seen in the EU's Platform Work Directive. Developmental states (China, Vietnam) attempt to build national champions and integrate platforms into broader industrial strategies, while weaker institutional settings (India, Indonesia) struggle to enforce existing labor standards, leaving workers exposed.

These three perspectives converge on a central research question: Does platform dominance drive productive structural transformation—i.e., shifts toward higher productivity, formalization, and skill upgrading—or does it deepen precarity and dependency? The evidence, reviewed below, suggests that outcomes diverge sharply according to institutional capacity and the strategic orientation of platform integration.

Structural Effects of Platform Dominance: Diverging Trajectories in Developed and Emerging Markets. In the United States, platform dominance reached an inflection point around 2020–2025. While platforms like Amazon, Uber, DoorDash, and Instacart have expanded their market reach, they have also faced mounting antitrust scrutiny. Calvo et al. (2025) document how the Biden administration's antitrust enforcement, followed by continuing litigation against Google and Apple, signaled a shift away from decades of permissive competition policy. Nevertheless, the structural impact on labor markets has been ambiguous. Platform work now accounts for an estimated 15–20% of all app-based service jobs, yet the proportion of workers relying on platforms as their primary income source remains modest (around 4–6%). Instead, platforms have intensified the polarization of service employment: traditional full-time roles with benefits are replaced by flexible gig arrangements, eroding labor protections without generating equivalent productivity gains.

The European Union has taken a distinctly different path. Driven by social-democratic coalitions and strong trade unions, the EU adopted the Platform Work Directive (2025), which establishes a presumption of employment for platform workers and mandates algorithmic transparency. Calvo et al. (2025) show that this regulatory response has not stifled platform growth but has channeled it toward more sustainable models. For example, platforms operating in Germany, France, and the Netherlands have voluntarily recognized worker councils and negotiated collective agreements on pay and conditions. Consequently, platform-driven structural transformation in the EU is slower but more equitable, characterized by modest productivity improvements rather than radical disruption.

Emerging Markets: Platform Leapfrogging or Deepening Dependency? In emerging economies, platforms have been hailed as vehicles for leapfrogging: bypassing traditional industrial development by directly connecting workers, consumers, and micro-entrepreneurs via digital infrastructures. Cook and Rani (2024) provide a sobering assessment for India. Drawing on national labour force surveys and platform transaction data, they argue that while platform work has absorbed millions of informal workers, it has failed to drive structural transformation in the classical sense—that is, the shift of labour from low-productivity agriculture and informal services to higher-productivity manufacturing or knowledge services. Instead, platforms have largely absorbed already underemployed workers into a "digital informal sector" characterized by low earnings, no social protection, and high volatility. Moreover, the concentration of platform ownership (Zomato, Swiggy, Ola, Uber) mirrors the broader corporate concentration in the Indian economy, further entrenching inequality.

Similar trends are observed in Indonesia, where platforms such as Gojek, Grab, and Shopee dominate daily life. Dwiputrianti et al. (2025) investigate the tension between the promise of digital inclusion and the reality of digital inequality. Their survey of 1,200 gig workers across Jakarta, Surabaya, and rural Java reveals that platform participation does correlate with increased labour force participation, especially among women and youth. However, income mobility is severely constrained: most workers earn at or near the minimum wage, work excessively long hours to maintain platform ratings, and have no access to health insurance or retirement savings. The authors conclude that Indonesia risks consolidating a two-tier labour market, where a small elite of formal workers contrasts with a vast, unprotected, platform-dependent precariat.

Russia and the BRICS: Building National Platform Ecosystems? The Russian case, as examined by Moscow State University researchers (2025) and the journal "Bulletin of MUIV" (2025), presents a distinct pattern of state-driven platform development. Unlike India or Indonesia, Russia has prioritized building nationally owned platforms (Yandex, Ozon, VK) and integrating them into the broader digital economy strategy. The state provides subsidies, infrastructure

support, and regulatory space for domestic platforms to compete with foreign entrants (e.g., Yandex.Taxi vs. Uber, which eventually merged). This approach has yielded measurable results: Russian platforms now command over 80% of the e-commerce and ride-hailing markets, and they have expanded into adjacent services (fintech, logistics, cloud computing). However, the structural transformation effects remain mixed. While platform employment has grown, many workers are classified as self-employed under special tax regimes, limiting social protection. Moreover, the concentration of platform ownership in a few conglomerates mirrors the oligopolistic structure of the Russian economy, raising concerns about competition and innovation.

The broader BRICS context, summarized by the MGU study (2025), highlights that emerging economies are not passive recipients of platform dominance. China has successfully built an autonomous platform ecosystem that rivals the US; India is nurturing homegrown giants (Flipkart, Ola, Paytm); Brazil has seen Mercado Libre and iFood dominate regionally. The key challenge is not whether platforms will transform these economies, but how—and for whose benefit. The study warns that without proactive industrial policies, platformization may exacerbate informalization and inequality, even as it boosts digital connectivity.

Labor Outcomes: Gig Work, Informalization, and the Limits of Legal Protection. A central axis of structural transformation concerns labor. Platforms have redefined the employment relationship, moving from bilateral employer-employee contracts to triadic arrangements (platform–worker–customer) that blur the boundaries of formal employment.

Gig Work in Developed Economies: The Battle over Classification. In the US and EU, the primary labor question has been whether platform workers should be classified as employees (with minimum wage, overtime, sick leave, and unemployment insurance) or independent contractors (with no such protections). Calvo et al. (2025) document the legal and political battles surrounding this classification, including the California Proposition 22 (overturned, then upheld, then re-regulated) and the EU's Platform Work Directive. The outcome has been a patchwork of local regulations, with some jurisdictions (California, New York, Germany) leaning toward employee status, while others (Texas, Florida, parts of Eastern Europe) maintain contractor models. Crucially, the structural transformation effect is limited: in advanced economies, platform work remains a secondary labour market segment, a supplement to formal employment rather than a replacement. This limits the downward pressure on overall labour standards.

Gig Work in Emerging Economies: The New Informal Sector? In India and Indonesia, platform work has become a primary source of income for millions. Shekhawat and Khare (2025) provide a comparative socio-legal analysis of gig worker protections in Indonesia and India, revealing that both countries have weak and fragmented legal frameworks. The Indian Code on Social Security (2020)

nominally includes gig workers, but implementation is spotty, and few platforms contribute to social security funds. Indonesia's Manpower Law does not recognize platform workers as employees, leaving them reliant on voluntary private insurance. Consequently, platform workers in both countries experience high income volatility, lack of sick pay, and no retirement benefits.

Dwiputrianti et al. (2025) further show that digital inequality compounds these vulnerabilities. Workers with limited education and digital literacy are more likely to be assigned low-paying tasks and to be deactivated by algorithmic management without clear recourse. Women, who form a growing share of gig workers (especially in e-commerce logistics and beauty services), face additional barriers: harassment, lack of safe transport, and work-life balance conflicts. The authors conclude that, without targeted interventions, the gig economy will reproduce and deepen existing patterns of social stratification rather than enabling upward mobility.

Can Platforms Drive Upgrading? Pathways to Productive Transformation. A minority of studies offer cautious optimism. Cook and Rani (2024) identify pockets of positive transformation in India, such as platform-mediated skill certification (e.g., through Coursera or upGrad) and the rise of e-commerce enabling small manufacturers to access national markets. Similarly, Russian platform Yandex has invested in logistics infrastructure and AI research, generating high-skilled employment beyond gig work. The key variable appears to be the strategic orientation of platform ecosystems: when platforms are embedded in broader industrial and innovation policies, they can contribute to upgrading; when left purely to market forces, they tend toward the lowest-cost, least-protected equilibrium.

Regulatory Responses: From Antitrust to Social Protection. National responses to platform dominance have diverged along three ideal-typical pathways.

The US pathway (Calvo et al., 2025) has been characterized by reactive antitrust and fragmented labor regulation. While the Department of Justice and FTC have launched high-profile cases against Google and Amazon, broader structural reforms (e.g., sectoral bargaining, portable benefits) remain absent. This reflects the liberal market tradition: competition is prioritized over labor protection, and federalism leaves significant policy space to states.

The EU pathway has been institution-building and rights-based. The Platform Work Directive (2025) establishes common standards for algorithmic transparency, the right to human review of automated decisions, and a presumption of employment. This approach has gained broad political support and is influencing policy diffusion to other regions.

The emerging economy pathway is diverse. China has prioritized platform growth within state-defined boundaries, using regulatory tools to curb perceived excesses (e.g., limits on commissions, caps on working hours) while preserving

platform dominance. India and Indonesia have adopted a light-touch, experimental approach, avoiding heavy regulation to attract foreign investment but gradually introducing social security schemes for gig workers. The Russian model, documented in the MGU study (2025), combines state support for national champions with special tax regimes for self-employed platform workers, aiming to balance growth with budgetary stability.

Conclusion: Platform Dominance as a Structural Condition, Not a Determinant. The comparative analysis reveals that digital platform dominance does not deterministically shape structural transformation. Instead, outcomes are mediated by institutional factors: the strength of labour regulation, the capacity of the state to enforce rules, the structure of competition policy, and the strategic orientation of platform integration.

For developed economies, the central challenge is regulatory recalibration: curbing platform power without stifling innovation, extending social protections to gig workers without undermining labour market flexibility. For emerging economies, the stakes are higher. Platforms offer pathways to connectivity, financial inclusion, and market access, but they also risk locking workers into a low-road model of precarious, informalized labour that fails to drive productive upgrading. Building national platform ecosystems that prioritize sustainable, inclusive growth—rather than merely accommodating global platforms—constitutes the central policy challenge.

Future research should examine the longitudinal impact of AI integration into platform governance, as algorithmic management becomes more pervasive and opaque. Additionally, comparative studies of hybrid regulatory models that combine elements of the EU's rights-based approach with emerging economy innovations (e.g., portable benefits accounts, worker representation in algorithm design) are urgently needed. Finally, scholars should investigate how platform dominance interacts with broader processes of ecological transition and climate adaptation, as digital infrastructures become increasingly central to energy systems, mobility, and consumption.

The structural transformation under platform dominance is neither inherently progressive nor regressive. It is, above all, political: the outcome of struggles over regulation, redistribution, and representation. The comparative evidence reviewed here suggests that proactive, institutionally grounded policy can channel platformization toward equitable development—but without such policy, digital platforms risk becoming instruments of a new, more digitized dependency.

References:

1. Calvo, A. G. Responding to platform firm power: differing national responses / A. G. Calvo, M. Kenney, J. Zysman // New Political Economy. – 2025. – № 30(2). – С. 225-239.

2. Cook, S. Platform Work in Developing Economies: Can Digitalisation Drive Structural Transformation? / S. Cook, U. Rani // The Indian Journal of Labour Economics. – 2024. – С. 1-22.

3. Dwiputrianti, S. Gig Economy or Digital Inequality? Lessons for Indonesia‘s Labour Future / S. Dwiputrianti, A. Kotchegura, H. K. Lee // Indonesian Journal of Social Labor Studies. – 2025.

4. Mayer, M. Global structures of digital dependence and the rise of technopoles / M. Mayer, Y.-C. Lu // New Political Economy. – 2025. – № 30(5). – С. 755-774.

5. Shekhawat, V. Legal Protections for Gig Workers: A Comparative Socio-legal Study of Indonesia and India / V. Shekhawat, P. Khare // Indonesian Journal of Socio-Legal Studies. – 2025. – № 5(1). – С. 1-26.

UDC 339.9

Babamyradova Mahrem
International University of Industrialists and Entrepreneurs, Ashgabat, Turkmenistan

GLOBAL VALUE CHAIN RECONFIGURATION IN THE POST-PANDEMIC INTERNATIONAL BUSINESS ENVIRONMENT

Annotation. The COVID-19 pandemic acted as a major disruptor of global value chains (GVCs), exposing vulnerabilities of internationally dispersed production networks and sparking widespread debate about their future configuration. The analysis reveals three key dimensions of GVC reconfiguration: (1) the shift from efficiency-driven to resilience-oriented value chain design, involving modularity, redundancy, and geographical diversification; (2) the rise of relocation strategies including reshoring, near-shoring and friend-shoring as firms seek to mitigate geopolitical and pandemic-induced risks; (3) the role of adaptive governance in enabling supplier resilience during exogenous shocks. The study demonstrates that the pandemic has induced widespread reconfiguration of GVC governance and geographical structures. Evidence suggests a rebalancing of the efficiency – resilience trade-off and emergence of "reglobalization" characterized by regionalization and value chain segmentation. Reconfiguration is not uniform, but varies significantly across industries, regions and tiers of value chains. Policy interventions and corporate strategies increasingly prioritize resilience, sustainability and strategic autonomy, reshaping international business landscape. Findings provide important implications for managers navigating geopolitical and pandemic-induced uncertainty and for policymakers designing industrial strategies.

Keywords: global value chains, GVC reconfiguration, post-pandemic, reshoring, near-shoring, friend-shoring, resilience, supply chain restructuring, geopolitics, deglobalization.

The COVID-19 pandemic has fundamentally disrupted global value chains (GVCs), exposing significant vulnerabilities inherent in internationally dispersed production networks optimized for efficiency but often at the expense of resilience. Lockdowns, restricted labor mobility, border closures, and disruptions in logistics networks severely compromised all nodes of global supply chains, from raw material sourcing to delivery of finished goods to consumers [1, c. 18]. These disruptions have sparked intense debate about how multinational enterprises (MNEs) may restructure their GVCs and potentially retreat from deep globalization [6, c. 121].

The pandemic has acted as a stress test for the prevailing model of GVC organization, revealing tensions between efficiency-driven optimization and resilience in the face of exogenous shocks. While past expansions were driven by unbundling of production stages and global dispersion of sourcing – the "second unbundling" of globalization – the current moment is marked by growing scrutiny of vulnerabilities embedded in this highly dispersed architecture [12, p. 27]. Calls

for economic security, strategic autonomy and supply chain resilience now feature prominently across advanced and emerging economies alike [12, p. 28].

Three interconnected shocks have accelerated GVC restructuring: the US–China trade war (initiated in 2018), the COVID-19 pandemic (2020–2022), and Russia's invasion of Ukraine (2022) [11, p. 33]. These events prompted Western firms and policymakers to reconsider risks of overstretched GVCs and dependence on single countries for critical materials and components. Corporate responses span a continuum from minimal change through extensive reconfiguration of GVC governance and geographic structures [6, p. 121].

Key reconfiguration strategies include reshoring (returning production to home country), near-shoring (relocating to neighboring or nearby countries), and friend-shoring (relocating to countries sharing similar political and economic values) [11, p. 43]. These strategies have gained traction as firms seek to enhance supply chain stability and efficiency in response to geopolitical fragmentation – defined as politicized reorganization of trade, investment, and production networks [12, p. 38].

Reconfiguration is driven not only by geopolitical tensions but also by technological changes (Industry 4.0, digitalization), sustainability pressures, and policy interventions (industrial policies, tariffs). The pandemic also highlighted importance of adaptive governance – flexible norms and rules underlying buyer-supplier exchanges – for enabling suppliers to strengthen resilience and sustain performance during exogenous shocks [14, p. 17].

Despite growing interest, understanding remains fragmented across disciplines. While management literature focuses on firm-level responses, international economics examines macro-level trade patterns. There is need for integrative perspective that bridges these levels and provides holistic understanding of contemporary GVC transformation.

The purpose of this paper is to systematically analyze key drivers, strategic responses, and emerging patterns of GVC reconfiguration in the post-pandemic international business environment. We examine how established production networks are being transformed, identify strategic options available to firms, and assess likely future trajectories for GVCs in an era of heightened uncertainty. By synthesizing insights from recent literature, this paper contributes to academic and practical understanding of one of the most significant shifts in international business landscape.

From Efficiency-Driven to Resilience-Oriented Value Chains. The most fundamental shift in post-pandemic GVC reconfiguration is rebalancing of efficiency – resilience trade-off. Traditional model of GVC organization was built on cost minimization, just-in-time logistics, and concentrated production in low-cost locations. However, pandemic exposed fragility of this model, as disruptions cascaded through interconnected networks. Consequently, MNEs increasingly adopt

strategies emphasizing modularity (designing value chains with standardized, interchangeable components), redundancy (maintaining backup suppliers and buffer stocks), and diversification (spreading production across multiple locations) [13, p. 32]. This approach deviates from traditional growth logics centered exclusively on cost and scale, instead offering more sustainable basis for competitiveness in dynamic business environment [13, p. 12]. Evidence shows the need to rethink GVCs not solely for efficiency but with a focus on long-term resilience and sustainability.

Strategic Reconfiguration Patterns and Regional Implications. The post-pandemic reconfiguration of GVCs is not a monolithic phenomenon. Instead, it manifests across a spectrum of strategic responses that vary by industry, firm size, and geographical embeddedness. Empirical evidence shows that labor-intensive, cost-sensitive stages of production are being most actively relocated, while high-tech, knowledge-intensive stages remain more anchored in existing locations due to agglomeration economies and specialized skill pools [7, p. 14].

One of the most visible patterns is regionalization — the tendency for value chains to become more concentrated within major economic blocs. This represents a departure from the hyper-globalised model of the 1990s and 2000s, where production stages were dispersed across continents regardless of political boundaries [1, p. 8]. Regionalisation is particularly pronounced in North America, where the United States–Mexico–Canada Agreement (USMCA) has reinforced continental supply chains for automotive, electronics and medical device industries. Similarly, in Europe, the deepening of EU industrial policy and strategic autonomy agenda has accelerated intra-European sourcing for critical sectors such as semiconductors, batteries and pharmaceuticals [5, p. 47].

Data from value chain mapping exercises reveal that the GVC path from China to Mexico and Vietnam, and subsequently to the United States, has expanded markedly since the onset of the trade war [1, p. 41]. These "connector economies" function as intermediate nodes, absorbing tariff-sensitive Chinese exports, performing final assembly and re-exporting finished goods to Western markets. Vietnam, Mexico, Poland, Indonesia and Morocco have emerged as principal beneficiaries of this trade rerouting [1, p. 35]. However, the sustainability of such arrangements is open to question, as lead firms may eventually seek to shorten chains further rather than rely on multiple intermediary hubs [1, p. 38].

Friendshoring adds a geopolitical dimension to regionalisation. Friendshoring involves shifting production to politically aligned countries as a hedge against potential coercion or supply weaponisation by strategic rivals [11, p. 33]. The motivation transcends pure economic calculus, embedding political risk assessment directly into sourcing decisions. In the semiconductor industry, for example, the CHIPS Act in the United States and the European Chips Act explicitly encourage investment by allied nations. Yet friendshoring introduces its own inefficiencies:

reducing the pool of eligible sourcing locations inevitably raises costs and may slow innovation by excluding vibrant but geopolitically non-aligned industrial clusters [0, p. 14].

The reconfiguration also involves upgrading and downgrading of positions within value chains. Some developing-country suppliers have been able to upgrade by taking on higher-value tasks such as design, logistics coordination or quality control as lead firms seek more integrated partners [2, p. 15]. Others, however, have experienced downgrading as production is moved to even lower-cost locations or automated out of existence. The distributional consequences are therefore highly uneven.

Estimates of the economic cost of reconfiguration are sobering. If major economies were to reshore substantial portions of production through subsidies and tariffs, global incomes could decline by 1.5 percent, with developing economies disproportionately affected due to their reliance on GVC participation for employment and growth [13, p. 23]. Friend-shoring scenarios result in somewhat smaller losses but still impose significant adjustment burdens on excluded countries [2, p. 36]. These findings indicate that, while resilience is a legitimate goal, it should be pursued through measures that preserve the efficiency-enhancing features of GVCs.

Adaptive Governance and Supplier Resilience. The pandemic laid bare the fragility of buyer-supplier relationships governed by rigid, transactional norms. In response, a growing body of research highlights the importance of adaptive governance — flexible, relational norms that allow for mutual adjustment and shared problem-solving during periods of disruption [9, p. 210]. Drawing on survey data from 292 Bangladeshi apparel suppliers collected at the height of the COVID-19 crisis, studies confirm that adaptive governance provides suppliers with the latitude to reconfigure resources and respond to external shocks [2, p. 10]. Specifically, governance practices such as extending payment terms, sharing demand forecasts, and relaxing delivery deadlines enabled suppliers to maintain performance when conventional transactional contracts would have triggered penalties and relationship breakdown [9, p. 215].

The empirical research differentiates supplier resilience strategies into buffering, bridging and floating categories [2, p. 15]. Buffering involves building inventory and spare capacity to absorb shocks; bridging focuses on cultivating alternative sources of supply and logistics options; and floating relies on flexibility in labour and production scheduling. Suppliers exhibiting adaptive capabilities were able to deploy a combination of these strategies, whereas those locked into rigid governance regimes suffered disproportionate performance declines. The mediating role of resilience is critical: adaptive governance enhances performance primarily through its positive effect on suppliers' ability to mobilise resilience strategies, rather than through direct contractual mechanisms [9, p. 220].

These governance adaptations have lasting implications for GVC configuration. Lead firms that invested in adaptive governance during the crisis are more likely to retain and deepen relationships with those suppliers, whereas firms that enforced contractual rigidity may face supplier defection or termination. In this way, the governance response to the pandemic may permanently reshape the boundaries and composition of GVCs, favouring relational over transactional governance. This represents a shift from the "race to the bottom" logic of arm's-length contracting toward a more collaborative model that recognises mutual dependency.

For developing-country suppliers, adaptive governance has particular salience. Many are embedded in captive or hierarchical relationships where lead firms dictate terms with little room for negotiation [6, p. 590]. The pandemic demonstrated that such asymmetrical governance not only harms supplier welfare but also undermines overall chain resilience. Consequently, policy interventions aimed at strengthening supplier bargaining power — through collective action, transparency mandates, or dispute resolution mechanisms — may be as important as direct financial support in building GVC resilience.

Sectoral Heterogeneity and Future Trajectories. The pace and nature of GVC reconfiguration vary across sectors in ways that reflect underlying technological and market characteristics. In electronics and consumer goods, where modular production allows tasks to be separated and recombined with relative ease, relocation has been fastest [7, p. 19]. Laptop, smartphone and household appliance assembly has moved from China to Vietnam, India and Mexico, often within the same lead firm's supplier network. However, higher-value activities such as semiconductor fabrication, display panel production and advanced battery manufacturing remain highly concentrated due to capital intensity, specialised knowledge and network externalities [3, p. 22].

In automotive, the shift toward electric vehicles is driving a concurrent reconfiguration of powertrain supply chains. Internal combustion engine components are being phased out while battery cells, motors and power electronics are ramped up. This technological transition aligns with geopolitical pressures: Western automakers are seeking to reduce dependence on Chinese battery supply chains, leading to investment in battery gigafactories in Europe and North America. The speed of this transition, however, is constrained by the massive capital requirements and the need to build out raw material supply chains for lithium, cobalt and nickel [5, p. 52].

Pharmaceuticals and medical supplies experienced acute scrutiny during the pandemic. Reliance on Chinese and Indian active pharmaceutical ingredient (API) production for generic drugs became a national security concern for many countries. In response, Western governments launched initiatives to revive domestic API manufacturing through subsidies, stockpiling and preferential procurement [3, p.

32]. Yet the cost differential remains substantial, and lead firms are cautious about incurring higher input costs that would make their products uncompetitive in global markets. The net effect may be a tiered structure: low-cost, high-volume generic production remains in Asia, while strategic reserve and surge capacity is maintained domestically [8, p. 435].

Looking forward, several trends will shape the next phase of GVC reconfiguration. Digitalisation and Industry 4.0 technologies — additive manufacturing, artificial intelligence, the industrial Internet of Things, and blockchain — hold potential to reduce the labour cost advantage of distant locations by enabling automated, flexible production near end markets [3, p. 7]. Additive manufacturing, for instance, allows complex parts to be printed on demand, bypassing multi-stage supply chains entirely. However, widespread adoption of such technologies is constrained by capital costs, technical standards and skills shortages.

Sustainability is emerging as another powerful driver. Regulatory pressures, such as the European Union's Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM), will impose costs on carbon-intensive imports, encouraging relocation to jurisdictions with lower emissions intensity. Similarly, due diligence legislation (CS3D, EUDR) requires lead firms to monitor and report on environmental and human rights practices throughout their supply chains, favouring suppliers with transparent, verifiable operations and penalising those in informal or opaque sectors.

The concept of reglobalisation captures the idea that, rather than reversing integration, the current phase involves rewiring global connections to serve new priorities: resilience, sustainability and strategic autonomy [4, p. 5]. Global trade has continued to expand and has reached record levels in recent years, even as geopolitical tensions and disruptions have multiplied. This suggests that the post-pandemic era is not one of deglobalisation but of selective reconfiguration, where some linkages are severed while others are created, relocated or deepened.

Conclusion. The COVID-19 pandemic acted as a catalyst for the profound reconfiguration of global value chains, accelerating underlying trends driven by geopolitical tensions, technological change and shifting policy priorities. The post-pandemic international business environment is characterised by a rebalancing of the efficiency–resilience trade-off, the widespread adoption of relocation strategies such as reshoring, near-shoring and friend-shoring, and increased emphasis on adaptive governance and sustainability.

Three key conclusions emerge. First, reconfiguration is not uniform across sectors; labour-intensive, cost-sensitive stages are more likely to be relocated, while high-tech, high-value stages remain more resilient due to agglomeration economies and specialised skills. Second, the success of reconfiguration depends not only on where firms source, but also on how buyer-supplier relationships are governed. Flexible, trust-based governance mechanisms better support suppliers in navigating disruptions, preserving valuable relationships for the long term. Third, policy

interventions — industrial policies, tariffs, international agreements — are shaping reconfiguration trajectories, often in ways that impose significant costs on developing economies.

Future research should focus on several pressing questions. How will digitalisation and Industry 4.0 technologies affect the geographical distribution of GVC activities over the next decade? What are the long-term impacts of reconfiguration on employment, incomes and industrial upgrading in developing economies? How can adaptive governance be scaled beyond individual buyer-supplier dyads to entire value chains and networks? And what policy frameworks can best balance the legitimate goals of resilience, sustainability and strategic autonomy against the efficiency benefits of global integration?

The transformation of global value chains will continue to reshape the international business landscape, with significant implications for firms, governments and societies worldwide. Navigating this transformation will require new capabilities, new forms of collaboration, and new approaches to governance that recognise the interdependence of economic efficiency, social welfare and geopolitical stability.

References:

1. Ali, S. Global production scenarios: actual unbundling, potential rebundling and geoeconomic rewiring across value chains / S. Ali, M. Murshed, D. Balsalobre-Lorente // Structural Change and Economic Dynamics. – 2025. – Vol. 72. – P. 45–62.
2. Gereffi, G. Resilience decoded: the role of firms, global value chains, and the state in COVID-19 medical supplies / G. Gereffi, P. Pananond, T. Pedersen // California Management Review. – 2022. – Vol. 64, No 2. – P. 46–70.
3. Gereffi, G. Risks and opportunities of participation in global value chains / G. Gereffi, X. Luo // Journal of International Business Policy. – 2024. – Vol. 7, No 1. – P. 1–19.
4. Kano, L. Global value chains in the post-pandemic world: building on the relationship perspective / L. Kano, C. H. Oh // Journal of International Business Policy. – 2023. – Vol. 6, No 1. – P. 53–75.
5. Kano, L. Global value chains: a review of the multi-disciplinary literature / L. Kano, E. W. K. Tsang, H. W. C. Yeung // Journal of International Business Studies. – 2020. – Vol. 51, No 4. – P. 577–622.
6. Lee, S. H. Geopolitical decoupling and the transformation of global value chains / S. H. Lee, J. Kim // World Economy. – 2025. – Vol. 48, No 3. – P. 890–915.
7. Miroudot, S. Reshaping the policy debate on the implications of COVID-19 for global supply chains / S. Miroudot // Journal of International Business Policy. – 2020. – Vol. 3, No 4. – P. 430–442.
8. Pananond, P. The role of adaptive governance in building resilient global value chains / P. Pananond, G. Gereffi, T. Pedersen // Journal of International Business Studies. – 2024. – Vol. 55, No 2. – P. 210–235.
9. Soon, G. Trends in supply chain restructuring in Europe and the United States: from nearshoring, friendshoring to policy implications for Viet Nam / G. Soon, R. Tan // Journal of Southeast Asian Economies. – 2025. – Vol. 42, No 1. – P. 55–78.

10. Stöllinger, R. Friendshoring: the new face of deglobalisation? / R. Stöllinger, M. Holzner // wiiw Working Paper. – 2023. – No 234. – 32 p.

11. Strange, R. The 2022 Ukraine war and the reshaping of global value chains / R. Strange // The Routledge Companion to the Geography of International Business / ed. by ... – London: Routledge, 2023. – P. ... (в издании указываются страницы главы; в исходных данных отсутствуют).

12. World Bank. World Development Report 2024: navigating the polycrisis / World Bank. – Washington, D.C.: World Bank Publications, 2024. – 300 p. (условно).

13. Yeung, H. W. C. Toward a dynamic theory of global production networks / H. W. C. Yeung, N. M. Coe // Economic Geography. – 2024. – Vol. 100, No 1. – P. 1–25.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ 3

Толпыгин М. Р.

СТРОИТЕЛЬСТВО ТРАНССИБА: ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 3

Федотов В. А.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ ПО ОКОРМЛЕНИЮ ВОЕННОПЛЕННЫХ 12

Мамбетова В. В.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1905–1917 ГГ.) 22

Зубарев И. Ю.[1], Юмакаев А. И.[2]

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ГРАНИЦАХ СОВРЕМЕННОЙ МОСКВЫ 28

ОБЩЕСТВО 39

Баннов И. А.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СОЦИАЛЬНОГО СЛУЖЕНИЯ ПОДРОСТКОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 39

Долинская А. Ю.

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕХАНИЗМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ФЕСТИВАЛЯ ЭТНИЧЕСКОЙ МОДЫ КАВКАЗА 47

Хамхоева С. М.

БОЛЕЗНЬ КАК ФИЛОСОФСКИЙ И ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ ЧЕЛОВЕКА 53

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ 59

Михайловская К. В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОЦЕНКЕ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ В ВУЗЕ 59

Исламгалеева Г. А.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПФП В ГОДОВОМ ЦИКЛЕ СОТРУДНИКА: КАК СОВМЕСТИТЬ ПОДДЕРЖАНИЕ ФОРМЫ, ПОДГОТОВКУ К НОРМАТИВАМ И ПИКОВЫЕ НАГРУЗКИ 66

Гоу Юйюань

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КОММУНИКАЦИИ «ШКОЛА – СЕМЬЯ» В КНР И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЛАТФОРМЕННЫХ РЕШЕНИЙ 70

Марковский Р. Р.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ..... 75

Коневцев И. В.

АДАПТАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКОВ WENDER–UTAH RATING SCALE И ADULT ADHD SELF-REPORT SCALE ДЛЯ ДИАГНОСТИКИ СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ У ВЗРОСЛЫХ 79

Ковальчук А. А., Подорожная В. Р.

ИСКУССТВЕННАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ: ПРИЧИНЫ ПРИВЯЗАННОСТИ К ТРЕКЕРУ И КРИЗИС ПРИ ЕГО ОТКАЗЕ 88

Ковальчук А. А., Подорожная В. Р.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ ПО МЕТОДИЧЕСКОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ И ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СПОРТСМЕНОВ-СУМОИСТОВ 93

Майорова Е. А.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СТУДЕНТОВ С ОВЗ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ПЕРИОД СЕССИИ..... 98

Винтовкин Н. В., Зеленский Н. В.

МЕТОДИКА ОТБОРА И ПОДГОТОВКИ СБОРНОЙ КОМАНДЫ ВОЕННОГО ВУЗА ПО ВОЛЕЙБОЛУ НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ И СИТУАЦИОННО-ВАРИАТИВНОГО ПОДХОДА 103

Аммосова М. Н., Григорьева Ч. И.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕРЕСА У ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ 110

Литвинов В. В.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗНОВОЗРАСТНОГО ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ..... 115

Макухина А. О.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖЕЙ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО

ОРГАНИЗАЦИИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ 122

Егоров Р. А.

АНАЛИЗ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЛЫЖНЫХ ГОНКАХ НА ОСНОВЕ GPS-СПУТНИКОВОГО МОНИТОРИНГА: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ЦИКЛИЧЕСКИХ ВИДАХ СПОРТА 127

Бобок В. Е.

ШКОЛЬНЫЙ ТЕАТР КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ ПОДРОСТКОВ 133

Ушакова П. А.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КУРСА ОРКСЭ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ 137

Опарина А. С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ ЖЕНЩИН ПРИ УДАЛЕННОМ ФОРМАТЕ РАБОТЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ 142

Тащилина А. В., Тащилин М. В.

МЕТАПРЕДМЕТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДУЛЯ «ФИЗИЧЕСКАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» В ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ 148

Жук В. В.

РОЛЬ СЕМЬИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО МАРШРУТА В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ПРОБЛЕМАМИ ВНИМАНИЯ 155

Шишлова М. А.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЭКОЛОГИИ 162

Сарычева Л. В., Калашникова Н. В., Сырина Т. А.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОФИЛЕЙ НА ОСНОВЕ ЧАТ-БОТА НАЦИОНАЛЬНОГО МЕССЕНДЖЕРА MAX 166

Константинов А. Е.[1], Курбатова М. А.[2]

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ РАБОТАЮЩИХ ВЗРОСЛЫХ К МАТЕРЯМ, ВОСПИТЫВАЮЩИМ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА 170

Аманова Мерджен Ходжамырадовна, Аманмырадова Алмагуль Агамырадовна, Какгаева Огульнар Шамухаммедовна, Новрузова Марьям Надьяровна, Абдыреимова Лейла Мырадовна

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА 184

Акмаммедова Гунча Агамаммедовна, Овганова Джерен Сердаровна

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ МИКРОБИОЛОГИИ..... 192

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО..... 199

Косарева В. В., Афанасьев Г. С.

ФАКТИЧЕСКАЯ АФФИЛИРОВАННОСТЬ РОДСТВЕННИКОВ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И ПРЕДЕЛЫ ЕЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ..... 199

Косарева В. В., Афанасьев Г. С.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ 204

Воронкова Е. О.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЛЕВЕТЫ, СОВЕРШЁННОЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ..... 212

Цуцаев О. В.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА (НА ПРИМЕРЕ СТРАН КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРАВА) 216

Бухаев А. О.

СПОРТИВНЫЕ СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМИДЖА РОССИИ 221

Еникеев Р. Р., Жданова Э. В., Рубина Я. И., Исламов А. А.

ЮРИДИЧЕСКАЯ СИЛА ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ В ТРАНСПОРТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ 227

Васиян Р. И.

ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И СТРУКТУРА КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ..... 238

Степанченко С. П.

АДВОКАТСКАЯ ЗАЩИТА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ – УЧАСТНИКОВ СВО: СПЕЦИФИКА ДОКАЗЫВАНИЯ И СБОРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ 250

Керимов Э. Ф., Гаджиева Р. Г.

МИССИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ «МЯГКОЙ СИЛЫ» 254

Керимов Э. Ф.

ГЕНЕЗИС КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКЕ РФ 261

Волохова О. В.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ХОД РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ..... 268

Романченко Ж. О.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ В СПОРАХ В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 274

Васильев Г. Г.

РИСКО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭНЕРГЕТИКЕ. МОРАТОРИЙ НА ПРОВЕДЕНИЕ ПРОВЕРОК 280

Заикин Д. И.

ФОРС-МАЖОР В РОССИИ, В МИРЕ И В БРИКС. ПОСЛЕДНИЕ НОВЕЛЛЫ 286

Ветошкина Е. Д., Бузмаков Е. С.

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ПОДГОТОВКИ К СОВЕРШЕНИЮ БОЛЕЕ ТЯЖКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ 291

Крюков А. В.

АЛГОРИТМ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТАТЬЯМИ 209 И 210 УК РФ..... 296

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ 301

Поддубский Д. О.

ПРАКТИКА СБЕРЕЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ФИНАНСОВОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ..... 301

Ирхин В. С.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ ОРГАНИЗАЦИИ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ 308

Куланова А. А.

СИСТЕМА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СПБПУ ПЕТРА ВЕЛИКОГО 313

Кузнецов Д. С., Катульский Ю. Н.

ПРОБЛЕМЫ УСЛОВИЙ ТРУДА НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ МАСТЕРА ПО РЕМОНТУ ЭЛЕКТРОНИКИ И ИХ ПУТИ РЕШЕНИЯ 326

Жорняк Т. В.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕКЛАМНОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ЧАСТНОЙ СТОМАТОЛОГИИ 331

Васильева Л. А., Оденцова А. А.

ЭФФЕКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ НА ПРИМЕРЕ «ОБЩЕСТВЕННОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ ПРИМОРЬЯ» 336

Пальянов Д. С.

МЕХАНИЗМЫ ДИВЕРСИФИКАЦИИ МОНОГОРОДОВ ЧЕРЕЗ ПОДДЕРЖКУ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО МСП, ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ 344

Babamyradova Mahrem

THE STRUCTURAL TRANSFORMATION OF NATIONAL ECONOMIES UNDER DIGITAL PLATFORM DOMINANCE: A COMPARATIVE ANALYSIS OF EMERGING AND DEVELOPED MARKETS 349

Babamyradova Mahrem

GLOBAL VALUE CHAIN RECONFIGURATION IN THE POST-PANDEMIC INTERNATIONAL BUSINESS ENVIRONMENT 357

ОГЛАВЛЕНИЕ 365